

Наследие Чокана Валиханова: синтез евразийских культур

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова

Институт стран Азии и Африки

Кафедра стран Центральной Азии и Кавказа

Наследие Чокана Валиханова: синтез евразийских культур

Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 185-летию со дня рождения Чокана Валиханова

Москва 2021

ББК 63.3-7(2)
Н31

Редакционная коллегия:
Б. Г. Аяган, д-р. ист. наук;
А. А. Ганич, канд. ист. наук;
И. В. Зайцев, д-р ист. наук;
А. Ш. Кадырбаев, д-р ист. наук.

Ответственные редакторы:
Е. А. Абиль, д-р ист. наук;
О. П. Кобзева, д-р ист. наук;
Ж. С. Сыздыкова. д-р ист. наук.

Н31 **Наследие Чокана Валиханова: синтез евразийских культур**. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 185-летию со дня рождения Чокана Валиханова/ Мос. гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки/ отв. ред. Е.А. Абиль, О. П. Кобзева, Ж. С. Сыздыкова. — М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2021. — 233 с. — Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-907410-14-5

В данном сборнике представлены материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 185-летию со дня рождения Чокана Валиханова, проведенной (онлайн) кафедрой стран Центральной Азии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В.Ломоносова совместно с Институтом истории государства Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан 24 ноября 2020 г.

Рекамендовано к печати на заседании кафедры
стран Центральной Азии и Кавказа 25. 01. 2021.

ISBN 978-5-907410-14-5 ©ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, 2021

Р. Ж. Абдильдина,
д. философ. н.,
зам. директора Казахстанского
Филиала МГУ имени М. В. Ломоносова.
(г. Нур-Султан, Казахстан)

Ч. ВАЛИХАНОВ О РОЛИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ИСТОРИИ НАРОДА

Чокан Валиханов, отмечая огромное значение традиционной духовной культуры в жизни казахского народа, дал ей очень высокую оценку. Он ценил казахские песни, музыку, предания, пословицы, поговорки, особо выделял казахские эпосы, песни жырау, сказки, шежире, считал все эти виды устной народной культуры чрезвычайно важными и ценными.

Ч. Валиханов известен как неутомимый собиратель и вдумчивый исследователь фольклорных произведений и поэзии казахского народа. В трудах «Предания Большой киргиз-кайсацкой орды», «Исторические предания о батырах XVIII века», «Древности», «Язык», «Самородная словесность», «Формы казахской народной поэзии» ученый приводит и исследует множество народных поэм, сказок, легенд, преданий. «Народ наш имеет богатую и не лишенную поэтических достоинств замечательную литературу, более близкую к индогерманскому эпосу, чем к восточным произведениям этого рода. Наконец, что всего важнее, формы нашего общественного развития находятся в том самом безыскусственном периоде, когда они представляют наибольшую аналогию с результатами высшего, культурного развития», — писал ученый. [1, 81]

В этой связи следует понимать, что Ч. Валиханов не просто любил народную культуру, народное творчество и бережно к ним относился, не просто высоко их оценивал, ученый собирал этнографические материалы, записывал предания, эпосы не из одной лишь любви к фольклору. Казахский мыслитель осознавал колоссальную важность и ценность традиционной народной культуры для понимания истории народа, для развития его самосознания, так, как только на основе освоения своей духовной культуры, своего исторического бытия отдельный человек и народ в целом могут стать по-настоящему живыми, творческими, конкретными. Поэтому к изучению фольклора, народного творчества необходимо подходить диалектически, как это делал сам Ч. Валиханов, избирая то, что представляет истинную ценность с точки зрения формирования человека, народа в целом, развития его самосознания.

Ученый был убежден, что в условиях, когда не существовало науки, философии, народная культура, а также традиционная религия помогали людям выжить, решать насущные проблемы бытия. Традиционный казах осмысливал окружающую его жизнь, отношения человека к человеку именно посредством этой культуры, элементов фольклора. Ч. Валиханов считал, что все важнейшие принципы и ценности человеческой нравственности — патриотизм, честь, человечность, совесть, справедливость, — а также эстетические, космологические

представления казахи осмысливали и осваивали при помощи своей традиционной культуры.

О внимательном отношении Ч. Валиханова к фольклору казахского народа, его эпосам, сказаниям, высокой оценке ученым традиционной культуры казахов свидетельствуют его дневниковые записи. Когда он в составе делегации совершал поездку в Кульджу, исследователь планировал по дороге посетить могилы героев древнего казахского эпоса Козы-Корпеша и Баян-сулу. Ч. Валиханов пишет, что хотел бы туда попасть днем, в ясную погоду, чтобы проникнуться ощущениями эпических событий, оценить архитектурную значимость памятника, но, к сожалению, из-за ненастья ему не удалось этого сделать. Тем не менее, именно Ч. Валиханову принадлежит один из первых письменных вариантов записи древней поэмы о трагической любви. Все это говорит о том, насколько внимательно казахский ученый относился к фольклору народа, ценил его воспитательное значение, его эстетическую и нравственную ценность.

Ч. Валиханов отмечает, что казахи из всех тюркских народов отличаются своими необыкновенными поэтическими способностями. Склонность к поэзии, к импровизации отличает вообще все кочевые народы. «Влияние ли беззаботной кочевой жизни или постоянное созерцание природы, всегда открытого звездного неба и беспредельных и зеленых степей были причиною к поэтическому и умозрительному расположению духа этих степных кочевников — нам нет нужды знать: решение этого вопроса предоставляем ученым, наблюдающим природу, ее влияние на человека и следствия этого влияния». [2, 304]

Народная поэзия казахов, подчеркивает ученый, это верный очерк их жизни, понятий и отношения к своему обществу. «В историческом отношении поэтический дух народа замечателен: первое, потому, что через удивительную память импровизаторов все древние поэмы, воспевающие подвиги героев, многие из них, по древности языка, по многим словам, непонятным для нового поколения, и по историческим известиям о своих героях, принадлежащие ко времени Золотой орды, сохранились для нас без искажения; второе, что импровизаторы, жившие в разные времена, обессмертили в памяти народа замечательные происшествия своей эпохи так, что все они в совокупности составляют нечто целое; третье, все эти поэмы в совокупности с обычаями, пословицами, поговорками, и с их кодексом прав народных, составляя полную картину прошедшей исторической и духовной жизни народа, дают нам возможность к пополнению исторических данных и к определению их происхождения. Изумительно, с какою свежестью сохранили киргизы свои древние предания и поверия, и еще изумительнее, что во всех отдаленнейших концах степи, особенно стихотворные саги, передаются одинаково и при сличении были буквально тождественны, как списки одной рукописи. Как ни странна кажется подобная невероятная точность изустных источников кочевой, безграмотной орды, тем не менее это действительный факт, не подлежащий сомнению». [2, 304–305]

Мы намеренно привели эту обширную цитату, поскольку в ней сконцентрирована, систематизирована и выражена главная мысль Ч. Ч. Валиханова как ученого — исследователя сущности и смысла народной культуры, ее ценности и значения для понимания жизни человека и народа.

Таким образом, традиционная, народная духовная культура, по убеждению Ч. Валиханова, имеет большое значение как исторический источник. Ученый обосновал важное методологическое значение фольклора для исследования истории кочевых народов: «Главным источником для истории народов кочевых и вообще племен, не имеющих письмен, были и будут полубаснословные их легенды и отрывки известий из летописей цивилизованных народов, с которыми они имели столкновения». [3, 49] И далее: «Предания киргиз занимают почетное место по своей чрезвычайной простоте, ясности и по отсутствию сверхъестественного и баснословного и во многом подтверждаются известиями Абульгази и особенно Джами'ат-таварих, которая замечательна уже тем, что написана киргиз-кайсаком». [4, 157]

Ч. Валиханов, высоко оценивая живость, образность, глубочайшую мудрость народных преданий, в то же время отмечал, что ни одно историческое сведение, ни один значительный исторический факт, событие не выпали из поля зрения казахских акынов, жырау. Все самые знаковые исторические события в жизни народа были зафиксированы, получили отражение и осмысление в творчестве казахских мастеров слова, и благодаря этому они имеют не только глубокий нравственный, интеллектуальный, эстетический смысл, но и важное значение как исторические факты и источники.

Ч. Валиханов называет казахские эпосы, жыры, дастаны рапсодиями. Отмечает, что все степные жыры исполняются речитативом под аккомпанемент кобыза. Предметами изображения в жырах выступают жизнь и подвиги известных в древности народных героев.

Благодаря сохранившейся устной традиции казахов, отмечает ученый, есть возможность изучать историю с позиции самого народа, знакомиться с его представлениями о выдающихся личностях, батырах, ханах. В казахских исторических дастанах (тарихи жырлар), героических дастанах (батырлық жырлар), шежире (генеалогия), преданиях и песнях-жырау, исторических песнях (тарихи өлең) описаны события XV–XIX веков. Это дастаны и песни, сложенные в честь ханов Абылая, Кенесары, батыров Бекета, Исатая, Махамбета и многих других выдающихся сынов казахского народа.

Продолжают фольклорные традиции богатырские эпосы: «Қорқыт-Ата», «Едіге», «Қобланды-батыр», «Алпамыс-батыр», «Қозы-Көрпеш и Баян-сұлу», «Қамбар-батыр» и другие. Они рассказывают о событиях XIV–XVII веков, с большой долей достоверности воспевают те или иные исторические события. Эпос отражает национальное прошлое так, как оно отложилось в памяти самого народа. В нем отобразились подробности общественных и бытовых отношений людей, народных обычаев, верований и идеалов.

В исторических дастанах (тарихи жырлар) описываются взаимоотношения казахов с соседними народами — войны, союзные отношения, родоплеменной состав жителей, вынужденные перекочевки. Исторические дастаны в основном касаются событий XVII–XVIII веков, то есть времени правления хана Тауке, закона «Жеті жарғы», джунгаро-калмыкских войн, истории Толе-би, ханов Жанибека, Касыма, Абулмамбета, Абылая, героических деяний батыров Каракерея, Кабанбая и других.

Такие уникальные казахские дастаны, как «Абылай-хан», «Кенесары», «Исатай — Махамбет», «Бекет-батыр», «Олжабай-батыр», «Жабай-батыр», «Қарасай-батыр», «Қабанбай-батыр», «Өтеген-батыр», «Арқалық-батыр», «Қалмақ қырылған», «Аңырақай соғысы» и многие другие описывают времена великих потрясений, например, джунгарского нашествия, оставшегося в памяти народа как время «ақтабан шұбырынды, алқакөл сұлама».

Большая часть историко-эпических дастанов посвящена выдающимся личностям. В первую очередь хану Абылаю, его батырам, биям, шешенам: «Абылай-хан», «Абылай туралы жыр», «Калдан Серен Абылайды тұтқынға алғаны», «Сабалақ — Абылай-хан», «Баян-батыр». В них освещаются события прошлого. Согласно эпическому жанру, прошлое идеализируется, а главные герои с мужеством и героизмом отражают натиск чужеземных завоевателей.

Исследуя казахское народное творчество, казахский мыслитель отмечал: «Нет ни одного достопамятного события, ни одного замечательного человека со времени самобытной жизни этого народа, воспоминание о котором не осталось бы в народной памяти». [4, 157]

В своей статье «О формах казахской народной поэзии» Ч. Валиханов анализирует несколько казахских джиров (жыров), среди которых особо выделяет жыр «Едіге», который по описываемым событиям относит к концу XIV века, а время его составления — к началу XV веку. Ученый подчеркивает, что это доказывается многими старинными словами и речевыми оборотами, которые уже вышли из употребления в казахском языке. Примечательно, что во всем эпосе нет заимствованных персидских и арабских слов, которые стали характерны уже для современного Валиханову казахского языка, и это ученый справедливо связывает с распространением и влиянием мусульманской религии.

Эта особенность жыра «Едіге» связана с тем, что он относится к ногайским временам. Предания этого времени, как отмечает ученый, важны в том отношении, что они представляют состав и формирование народа. Из генеалогических таблиц казахов, узбеков и ногайцев видно, что это союз разных тюркских и монгольских племен, образовавшийся после падения Золотой и Джагатайской Орды.

Как замечает Ч. Валиханов: «Под ногаями первоначально разумелись в Средней Азии все кочевые племена тюркского и монгольского происхождения, говорившие татарским языком, как калмыками назывались кочевники, говорившие по-монгольски. <…> У кайсаков, узбеков и ногайцев, производящих себя от Золотой и Джагатайской орд, сохранилось несколько поэтических саг об ордынских героях: Эдиге, Ир-Кокче, Ураке, Чоре и проч. Лица эти исторические». [5, 349]

Едиге был одним из военачальников Тамерлана, темником в Золотой Орде при Тимур-Кутлуке и известен в истории победой над Витовтом в битве при Ворскле — состоявшемся 12 августа 1399 года знаменитом сражении между объединенным войском Великого княжества Литовского, его русскими, польскими и немецкими союзниками под командованием князя Витовта с одной стороны и войсками Золотой Орды под командованием хана Тимура-Кутлука и эмира Едигея — с другой.

В жыре «Орақ-батыр» повествуется о похождениях Урак-батыра, который, отправившись в набег на Русь, был взят русскими плен и содержался в тюрьме десять лет, потом женился на Руси, прижил детей, но соскучился по родному аулу и вернулся в степь.

Таким образом, особая близость казахов и ногайцев проявляется в сходстве и даже тождестве их устных преданий, героического эпоса, легенд. Как мы уже упоминали, такими общими были дастаны об Едиге, Тохтамыше, Ер-Кокше, Ер-Косае, Ер-Таргыне, Кобланды-батыре, Камбар-батыре, Шора-батыре и другие, поскольку основу этих героических сказаний составили деяния вполне реальных исторических деятелей.

«Эти саги, — отмечает Ч. Валиханов, — показывают, в какой степени наши кочевники дорожат стариной и как умеют ее сохранять». [5, 349]

Ученый отмечает, что жыры в XIX в. стали уже устаревшей формой поэзии в степи. И далее исследователь дает определения нескольким современным, с его точки зрения, формам поэзии.

Джилав (жылау) — надгробная песнь, импровизируемая женщинами. Среди жылау, как один из самых трогательных, исследователь выделяет плач Айганым Валиевой о смерти ее старшего сына Мамеке.

Каим (қайым) — определяется Ч. Валихановым как песня, исполняемая на свадьбах и состоящая из вопросов и ответов между молодыми людьми и девушками; вопросы и ответы в форме четверостиший заключают в себе загадки, эпиграммы, шуточную брань.

Кара-улен (қара-өлең) — это обыкновенная песня, состоящая из четверостиший, заключающих в себе отдельную идею. Эти песни, как отмечает ученый, поются более для демонстрации голоса, а потому не имеют особого смысла.

И наконец, улен (өлең) — эта форма используется всеми новейшими поэтами как для импровизации, так и для поэм. Песня-олен вошла в употребление, с сожалением констатирует Ч. Валиханов, недавно, не более пятидесяти лет назад, с проникновением в степь тобольских и казанских татар, и формы татарской поэзии стали преобладать над первобытной формой героического жыра, полного гармонии и смысла. [6, 283]

В памяти народной люди и события остаются также благодаря шежире — родословию казахов, истории казахских родов. Шежире — это не просто перечисление имен от дальнего предка к последующим поколениям, но и описание важнейших событий, относящихся к их эпохе. Потому шежреши — знатоки генеалогии рода, племен и даже целого народа пользовались большой любовью и уважением казахов. Чтобы определить степень родства некоторых родов, шежреши в течение несколько дней могли пересказывать генеалогию и предания, связанные с родословной. Из рассказов и преданий, приводимых в шежире, можно почерпнуть сведения о событиях кочевой жизни казахов XVII–XVIII веков, о расположении кочевий казахских родов, об их взаимоотношениях с соседними народами, войнах с внешними врагами, внутриродовых столкновениях.

Знать наизусть генеалогию своего рода считалось долгом и честью для каждого казаха. Поэтому дети с малых лет заучивали генеалогию рода, историю предков. Ч. Валиханов в статье «Киргизское родословие» посвятил немало места

знатоку шежире XVIII века — акыну Шал Кулекеулы, который изложил в стихах генеалогию казахов. Подчеркивая значение шежире как важнейшего исторического источника, Валиханов писал: «Из преданий о происхождении киргиз замечателен джир ахуна из племени аргын, из рода атыгай и поколения худайберды и отделения его баембет-чала, современника прадеда моего, хана Аблая. <...> Говорят, что Чал в своем джире собрал все народные сказания, относящиеся до происхождения киргиз, и составил полную генеалогию ханов, родоначальников и племен, происшедших от Алача (разумеется весь народ) включительно до Худайберды-батыра, одного из 12 сыновей Даута, родоначальника 12 поколений атыгеевского рода». [4, 158]

Генеалогические предания, как отмечает Ч. Валиханов, это бесценное культурное и духовное наследие казахского народа. Так, основываясь на народных преданиях, ученый говорит о том, что, в отличие от полуоседлых племен, ногай было общее название степных кочевых татар. «Время управления Джанибека, когда две родные орды ногаев и казахов жили вместе, воспевается в киргизских поэмах как золотой век». [4, 165]

С древности считалось, что главной функцией шежире является определение родственных связей при женитьбе и сватовстве, при объединении против общего врага, при избрании родоначальников. Именно в шежире содержались исторические предания, песни, сведения о политических и культурных событиях и деяниях исторических личностей, этнографические данные. Казахские шежире обычно начинаются с преданий о легендарном предке казахов — хане Алаша.

Народное название казахов «алаш» и собственно наименование «казах» Ч. Валиханов связывает с историей Младшего жуза. Интерпретация понятия «Младший жуз», по мнению ученого, предоставляет возможность понять исходное значение, смысл слов «младший», «средний», «старший» применительно к жузам. Ч. Валиханов предполагал, что Младший жуз получил свое название потому, что по древнему монголо-тюркскому праву по наследию от родителей обязанность сохранять отцовский юрт передавалось младшему сыну, следовательно, здесь, на западе, первоначально возникает казахский союз, казахская государственность. Он пишет: «Собственно прямыми потомками первых казачествующих батыров, давших первичную самобытную жизнь союзу их, почитают Меньшую орду». [4, 165]

И, несмотря на устную передачу в продолжение многих лет и поколений, все древние предания, благодаря искусству и памяти импровизаторов и любви народа к преданиям, жырам, песням, сохранились до сих пор. О казахах, заключает ученый, можно сказать, что они сохранившийся остаток «древней татарщины», со всеми их поверьями, обычаями и умственными достоинствами — огромным запасом исторических преданий, песен, кодексом народных прав.

Ч. Валиханов очень большое значение придавал фольклору не только казахского, но также киргизского народа. В путешествии, экспедиционной поездке на Иссык-Куль он изучал эпосы и предания киргизов. В «Очерке Джунгарии», «Записке о киргизах» он подробно, с глубоким знанием описывает особенности киргизского фольклора.

Ч. Валиханов исследует народные предания киргизов, памятники устной словесности, в которых лучше всего выражается характер народного быта и нравов. Изучая народную культуру дикокаменных киргизов, ученый отмечает: «Любовь к старине и богатство преданий составляют особое достояние кочевых народов Северной и Средней Азии. Предания эти сохраняются свято или в виде родовых воспоминаний в памяти старейшин, как например юридические предания и генеалогические, или в форме эпоса передаются из рода в род особенным сословием певцов». [5, 347]

К первой группе народных сказаний Ч. Валиханов относит предания о царевне Гульмалике — родоначальнице Чингисхана, распространенные среди тюркских народов, или предания дикокаменных киргиз о своем происхождении от красной борзой собаки и от некой царевны и сорока ее подруг, которые также имеют чрезвычайно древний характер. Киргизы этимологию названия народа «кыргыз» прослеживают от выражения «кырык кыз» — сорок девушек.

Среди следующей группы преданий, как отмечает ученый, особо выделяются генеалогические предания, на которых основан родовой быт. Отношения родов между собой, говорит исследователь, обуславливаются степенью родства родоначальников. Старшинство одного племени перед другим выражаются правом физического первородства предка. Генеалогические предания важны в том отношении, что они представляют состав и формирование народа.

Третий вид преданий составляют ногайские былины — джиры, относящиеся к концу XIV века, к XV и к XVI векам. Они имеют эпический характер и поются рифмованными стихами и потому принадлежат к области народной устной литературы. «Они замечательны, — отмечает ученый, — как выражения народного духа, понятий, обычаев, нравов, образа жизни, замечательны также в филологическом отношении и не лишены исторического интереса». [5, 349]

Ч. Валиханов отмечает, что, по сравнению с чрезвычайно впечатлительными и наделенными от природы живым умом киргиз-кайсаками, которые отличаются любовью к песням и музыке и у которых в каждом роде есть импровизаторы, воспевающие подвиги султанов и старину, много героических эпосов, легенд и сказок, у дикокаменных киргиз песни совершенно не в употреблении, только их эпосы из времен Золотой Орды сходны с киргиз-кайсацкими. [3, 70–71]

Анализируя особенности самобытной народной культуры дикокаменных киргизов, ученый говорит, что единственный памятник умственного развития народа составляют устные эпические сказания в прозаической и стихотворной формах.

Роды народной поэзии исследователь подразделяет на сказки (джумок) и предания о происхождении народа и о замечательных случаях из жизни знаменитых родоначальников и на эпические рассказы о войнах племен, о подвигах богатырей.

«Сказки большею частью касаются мира духов и отношения его к миру действительному. Великаны (алпы), людоеды (ялмауз) и злые ведьмы (яланкыч) враждуют с человеком, который всегда выходит победителем». [3, 69]

Герой сказки, как справедливо замечает Валиханов, обыкновенно единственный сын какого-нибудь хана или богача, он растет не по дням, а по часам, имеет к тому же чудесного коня, который в ходе повествования из годовалого жеребенка превращается в прекрасного скакуна, способного говорить человеческим языком. Как правило, молодой богатырь с жестокостью оставляет престарелых родителей и отправляется искать приключения. В сказках, подчеркивает ученый, всегда используются известные выражения и прибаутки.

Историческим преданиям тоже не чужда фантастичность. Они передаются из рода в род, из века в век, это семейные предания.

Второй род народной поэзии, эпические рассказы о войнах племен, о подвигах богатырей — это род поэм или героических саг. Среди них нужно отличать собственно народные и заимствованные от кайсаков.

Нет сомнения, пишет Ч. Валиханов, что главным и едва ли не единственным произведением народного гения дикокаменных киргиз в стихотворной форме является сага «Манас» — выдающийся памятник киргизской народной культуры. «Поэма “Манас” как по языку, так и по характеру есть произведение их народного ума». [3, 71]

«Манас» — единственный эпос у дикокаменных киргиз, принадлежащий к ногайской эпохе. Ч. Валиханов не только изучил и высоко оценил это эпическое произведение, сделал его первую научную запись, сопроводил его историко-литературным анализом, он также перевел на русский язык часть эпоса под названием «Смерть Кукотай-хана и его поминки», показав его художественную и этическую ценность. Ч. Ч. Валиханов был одним из первых исследователей, кто обратил внимание на высокие достоинства героической поэмы «Манас».

Ч. Валиханов кратко излагает содержание поэмы, в которой рассказывается о сыне Якуб-бая, чудесном богатыре Манасе, который рос не по годам, а по часам и к шестнадцати годам сделался батыром. Вся поэма посвящена описанию подвигов батыра, связанных с поиском самых прекрасных красавиц. В результате к концу поэмы у него в гареме собирается до ста царевен самых разных национальностей.

На знаменитой тризне по ногайскому хану Кукотай-хану началась война, в результате которой Манас убивает монгольского хана Джулая и китайского богатыря Конурбая. Впоследствии сам Манас погибает от руки монгольского хана Наз-Кары. Мщение сына Манаса — Самятея за смерть отца составляет содержание второй части киргизской эпопеи, киргизской «Одиссеи».

Ученый отмечает, чем удивительна поэма «Манас» — она замечательна в отношении языка и по чрезвычайно правильной географии описываемых местностей. В отношении историческом она любопытна как картина прежних нравов и понятий дикокаменных киргизов, по упоминанию в ней разных народов, обитавших от Таласа до Или и до Кашгара.

В «Манасе» на Таласе и Чу кочуют ногайцы, в Анджане — дикокаменные киргизы, по Сары-су — кайсаки, на Или же и озере Иссык-Куль кочуют калмыки. В набегах на калмыков сталкиваются все народности, но отношения ногайцев, киргиз и кайсаков дружественны.

Ч. Валиханов считал «Манас» «национальной святыней киргизского народа. Этот эпос в оценке ученого «есть энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведенное к одному времени и сгруппированное около одного лица — богатыря Манаса. Это нечто вроде степной Илиады. Образ жизни, обычаи, нравы, география, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения их нашли себе выражение в этой огромной эпопее». [5, 349–350]

Другой великий сын казахского народа — М. О. Ауэзов отстоял эпос «Манас» в 50-х годах XX столетия, когда грандиозный шедевр киргизского народа пытались обвинить в антинародности, навесив на него ярлык феодальной поэзии. По воспоминаниям Ч. Айтматова, в своем двухчасовом выступлении Ауэзов нашел те единственные слова, которые переубедили партийное руководство. Защищая эпос, он доказывал, что это величайшее произведение устного народного творчества, равного которому нет в мире. И что будет преступлением против человечества вычеркнуть его из памяти народа.

Ч. Валиханов интересовался также народной культурой кашгарцев — музыкой, фольклором, эпосами — при посещении Алтышара — Шестиградья. Он очень сожалел, что у кашгарцев, уйгуров, при наличии прекрасных песен, выразительных танцев, чудесной музыки, почти отсутствуют эпосы, богатый фольклор. Это явление ученый объяснял сильным распространением и давлением мусульманской религии в Восточном Туркестане.

Работы Ч. Валиханова, посвященные изучению народного творчества, народной духовной словесности, такие, как «Родословие киргизов», «Формы народной поэзии», «Очерки Джунгарии», «Записки о киргизах», «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды» и многие другие, открыли всему миру тюркскую народную культуру и получили высокую оценку мирового востоковедения.

Список литературы и источников:

1. Валиханов Ч. Ч. Записка о судебной реформе / *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985. — Т. 4.

2. Заметки по истории южносибирских племен / *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985. — Т. 1.

3. Записки о киргизах / *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985. — Т. 2.

4. Киргизское родословие / *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985. — Т. 2.

5. Очерки Джунгарии / *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985. — Т. 3. — С. 349.

6. О формах казахской народной поэзии / *Валиханов Ч. Ч.* Сочинения в пяти томах Алма-Ата, 1985. — Т. 1.

© Абдильдина Р.Ж., 2021

К. К. Абдрахманова,
к.и.н., доц.
Карагандинский университета
имени академика Е.А. Букетова,
(г. Караганда, Кзахстан)

ПАМЯТЬ О ЧОКАНЕ ВАЛИХАНОВЕ

Выдающийся ученый-просветитель, отважный путешественник, художник, фольклорист, этнограф, публицист, человек необычной эрудиции и «взглядов истинно гуманных» таким сохранился Чокан Чингисович Валиханов в памяти современников, таким он вошел в историю Казахстана. В эти дни исполнилось 185 лет со дня рождения великого сына казахского народа.

О его насыщенной, но, к сожалению, очень короткой биографии написано немало книг. Данный доклад посвящаю памяти, которую мы сегодня сохранили об этом замечательном и гениальном человеке. Память, благодаря чему современное поколение молодежи будет знать и помнить о Чокане Валиханове. В этом аспекте можно выделить несколько направлений: образ Ч. Валиханова в художественных и документальных фильмах, а также мемориальные сооружения и памятники о нем.

Нередко, для нас всех, образ Ч. Валиханова воспринимался нами через актеров художественных кинофильмов — его манера поведения, взгляд, мимика.

В 1957 г. Алма-Атинской киностудией художественных и хроникальных фильмов и советской киностудией Ленфильм режиссером Мажитом Бегалиным был снят черно-белый, двухчасовой художественный фильм под названием «Его время придет». Фильм был посвящен жизни и деятельности великого просветителя XIX в. Чокана Валиханова. Главным сценаристам Сергею Ермолинскому и Михаилу Блейману удалось отобразить на экране самые трагичные и интересные события в его жизни: учеба в Омске, поездка в Кашгар, утверждение в научных кругах Петербурга и т. д. Главную роль Чокана Валиханова сыграл молодой советский актер Нурмухан Жантурин (он же играл главную роль в фильме «Султан Бейбарыс»). [3]

К 150-летию со дня рождения Ч. Валиханова в 1984 г. на киностудии «Казахфильм» был снят многосерийный историко-биографический художественный фильм «Чокан Валиханов». Премьера фильма состоялась в ноябре 1985 г. Режиссёры фильма были Асанали Ашимов и Цой Гук Ин. Главную роль Ч. Валиханова сыграл сын Асанали Ашимова Саги Ашимов. Сериал позволил раскрыть подробности из жизни Ч. Валиханова. В частности, после получения должности адъютанта генерал-губернатора Западной Сибири ему удалось смягчить участь бывших петрашевцев — Сергея Дурова и Федора Достоевского. Он сумел вызволить из казармы и направить на учебу в Петербург своего друга — будущего ученого-востоковеда Григория Потанина. Нельзя не отметить сюжеты, связанные с путешествием на Иссык-Куль, Кульджу, и конечно, Кашгар. Фильм подробно отра-

жает переживания и мысли Ч. Валиханова, связанные с его утверждением в научных кругах Петербурга, его дружбу с передовыми и известными учеными и писателями. [16]

В советское время так же о Ч. Валиханове были сняты и документальные фильмы. В частности, в 1976 г. киностудией Казахфильм впервые был снят документальный фильм под названием «Чокан: штрихи к портрету». Режиссером данного фильма была М. Ускембаева, научным консультантом — академик А. Х. Маргулан, благодаря которому в 1961–1972 годах было опубликовано собрание сочинений Ч. Валиханова в пяти томах. [13] Аналогичный фильм будет снят в 1983 г. с режиссером Георгием Емельяновым на киностудии «Казахфильм».

На протяжении 1990-х гг., к сожалению, фильмы о Чокане Валиханове не снимались. Лишь только с начала 2000-х гг. режиссеры начали снимать документальные фильмы. А именно, в 2006 г. режиссером Игорем Гонопольским был снят документальный фильм «Последний принц», посвященный Ч. Валиханову. [11]

В 2013 г. режиссером Галиной Григорьевой был снят документальный фильм под названием «Алаш алыптары. Шоқан Уәлиханов» (на казахском языке). Этот фильм был снят Телеканалом «Казахстан» совместно с Inter Cinema TV Service по заказу Комитета информации и архива Министерства культуры и информации Республики Казахстан. Фильм повествует о жизни и деятельности Чокана Уалиханова и состоит из трех основных блоков, которые охватывают ключевые периоды его жизни. А именно — путешествие в Кашгар, жизнь и деятельность в Санкт-Петербурге и возвращение на Родину. [1]

Творчеством и жизнью ученого Ч. Валиханова интересовались не только отечественные режиссеры, но и российские. В 2014 г. режиссером Н. Тележинской был снят фильм «От Омска до Кашгара. Дороги Чокана Валиханова». [8] В 2015 г. российским режиссером Александром Замысловым был снят документальный фильм «Чокан Валиханов» из цикла «Люди истории» о жизни и деятельности казахского великого ученого Ч. Валиханове. В фильме режиссер приводит интервью, взятое у китаеведа Клары Хафизовой, американского антрополога Пола Тэлора, у Асанали Ашимова, который рассказал об истории съемках фильма о Ч. Валиханове 1984 г. [14]

В 2018 г. молодые казахстанские режиссеры Толеген Байтукенов и Даурен Меркеев сняли документальный фильм «Шокан Уалиханов». Фильм отслеживает путь становления Ч. Валиханова с момента рождения до его последних дней жизни. Авторы фильма в мельчайших подробностях рассказывают о ключевых событиях в жизни известного казахского исследователя, путешественника и этнографа с точки зрения обычного человека. Авторы фильма проводили съемки в п. Сырымбет (Северо-Казахстанская область, усадьба бабушки Айганым, где он провел детство), в г. Омске, в г. Санкт-Петербурге, на Иссык-куле, в г. Алмате — буквально по следам Чокана Валиханова. В фильме были привлечены ведущие историки: д. и. н., профессор ОмГУ имени Ф. М. Достоевского Ю. Сорокин, д. и. н., профессор Казахстанского филиала МГУ имени Ломоносова Ж. Ермекбай, историки Кыргызстана и др. В фильме приводятся оригиналы рукописей

и зарисовок самого Ч. Валиханова, взятые из фонда Института восточных рукописей в г. Санкт-Петербурге. [15]

Таким образом, не смотря на наличие имеющихся художественных и документальных фильмов, настало время снять современный художественный фильм об этом гениальном человеке. С 1980-х гг. в области чокановедения произошли существенные сдвиги, были открыты новые факты о его жизни, которые требуют новой трактовки и оценки.

Следующим большим комплексом в изучении и сохранении памяти о Ч. Валиханове являются мемориальные сооружения и памятники, которые позволяют нам не только сохранить, но и передать историю о нем последующему поколению.

Самая первая памятное сооружение — это мазар из жженого кирпича, которые был поставлен после смерти Ч. Валиханова на месте его захоронения. Могила путешественника находится в 2 км от села Шанханай (до 1990-х годов село называлось Шокан) Кербулакского района Алматинской области. Дело в том, что в последний год своей жизни он принял участие в походе полковника Михаила Черняева против Кокандского ханства, но был возмущён действиями армии в отношении мирного населения, подал в отставку и уехал зимовать в аул в горах Алтын-Эмеля.

В 1867 году мазар увидел генерал-губернатор области Константин фон Кауфман и возмутился, что за его заслуги был поставлен очень скромный памятник. Из казны выделили деньги и сделали мавзолей в виде часовни. Однако, часовня была построена из некачественного строительного материала и вскоре развалилась. Как выглядела часовня мы сможем понять только по рисунку, которому в свое время нарисовал друг Валиханова со школьной скамьи Григорий Потанин. Сохранилась надгробная плита, которая была установлена спустя 10 лет генерал-лейтенантом Г. А. Колпаковским. Надпись на плите была высечена на русском и казахском языках: «Здесь покоится прах штабс-ротмистра Чокана Чингисовича Валиханова, скончавшегося в 1865 году. По желанию Туркестанского генерал-губернатора Кауфмана I, во внимание ученых заслуг Валиханова, положен сей памятник генерал-лейтенантом Колпаковским в 1881». [12] Оригинальная могильная плита сейчас хранится в музее, на могиле её копия.

Со временем памятник сильно разрушился. И только в 1958 г. благодаря Д. Кунаеву был установлен новый памятник. В своих воспоминаниях Динмухамед Кунаев писал: «Возвращаясь из Панфилова, посетили могилу Чокана Валиханова. Осмотрел её, приняли решение о сооружении надгробного памятника Чокану в урочище Алтын-Эмель, где он похоронен. В кратчайшие сроки был составлен проект. Было отпущено на строительство памятника 240 тысяч рублей. Памятник был сооружён в 1958 году». [4, 58] По замыслу авторов, надгробие завершается полукружием глобуса, символизирующем путешествия.

В 1985 г. к 150-летию Чокана Валиханова в самом центре села Шанханай (Шокан) Кербулакского района Алматинской области был открыт мемориальный музей Чокана Валиханова «Алтын-Эмель». Уникальное здание музея построено по проекту архитекторов С. Рустамбекова, Б. Ибраева и А. Сейдалина. В архитектуре здания с фасадом из розового известняка ярко видны казахские

национальные традиции. Рядом с музеем установлен памятник Чокану Валиханову. [7]

В 1985 г. в Айыртауском районе, с. Сырымбет Северо-Казахстанской области был открыт Сырымбетский историко-этнографический музей имени Ш. Уалиханова. Со слов директора музея У. К. Кулбаева строительство музея было начато еще в 1824 г. В течении времени музей не раз подвергался разрушению и восстановлению. В музее собран материал о жизнедеятельности Чокана Валиханова, его родственниках, о материальной, духовной культуре, традициях и обрядах казахского народа.

Родовое поместье, или усадьба бабушки выдающегося ученого Чокана Валиханова Айганым, расположенное в 4 км. Юго-восточнее населённого пункта с. Сырымбет, было открыто после восстановления в 1993 г. На его открытии приехали президент Н. Назарбаев, а также президенты Кыргызстана и Узбекистана А. Акаев и И. Каримов. «Усадьба Сырымбет» памятник деревянной архитектуры XIX века. Архитектурный облик усадьбы формировался постепенно. В нее входит жилой дом, мечеть, медресе, хозяйственные постройки, баня ограждѐнные деревянным забором. Общее количество экспонатов — 6980, из которых 1300 предметов размещено в экспозиционных залах. [5]

На территории Российской Федерации в г.Омске в 2004 г. был установлен бронзовый памятник Чокану Валиханову. Он был подарен президентом Казахстана Н. Назарбаевым и установлен на улице Чокана Валиханова у здания консульства, где раньше стоял закладной камень. Памятник Чокану Валиханову был изготовлен в Петропавловске. Его автор — казахский скульптор Азамат Баярлин. На постаменте из красного мрамора надпись: «Дар Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева городу Омску. 2004 год». [6, 108]

Также памятники в честь Ч. Валиханова имеются на территории Казахстана. В 1969 г. в г. Алматы на улице имени Валиханова перед зданием Академии наук Казахстана был установлен монумент. Скульптура Валиханова выполнена из бронзы и создана по модели скульптора Х. Е. Наурзбаева. Памятник установлен на постамент, архитектором которого выступил Ш. Е. Валиханов. [9]

Очень красив и величествен памятник Чокану Валиханову был установлен в 1971 г. в городе Кокшетау. На высоком постаменте Чокан предстаёт стремительным, порывистым как в жизни, сжимающим в руке свиток рукописей. Высота фигуры из бронзы, отлитой в Ленинграде, 5 метров, общая высота памятника более 9 метров. На отделке постамента и прилегающей площади использованы редкие граниты, мозаичная плитка, сплетённая в национальный узор. Автор скульпторы — Т. С. Досмагамбетов, архитектор — К. Абдалиев.

В 1975 году в честь 140-летия со дня рождения выдающегося казахского просветителя и ученого Ч. Валиханова в г. Петропавловске в сквере на углу улиц Ч. Валиханова и М. Жумабаева на бетонном постаменте, облицованном искусственным камнем, был установлен бюст Чокана Валиханова. В 2005 г. в г. Петропавловске Н. Назарбаевым был открыт памятный барельеф, посвященный двум выдающимся личностям Чокану Валиханову и Федору Достоевскому. Изготовление барельефа было поручено заслуженному архитектору Казахстана,

члену Союза художников Республики Казахстан доценту скульптуры Азату Боярлину. [2]

В 2012 г. в Павлодаре был установлен памятник Чокану Валиханову и Григорию Потанину. Скульптурная композиция высотой 3,6 метра — работа известного казахстанского скульптора-монументалиста Мурата Мансурова. [10]

Кроме этого, имя Чокана Валиханова носят Кокшетауский государственный университет и Педагогический институт в г. Атбасар (Акмолинская область). Имя Чокана Валиханова присвоено Кадетскому корпусу Министерства обороны Республики Казахстан в городе Щучинск. Его именем также названы — Институт истории, археологии и этнологии НАН РК, вершина хребта Заилийский Алатау (4234 метра). Необходимо сказать, что практически в каждом городе Казахстана есть улица Валиханова или школа, названная в честь его.

Жизнь Чокана Валиханова до сих пор вызывает повышенный интерес у историков и писателей. Чокан Валиханов был и остается одним из величайших героев в истории казахского народа.

Список литературы и источников:

1. Алаш алыптары. Шоқан Уәлиханов. Документальный фильм, 2013. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://shoqan.kz/movies/. Дата обращения 15.11.2020 г.

2. Бюст Ч. Валиханову в г. Петропавловске. [Электронный ресурс]. — Режим доступа:
http://uprkult.sko.gov.kz/page/read/bjust_ch_valihanovu.html?lang=ru/.
Дата обращения 22.11.2020 г.

3. Его время придет. Художественный фильм. Казахфильм им. Ш. Айманова, 1957. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=ohh6NtF8jV4/. Дата обращения 09.11.2020 г.

4. Кунаев Д. От Сталина до Горбачева. — Алматы: Санат, 1994. — 352 с.

5. Культурная прогулка: Сырымбетский историко-этнографический музей им. Ш. Уалиханова. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://e-history.kz/ru/news/show/4250/. Дата обращения 20.11.2020 г.

6. Кудринский В. Ф. Памятник Чокану Валиханову, казахскому ученому и просветителю. 2004, Скульптор Азамат Баярлин: [фот.] // Омск… волею Петра Великого: архитектур. образы трех столетий / фотохудож. В. Кудринский. — 3-е изд., перераб. и доп. — Омск, 2006. — 250 с.

7. Мемориальный музей Ч. Валиханова. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://rus.azattyq.org/a/memorial-chokana-valikhanova/27687838.html/. Дата обращения 20.11.2020 г.

8. От Омска до Кашгара. Дороги Чокана Валиханова. Документальный фильм, 2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://shoqan.kz/movies/. Дата обращения 16.11.2020 г.

9. Памятник Ч. Валиханову в г.Алматы. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ruh.kz/news/pamyatnik-talantlivomu-chokanu-valikhanovu-v-almaty-infografika/. Дата обращения 21.11.2020 г.

10. Памятник Ч. Валиханову и Г. Потанину. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.nur.kz/232354-v-pavlodare-ustanovili-pamyatnik-valihanovu-i-potaninu.html/. Дата обращения 23.11.2020 г.

11. Последний принц. Документальный фильм, 2006. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://shoqan.kz/movies/. Дата обращения 14.11.2020 г.

12. Фотография могильной плиты, 1881. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://yvision.kz/post/779548/. Дата обращения 21.11.2020 г.

13. Чокан: штрихи к портрету. Документальный фильм, 1976. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://shoqan.kz/movies/. Дата обращения 11.11.2020 г.

14. Чокан Валиханов. Документальный фильм, 2015. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=HaHmf3CyrcY. Дата обращения 17.11.2020 г.

15. Чокан Валиханов. Документальный фильм, 2018. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://shoqan.kz/main_movie/. Дата обращения 18.11.2020 г.

16. Шокан Уалиханов. Художественный фильм. Казахфильм им. Ш. Айманова, 1984. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://shoqan.kz/movies/. Дата обращения 10.11.2020 г.

© Абдрахманова К. К., 2021

Е. А. Абиль,
д. ист. н., проф.,
директор Института истории
государства Комитета науки МОН РК
(г. Нур-Султан, Казахстан)

Ч. ВАЛИХАНОВ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАЗАХОВ

Статья подготовлена в рамках научного проекта ГФ ИРН AP08856598 «Сибирский улус: Северный Казахстан и сопредельные территории системе золотоордынской этнополитической системы».

В последние годы одним из трендов общественной жизни Казахстана стал процесс модернизации общественного сознания. Он стал ответом на постепенное разрушение «советской» идентичности и институционализирован через государственную программу «Рухани Жангыру» (Духовная Модернизация). При этом важное место в процессе формирования новой идентичности уделяется таким ее аспектам как историческое сознание и историческая память.

Казахи — этнос, относящийся народам Великой степи, цивилизационной общности евразийских степных скотоводов, существовавшей с первого тысячелетия до нашей эры. Формирование казахов в качестве этноса происходит в XIII–XiV веках в рамках Золотой Орды, Мангытского и Сибирского улусов и Казахского ханства. [1, 2]

Вторая половина XIX века — период кризиса Великой степи. Это кризис духовный, кризис общественного сознания. Он проявился в распространении эсхатологических настроений, ярко выразившихся в поэзии ЗарЗаман. [3] Императивом общественного сознания были идеализация прошлого, боязнь будущего. «Это был самый настоящий плач казахского народа в этом страшно меняющемся мире», отмечает А. Кодар, характеризуя данное время как «плотный масштабный контакт кочевой культуры с западной культурой через русскую культуру». [4, 98]

С. Ковальская и С. Любичанковский совершенно справедливо полагают, что догоняющая избирательная модернизация, имевшая место в Казахстане в начале XIX века (внедрение «европейской» системы образования и политических институтов, встраивание в имперскую экономическую систему), вела к социальному недовольству и могла привести к отказу от инноваций. [5, 9] Собственно, поэзия ЗарЗаман и была призывом к такому отказу. Однако, очевидный кризис аграрного казахского этноса сформировал вместо этого общественный запрос на модернизацию сознания, коллективной идентичности.

Особое место в процессе данной модернизации занимают представители первого поколения казахской интеллектуальной элиты, среди которых особняком стоит фигура Чокана Валиханова. Безусловно, его деятельность, краткая по времени, но блестящая по результатам, не оказала такого воздействия на общественную жизнь казахов, как деятельность его младших современников — ЫбраяАлтынсарина и Абая Кунанбаева. Это было связано с объективными причинами, прежде всего с узостью целевой аудитории научного творчества Чокана Валиханова среди самих казахов. Однако, вместе с тем, его наследие повлияло на формирование взглядов второго поколения казахских интеллектуалов, которых мы называем движением Алаш. [6] Иными словами, Чокан Валиханов наряду с Абаем и Ыбраемстоялуистоковформированиясовременнойказахскойнации.

Нация определяется как общность, объединенная общим самосознанием. Так, Энтони Смит определял нацию как сообщество, имеющее общую историческую территорию, общие мифы и историческую память, массовую, общественную культуру, общую экономику и общие юридические права и обязанности для всех членов. [7, 40] Дж. Д.Эллер отмечает, что данное определение не особо различает этнос и нацию, что дает основание считать, что нация — «полностью мобилизованная или институционализированная этническая группа». [8] Вместе с тем, подчеркивается, что в отличие от этноса — нация является очевидным конструктом. [9]

Отметим, вместе с тем, что ряд положений конструктивизма не лишен недостатков. Так, один из основоположников теории мир-систем И. Валлерстайн полагал, что индийской нации могло бы не существовать, если бы Индостан был бы колонизирован не только Англией, а и, например, Францией. Тогда, он предположительно конструирует возникновение двух наций — условных Брахмании и Дравидии. [10] Заметим в связи с этим, что разделение между Россией и Китаем

не помешало формированию казахской нации, разделение между Россией и Афганистаном — формированию узбекской и таджикской наций. В данном случае мы стоим перед дилеммой — либо признать возможность формирования нации в доиндустриальную эпоху, либо отказаться от прямой взаимосвязи нации и государства.

В русскоязычной литературе понимание нации, в принципе, схожее. В. Б. Иорданский определяет нацию как внутренне противоречивое, динамичное сообщество граждан, обладающее принятым в качестве средства внутринационального общения национальным языком, располагающее национальной территорией, создающее сплав культуры, сознающее общность прошлого, настоящего и будущего, общность исторических интересов, а также собственную духовную индивидуальность. [11, 87] Кроме того, подчеркивается, что на формирование нации прямое воздействие оказывает деятельность интеллектуалов. [12, 164]

Именно деятельность интеллектуальной элиты, формирующая коллективное самосознание, на наш взгляд, формирует нацию. При этом культурно-языковые, этнические границы зачастую оказываются сильнее формально-правовых государственных границ, как это произошло в случае казахов, разделенных между Россией и Китаем еще в XVIII веке. В такой «нациеобразующей» интеллектуальной деятельности для казахов определяющая роль принадлежит научному творчеству Чокана Валиханова.

Важное место в его работах занимает проблема исторической памяти казахов и преемственности населения казахских степей середины XIX века и предыдущих исторических эпох. Следует отметить, что в российской историографии этого времени сложилось представление о позднем (не раньше конца XVII века) появлении казахов на большей части Казахстане. Еще А. Левшин указывал, что во время составления «Книги большому чертежу» (вт. половина XVI века — авт.) «киргиз-казаки занимали только средину нынешних земель своих. Восточная часть оных принадлежала зюнгарам и другим племенам монгольским. Северною владели разные отрасли татар сибирских. В западной жили ногаи и выше их башкиры; а потом место ногаев заняли нынешние волжские калмыки». Правда, проникновение казахов на север, вплоть до русских крепостей, в частности Тары, А.Левшин относит к концу 16 века, а продвижение на запад, до Урала и Эмбы — к началу XVIII века. [13, 160]

В этой ситуации особое место в мировом востоковедении заняли труды Ч.Валиханова, в которых история казахов впервые рассматривалась собственно казахом, что позволило впервые в европейской науке представить собственную репрезентацию исторического процесса на территории степной Евразии. Эта модель исторического процесса была построена на двух основах: во-первых, современной для того времени научной методологии; во-вторых, аутентичной исторической памяти казахов.

Ч. Валиханов неоднократно подчеркивал преемственность казахов и Золотой орды. В письме И. Березину он пишет: «По преданиям своим киргизы (ка-

захи — авт.) почитают себя потомками татар Золотой Орды». [14, 163] В «Записках о судебной реформе» он также говорит о казахах, как о «потомках… батыевских татар». [15, 81] Все его труды, посвященные истории казахов, преследуют одну цель — сделать историческую память казахов частью современной репрезентации истории.

Можно отметить, что своей цели он добился. Во второй половине XIX века сомнений в преемственности казахов и Золотой Орды не было. И. Казанцев в своем «Описании киргиз-кайсак» описывая происхождение казахов, прямо связывает их с населением степей эпохи Чингисхана и отмечает, что «в настоящее время киргиз-кайсаки (казахи — авт.) обитают на том же пространстве луговых мест (степей), где жили и во времена Чингис-хана». [16, 6] В статье «Киргиз-кайсаки», подготовленной для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона А.Позднеевым, указывалось, что «о своем происхождении сами К.-кайсаки (казахи — авт.) хранят массу противоречивых преданий, хотя всем им присуща одна общая черта, свидетельствующая, что народ этот составился из обломков Чингисова царства». [17, 95]

Данная точка зрения была распространена не только среди специалистов, но и в массовом сознании. Это подтверждается, в частности, словами командующего войсками Казанского военного округа А. Г. Сандецкого, который в своем донесении о действиях против восставших казахов в 1916 году называет их «киргизы, потомки Золотой орды». [18, 621–622] В знаменитых картинах А. Кившенко «Иван Третий разрывает ханскую грамоту», С. Иванова «Баскаки», иллюстрации В. Верещагина «Александр Невский у хана Батыя» представители Орды одеты в наряды, характерные именно для казахов второй половины XIX века.

Благодаря научной деятельности Чокана Валиханова историческая память казахов, хранившая память об их золотордынском происхождении, стала часть официальной репрезентации истории. Подобная ситуация сохранялась вплоть до начала 40-х гг. XX века, когда в советской историографии под давлением партийных органов официально установилась точка зрения об отсутствии прямой связи казахов и Золотой Орды. [19, 842–843] Снятие идеологических рамок и цензурных ограничений в перестроечные и первые годы независимости позволили исследователям пересмотреть целый ряд концептуальных подходов к национальной истории, включая проблему преемственности Золотой Орды и казахов. Учитывая рост интереса не только общественности, но и истеблишмента к средневековой истории казахстанских степей и естественный запрос на легитимацию национальной государственности, в 2013 году казахстанский исследователь Т. Козырев предложил «концептуализировать Казахстан как наследника Золотой Орды». [20, 25] Как известно, эта идея была подхвачена политическим руководством Казахстана, реализована в рамках празднования 750-летия Золотой Орды и стала частью государственной программы модернизации общественного сознания. Историческая память казахов, введенная в научный

оборот Чоканом Валихановым, сегодня становится одной из основ формирования исторического сознания как базы новой национальной идентичности Казахстана.

Список литературы и источников:

1.Абиль Е. Этногенез казахов. Опыт системного подхода. — Костанай: Изд-во КСХИ, 1997.

2. Кузембайулы А., Абиль Е. История Казахстана. — Санкт-Петербург: Соларт, 2004.

3. Нуртазина Н. Идея Конца Света и образ России в казахской ментальности / Доклад, прочитанный на XIII международной научной конференции CentralEurasianStudiesSociety (Общества изучения центральной Евразии) в Университете Индиана (г. Блумингтон, США; 18–21 октября 2012 г.) // Абай.kz. Электронный ресурс. Режим доступа: https://abai.kz/post/1[3]5416.

4. Сартаева Р. Особенности и проблемы социокультурного развития Казахстана // Россия и мусульманский мир. 2013. №10 (256).

5.Ковальская С. И., Любичанковский С. В. Российская образовательная система как канал аккультурации и модернизации сознания казахов-кочевников XVIII — начала XX веков // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018, №2.

(Здесь имеется ввиду не столько политическая группа казахских либеральных демократов, сколько более широкое направление общественной мысли, связанное с идеями всесторонней модернизации казахского этноса в первой четверти XX века).

6 Smith A. National Identity. — Reno: University of Nevada Press, 1991. — 236 p.

7.Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960

8. Eller J.D. Ethnicity, Culture, and "The Past" // Michigan Quarterly Review, 1997, Vol. 36, no.

9. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М., 2001.

10. Валлерстайн И. Существует ли в действительности Индия? // Логос 2006. № 5 (56).

11. Иорданский В. Б. Этнос и нация // Мировая экономика и международные отношения. 1992, №3.

12. Антонова А. Е. Условия образования и признаки нации // Научный вестник МГТУ ГА. 2011, № 166.

13. Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы: Санат, 1996.

14. Валиханов, Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984.

15. Валиханов, Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 4. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985.

16. Казанцев И. Описание киргис-кайсак. СПб.: Типография товарищества "Общественная польза», 1867.

17. Позднеев А. Киргиз-кайсаки // Энциклопедический словарь. Т. 15 (29): Керосин — Коайе. СПб.: Типо-Литография А. И. Ефрона, 1895.

18. Сабитов Ж. М. Золотая Орда — «падчерица» казахстанской историографии // Молодой ученый. 2015. № 24.

19. Козырев Т. А. Независимый Казахстан. Борьба за прошлое. (Актуальные проблемы современной Казахстанской историографии). Астана, 2013.

© Абиль Е.А., 2021

К. К. Абуев,
д. и. н. профессор,
заслуженный деятель РК, академик РАЕН
Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова
(Кокшетау, Казахстан)

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ: СЛУЖЕБНАЯ И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Чингизид, правнук знаменитого хана Абылая Чокан Валиханов родился в ноябре 1835 г. в усадьбе бабушки Айганым близ аула Сырымбет Кокшетауского округа в семье старшего султана Аман-Карагайского округа Чингиса Валиханова. Дед Чокана по отцу Уали(Вали) был последним ханом Среднего жуза, признанным и Россией, и Китаем. По давней казахской традиции Чокан с раннего детства выучил своих предков до седьмого колена. Высокое происхождение, знакомство с деяниями своих предков сыграли не последнюю роль в раннем пробуждении у Чокана интереса к истории. Он внимательно слушал и записывал образцы устного народного творчества, повествующие о героической борьбе народа за свободу и независимость. Особенно запали в душу юного Чокана поэмы и легенды о подвигах и деяниях своего прославленного прадеда Абылай-хана. Следовательно, Чокан Валиханов нес в своей родословной богатейший духовный заряд предков. О том, что Чокан Валиханов постоянно ощущал духовный заряд предков, свидетельствует вся его короткая, наполненная творческими поисками, жизнь.

Начальное образование Чокан получил именно в Сырымбете, в школе, организованной Айганым-апа в своей усадьбе. Под влиянием бабушки Айганым, большого знатока восточной литературы, и отца, султана Чингиса, зачинателя этнографических исследований в Казахстане, Чокан еще в детские годы стал проявлять большой интерес к истории родного края, устному народному творчеству. Уже в те годы им были записаны образцы многих казахских героических песен и поэм, таких как «Козы-Корпеш и Баян-Сулу», «Еркокше», «Едиге» и др. Таким образом, основы формирования личности Чокана закладывались с ранних лет.

Его отец Чингис Валиханов, окончивший в 1834 году в Омске Сибирское войсковое казачье училище, проработал несколько сроков старшим султаном Аман-Карагайского, Кушмурунского и Кокчетавского округов, чиновником в

органах Сибирского административного управления казахской степью. За усердие в службе ему были пожалованы чин полковника и наследственное дворянство. Будучи знатоком быта, обычаев и повседневной жизни казахов, он занимался сбором этнографических, статистических сведений о них и с раннего детства привлекал к этой работе Чокана.

Чингис Валиханов, сознавая значение русского образования, осенью 1847 г. повез своего одаренного сына в Омск. Здесь по его просьбе Чокана зачислили в Сибирский кадетский корпус, считавшийся лучшим учебным заведением Сибири. Как писал: Г. Н. Потанин: «…что Сибирский кадетский корпус был в то время лучшим учебным заведением во всей Сибири». [1, 350] Годы пребывания в Омске были для Чокана годами интенсивной учебы. Уже тогда, в стенах кадетского корпуса, Чокан стал готовиться к роли исследователя истории и культуры своего народа и всей Центральной Азии (в то время мало известной для европейской науки). С этой целью он тщательно изучает труды иностранных и русских исследователей-востоковедов. «Уже на школьной скамье, — писал Г. Н. Потанин, — Валиханов стал готовиться к роли путешественника, тогда же перечитал Палласа, Рычкова, Левшина, Вельяминова-Зернова и массу других книг». [2, 91]

Годы учебы в Кадетском корпусе ознаменовались николаевской реакцией, в то же время, усилением общественно-политической борьбы против абсолютизма и крепостничества. Россия в это время стояла на пороге больших исторических событий, что отразилось на умах прогрессивных людей. События общественной жизни России того периода оказали большое воздействие на внутренний мир Чокана и в формирование его общественно-политических взглядов и научных пристрастий. В то время в корпусе преподавали языки, историю и литературу представители русской демократической интеллигенции: друг и единомышленник Н. Г. Чернышевского — В. П. Лободовский, выпускники Казанского университета Ф. Н. Костылецкий, Г. В. Гонсевский и другие, приглашенные на работу талантливым педагогом, инспектором классов И. В. Ждан-Пушкиным.

Программа обучения кадетов была довольно сложной и обширной. Кроме сугубо военных дисциплин воспитанники корпуса изучали русский и европейские языки, русскую и зарубежную литературу, географию, ботанику, зоологию, физику, математику, философию, архитектуру, рисование и черчение. Больше того, в корпусе преподавали тюркский, монгольский, арабский и персидский языки.

Чокан помимо обязательной литературы много и увлеченно читал, и изучал трактаты западных и восточных философов, социальные романы европейских писателей. Живой отклик у него вызывают критические статьи В. Г. Белинского и А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, сатирические произведения Н. В. Гоголя.

Большое влияние на Чокана оказывала поэзия А. С. Пушкина, Дж. Байрона, У. Шекспира, особенно ему пришлось по душе стихи и проза М. Ю.Лермонтова. Исследователи биографии Чокана отмечают схожесть судеб и даже внешности этих двух великих личностей — Лермонтова и Валиханова.

Любимым чтением Чокана Валиханова стала историко-географическая литература, редкие издания которой в Омске достать было трудно. Г. Н. Потанин

отмечает, что корпусная библиотека была бедна и состояла исключительно из биографии русских генералов и описания разных войн. «Для меня, — пишет он, — было большим счастьем, когда начальство разрешило Чокану брать книги из Фундаментальной библиотеки. Это в нашем развитии была эпоха, когда Чокан принес из недоступного книгохранилища «Путешествие Палласа» и «Дневные записки Рычкова». С увлечением мы читали книгу Палласа, особенно те ее страницы, в которых описывались родные для нас места». [1. 355]

Чокан вместе с Потаниным, внимательно прочитав три тома «Описания киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей» А. И. Левшина, высказал некоторые критические замечания на третий том. Тем не менее, он высоко оценил этот капитальный труд, посвященный описанию истории, этнографии казахов, назвал автора Геродотом казахских степей. Чокан также проштудировал «Историю первых четырех ханов из дома Чингизова» Н. Иакинфа, «Историю Сибири» Г. Миллера, «Исторические карты Азии», Клапрота, труды А. Гумбольда и А. Ремюза.

Среди замечательных преподавателей кадетского корпуса особо выделялся своей начитанностью и независимым характером учитель словесности Н. Ф. Костылецкий. Именно он первым обратил внимание на исключительную одаренность кадета Валиханова. Костылецкий, будучи поклонником идей В Г. Белинского, развивал у Чокана критическое восприятие окружающей действительности. Именно он писал своему другу, профессору Казанского университета И. Н. Березину о феноменальном юноше Ч. Валиханове, который мог бы помочь ему в расшифровке непонятных слов из ярлыка хана Тохтамыша.

Так, по рекомендации Н. Ф. Костылецкого началась переписка именитого ученого с юным кадетом Чоканом. Одной из актуальных проблем, рассматриваемых востоковедами в середине XIX в. была история монгольских завоеваний и образования государства «Золотая Орда». Эта тема Чокана заинтересовала, поскольку территория Казахстана была завоевана Чингисханом и на ее основе возникло государство, созданное Батыем. Рассматривая термин «Золотая Орда», он пишет: «Эпитет золотой был в большом употреблении у монголов для обозначения величия, блеска, силы и знатности (например, Алтан хан) — золотой царь, алтан дептер (золотая книга), золотое лицо». [2, 112]

Чтобы истолковать термины, относящиеся к истории государства, само название которого Чокан переводит как Улуг улус, он пишет: «Во всех ярлыках Золотая Орда называется Улуг улус. Мне кажется слово Орда имело и прежде в Золотой Орде такое же значение, как теперь у киргиз и калмыков, и означало в обширном смысле место столицы хана, в тесном — его ставку. Золотая Орда — золотой шатер и юрта, в которой сидел хан; впоследствии оно обратилось в название всех ставок городских, где жили ханы. Так что, слова Ак Орда, Сары Орда, нужно принимать не как название улуса или юрты, а как название главной стоянки, резиденции ханов». [3, 166] В период правления Улуг Улусом Тохтамыш ханом (1381–1395), государство несколько укрепилось, от его имени чеканились монеты, в вассальной зависимости от него были русские и литовские княжества.

«Письмо профессору И. Н. Березину», по существу, явилось первым научным исследованием Чокана. В «Письме…» Ч.Валиханов делает исчерпывающую расшифровку некоторых слов и терминов из ярлыка хана Тохтамыша. Это такие слова и термины: «Улуг улус» (Великий улус), «Едиль и Джаик» (Волга и Урал), «Кара-кум» (черный песок), «Орда», «угланы», «беки» и другие. В комментариях Чокан высказывает свое обоснованное мнение о происхождении казахского народа, о родоплеменном составе казахов и киргизов. Одним из первых он высказал предположение, получившее в настоящее время всеобщее признание, относительно термина «қазақ», что он первоначально носил социальный смысл и лишь затем после образования Казахского ханства принял этническое значение.

На основе данных Сибирских летописей и «Сборника летописей» Жалаири, Чокан составляет таблицу «Родословная султанов киргизских» (т. е. казахских — К. А.), приводит сведения из истории казахов XVI века. «Кочевой степняк, — пишет он, — для отличия от своих городских родовичей — соседей, узбеков и ногайцев, гордился именем казака-свободного степняка, кочевого человека. Г. Левшин говорит утвердительно, что в XVI столетии, в степях Кипчака и Чите, были два сильные владения: Улус-Могул под владычеством хана Дадана и Казак, и что в это время к казакам присоединились, или силою были присоединены, разные отпавшие от Золотой Орды отделения многих народов, как-то: кипчаки и найманы, конрады, джалаиры, канглы и другие отрасли, коих названия ныне носят сильнейшие поколения, роды и отделения орд киргиз-кайсаков». [4, 152–153]

Годы обучения в кадетском корпусе были для Чокана настолько плодотворными, что в значительной степени определили его дальнейшую судьбу и жизненное кредо. Как отмечают некоторые исследователи, именно тогда были заложены основы его мировоззрения, сделан выбор предстоящей деятельности. [4]

В воспоминаниях о своем друге Г. Н. Потанин писал, что Чокан до поступления в кадетский корпус еще не владел русским языком и уже тогда любил рисовать карандашом. [5, 348] Разумеется, он в то время еще плохо говорил по-русски, осознавая это, он, по-своему характеру гордый и самолюбивый, мало говорил, больше слушал. За годы учебы в корпусе Чокан овладел не только русским, но и немецким, и французским, английским языками. Это стало возможным благодаря тому, что преподаватель Гонсевский на выходные брал Чокана к себе домой и приучил читать в оригинале произведения французских, немецких и английских классиков из его библиотеки.

Как вспоминал Г. Потанин, «развивался Чокан быстро, опережая своих русских товарищей. Кроме природного ума, он имел к тому и другие преимущества. По воскресеньям тех кадет, которые имели родственников или знакомых в городе, отпускали в город. У Чокана ни родных, ни знакомых в городе не было. Но им интересовались многие и они брали к себе в отпуск». [5, 352–353] Так, в первые годы учебы он часто бывал в доме друга отца чиновника А. А. Сотникова, у преподавателя рисования Померанцева, у учителя истории Гонсевского. В последние годы учебы в корпусе Чокан стал ходить в дом учителя геодезии Гудковского, который имел родственные связи с семейством чиновника Капустина.

Гутковский и ввел Чокана в гостеприимный дом Капустиных, который, по выражению Г. Потанина, служил маленьким клубом для омской интеллигенции. «Семейства Капустиных и Гутковских, — писал Потанин, — состоявшие в близком родстве между собою, были центром омской интеллиенции: в этих домах собирались образованные чиновники и молодые офицер; тут можно было встретить офицера Генерального штаба, художника или чиновника-литератора, ученого, путешественика, заехавшего в Омск по дороге в Центральную Азию, или поэта, очутившегося здесь в качестве «невольного страника». [5, 326] Здесь, в доме Капустиных Чокан нашел самый теплый прием, особенно материнскую ласку проявляла к нему хозяйка дома Екатерина Ивановна Капустина, урожденная Менделеева, сестра знаменитого ученого-химика Дмитрия Ивановича Менделеева.

Чтение русской и западной, в особенности, английской литературы и общение с представителями прогрессивной интеллигенции не только расширило и углубило познание Чокана, но и обогатило его духовно, ускорило процесс формирования его мировоззрения. Вместе с тем, как пишет все тот же Г. Потанин: «Чтение развило в нем критические способности, приложением которых он удивлял нас, как в области восточной филологии, которая становилась уже его специальностью». [5, 356]

Интерес к Востоку, в особенности к углубленному изучению истории и культуры тюркских народов Азии, проявился у Чокана Валиханова очень рано. Уже будучи учеником кадетского корпуса, Чокан перечитал и изучил всю доступную литературу о казахах, киргизах и других народов Центральной Азии. К середине XIX века географическая наука достигла больших успехов в изучении Африки, Австралии и других материков, но оставалась слабо исследованной Средняя и Центральная Азия. Позже в «Записках о киргизах» Чокан запишет: «Неужели Азия — колыбель человека — менее любопытна, нежели Африка? Нам, русским, особенно непростительно пренебрежение к изучению Средней Азии, нашей соседки». [6, 11]

Таким образом, годы пребывания в кадетском корпусе для Чокана Валиханова были не только годами интенсивной учебы, но и напряженного самообразования и подготовки к будущей исследовательской работе. Поэтому из стен корпуса он вышел высокообразованной, интеллектуально развитой и вполне сформировавшейся личностью.

В 1853 году Ч. Валиханов окончил курс обучения в кадетском корпусе на год раньше, чем другие его однокурсники. Дело в том, что в 1851 году из Петербурга пришло предписание «не переводить воспитанников — киргизов (казахов — К. А.) в специальный класс, где изучались военные дисциплины». По этому поводу Чокан писал: «Горцы и киргизы не допускались в кадетских корпусах на специальные классы, где преподаются военные науки». [7, 72] При выпуске он был произведен в корнеты и направлен на службу в Сибирское линейное казачье войско. В октябре 1854 года, получив назначение на должность адъютанта генерал-губернатора Западной Сибири Г. Х. Госфорта, возвращается в Омск. Здесь он возобновляет свою работу по сбору материалов по истории казахов сибирского ведомства. С этой целью работает с документами в архиве Пограничного управления сибирских казахов.

Уже тогда Чокан Валиханов был определен разведчиком стратегического направления внешней политики России. Летом 1855 г. Валиханов сопровождает генерал-губернатора в поездке по Семипалатинской области и в Заилийский край. Маршрут его пролегал от Омска на Семипалатинск, оттуда через Аягуз и Копал в Заилийский Алатау, где в это время происходила закладка укрепления Верного. На обратном пути Чокан сопровождал Г. Х. Гасфорта только до Алтын-Эмельского хребта. Самостоятельно путешествует по Семиречью и Тарбогатаю, затем направляется в Центральный Казахстан и через Каркаралы, Кокчетав и Баян-Ауыл возвращается в Омск.

В последующие два года с целью сбора сведений совершил поездку на Иссык-Куль и в Джунгарию. Во время этих поездок он занимался исследованием истории, географии, устного народного творчества этого края. Собранные во время этих поездок материалы о культуре казахского и киргизского народов дает возможность Чокану с большой достоверностью реконструировать богатое прошлое народов Центральной Азии. Вместе с тем, предания и легенды казахов и киргизов свидетельствуют о духовном богатстве этих народов, имеющих древние традиции устной литературы, а также опровергают ложные представления европоцентризма об отсутствии у кочевых народов истории и культуры.

С большой заинтересованностью Чокан записывает образцы народного творчества казахов. Его известные труды «О киргиз-кайсацкой Большой орде», «Исторические предания о батырах XVIII века», «О формах казахской народной поэзии», «О кочевках киргиз», «Киргизское родословие», «О Киргиз-кайсацких могилах (молах) и древностях вообще», «Песня об Аблае», «Очерки Джунгарии», собранные в 1855–1857 годах, представляют собой глубокие исследования истории, материальной и духовной культуры казахского народа. Значение этих исследований об этнографии казахов трудно переоценить, они востребованы и сегодня.

В статье о Баян-Аульском округе, написанной 1856 г., Ч. Валиханов дает научно-обоснованный анализ социального состава казахского общества. «После смерти Валия, — писал он, — достоинство хана упразднено, и создано для управления киргизами в 1822 г. сибирское учреждение, примененное к общему губернскому управлению империей, для чего вместе с тем основана была Омская область, в состав которой вошла Средняя Орда, разделенная на округа со своими управлениями, приказами». «Кроме правительственного деления, — отмечал ученый, — есть у киргизов еще деления родовые… Третье деление киргизов — это деление на сословия: на белую кость и черную кость. Белую кость составляют только султаны, потомки монголов, завоевателей киргизской степи, производящие себя от одного из сыновей Джучи-Токай-Тимура, внука Чингисхана. До появления султанов родовые князья киргизов были бии, родоначальники почтеннейших племен и представители старшей линии в роде». [8, 308]

Исключительно плодотворным было участие Чокана Валиханова в военно-разведочной и научной экспедиции, организованной 1856 г. под руководством подполковника М. М. Хоментовского. Она была предпринята для обследования географии Киргизии, этнографии киргизского народа с целью изучения возмож-

ности присоединения этой страны к Российской империи. «Экспедиция в продолжение двух месяцев успела обозреть северо-восточную часть озера (Иссык-Куль — К. А.) до рек Аксу и Зауки и снять план местности, в двухверстном масштабе. Мы имели честь участвовать в этой экспедиции, — пишет Ч.Валиханов, — и, находясь два месяца среди дикокаменных киргизов, успели собрать разные положительные сведения, преимущественно изучая их предания и язык». [9, 304]

На основе собранных во время путешествия в Среднюю Азию материалов ученый впоследствии опубликовал несколько работ об этнографии киргизского народа. Во время поездки на озеро Иссык-Куль им был записан киргизский эпос «Манас». Характеризуя этот образец народного творчества, Чокан пишет: «Манас» — это энциклопедия, собрание всех сказок, повестей, преданий, географических, религиозных, умственных познаний и нравственных понятий народа в одно целое, приуроченное к одному времени, и все это сгруппировано около одного лица богатыря Манаса. «Манас» — произведение целого народа, вырастившего плод, созревавший в продолжение многих лет, — народный эпос, это нечто вроде степной Илиады». [9, 70]

В 1956 г. за отличие в службе Валиханов был произведен в поручики, награжден бронзовой медалью на Владимирской ленте. 27 февраля 1857 г. по рекомендации П. П. Семенова-Тян-Шанского и академика Е. И. Ламанского Валиханов был избран действительным членом Российского географического общества (РГО). Это было признанием большого вклада Чокана в географическую науку.

Возвратившись из поездки в Кульджу к месту службы, Чокан столкнулся с интригами, клеветой, той раздражающей обстановкой при «дворе» Гасфорта, которая убивала всякое желание трудиться, приносить пользу обществу. Раздражение это прорывается в одном из писем Чокана Валиханова к Ф. М. Достоевскому от 5 декабря 1856 г.: «Омск так противен со своими сплетнями и вечными интригами, — пишет Чокан, — что я не на шутку думаю его оставить.

В ответ с большой теплотой и любовью Достоевский советует ему ни в коем случае не уезжать из Омска и не бросать научных занятий. Письмо великого русского писателя казахскому ученому, по существу, представляет программу научной деятельности, ее этапы и возможные способы ее осуществления. «Не бросайте заниматься, — наставляет Достоевский. — У Вас есть материалы. Напишите статью о Степи. На вас обратили бы внимание и в Омске, и в Петербурге. Материалами, которые у вас есть, вы бы заинтересовали особо географическое общество». Он советует своему другу ехать учиться в Россию, а затем за границу. «Лет через 8 вы бы могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей родине. Например, не великая ли цель, не святое ли дело, быть чуть ли не первым из своих, который растолковал в России, что такое Степь, ее значение и ваш народ относительно России, и в то же время служить своей Родине просвещенным ходатаем у нее у русских. Вспомните, что вы первый киргиз, образованный по-европейски вполне. Судьба же вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав вам и сердце... Дай вам бог счастья». [10,

177–178] Советы и рекомендации Ф. М. Достоевского укрепили Ч. Валиханова во мнении продолжать свои научные изыскания.

Широкую известность и славу бесстрашного путешественника и талантливого востоковеда принесла Валиханову поездка в 1858 г. в Кашгарию, или Восточный Туркестан. Этот район, заселенный уйгурами, казахами, дунганами и киргизами, около ста лет до того был завоеван Китаем, но как раз в 50-е годы XIX века там происходили антицинские выступления. В связи с этим китайские власти запретили под угрозой смертной казни поездку в Кашгарию европейцам. Известный немецкий ученый, находившийся на службе английской разведки, Адольф Шлагинтвейт, проникший через Индию в Кашгарию годом раньше Чокана, был казнен. Достоверные сведения об этой трагической гибели ученого привез Ч. Валиханов.

Идею включения Чокана в состав купеческого каравана под видом проводника подал П. П. Семенов-Тян-Шанский. Идея Петра Петровича нашла поддержку в Географическом обществе и в Азиатском департаменте МИДа России. Руководитель этого ведомства известный дипломат и ученый Е. П. Ковалевский поддержал, кандидатуру Чокана Валиханова в качестве руководителя экспедиции. Готовясь к поездке в Кашгарию, Чокан перечитал всю доступную литературу о Восточном Туркестане. Наконец, 25 июня 1858 года торговый караван, ведомый купцом Мусабаевым, отправляется в путь.

В своей работе «Очерки Джунгарии» Чокан писал: «В конце 1858 года мне удалось с кокандским караваном, в качестве кокандского купца, проникнуть в Кошгар, в котором после знаменитого Марко Поло (1272) и иезуита Гоеса (1603) были только два европейца: немец, офицер ост-индской службы, неизвестный по фамилии, после которого сохранился чрезвычайно любопытный маршрут и записка о его путешествии, и ученый пруссак Адольф Шлагинтвейт. Первый из них был бит в Кашгаре бамбуками так больно, что два дня не мог садиться на лошадь, второму же отсечена голова и поставлена на башню, сооруженную из человеческих голов». [11, 326]

Действительно, поездка и пребывание в Кашгаре была чрезвычайно сложной и опасной, Чокан много раз рисковал жизнью, но она, к счастью закончилась благополучно. 12 апреля 1859 года торговый караван благополучно вернулся в г. Верный. Как и ожидалось, Чоканом были собраны восточные рукописи и другие материалы по истории, географии, экономическому состоянию Восточного Туркестана. Кроме того, Чокан собрал интересную нумизматическую коллекцию, образцы горных пород и ремесленных изделий.

Для отчета о своей поездке в Кашгарию Чокана Валиханова вызвали в Санкт-Петербург. Результаты его экспедиции в Кашгарию содержались в его капитальном труде «О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии)». Это был первый научный труд, посвященный истории, географии и социальному строю неизведанного Восточного Туркестана. Специалисты высоко оценили исследования Чокана, считая его важным вкладом в науку. Заслуги Чокана Валиханова были отмечены 7 апреля 1860 г. награждением его орденом Святого Владимира 4-й степени, он также был произведен досрочно в штабс-ротмистры. Тогда же Валиханов был представлен

императору Александру II и назначен на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел.

Исследования Чокана Валиханова, проведенные во время путешествия по Средней Азии и Восточном Туркестане заслуженно снискали большой авторитет по вопросам, касающимся истории, этнографии, культуры и общественного строя народов этих регионов. Поэтому в правительственных кругах нашло поддержку предложение П. П. Семенова-Тян-Шанского об оставлении Ч. Валиханова в Петербурге для научных занятий. Директор Азиатского департамента МИДа России Е. П. Ковалевский в письме от 3 апреля 1860 г. на имя военного министра просил причислить «штабс-ротмистра Валиханова к Азиатскому департаменту с тем, однако, чтобы независимо от жалованья, которое он будет получать от Министерства иностранных дел, ему было сохранено жалованье и содержание по чину из сумм военного ведомства». [12, 52]

В свою очередь военный министр генерал-адъютант Сухозанет обратился с таким же предложением к императору. 6 июля 1860 г. было обнародовано предписание военного министра командиру Отдельного Сибирского корпуса следующего содержания: «Государь — император по всеподданнейшему докладу министра иностранных дел высочайше повелеть соизволил: прикомандированного к Сибирскому линейному казачьему войску, состоящего по армейской кавалерии штабс-ротмистра султана Чокана Валиханова причислить к Азиатскому д-ту с назначением ему жалованья из суммы Министерства иностранных дел сверх содержания, получаемого им по Военному ведомству». [13, 73]

Годы пребывания Ч. Ч.Валиханова в Петербурге (1859–1861 гг.) были одним из ярких периодов его биографии. Приехав в Петербург, он выступил с сообщением о путешествии и опубликовал в «Записках ИРГО» труды по истории и культуре народов Казахстана, Средней Азии и Западного Китая. В Санкт-Петербурге много и плодотворно работал в Азиатском департаменте, редактировал карты Средней Азии и Восточного Туркестана в Военно-ученом комитете Генерального Штаба, слушал лекции Н. Н. Костомарова в университете, занимался литературной деятельностью, посещал собрания студентов сибирского землячества у Г. Н. Потанина.

Здесь, в столице он не только встречался со своими старыми друзьями, но и заводил новые знакомства со многими выдающимися представителями русской интеллигенции — писателями, учеными, общественными деятелями, журналистами: А. Н. Бекетовым, А. Н. Майковым, С. Т. Аксаковым, Н. П. Игнатьевым, Н. И. Веселовским, Н. М. Ядринцевым, Ф. Н. Усовым и другими. По этому поводу Г. Н. Потанин писал: «…После приезда тотчас же он (Чокан — К. А.) перезнакомился с ориенталистами, был у Березина, Казембека, Васильева. Из литераторов он чаще всего встречался с Достоевским и Крестовским». [13, 363]

Действительно, в эти годы в «Записках ИРГО», журнале «Русский инвалид», «Колоколе» А. И. Герцена печатались некоторые статьи, очерки и такие капитальные труды, как «О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии)», «Очерки Джунгарии» и др. Первой прижизненной публикацией о Чокане Валиханове была статья Л. Н. Плотникова «Моя встреча с Ч. Валихановым в Петербурге».

Отчет Чокана Валиханова о путешествии в Кашгарию, опубликованный в виде очерка «О состоянии Алтыншара…», был сразу же переведен на немецкий язык учеными А. Эрманом и Петерман. Эта работа в 1865 г. была издана в Англии, позже в переводе публициста Эмиля Жонва она увидела свет на французском языке. Многие западноевропейские ученые-географы и ориенталисты — писали на труды Чокана восторженные отзывы, ссылались в своих произведениях на них как на авторитетный источник.

К числу «белых пятен» в биографии Чокана Валиханова относится один интересный факт из петербургской жизни Чокана. По нашей версии, именно во время пребывания в Петербурге Чокан Валиханов совершил поездку в Париж. Во всяком случае, известно, что он намеревался туда ехать. В письме к отцу 4 ноября 1860 г. он писал: «Бог даст, через месяц выеду из Петербурга в Париж, деньги на поездку займу у одного человека». [14, 141]

Долгое время этот вопрос: занял ли деньги Чокан Валиханов, если да, то у кого их занял, оставался открытым. Известный казахский писатель и общественный деятель Ануар Алимжанов считал, что Чокан совершил поездку в Париж. В 1985 г. в статье, посвященной дружбе Ч. Ч. Валиханова и Ф. М. Достоевского, он писал: «Очевидно, что деньги на дорогу он мог занять «у этого человека» (А. Врангеля — К. А.) только при содействии и поручительстве Достоевского или же этим «человеком» мог быть сам Достоевский». [15]

Нами точно установлено, что «этим человеком», у которого Чокан занял деньги, был не А. Врангель и не Ф. М. Достоевский, а студент Петербургского университета Н. М. Ядринцев. В своих воспоминаниях о Ч. Валиханове Николай Михайлович писал: «С Чоканом Валихановым я познакомился в Петербурге в 1860 г. через Григория Николаевича Потанина. Сначала я просто встречался с ним, а потом представился мне случай сделать небольшое одолжение». Одолжение это заключалось в том, что Ядринцев дал взаймы Валиханову сравнительно крупную сумму. Чтобы расплатиться с этими долгами, Чокан в январе 1862 г. был вынужден просить профессора А. Н. Бекетова, как редактора «Записок Императорского русского географического общества (ИРГО) извести его, на каких условиях ИРГО может купить его «Заметки о Кашгаре». В конце письма Чокан сообщал Бекетову о том, что он брал в долг у своих друзей — Ядринцева и Усова деньги. В связи с этим он просил Бекетова: «Если заметки мои будут Вами куплены, то нельзя ли будет Вам удовлетворить того и другого. Ядринцеву я должен 300 рублей серебром, а Усову — 50 р.».

Если Валиханов не совершал поездку в Париж, то зачем было ему брать в долг такую крупную сумму денег? Ведь он получал приличное жалование — 739 рублей, для того времени деньги немалые. Пока единственным документом, подтверждающим пребывание Ч. Ч. Валиханова в Париже, является свидетельство А. Е. Врангеля, друга Ф. М. Достоевского. В своих воспоминаниях о Ч. Ч. Валиханове он пишет: «Мне он (Ч. Валиханов — К. А.) очень понравился, и Достоевский очень был рад повидать его. Впоследствии я встречал его в Петербурге и в Париже». [16]

Таким образом, у нас есть веское основание полагать, что Чокан все же был в Париже. В таком случае естественен вопрос: зачем ему понадобилось влезать в долги, чтобы поехать в Париж.

На рубеже 50–60 годов XIX в. в России назревала революция. Чтобы ее предотвратить, готовилась отмена крепостного права. На умонастроение демократической общественности большое влияние оказывали А. И. Герцен и Н. П. Огарев, которые подвергали резкой критике самодержавно-крепостнические порядки в России. Чокан был весьма осведомлен об их общественной и политической деятельности, читал все номера «Полярной звезды» и «Колокола», издававшиеся в Лондоне и тайно доставлявшийся в Россию. Многие друзья и единомышленники Ч. Валиханова имели нелегальные связи с Герценом. Так вот, единственной причиной поездки Ч. Валиханова в Париж могла быть встреча с издателями оппозиционной самодержавию газеты «Колокол» — Герценом или Огаревым. Веским аргументом в пользу этого предположения может служить то, что, начиная с 1861 г., на страницах «Колокола» появились статьи о Казахстане. В них острой критике подвергалась колониальная политика царизма по отношению к казахской Степи, разоблачались произвол и лихоимство чиновников, бесчинства и грабежи со стороны казачества. Особенно примечательна в этом отношении статья в 131 номере «Колокола» от 1 мая 1862 г. Вот несколько фрагментов из этой статьи: «Известно, что киргизы (т. е. казахи — К. А.) Средней Орды платят ясак, т.е. определенную часть своего скота». Далее в статье освещается, как при сборе налогов путем злоупотреблений «составляют себе состояние не только члены приказов, но и первоприсутствующие лица областных правителей, особенно в Омске».

Автор статьи считает, что другой «причиной разорения Степи служат казаки». Он пишет: «Это разбойничье население (т. е. казаки — К. А.) показало себя везде… Знаете, как казак обходится с киргизом? До крайности просто. Вся его собственность кажется ему, казаку, своей собственностью и отнять у него быка или лошадь считается молодечеством и ничем больше…», и в заключение делается вывод: «Можно было бы сказать, что за счет киргизов живет, все сибирское войско».

Конечно, такую статью в то время мог написать только Ч. Валиханов. Это легко могли установить и жандармы, поэтому, чтобы не навлечь беду на Ч. Валиханова, издатели газеты делают ссылку на статью г. Валиханова, опубликованной в легальной печати. Таким образом, встреча с Врангелем Чокана Валиханова в Париже, так сказать, имела место. По вполне понятным причинам Чокан совершил поездку в Париж конфиденциально. Поэтому в архивах нет других подтверждений об этой поездке.

Пребывание в Петербурге, знакомство и тесное общение с видными представителями демократических слоев России, встречи в Париже с издателями «Полярной звезды» обогатили Ч.Валиханова духовно, укрепили в нем прогрессивный образ мыслей.

Список литературы и источников:

1. Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., Алма-Ата, т. 5,1985.

2. Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., Алма-Ата, 1985, т. 1,1985.
3. Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, т. 1, 1985.
4. Описание киргиз — кайсацких, или киргиз казачьих орд и степей. СПб. 1832 Алматы 1996.
6. Валиханов Ч. Ч. Киргизское родословие // Собр. соч. Алма-Ата, т. 2, 1985.
7. Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, т. 4, 1985.
8. Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, т. 2, 1985.
9. Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., Алма-Ата, т. 1,1961.
10. Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, т. 5, 1985.
11. Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., Алма-Ата, т. 3,1985.
12. Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, т. 1, 1985.
13. Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, т. 5, 1985.
14. Валиханов Ч. Ч. Собр.соч.Алма-Ата, т.5.1985.
16. Врангель А. Е. Приятель Ф. М. Достоевского в Сибири1854–1856 гг. СПб,1912.
17. Потанин Г. Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 5. «Главная редакция Казахской Советской энциклопедии» Алма-Ата, 1985.
18.Литературная газета. 4. XII/1985.

© Абуев К. К., 2021

К. К. Абуев,
д.и.н. профессор,
заслуженный деятель РК, академик РАЕН,
Ж. Б. Нуркина,
докторант,
Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова
(г. Кокшетау, Казахстан)

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ И ГАЗИ ВАЛИХАНОВ

Чокан Чингизович Валиханов известен как выдающийся ученый-энциклопедист, просветитель, востоковед, этнограф, историк, фольклорист, географ. Менее известен в казахстанской историографии Гази Валиханов, близкий родственник Чокана Валиханова.

Чокан Валиханов умер в 1865 году, некролог о его смерти опубликовал в «Известиях» ИРГО П. П. Семенов-Тян-Шанский. С тех пор о Чокане опубликовано в виде статей, очерков и отдельных изданий сотни исследований, в которых высоко оценивается научная и общественно-политическая деятельность этой феноменальной личности. Прежде всего восторженно отзывались о нем современники, видные представители российской интеллигенции. Вместе с тем следует отметить, что было немало завистников у Чокана Валиханова среди чиновников, которые строили интриги и сплетни при жизни, а также находились недоброжелатели и после его смерти.

Между тем одной из актуальных проблем истории Казахстана является необходимость возвращения народу забытые в прошлом имена осевых фигур истории и культуры на основе объективного освещениях их деятельности. В числе преданных забвению — имя и Гази Болатовича Валиханова. Сведений о нем в казахстанской историографии до последнего времени не было, по крайней мере, мы не встречали. Его имя не упоминается даже в таком фундаментальном издании, как «Қазақ совет энциклопедиясы». [1] Следовательно, естественен вопрос: кто же такой Султан-Гази Валиханов и чем примечательна его личность?

Судьба Гази Валиханова была интересна уже тем, что он был одним из первых казахов, удостоившихся чина полковника не по должности, а на действительной службе в русской армии. Дело в том, что в первой половине XIX в. в связи с упразднением института ханства и введением в степи окружной системы управления старшим султанам округов присваивались военные звания майоров и подполковников, а со временем они за службу удостаивались и чина полковника. Но стать полковником на армейской службе казахам, как правило, не было дано. Опасаясь антиколониального выступления казахов, царское правительство не призывало их в армию. Даже в кадетских корпусах Омска и Оренбурга, куда принимались отдельные представители казахской знати, запрещалось допускать их к занятиям по сугубо военным дисциплинам. Как писал Г. Н. Потанин: «Чокана выпустили годом раньше, чем его сверстников. Как инородца его нашли неудобным оставлять на тот курс, на котором читаются специальные военные науки: тактика, артиллерия, фортификация и др.». [2, 357]

Сведения о жизни и деятельности Гази Валиханова встречаются в некоторых дореволюционных изданиях. В частности, краткий биографический очерк о нем был напечатан в журнале «Нива» (1891 г. № 11) [3, 259–260] за подписью «П. В.» и посвящался тридцатилетию его службы офицером в российской армии. Как считает современный исследователь С. В. Дмитриев, под псевдонимом «П. В» печатался «Известный библиограф и литератор Петр Васильевич Быков». [4, 311–323] В очерке П.В.Быкова приводятся ряд интресных фактов, но, вместе с тем в очерке имелись ряд неточностей и искажений биографии Гази Валиханова и его деда Губайдуллы.

К примеру, автор очерка пишет: «В год поступления Гази Булатовича в Сибирский корпус из этого заведения вышел родственник его султан Чокан Валиханов, происходивший от одной из младших жен Вали-Хана, в последствии путешественник и автор «Очерков Джунгарии» и других сочинений о востоке, умерший в 1865 году. Этот самый родственник, питавший тайную вражду к Гази Булатовичу, заподозрил его в коварных замыслах против России и совместно с Чингизом, отцом своим, тайно донес новому генерал-губернатору Западной Сибири Дюгамелю, будто султан Гази возбуждает киргизов против правительства. Генерал Дюгамель из предосторожности, узнав из доноса об огромном влиянии на киргизов потомков Губайдуллы по прямой линии, перевел молодого корнета Гази-Вали-Хана в Тобольск, прикомандировав его к полку, находившемуся в этом городе». [3, 259–260]

Что можно сказать по этому поводу? Недоброжелателей и завистников у Чокана Валиханова хватало и при жизни, и после смерти. Вот что писал он с иронией об одном таком случае К. К. Гутковскому: «Про меня что они сочинили — это потеха! Видите ли, когда меня посылали в Кашгар, я там не был, а жил в горах, где-то около Верного, и, приехавши в Омск, написал разную чепуху». [5, 158]

Чокан Валиханов органически не переносил интриги и сплетни. В письме своему другу, великому писателю Ф. М. Достоевскому он с негодованием отмечал: «Омск так противен со своими сплетнями и вечными интригами, что я не на шутку думаю его оставить». [5. 133] Великий ученый, просветитель, мысливши вселенскими категориями, гуманист, «любивший все человечество» не мог заниматься интригами против своего родственника Газы Валиханова. По-видимому, П. В. Быков в своем очерке приводит одну из таких интрижек, распространенных против Чокана Валиханова.

Нас заинтересовал и тот факт, что статья не подписана автором, а зашифрована инициалом «П. В.» По-видимому, автор засомневался в достоверности приведенных им в статье фактов. Еще больше удивил нас современный исследователь из университета ЕНУ имени Гумилева Сабитов Ж. М., который в монографии «Генеология Джучидов в XIII–XVIII вв.» без осмысления указанной статьи из журнала «Нива» полностью приводит ее текст. [6]

Чингизид, правнук Вали-хана, деда Чокана Валиханова Султан-Газы родился в семье султана Болата, сына Губайдуллы Валиханова — первого старшего султана Кокчетавского округа. Хорошо осведомленный в семейной хронике Валихановых Г. Н. Потанин — однокашник и друг Чокана Валиханова, — писал: «У хана Вали было две жены: от старшей жены был сын Габайдулла и другие; у младшей ханшы Айганым старший сын назывался Чингиз. После смерти Валихана киргизы (казахи — К. А.) объявили ханом Габайдуллу, но сохранение ханской власти в Орде не входило в расчеты русского правительства; Габайдулла был арестован и отвезен в ссылку в Березов, так и кончилась ханская власть в Орде». [7, 61] Действительно, Губайдулла, обвиненный в связи с руководителем антиколониального восстания Кенесары Касымовым, был в 1839 г. сослан в Березов, откуда вернулся лишь в 1847 году. [8, 148]

Как отмечалось выше, в казахстанской историографии сведении о Гази Валиханове до последнего времени не было. Лишь в последние годы вышел ряд статей одного из авторов этих строк в разных изданиях, а также статья исследователя С. Г. Дмитриева «Член русского географического общества генерал Султан Гази Валиханов: страницы биографии». [4]

В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона указано, что Султан-Газы Валиханов родился в 1844 г. По уточненным данным исследователя С. В. Дмитриева он родился 23 мая 1842 г. в семье султана Болата в урочище «Ханның қызыл ағашы» близ Бурабая. После окончания ауыльной школы при содействии генерал-губернатора Западной Сибири и Г. Х. Госфорда был принят в Сибирский кадетский корпус в г. Омске. [4, 243] Он учился весьма прилежно и

был на хорошем счету у администрации кадетского корпуса. В 1857 г. Газы Валиханов обращается к руководству учебного заведения с просьбой об официальном «именовании его султаном». [9] Просьба была удовлетворена. Этот эпизод позволяет судить о его честолюбивом характере и высокой самооценке.

Г. Валиханов окончил кадетский корпус в 1859 г. с зачислением по армейской кавалерии и был произведен в корнеты с назначением состоять в распоряжении командира отдельного Сибирского корпуса и генерал-губернатора Западной Сибири. Как было отмечено в указанном Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона: «По окончании образования в Сибирском кадетском корпусе, командирован был генерал-губернатором Западной Сибири к реке Черный Иртыш, у китайской границы, где кочевали еще не состоявшие в подданстве России киргизы (казахи-авт.) наймановских родов, и в Зачуйский край, в пределах бывшего Кокандского ханства, где кочевали независимые от России роды киргизов Большой орды и дикокаменные киргизы (буруты). Пользуясь своими родственными связями, Гази убедил большую часть упомянутых киргизов перейти в подданство России» [5, 808–809] В сентябре 1861 г. он берет отпуск и едет в Санкт-Петербург, где представляется военному министру генерал-адъютанту Мелютину и просит его доложить императору о своем желании служить в Санкт-Петербурге. Высочайшим повелением Гази Валиханов прикомандировывается в полк Казачьему И. В.

В том же году началось национально-освободительное восстание в царстве Польском, входившем в состав Российской империи. Восстание было направлено против насилия царизма и за восстановление независимости Польши. Демократическая часть России глубоко сочувствовала восставшей Польше. Но царское правительство принимает решительные меры по подавлению восстания. Летом 1863 г. царизм усилил свое наступление на повстанцев. Против партизанских отрядов, действовавших на территории царства Польского, Литвы и Белоруссии, были двинуты крупные военные силы. В составе русских войск был и молодой офицер Гази Валиханов. Как пишет И. Стрелкова: «Гази успел отличиться при подавлении польского восстания в 1863 году». [10, 264].

С 13 марта 1863 г. он был откомандирован с зачислением в 10-й полк Сибирского Казачьего войска с оставлением по армейской кавалерии и в распоряжении начальника Алатауского округа. В следующем, 1864 г. Султан-Гази принимает участие в походе русских войск под командованием полковника Черняева, направлявшегося, на завоевание юга Казахстана. Как известно, в этом походе, точнее в его начальном этапе, принимал участие и Чокан Уалиханов. Но после взятия г. Аулие-Ата (Тараз) ничем не оправданным штурмом с помощью артиллерии, Чокан Валиханов порывает отношения с Черняевым и покидает отряд.

Как пишет И. Стрелкова: «После взятия Аулие-Аты подал в отставку и поручик Гази Валиханов». Но, в отличие от Чокана Валиханова, Султан-Гази, как пишет та же И. Стрелкова, «вновь окажется на службе. И где? В лейб-гвардии Атаманском его императорского величества наследника цесаревича полку». [10, 270]. 9 сентября 1877 г. Гази был произведен в ротмистры и 31 октября 1881 г.

по окончании курсов в переменном составе учебного кавалерийского эскадрона отчислен обратно в свой лейб-гвардии Атаманский полк, где принял командование первым эскадроном. 30 августа 1882 г. высочайшим приказом произведен в полковники и 30 сентября того же года назначен командиром 3-го дивизиона. В 1883 г. во время коронации императора Александра III Султан Гази состоял почетным переводчиком при Хивинском хане и при наследнике Бухарского эмира. По сведениям С. В. Дмитриева, полученным в Российском государственном историческом архиве, он вышел в отставку в 1903 г. в чине генерал-майора. [3]

Армейскую службу Гази Валиханов сочетал большой общественной деятельностью. В середине 70-х годов он принимал активное участие в составлении программы Амударьинской экспедиции. «Как знаток» истории и культуры своего народа, — султан Гази неоднократно помещал статьи в разных периодических изданиях (в «Порядке», «Голосе», «Новом времени» и др., выступая под разными псевдонимами). Кроме того, им была также напечатана брошюра «300-летие Сибири». [4]

Султан Гази был одним из инициаторов создания Мусульманского благотворительного общества вспомоществования и содействия российским подданным мусульманам, обучающимся в Санкт-Петербурге, в рамках которого предполагали организовать клуб ориенталистов и собрать богатую коллекцию книг по Востоку. В Мусульманском обществе активно работал С. М. Шапшал, впоследствии известный востоковед, которому, как отмечает его жена, Вера Кефали, генерал оказывал покровительство. 4 ноября 1892 г. султан Гази был принят в члены Императорского Русского географического общества. [11]

В своей книге И. Стрелкова в лице Султан-Гази Валиханова вывела образ отрицательного героя, эдакого карьериста, чинуши. Вот что она писала: «В поход на Аулие-Ата выпросился у своего начальника и поручик Гази Валиханов. К этому времени шустрый родич стал еще более неприятен Чокану». [10, 270] Книга И. Стрелковой — художественное произведение, а не историческая хроника, поэтому она имела право на вымысел. И это ничуть не умаляет достоинства её замечательной книги.

Тем не менее, мы думаем, что у Чокана и Султан-Гази Валихановых не было неприязненного отношения друг к другу. То, что Султан-Гази после ухода из отряда Черняева Чокана Валиханова подал в отставку и тоже подался в аул султана Тезека, говорит о многом. Султан-Гази женился на дочери Тезека, того самого султана Тезека, на сестре которого, по имени Айсары, женился Чокан Валиханов.

В этой связи вернемся к очерку писателя Глеба Успенского «Кочевники и русские переселенцы» и к его статье «Письма переселенцев». В этой статье автор пишет: «Оказывается, что новый генерал-губернатор, М. А. Таубе (вступивший в должность летом 1890 г.), «при ревизии Акмолинской области, обявил киргзам о своем желании переселить к ним… без вреда благосостоянию киргиз, до 400 тысяч крестьян внутренних губерний мужскаго пола, а в объяснение этой возможности были приведены цифры количества земли, населения, скота, добытая особым комитетом и

поземельною коммиссией из официальных источников». [12] Таубе также был убежден, что эту цифру без какого-либо ущерба казахам можно довести до 800 тысяч человек.

В своем очерке «Кочевники и русские переселенцы» писатель Глеб Успенский приводит неопровержимые доказательства того, что переселение крестьян из европейской части России в казахскую степь пагубно отражается на экономическом положении кочевников. При этом писатель ссылается на напечатанные статьи Гази Валиханова. В частности он писал: «Но, несмотря на эти неопровержимые данные, доказывающие, по мнению, очевидно, компетентного лица, которому принадлежит письмо, «что о стеснении для киргиз, в смысле сокращения мест для их зимовок и пастбищ, вследствие переселения»,— не может быт и речи, — речь, одако же, воспоследовала, и речь весьма поучительная. Взялся за это дело султан киргиз-кайсаков Гази-Вали-Хан, обширное письмо которого [6, 43–44] помещено в Новом Времени, к сожалению, только в извлечении». Но и извлечения эти весьма достаточны, чтобы «неопровержимые данные» оказались опровержимыми. Цифры, высчитанные коммиссией и советом, оказываются неточными, так как ни совет, ни коммиссия не приняли во внимание весьма важных, также официальных данных, именно». В подтверждение своих выводов писатель приводит из статьи Гази Валиханова цифровые данные, состоящие из шести пунктов.

Далее Глеб Успенский приводит следующие общие выводы, сделанные Султаном-Гази Валихановым: «Затем, — пишет он, — автор письма делает общую характеристику взаимных отношений в Акмолинской области между кочевниками и переселенцами. Со времени водворения русских в край киргизы беспрекословно повиновались всем распоряжениям правительства: признали проведенную нейтральную полосу, — в ее законном размере, на 10 верст шириною, — уступали лучшие свои земли под постройки городов и станиц; с 1849 года водворилось в Акмолинской области, в Кокчетавском уезде, множество переселенцев из разных губерний России, которые заняли самые лучшие места и, обращенные в казаков, образовали наиболее богатые станицы и поселки в войске, таковы, например, станицы Котуркульская, Щучинская, Акан-бурлукская, Лобановская, Арыкбалыкская и др.; в конце семидесятых годов у них отобраны были более удобные земли под крестьянские поселения в Кокчетавском и Атбасарском уездах и даже в настоящем году в Петропавловском и Кокчетавском уездах образованы два русских поселения из крестьян, самовольно водворившихся на киргизских землях. Несмотря на то, киргизы продолжают неутомимо вести свое многотрудное скотоводческое хозяйство, арендуя у казаков и крестьян необходимые для того земли, безнедоимочно уплачивают подати и повинности и поддерживают обширную торговлю в крае. Но положение их с каждым годом делается труднее. Кочевники во многих местах, особенно смежных с 10-ти верстной полосой, начинают нищать, так что поступали в тех местах заявления казаков, что в станицах и поселках

большой наплыв обедневших киргиз, слышались жалобы, что киргизы приносят большой вред казачеству, деморализуя его тем, что своим даровым трудом приучают станичников в лени. Из этого видно, в каком натянутом положения находятся киргизский поземельный вопрос. Несомненно, что если существовавший доселе порядок отобрания и захвата у киргиз лучших земель продлится еще немного, то кочевники принуждены будут оставить степные области и край лишится единственных полезных для промышленности работников, умеющих искусным ведением скотоводства извлекать значительную пользу из бесплодных степных пространств». [6, 43–44]

Содержание очерка и статьи Глеба Успенского характеризуют Гази Валиханова как общественного деятеля, патриота и ревнителя интересов своего народа. Вслед за султаном Гази Валихановым против массового переселения крестьян из центральных губерний России выступили многие другие общественные деятели, такие как Мамбет-Али Сердалин, Бакытжан Каратаев, Алихан Букейханов, Айдархан Турлыбаев и др. К примеру, в своем выступлении с докладом на заседании «Общества для содействия русской промышленности и торговли», Мамбет-Али Сердалин, обосновывая выгодность развития в Казахстане скотоводческого хозяйства, ссылается на статью Гази Валиханова, опубликованной в журнале «Новое время». Он писал: «Вопрос о том, какая более годна для наших степей культура — вопрос не новый, он поднят был еще в 1890 г. одним из выдающихся киргизов (казахов — А. К.), султаном Гази Вали Ханом…[13] Опасаясь упреков в односторонности, я не привожу здесь чрезвычайно веских данных из письма султана Гази Вали Хана, помещенных в «Новом Времени», но я позволю себе устами народника, одного из выдающихся знатоков русского и киргизского скотоводческого быта Глеба Успенского, сказать несколько слов о невозможности в степях другой культуры, кроме скотоводческой. Вот что говорит Глеб Успенский в своей статье «Кочевники и русские переселенцы»» помещенной в журнале «Русская мысль» за 1891 г. Далее М. Сердалин приводит цитату из данной статьи писателя: «Несмотря на то, киргизы прододжают неутомимо вести свое многотрудное скотоводческое хозяйство, арендуя у казаков и крестян необходимые для того земли, безнедоимочно уплачивают подати и повинности и поддерживают обширную торговлю в крае. Но положительно поступали в тех местах заявления казаков, что в станицах и поселках большой наплыв обедневших киргиз, слышались жалобы, что киргизы приносят большой вред козачеству, деморализируя его тем, что своим даровым трудом приучают станичников к лени. Из этого видно, в каком натянутом положения находятся киргизский поземеленый вопрос. Несомненно, что если существовавший доселе порядок отобрания и захвата у киргиз лучших земель продлится еще немного, то кочевниви принуждены будут оставить степные области и край лишится единственных полезных для промышленности работников, умеющих искустным ведением скотоводства извлекать значителную пользу из безплодных степных пространств». [13]

Но несмотря на протест общественности царское правительство продолжало политику заселения казахской степи славянским населением. Поэтому Гази Валиханов инициировал поездку делегации казахов в Петербург и подготовил

письмо к царю с жалобой на чиновничий произвол по выселению кочевников с их освоенных земель и захвату лучших угодий для переселенцев.

Положительно характеризуют Султан-Гази и архивные документы, включенные в «дело муллы Наурызбая Таласова». В своей докладной записке на имя военного губернатора Акмолинской области от 3 апреля 1903 крестьянский начальник Кокчетавского уезда Троицкий писал: «В Санкт-Петербурге в 1899 г. я встречался с полковником гвардии Валиханом (ныне в отставке). Приезд его в Кутуркульскую волость в места своей родины, где имеется его дом, ознаменовался целым рядом бесчинств и приглашением всех представителей народа на свидание… Понятно, что игрой в заступничество за права народа, за религию его, попираемые православием». [14, 91] Далее он называет в числе друзей Г. Валиханова Мамбет-Али Сердалина, известного ученого, политического деятеля, находившегося под негласным надзором полиции; Айдархана Турлыбаева, в 1902 г. окончившего юрфак Петербургского университета, в будущем одного из лидеров движения «Алаш»; Науана Хазрета, ученого-теолога, выступавшего против политики правительства по русификации и христианизации казахов; Шаймердена Кощегулова, будущего общественного деятеля, депутата Госдумы 1, 2 созывов от Акмолинской области. [14, 92–93] Следовательно, С.-Г. Валиханов пользовался большим авторитетом в среде известных общественных деятелей.

Таким образом судьба Султан-Гази Валиханова интересна не только тем, что он дослужился до высшего офицерского звания, но и тем, что его жизнь напрямую была связана с важнейшими событиями в политической жизни Казахстана во второй половине XIX — начале XX веков. К тому же он был весьма неравнодушен к судьбе своего народа, по мере возможности защищал его интересы, помогал соотечественникам, приезжавшим в столицу империи Петербург в поисках правды и справедливости. В силу указанных выше обстоятельств авторы данного очерка сочли небезынтересными жизнь и судьбу Султан-Гази Валиханова.

И еще. По записям известной писательницы Марии Свентицкой Г. Н. Потанин вспоминал: «…Раз, в глухую осень, к воротам подъехали лошади со звонками. Я подумал: «Ну еще куда-нибудь повезут!» (Г. Н. Потанин находился в ссылке в Вологодской области — К. А.). Но слышу, спрашивают Потанина, и хозяйка ведет кого-то ко мне…». И что же? Чокан Валиханов!..Я даже потерялся от радости. Всю ночь мы просидели, не ложась, и говорили, и говорили… Чокан должен был на другой же день уехать, — так сложились его служебные дела (он был киргизским полковником). [15]

Если учесть то, что Г. Н. Потанин был осужден в 1865 г. и содержался сначала в тюрьме, а в 1871–1874 гг. — в ссылке, то очевидно, что Чокан Валиханов, который умер в 1865 г. никак не мог приехать к Потанину в Вологодскую область. А приезжал к нему, на наш взгляд, никто иной как Султан-Гази Валиханов, который был весьма похож на своего дядю — Чокана Валиханова. При виде Гази, вполне естественно, на Г. Н. Потанина нахлынули воспоминания о своем друге — Чокане Валиханове, и был он очень растроган.

Воссоздание биографии и деятельности Султан-Гази Валиханова требует своего дальнейшего исследования. Сведения об этапах его жизни, которыми мы располагаем, отрывочны и неполны, что не позволило реконструировать всю его военную и общественно-политическую деятельность. Однако даже эти немногочисленные факты позволяют судить о Султан-Гази Валиханове, как о неординарном человеке, патриоте своей страны.

По сведениям того же С. В. Дмитриева «генерал Султан-Гази Валиханов погиб 22 июня 1909 г. на своей даче в Саблена под Петербургом. 1 июля его тело было на поезде доставлено в Петербург, где его встречали представители Мусульманского общества: его председатель полковник Давлечин, товарищ председателя Загид Шамиль полковник Чернышев, купец Максудов, петербургские ахуны и муллы и др. Лейб-гвардии Атаманский полк, где служил султан Гази, выслал почетный караул». Так трагически оборвалась жизнь замечательного человека, страстного патриота своей Родины.

Список использованной литературы и источников:

1. Қазақ совет энциклопедиясы. II т. А., 1977.

2. Потанин Г. Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове // Валиханов Ч. Ч собр. соч. Т. 5.А.-А., 1985. 525 с.

3. Султан Гази-Вали-Хан // Нива. — 1891. — №11.

4. С. Дмитриев. Член русского географического общества генерал Султан Гази Валиханов: страницы биографии // Страны и народы Востока. Вып. XXXIV: Центральная Азия и Дальний Восток. Под ред. И. Ф. Поповой, Т. Д. Скрынниковой. — 2013.

5. Валиханов Ч. Ч. Письмо к К. К. Гутковскому / Ч. Ч. Валиханов собр.соч. А.-А., Т.5. 1985.

6. Сабитов Ж. М. «Генеология Джучидов в XIII–XVIII вв.» Астана, 2007 г.

7. Потанин Г. Н. В юрте последнего киргизского царевича. Русское богатство / Г. Н. Потанин. 1896, — №8. — С. 61. Подробнее о нём читайте: Абуев К. К. Кокшетау исторические очерки. Кокшетау / К. К. Абуев. 1997.

8. Марков С. И. Идущие к вершинам / С. И. Марков. А., 1982.

9. Госархив Омской области. Ф.19.Оп I.Д.87. Микросфич.

10. Стрелкова И. Валиханов М., Молодая гвардия / И. Стрелкова, М. Валиханов. ЖЗЛ.1983.

11. Семенов П. П. История полувековой деятельности Императорского РГО 1845–1895. / П.П. Семенов. СПб., — Т. III. 1896.

12. Гл. Успенский. Письма переселенцев // Русская Мысль. — 1891. — Т. 3. — №1.

13. Сердалин М. Об эксплуатации степей Западной Сибири путем скотоводческой культуры // Труды Общества для содействия русской промышленности и торговли. Петербург, — 1900.

14. ЦГА РК. Ф. 369. Оп. I. Д. 871. Л. 91.

15. Воспоминания о Г. Н. Потанине // Северная Азия: Общественно-научный журнал. М., — 1927. Кн. 5–6.

© Абуев К. К., НуркинаЖ. Б., 2021

К. К. Абуев,
д. и. н. профессор,
заслуженный деятель РК,
академик РАЕН
(Кокшетау, Казахстан)
Ж. К. Осипова,
магистр истории
Кокшетауский университет имени Ш. Уалиханова
(Кокшетау, Казахстан)

ОБЩНОСТЬ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ СУЛТАН-ГАЗЫ ВАЛИХАНОВА И МАМБЕТ-АЛИ СЕРДАЛИНА (конец XIX — начало XX вв.)

Одной из актуальных проблем истории Казахстана является необходимость возвращения народу забытых в прошлом имен ведущих деятелей истории и культуры на основе объективного освещения их жизни. К таким личностям относятся Султан-Газы Валиханов и Мамбет-Али Сердалин. В исторической науке сведений о них немного, особенно малоисследованными остаются их общественно-политические взгляды. Судьба С-Г. Валиханова была интересна уже тем, что он был одним из первых казахов, удостоившихся чина полковника не по должности, а на действительной службе в русской армии.

Сведения о жизни и деятельности С-Г. Валиханова встречаются в некоторых дореволюционных изданиях. В частности, краткий биографический очерк о нем был напечатан в журнале «Нива» (1891 г.) известным библиографом и литератором П. В. Быковым [4, с. 311–323]. Биографические сведения о Газы Валиханове содержатся в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрон. [2, 808–809]

Известный русский писатель Глеб Успенский в журнале «Русская Мысль» № 1 за 1991 г. напечатал очерк «Кочевники и русские переселенцы», [3] где содержатся интересные сведения и факты из жизни Газы Валиханова. Чингизид, потомок знаменитого казахского хана Абылая, правнук Вали-хана Султан-Газы родился в семье султана Болата, сына Губайдуллы Валиханова — первого старшего султана Кокчетавского округа.

В исторической беллетристике имя Султан-Газы Валиханова упоминалось в двух произведениях, посвященных жизни и деятельности более известного его родственника — Чокана Валиханова. Это — дилогия классика казахской литературы Сабита Муканова «Промелькнувший метеор» [4, с. 381] и книга московского писателя Ирины Стрелковой «Валиханов». [5, с. 264] В последние годы вышел ряд статей доктора исторических наук, профессора К. К. Абуева. [1] а также исследователя С. Г. Дмитриева «Член русского географического общества генерал Султан Гази Валиханов: страницы биографии». [6]

В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрон указано, что Султан-Газы Валиханов родился в 1844 г. По уточненным данным исследователя С. В. Дмитриева он родился 23 мая 1842 г. в семье султана Болата в урочище близ Бурабая. После окончания аульной школы при содействии генерал-губернатора Западной Сибири и Г. Х. Госфорда был принят в Сибирский кадетский корпус в г. Омске. [2, с. 243]

С.-Г. Валиханов окончил кадетский корпус в 1859 г. с зачислением по армейской кавалерии и был произведен в корнеты с назначением состоять в распоряжении командира отдельного Сибирского корпуса и генерал-губернатора Западной Сибири.

Армейскую службу Газы Валиханов сочетал большой общественной деятельностью. В середине 70-х годов он принимал активное участие в составлении программы Амударьинской экспедиции. «Как знаток» истории и культуры своего народа, — Султан Газы неоднократно помещал статьи в разных периодических изданиях (в «Порядке», «Голосе», «Новом времени» и др., выступая под разными псевдонимами). Кроме того, им была также издана брошюра «300-летие Сибири». [6]

Султан Гази был одним из инициаторов создания Мусульманского благотворительного общества вспомоществования и содействия российским подданным мусульманам, обучающимся в Санкт-Петербурге, в рамках которого предполагали организовать клуб ориенталистов и собрать богатую коллекцию книг по Востоку. [7]

В своем очерке «Кочевники и русские переселенцы» Гл. Успенский приводит неопровержимые доказательства того, что переселение крестьян из европейской части России в казахскую степь пагубно отражается на экономическом положении кочевников. При этом писатель ссылается на напечатанные статьи Газы Валиханова. В частности, он писал: «Но, несмотря на эти неопровержимые данные, доказывающие, по мнению, очевидно, компетентного лица, которому принадлежит письмо, «что о стеснении для киргиз, в смысле сокращения мест для их зимовок и пастбищ, вследствие переселения», — не может быть и речи, — речь, однако же, воспоследовала, и речь весьма поучительная. Взялся за это дело султан киргиз-кайсаков Гази-Вали-Хан, обширное письмо которого помещено в Новом Времени, к сожалению, только в извлечении». [3, 43–44] Но и извлечения эти весьма достаточны, чтобы «неопровержимые данные» оказались опровержимыми. Цифры, высчитанные комиссией и советом, оказываются неточными, так как ни совет, ни комиссия не приняли во внимание весьма важных, также официальных данных, именно». В подтверждение своих выводов писатель приводит из статьи Газы Валиханова цифровые данные, состоящие из шести пунктов.

Далее Глеб Успенский приводит следующие общие выводы, сделанные Султаном-Газы Валихановым: «Затем, — пишет он, — автор письма делает общую характеристику взаимных отношений в Акмолинской области между кочевниками и переселенцами. Со времени водворения русских в край киргизы беспрекословно повиновались всем распоряжениям правительства: признали

проведенную нейтральную полосу, — в ее законном размере, на 10 верст шириною, — уступали лучшие свои земли под постройки городов и станиц; с 1849 года водворилось в Акмолинской области, в Кокчетавском уезде, множество переселенцев из разных губерний России, которые заняли самые лучшие места и, обращенные в казаков, образовали наиболее богатые станицы и поселки в войске, таковы, например, станицы Котуркульская, Щучинская, Аканбурлукская, Лобановская, Арыкбалыкская и др.; в конце семидесятых годов у них отобраны были более удобные земли под крестьянские поселения в Кокчетавском и Атбасарском уездах и даже в настоящем году в Петропавловском и Кокчетавском уездах образованы два русских поселения из крестьян, самовольно водворившихся на киргизских землях». [3, 43–44]

Содержание очерка и статьи Глеба Успенского характеризуют Газы Валиханова как общественного деятеля, патриота и ревнителя интересов своего народа. Вслед за султан Газы Валихановым против массового переселения крестьян из центральных губерний России выступили многие другие общественные деятели, такие как Мамбет-Али Сердалин, Бакытжан Каратаев, Алихан Букейханов, Айдархан Турлыбаев и др. Необходимо отметить, что среди упомянутых деятелей внимание общественности давно привлекает личность Мамбет-Али Сердалина (1865–1914 гг.) Он был одним из известных прогрессистов конца XIX — начала XX веков, общественно-политическим деятелем Северного Казахстана, первым казахским революционером, демократом, историком и экономистом.

К сожалению, в исторической науке сведений о нем также немного, особенно малоисследованными остаются его общественно-политические взгляды, непонятно за что он подвергался преследованиям со стороны царского правительства. О нем в разное время писали Х. Тлеубаев, Е. Байболов, А. Сатаев, С. Муканов, Ш. Кусаинов. По свидетельству писателя Героя Советского Союза Кизатова Ж. К. М. Сердалиным интересовался Мухтар Ауэзов и имел намерение писать о нем. Важные сведения о биографии Мамбет-Али Сердалина содержатся в статье доктора филологических наук Б. Искакова «Жизнь в изгнании», опубликованной на страницах «Билим жане енбек» (1981, №2), а также в статье члена Союза журналистов Н. Магзумова «Алихан и Мамбет-Али». Значительную ценность в изучении общественной и политической деятельности М.Сердалина представляют очерки профессора К. К. Абуева, содержащиеся в монографиях «Кокшетау. Исторические очерки», [5] «Науан-Хазрет», а также статьи, опубликованные на страницах журналов «Мысль», «Билим жане енбек» и в газетах «Кокшетау», «Степной Маяк», «Окжетпес».

Мамбет-Али Сердалин родился в 1865 г. в ауле близ озера Косколь Чалкарской (ныне Айртауский район) волости Кокчетавского уезда. Предки его происходили из влиятельного рода караул. Дед по отцу — Шобек Байсарин был состоятельным скотоводом, пользовался большим влиянием во всей округе, участвовал в составе делегации сибирских казахов из восьми человек в коронации императора Александра II в 1855 г. Отец Мамбет-Али Сердалина был образованным для своего времени человеком и приложил большие усилия, чтобы создать

возможность своему одаренному сыну получить европейское образование. Здесь, видимо, сказывался пример Чокана Валиханова. Начальное образование Мамбет-Али получил в родном ауле, затем поступил Омское техническое училище. Во время учебы в г. Омск М. Сердалин активно включается в политическую жизнь города, устанавливает связи с политическими ссыльными.

Окончить училище ему не удалось, в начале января 1889 г. по доносу Петропавловского полицмейстера М. Сердалин за связи с политическими ссыльными был исключен из училища, а далее по предписанию Военного губернатора Акмолинской области за ним установлен негласный надзор, который длился на протяжении 15 лет. На формирование личности, мировоззрения М. Сердалина оказали решающее влияние, в первую очередь, особенности состояния и развития казахского общества в последней трети XIX века. Господствующими в нем были патриархально-феодальные отношения, основная масса населения занималась полукочевым скотоводством. К этому времени завершился процесс присоединения Казахстана к России, что сопровождалось усилением социального и национального гнета. Казахстан все сильнее втягивался в орбиту экономических и социально-политических процессов России. Царское правительство к решению вопроса о хозяйственном и политическом развитии края подходило исключительно с позиции колониальной политики и игнорировало исторические особенности и внутренние потребности казахского народа. После реформ 60-х годов XIX столетия, особую остроту принимает земельный вопрос. Всю землю Казахстана царизм объявил государственной собственностью. Массовый характер приобретает переселение крестьян из центральной России. Колониальная политика самодержавия, произвол и притеснение, выселение с родной земли, усиление налогового пресса вызвали недовольство населения, что вылилось в крестьянские волнения и национально-освободительное движение местного населения.

В своих трудах «Аренда казахской земли» (Омск, 1900 г.), «Об эксплуатации Степей Западной Сибири путем скотоводческой культуры», «Общество для содействия русской промышленности и торговли» (С.-Петербург, 1900, т. 25) он обосновывает положение об необходимости разумного подхода к землепользованию в Казахстане, разоблачает несостоятельность выводов комиссии Министерства земледелия во главе с чиновником Щербиной, которая намного преувеличила площадь пахотно-пригодных земель. Протестуя против аграрной политики колониальной администрации, М. Сердалин с горечью говорил: «Клочок за клочком отнимают у нас, исконных скотоводов, земли при том лучшие, тем самым, создавая полную невозможность для нас продолжать скотоводческую культуру, так как все водопои отрезаны». [8]

К примеру, в своем выступлении с докладом на заседании «Общества для содействия русской промышленности и торговли», Мамбет-Али Сердалин, обосновывая выгодность развития в Казахстане скотоводческого хозяйства, ссылается на статью Газы Валиханова, опубликованной в журнале «Новое время». Он писал: «Вопрос о том, какая более годна для наших степей культура — вопрос

не новый, он поднят был еще в 1890 г. одним из выдающихся киргизов, султаном Гази Вали Ханом…». [8] Опасаясь упреков в односторонности, я не привожу здесь чрезвычайно веских данных из письма султана Газа Вали Хана, помещенных в «Новом Времени», но я позволю себе устами народника, одного из выдающихся знатоков русского и киргизского скотоводческого быта Глеба Успенского, сказать несколько слов о невозможности в степях другой культуры, кроме скотоводческой.

Но несмотря на протест общественности царское правительства продолжало политику заселения казахской степи славянским населением. Поэтому Газы Валиханов инициировал поездку делегации казахов в Петербург и подготовил письмо к царю с жалобой на чиновничий произвол по выселению кочевников с их освоенных земель и захвату лучших угодий для переселенцев.

Таким образом деятельность Султан-Газы Валиханова и Мамбет-Али Сердалина напрямую была связана с важнейшими событиями в политической жизни Казахстана во второй половине XIX — начале XX веков. К тому же они были весьма неравнодушны к судьбе своего народа, по мере возможности защищали его интересы, помогали соотечественникам, приезжавшим в столицу империи Петербург в поисках правды и справедливости. Их жизнь и общественно-политическая деятельность — пример служения своему народу.

Список литературы и источников:

1. Абуев К. К. Кокшетау. Исторические очерки — Кокшетау, 2005. С. 173.

2. Брокгауза Ф. А., Ефрон А. И. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауза и А. И. Ефрон. СПб., Т VIIA. 1892. — 850 с.

3. Гл. Успенский. Кочевники и русские переселенцы // Русская Мысль. — 1891. — № 1.

4. Муканов С. Промелькнувший метеор / С. Муканов. А., 1976, — Т. II. — С. 381.

5. Стрелкова И. Валиханов М., Молодая гвардия / И. Стрелкова, М. Валиханов. ЖЗЛ.1983. — С. 264.

6. С. Дмитриев. Член русского географического общества генерал Султан Гази Валиханов: страницы биографии // Страны и народы Востока. Вып. XXXIV: Центральная Азия и Дальний Восток. Под ред. И. Ф. Поповой, Т. Д. Скрынниковой. — 2013. С. 311.

7. Семенов П. П. История полувековой деятельности Императорского РГО 1845–1895. / П. П. Семенов. СПб., — Т. III. 1896. — С. 16.

8 Сердалин М. Об эксплуатации степей Западной Сибири путем скотоводческой культуры // Труды Общества для содействия русской промышленности и торговли. — С.-Петербург, — 1900. С. 25.

© Абуев К. К., Осипова Ж. К., 2021

О. Г. Акинина,
к. филолог. наук, доцент
ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова
(г. Москва, Россия)

СПЕЦИФИКА ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В XIX ВЕКЕ

Развитие исламского образования всегда было неразрывно связано с изучением арабского языка — языка Корана — священной книги мусульман и важнейшего религиозно-нравственного источника существования мусульманской общины. Исторически на территории России исламское образование можно было получить в мактабах (начальных школах, организованных при мечетях) и медресе, куда поступали по окончании обучения в мактабе. Эти традиционные исламские учебные заведения действовали во всех районах компактного проживания мусульманского населения в России, что позволяло любому человеку, исповедовавшему ислам, получить религиозное образование. Подобная система существовала на территории Российской империи вплоть до революции 1917 г. Мактабы и медресе являлись основой для последующей подготовки мусульманского духовенства и высокообразованных специалистов по богословию, которые свободно владели литературным арабским языком. [3, 13]

Знаковым для российских мусульман этапом развития и распространения исламского образования стал XIX в., когда на государственном уровне в России в программу высшей школы стало планомерно вводиться преподавание восточных языков. В 1804 г. был издан Университетский устав, согласно которому впервые для этой цели в Московском университете была основана особая кафедра. Безусловно, понимание всей важности государственного значения арабского языка в правительственных сферах той эпохи проявилось гораздо раньше. Еще Екатерина II в своем указе от 27 сентября 1782 г. специально обосновывала необходимость преподавания арабского языка вместе с татарским и персидским в школах «тех губерний, которые лежат в стороне татарской, персидской и бухарской», так как от арабского «все в той стороне употребляемые диалекты имеют свое происхождение и посредством его можно будет завести лучших переводчиков во всех сих языках, нежели до сего времени мы их имеем». [4, 40]

Арабский язык стал систематически появляться в программах общеобразовательных школ уже со второй половины XVIII в. Первым учебным заведением, где в числе других восточных языков преподавался арабский, было Астраханское главное народное училище, основанное в 1788 г. Именно с Астраханью связано и появление первой известной арабской грамматики М. Д. Скибиневского 1810 г., оставшейся в рукописи.

Однако именно в начале XIX в. произошел коренной сдвиг в арабистической науке сразу по двум направлениям — систематическому преподаванию арабского языка и формированию собственной рукописной базы. В этот период с особой остротой встал вопрос о необходимости создания различных учебных пособий, предназначенных для изучения арабского языка.

Одним из фундаментальных трудов в этом направлении стала «Арабская христоматия» профессора А. В. Болдырева (1780–1842), который с 1811 г. начал

преподавание восточных языков в Московском университете на специально созданной новой кафедре. Впервые составленная им хрестоматия в двух изданиях (1824 г. и 1832 г.) разошлась по всей России. Параллельно с этим А. В. Болдырев составлял грамматики, которые были призваны подготовить изучающих арабский язык в том числе и к работе над данными пособиями. Так, в 1827 г. вышла «Арабская грамматика в таблицах», а в 1836 г. — «Краткая Арабская грамматика». Сам автор отмечал, что изданные им «учебные книги для Арабского и Персидского языков приняты благосклонно и введены в употребление во всех Российских Университетах и других учебных заведениях, где только преподаются языки сии». [2, 1]

В Санкт-Петербурге преподавание арабского и персидского языков началось позже, чем в других университетах, — в 1818 г. В 1855 г. в Петербургском университете был основан Факультет восточных языков, где начал свою преподавательскую деятельность В. Ф. Гиргас (1835–1887), основные интересы которого склонялись к изучению арабских грамматических теорий, чему была посвящена его докторская диссертация (1873). Широкой известности достиг и его ученик В. Р. Розен (1849–1908), с именем которого связано развитие новой школы отечественного востоковедения.

Одним из фундаментальных трудов, созданных В. Ф. Гиргасом и В. Р. Розеном, была «Арабская хрестоматия» (1875–1876), которая с момента своего появления приобрела «почетную известность и популярность», вошла в употребление «как одно из лучших пособий» и даже теперь сохранила «все свое значение авторитетного и критического подбора текстов при изучении классического языка». [5, 136]

В целом, хрестоматии и другие учебные пособия, созданные в этот период в основных центрах российского востоковедения (Москве, Санкт-Петербурге и Казани), использовались в различных учебных заведениях (в том числе на Кавказе и в Средней Азии, где до революции не было создано самостоятельных центров научной арабистики) вплоть до конца XIX в. Благодаря этому, преподавание и изучение арабского языка в России вышло на качественно новый уровень, что не могло не оказать влияния и на развитие исламского образования в целом.

Список литературы и источников:

1. Акинина О. Г. Арабские хрестоматии XIX в. в России // Арабская филология, т.3, с.33–49. — М., 2008.

2. Болдырев А. В. Новая арабская христоматия. — М., 1832.

3. Дмитриева Е. Л. Исламское образование в России: история и современность // Россия и мусульманский мир.

https://cyberleninka.ru/article/n/islamskoe-obrazovanie-v-rossii-istoriya-i-sovremennost/viewer

4. Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. —. М.- Л., 1958, т. 5.

5. Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. —М.- Л., 1950.

© Акинина О. Г., 2021

А. М. Ауанасова,
д. и. н., проф.
Института истории государства
Комитета науки МОН РК,
(г. Нур-Султан, Казахстан)
А. М. Бадиев,
маг. гум. н.
Института истории государства
Комитета науки МОН РК,
(г. Нур-Султан, Казахстан)

ЧОКАН ЧИНГИСОВИЧ ВАЛИХАНОВ И ЕВРАЗИЙСТВО
(в контексте синтеза евразийских культур)

Чокан Чингисович Валиханов — известный просветитель, переводчик, этнограф, фольклорист, основоположник отечественной картографии, проживший короткую, но яркую жизнь, оставил после себя большое историко-культурное наследие, которое продолжает сохранять свою актуальность в условиях современного независимого Казахстана. Имя Ч. Ч. Валиханова яркого представителя передовой культуры XIX столетия, основоположника многих наук, стало символом прогресса и просвещения, олицетворением культурных и научных достижений казахского народа. И сегодня его бесценный вклад в развитие науки и богатое историко-культурное наследие продолжают привлекать внимание многих исследователей. Наследие Ч. Ч. Валиханова по сей день служит на благо народов Евразийского пространства.

Творческое и научное наследие Ч. Ч. Валиханова отражает уникальную концепцию межнационального взаимодействия, экономического, культурного, конфессионального разнообразия евразийских народов, которое нацелено на единство, целостность и уникальность народов при их разнообразии. Переплетение и взаимодополнение традиций Востока и Запада как отмечал Ч. Ч. Валиханов, создает диалог культур и цивилизаций, обеспечивая надежный мост дружбы между Казахстаном и Россией.

В середине XIX века зарождение признаков евразийства у молодого ученого возникли не на пустом месте. Оно формировалось в русле самобытной и яркой традиции казахского народа, образа жизни, полученного образования, окружающей среды. Уже в отрочестве он начинает записывать образцы многих казахских героических эпосов и жырау, таких как «Козы-Корпеш и Баян-Сулу», «Еркокше», «Едыге» и другие. А осенью 1847 г. одаренный подросток поступает в Сибирский кадетский корпус в Омске, считавшийся лучшим учебным заведением Сибири, где обратил на себя внимание, проявив незаурядные способности в изучении истории, географии и восточной филологии.

Наставниками Чокана были Н. Ф. Костылецкий — литератор и ориенталист и преподававший в корпусе русскую литературу, ссыльный П. В. Гонсевский, читавший курс истории цивилизации и В. П. Лободовский. Н. Ф. Костылецкий увлекался казахским устным народным творчеством. Вместе с Чоканом они перевели на русский язык один из древних вариантов поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Сулу». [1]

Интерес к изучению родного края и стран Востока у Чокана возник ещё в стенах кадетского корпуса. «Чокану было только 14–15 лет, — пишет Г. Н. Потанин, — когда преподаватели корпуса на него смотрели, как на будущего исследователя и может быть учёного». Он уже тогда мечтал о больших научных исследованиях на просторах «неизведанной Азии», зачитывался историко-географической литературой». [2, 21–32] С этой целью он тщательно — изучает труды иностранных и русских исследователей-востоковедов. «Уже на школьной скамье — продолжает Г. Н. Потанин, — Валиханов стал готовиться к роли путешественника, тогда же перечитал Палласа, Рычакова, Левшина, Вельяминова-Зернова и массу других книг». Через работы этих исследователей у него формируются навыки научной деятельности, которые он пронесет до конца жизни. В 1853 г. в возрасте 17 лет Чокан закончил кадетский корпус и был выпущен корнетом «по армейской кавалерии». [7, 157]

Молодой и образованный офицер Чокан Валиханов, прекрасно знающий жизнь и быт местного населения, сразу привлёк внимание Западно-Сибирской администрации. Формально он был определён офицером 6-го кавалерийского полка Сибирского казачьего войска, но фактически оставлен при генерал-губернаторе Западной Сибири, а через год назначен адъютантом генерал-губернатора Г. Г. Гасфорта, управлявшего тогда Западной Сибирью и северо-восточными районами Казахстана. Одновременно по линии Главного управления края на Ч. Валиханова была возложена должность офицера по особым поручениям. Работая адъютантом генерал-губернатора, Валиханов преуспел в изучении истории и географии стран Центральной Азии.

В 1854 г. с помощью Н. Ф. Костылецкого установились дружеские и творческие связи между Чоканом и проф. И. Н. Березиным. В это же время происходит его знакомство с дочерью декабриста И. Анненкова И. О. Ивановой и ее мужем К. И. Ивановым. В 1854 году Валиханов знакомится с петрашевцами: писателем Ф. М. Достоевским и С. Ф. Дуровым, а в доме Гутковских — с известным путешественником П. П. Семеновым-Тян-Шанским.

Начиная с первой встречи, Достоевский, Дуров и Семенов (Тян-Шанский) восприняли молодого казаха как духовно очень близкого человека. Ф. М. Достоевский и позднее следил за научными успехами Валиханова, а П. П. Семенов-Тян-Шанский оценив научный вклад молодого исследователя в географию, естествознание, рекомендовал его кандидатуру для приема в Российское Географическое Общество. Таким образом, говоря словами К. И. Флоровской, «если и можно, и должно кого-либо считать идеологическими предшественниками

евразийцев, то это именно этих людей, так или иначе, в своих утверждениях, совпадавших с теми или иными утверждениями евразийцев». [3]

Так постепенно под влиянием демократических идей петрашевцев, славянофилов из среды писателей, ученых, просветителей, наставников и выпускников Неплюевского (Оренбургского) и Сибирского (Омского) кадетских корпусов формируется молодой ученый и просветитель.

В 1855 г. Чокан принимает участие в экспедиции генерала Гасфорта. Маршрут экспедиции пролегал от Омска до Семипалатинска, оттуда через Аягуз и Капал, к подножиям Заилийского Алатау. [4, 33–36] Во время этого путешествия Валиханов записывает исторические предания и легенды, осматривает архитектурные памятники. Гасфорт после поездки не мог не воздать должного эрудиции и способностям Ч. Валиханова. По возвращении из поездки он представил Чокана к награде, дав ему самую лестную характеристику: «В числе представляемых, — писал Гасфорт в Военное министерство, — заключается, между прочим, состоящий при мне корнет, султан Валиханов, который, хотя и состоит на службе не более 2-х лет, но при совершении знаний оной, казахского языка, а также и местных обычаев, он, сопровождая меня в степь, принёс большую пользу… Он получил основательное образование в Сибирском кадетском корпусе и поступил в военную службу, а потому и в видах поощрения такого полезного начала и развития в казахах желания к отдаче детей своих в нашу службу и через то большого сближения их с нами, я нахожу необходимым поощрение Валиханова всемилостивейшей наградой, тем более он пользуется особым между казахами уважением». В начале 1856 г. Чокану Валиханову присуждается чин поручика. [5, 57–91]

В середине 50-х гг. XIX века в российском обществе генерируются идеи будущего течения евразийства, где одним из главных принципов было представление о России как особом культурном, историческом и географическом мире, не принадлежащем ни к Европе, ни к Азии, но представляющем собой совершенно самостоятельный культурно-исторический тип, «срединную цивилизацию».

Наша статья не позволяет в полной мере сделать сравнительный анализ взглядов славянофилов и евразийцев. Автор может лишь остановиться на наиболее главной из них, когда славянофилы и евразийцы были схожи в одном, что всем «евразийским народом является именно и только русский народ; остальные, населяющие Россию народы, это в основе своей либо европейские, либо азиатские, обретающие черты лишь в «магнитном поле» России». Так считали славянофилы Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, Н. Я. Данилевский, В. О. Ключевский, С. Г. Аксаков, П. П. Семенов-Тян-Шанский, Е. П. Михаэльс и многие другие, с чьими идеями и взглядами был знаком Ч. Ч. Валиханов. На наш взгляд, славянофилы, а в дальнейшем и евразийцы не до оценивали того, что евразийский фактор взаимовлияния и взаимодополнения культур Востока и Запада рав-

нозначен для всех этносов данной территории, как для тюркских, так и славянских, в частности. Сужение взглядов и славянофил и евразийцев до понимания того, что европейские либо азиатские народы могут существовать лишь в «магнитном поле» России являлось господствующий идеологией российского общества того времени. Лишь в конце XX столетия эта теория трансформировалась и обрела свою завершенность в качестве евразийской доктрины, когда самосознание евразийцев поднимется до революционного понимания того, что история и культура многих этносов, населяющих данный континент, равнозначна и равноценна для всего человечества в целом и отдельных этносов, в частности. Никто и ничто не вертится (и не вертелось) вокруг только лишь одного государства его истории или его культуры. Как показало время, все этносы прошли свой путь развития самостоятельно, но ощущая влияние современной им действительности.

Через анализ исследовательской деятельности Ч. Ч. Валиханова можно увидеть это в полной мере. Так, например, вся его деятельность олицетворяет собой симбиоз культур Востока и Запада, русской философской мысли и историческое мышление. Все вместе эти компоненты и породили такой феномен в истории Казахстана как Чокан Чингисович Валиханов.

В 1856 году Ч. Валиханов принимает участие в крупной военно-научной экспедиции под руководством полковника М. М. Хоментовского в Иссык-куль. В 26 мая 1856 году Валиханов сделал первую научную запись великого эпоса «Манас».

В начале августа 1856 г. Ч. Валиханов с дипломатической миссией направляется в Кульджу. По свидетельству А. К. Гейнса, поездка Валиханова в Кульджу заложила основу Тарбагатайского договора и открытия консульства в Кульдже и Чугучаке. Ч. Валиханов пробыл в Кульджинском крае около трёх месяцев, затем, с наступлением глубокой осени, он вернулся в Омск. [6, 172–251]

Результаты первых путешествий Валиханова 1856 года отражены в его путевых записках «Дневник поездки на Иссык-Куль», «Очерки Заилийского края», «Западная провинция Китайской империи и г. Кульджа», «Записки о кыргызах».

В ноябре 1856 года Чокан Валиханов вместе со своим другом Григорием Потаниным знакомятся с известным ученым-путешественником П. П. Семеновым-Тян-Шанский. Вот как последний, описывает впечатление о Г. Потанине и Ч. Валиханове. «Во время моего пребывания в Омске я успел познакомиться с лучшими деятелями города, но особенное внимание мое обратили на себя двое молодых офицеров... один из них, родом казак, поразил меня не только своей любознательностью и трудолюбием, но и необыкновенной, совершенно идеальной душевной чистотой и честностью; это был прославивший впоследствии как путешественник и исследователь Сибири и Центральной Азии Г. Н. Потанин.

Другим лицом, особенно меня заинтересовавшим в Омске, был Ч. Ч. Валиханов, киргиз родом из Средней Орды. Обладая совершенно выдающимися способностями, Валиханов окончил с большим успехом курс в Омском кадетском

корпусе, а последствии, уже в Петербурге, под моим влиянием слушал лекции в университете. И так хорошо освоился с французским и немецким языками, что сделался замечательным эрудитом по истории Востока и в особенности народов, соплеменных киргизам. Само собой разумеется, что я почел своим долгом обратить на этого молодого талантливого человека особенное внимание генерала Гасфорта и подать мысль о командировке Валиханова в киргизской одежде в Кашгар, что и было впоследствии осуществлено Валихановым с полным успехом...». [7, 168–169] В 27 февраля 1857 г. по рекомендации П. П. Семенова-Тян-Шанского Ч. Валиханов был избран действительным членом Российского Географического Общества (РГО).

В конце июне 1858 года по поручению российского правительства Валиханов отправляется в Кашгар. 12 апреля 1859 года, через 11 месяцев после начала путешествия, Чокан вернулся в укрепление Верное с «богатым запасом интересных сведений о Кашгаре». Пробыв здесь полтора месяца, он вернулся в Омск, где занялся обработкой собранных материалов. В докладе на имя царя Генеральный штаб отмечал, что «это в высшей мере любопытный и полезный труд, из которого выписка при сём прилагается».

Чокан привёз из Кашгара ряд уникальных восточных рукописей; «Тазкиряи Султан Сатук Бугра-хан» («История Сатук-Бугра-хана»). «Тазкиряи Туглук-Тимур-хан» («История Туглук-Тимур-хана»), «Тазкиря-и Ходжагян» («История ходжей»), «Абу-Муслим Маурузи» и другие, а также коллекции нумизматики и горных пород, образцы нефрита, гербарий и многое другое. Среди обширных материалов, собранных Валихановым, значительное место занимают его карандашные зарисовки, воспроизводящие типы жителей Восточного Туркестана и их занятия. [6, 445–528]

Главным результатом поездки Валиханова в Кашгар стал его труд «О состоянии Алтышара или Шести восточных городов Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии)». Это был первый научный труд, посвящённый истории, географии, социальному строю народов Восточного Туркестана. По охвату полученных материалов, а также широте и глубине их анализа работа Валиханова явилась крупным вкладом в науку. В этом замечательном труде проявились огромная эрудиция учёного, его талант исследователя, острый, пытливый ум. Замечательное впечатление производят образный язык и занимательный тонкий юмор. Труд был высоко оценён востоковедами России и за её пределами. [8, 97–218].

В начале 1860 года исследователь Кашгарии приехал в Петербург, где был встречен, как отважный путешественник и знаток жизни народов Центральной Азии и по личному распоряжению императора Александра II был награждён императорским орденом Святого Равноапостольного Князя Владимира 4-й степени для мусульман. Ему присвоили очередное звание штабс-ротмистра. В мае 1860 года Ч. Валиханов назначается на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел России.

В петербургский период своей жизни он много и плодотворно работает, редактирует карты Средней Азии и Восточного Туркестана в Военно-ученом комитете Генерального Штаба, слушает лекции Н. Н. Костомарова в университете, занимается литературной деятельностью, посещает собрания студентов сибирского землячества с Г. Н. Потаниным.

Благодаря своей открытости в этот период его жизни расширился круг знакомых. Так, с А. Н. Бекетовым, А. Н. Майковым, С. Т. Аксаковым, Н. П. Игнатьевым, И. И. Веселовским, Н. М. Ядринцевым, Ф. Н. Усовым и другими он вел полемику о значимости науки для общества и необходимости просвещения для казахского народа.

Большое влияние на Чокана в этот период оказали профессор А. Н. Бекетов, редактор «Записок Русского географического общества» востоковед, дипломат и публицист Е. П. Ковалевский, известные учёные-ориенталисты Мирза Мухаммед Али (Александр) Казембек, И. Н. Березин, В. П. Васильев, В. В. Григорьев и В. В. Вельяминов-Зернов. Постоянную поддержку и дружеское расположение оказывал Валиханову вице-президент Русского географического общества П. П. Семёнов-Тян-Шанский. В Петербурге Валиханов вновь встретился со своим другом писателем Ф. М. Достоевским. Среди его петербургских друзей были поэты А. Н. Майков и Я. П. Полонский, критик Н. Н. Страхов, братья В. С. и Н. С. Курочкины, состоявшие членами общества «Земля и воля». Общение Чокана с русскими писателями и учёными пробуждало у них интерес к Казахстану и Средней Азии. Под влиянием бесед с Валихановым поэт А. Н. Майков написал стихи «В степях», «Альпийские ледники», «Емшан».

Чокан сотрудничает с научными журналами Географического общества, вместе с русскими учёными и писателями принимает участие в подготовке «Энциклопедии науки и литературы». Для энциклопедии им были написаны статьи о древних учёных, поэтах, мыслителях и общественных деятелях Средней Азии и Казахстана. Валиханов много работает в библиотеках и архивах Петербурга, изучая и делая выписки из нарративных источников и восточных манускриптов. В Петербурге Валихановым были написаны «Описание Восточного Туркестана», «Очерки Джунгарии», «Аблай», «Шуна батыр», «Тарихи Рашиди», «Записки о Кокандском ханстве». Во время работы в Азиатском департаменте Валихановым была составлена особая записка, в которой он обосновал культурное и торговое значение учреждения в Кашгаре русского консульства. У него было даже желание быть первым русским консулом в Кашгаре.

Пребывание Валиханова в Петербурге, его общение с русской демократической интеллигенцией имело огромное влияние на развитие общественно-политических взглядов Валиханова. Посещая литературные кружки, бывая в редакции журнала «Современник» и читая статьи, опубликованные в нём, Чокан в значительной степени обогатил себя прогрессивными политическими и философскими идеями. Ч. Валиханов под влиянием демократических веяний подвергает критике бесчинства и произвол в Степи. Как считает Кадыржан Абуев он через

печатный орган «Полярная звезда» и «Колокол», издававшимися в Лондоне опубликовал критические статьи о бесправии и бесчинствах в Степном крае. По версии Кадыржана Абуева Валиханов инкогнито едет в Париж для встречи с издателями еженедельника «Колокол» Герценым или Огаревым. Веским аргументом в пользу этого предположения, считает Кадыржан Абуев, может служить то, что, начиная с 1861 года, на страницах «Колокола» появились статьи о Казахстане. В них острой критике подвергалась колониальная политика царизма по отношению к казахской Степи, разоблачались произвол и лихоимство чиновников, бесчинства и грабежи со стороны казачества. Особенно примечательна в этом отношении статья в 131 номере «Колокола» от 1 мая 1862 г.

Вот несколько фрагментов из этой статьи: «Известно, что киргизы Средней Орды платят ясак, т. е. определенную часть своего скота». Далее в статье освещается как при сборе налогов путем злоупотреблений «составляют себе состояние не только члены приказов, но и первоприсутствующие лица областных правителей, особенно в Омске»; «Причиной разорения Степи служат казаки», «Это разбойничье население (т. е. казаки) показало себя везде... Знаете, как казак обходится с киргизом? До крайности просто. Вся его собственность кажется ему, казаку, своей собственностью и отнять у него быка или лошадь считается молодечеством и ничем больше...» и в заключении делается вывод: «Можно было бы сказать, что за счет киргизов живет, все сибирское войско». [7, 160–161] Историк К. Абуев делает вывод, что такую статью в то время мог написать только Чокан, что это легко могли установить и жандармы. Поэтому, чтобы не навлечь беду на Валиханова, издатели газеты делают ссылку на статью Ч. Валиханова, опубликованной в легальной печати.

Петербургский период в жизни Валиханова закончился весной 1861 года. По совету врачей он уезжает из Петербурга в аул своего отца Чингиса Валиханова, старшего султана Кокшетауского округа, с надеждой поправить своё здоровье. [6, 550–634]

После возвращения из Петербурга на родину он задумывается о благополучии казахского народа. С этими мыслями он делится с Ф. М. Достоевским, который не замедлил ответить: «...Не великая ли цель, не святое ли дело, быть чуть ли не первым из своих, который растолковал в России, что такое есть степь, ее значение и ваш народ относительно России, и в то же время служить своей Родине просвещенным ходатаем за нее у русских. Вспомните, что вы первый киргиз - образованный по-европейски вполне. Судьба же вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав вам душу и сердце». [7, 161]

Воодушевленный Валиханов решает принять участие в выборах на пост старшего султана Атбасарского округа. Несмотря на то, что на выборах 1862 года он получил большое количество голосов, чем его соперник, губернатор Западной Сибири Дюгамель отклонил его кандидатуру, объявив, что Валиханов сам отказался по причине болезни, и утвердил на эту должность его соперника. Дюгамель представлявший в Степи российскую власть боялся, что такой образованный

старший султан, имеющий авторитет и уважение у местного населения, окажется такой фигурой, которая сможет активно влиять на казахов. Показательный пример расправы над Валихановым доказывает реальное положение вещей в Степи, отношение российской администрации к казахскому народу в целом, и Валиханову в частности. Несмотря на это Валиханов продолжает настойчивый поиск путей воздействия на общественно-политическое положение в Казахстане.

Об отношении царской колониальной администрации к Чокану Валиханову А. К. Гейнс пишет в своих воспоминаниях: «17 июля 1865 г. мы обедали у Дюгамеля, у которого были Кройерус и адъютанты. Разговор вертелся около общих предметов. Кройерус, интриговавший против покойного Валиханова, этой честнейшей и чистейшей личности, за то только, что государь ему дал аудиенцию и поцеловал, сказал про него несколько невыгодных слов. Я рассказал, что лучшие ориенталисты, в том числе и Ковалевский, считают его замечательным учёным, лучшим другом казахского народа и хранителем русских государственных интересов. Дюгамелю и его компании этот отзыв, как я ждал, не понравился». [9, 255]

Таким образом, творческий и научный путь великой личности позволяет нам глубже понять ее устремления, взгляды на существующую действительность. Влияние географического фактора (месторазвитие) на Ч. Ч. Валиханова, обусловившее ряд черт в психологии, культуре и менталитете позволили ему получить достойное русское образование, подружиться с видными просветителями, учеными, писателями своего времени. Их дружба продолжалась вплоть до его смерти. Не связанные общностью происхождения, но длительное время сосуществовавшие в пределах одного месторазвития, все они оказались той движущей силой, которая привела в отмене крепостного права, развитию просвещения в обществе своего времени.

В целом духовное наследие Ч. Ч. Валиханова остается ценнейшим достижением не только казахской, но и в целом евразийской исторической науки. Его ценность во многом заключается именно в смелости, самостоятельности суждений, научной добросовестности, позволившей по-новому взглянуть на историю казахского народа и других этносов, проживающих на Евразийском континенте.

Историко-культурное и цивилизационное многообразие Казахстана, отраженное в творческом наследии Чокана Чингисовича Валиханова могут быть исходной ценностно-мировоззренческой парадигмой, для многих культур, представленных на Евразийском пространстве.

Список литературы и источников:

1. Чокан Чингисович Валиханов. Биография. URL. https://ru.wikipedia.org/wiki.

2. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. 2-е изд. Доп. и перераб. — Алма-Ата: Главная редакция Казахской энциклопедии. 1984. — С. 21–32.

3. Ауанасова К. М. Перспективы и развитие идеи евразийства в современной истории Казахстана Специальность Отечественная история (История Республики Казахстан) Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук Научный консультант: доктор исторических наук Кенжебаев Г. К. Республика Казахстан Алматы, 2010. — 27–30 URL. http://docplayer.ru/66074075-Auanasova-kamilla-musirovna.html#show_full_text.

4. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. 2-е изд. Доп. и перераб. Т. 1. — Алматы: Главная редакция Казахской энциклопедии, 1984. — С. 33–36.

5. Стрелкова И. Адъютант Гасфорда. Серия ЖЗЛ Валиханов. — М.: Молодая гвардия, 1983. — С. 57–91.

6. Бейсенбайулы Ж. Чокан Валиханов (историко-биографическое повествование). — Астана: Фолиант, 2016. — С. 172–251.

7. Абуев К. Кокшетау. Исторические очерки. — Кокшетау: КГУ имени Ч. Уалиханова, 2005. — С. 168–169.

8. Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов Китайской провинции Нан Лу (Малой Бухарии) (1858–1859). Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. 2-е изд. Доп. и перераб. — Алматы: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. — С. 97–218.

9. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. 2-е изд. Доп. и перераб. — Алма-Ата: Главная редакция Казахской энциклопедии. 1985. — С. 255.

© Аунасова А. М., Бадиев А. М., 2021

Б. Г. Аяган,
д. ист. н., проф., зам.директора
Институт истории государства
Комитета науки МОН РК,
(г. Нур-Султан, Казахстан)

СЮЖЕТЫ ПО ИСТОРИИ УЛУГ УЛУСА-ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА: УНИКАЛЬНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ И ИСПОЛЬЗУЕМАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

Как видно из анализа трудов, совершенных Чоканом Чингисовичем Валихановым, его интерес к истории Улуг Улуса-Золотой Орды был постоянным. Возможно, этот его интерес был обусловлен, как его происхождением, так и тем, что он с детских лет впитывал в себя мощнейщую устную историю казахов, где в многочисленных мифах и преданиях нашли отражение многие страницы истории Улуг Улуса-Алтын Орды и собственно Казахского ханства. Автор статьи в данном случае использует термин «Улуг Улус» как первоначальное автохтонное название государства, трансформировавшееся в дальнейшем в источниках, как «Золотая Орда» (Алтын

Орда). Сам же Ч. Ч. Валиханов при описании искомого государства использует различные определения, от «Улуса» до «Орды».

Первоначальные детские познания Ч. Ч. Валиханова о великом прошлом своего народа были дополнены усиленной работой в библиотеках кадетского корпуса и различных библиотеках Омска и Петербуга. В стенах кадетского корпуса юный кадет ознакомился с трудами крупных европейских (Л. Карлейль, Г. Гейне, Клапрот) и с трудами российских ученых И. Н. Березина, А. И. Левшина и В. В. Вельяминова-Зернова, а с некоторыми из них поддерживал личные связи.

Ч. Ч. Валиханов, оказавшийся участником военных экспедиций середины XIX века, а также во время путешествий на юг, Жетысу (Семиречье) и в Восточный Туркестан (Кашгар) своими глазами увидел территорию некогда распавшейся Ак Орды и Моголистана. Между городами Ак Мечеть и Туркестан расположены остатки городищ Сыгнак и Сауран, игравшие заметную роль в истории Улуг Улуса-Золотой Орды.

В статье, опубликованной в журнале «История» мы отдельно рассмотрели аспект научной деятельность Ч. Ч. Валиханова, как исследователя Центральной Азии. [1] Но формат данной конференции позволяет нам еще шире рассмотреть его вклад в историю изучения Улуг Улуса с использованием прежних собственных выводов.

Будучи совершенно молодым человеком, ему было 17 лет, Ч. Ч. Валиханов провел экспертную оценку «Ханских ярлыков» профессора И. Н. Березина и иных документов, составленных арабской вязью в 1852 году, комментарий был им сделан профессионально и очень подробно.

В хронологическом порядке «Ханские ярлыки» охватывают конец XIX века и касаются деятельности хана Токтамыша (Тоқтамыс-қаз), одного из самых ярких правителей Улуг Улуса-Золотой Орды. Здесь же отметим, что хан Токтамыс и прапрадед самого Ч. Ч. Валиханова — Урус-хан не только жили в одно время. В молодые годы Токтамыс находился в свите Урус-хана (Акнияза — по А. И. Левшину), но затем между ними вышла размолвка. Токтамыс перешел к Амир-Тимур, а усилившись, сам стал правителем Золотой орды.

Сюжеты в ярлыке Токтамыса, касаются событий 1392 года, когда тот проиграл первую битву Амир-Тимуру. Ч. Ч. Валиханов совершенно справедливо полагает, что «*Ярлык писан [в] 1392 году, когда Токтамыш, лишенный престола могущественным разрушителем царств Тимуром, бежал на Дон*». [2; 124–126, 129–131]

Перевод «Ярлыка Токтамыша» был совершен отдельно и А. К. Казем-беком. Александр Касимович Казем-бек — ориенталист, востоковед, профессор Казанского императорского университета был знаком с Ч. Ч.Валихановым. Экспертизу на этот перевод двух маститых востоковедов подготовил Ч. Ч. Валиханов. И в целом, Ч. Ч. Валиханов неоднократно обращается к трудам А. К. Казембека, они видимо были даже знакомы. (В фондах Казанского архива, где нам приходилось работать, собраны материалы о А. К. Казем-беке, записки и воспоминания о нем.)

Письмо Токтамыса было написано князю Литовского княжества Ягайлу, на древнетюркском языке уйгурскими письменами. При анализе перевода совершенным А. К. Казем-беком и И. Н. Березиным, а также Д. Банзаровым, Ч. Ч. Валиханов в тексте находит отдельные расхождения. В частности, это касается перевода А. К. Казем-бека «Токтамыш мое слово», а у И. И. Березина «Токтамышево слово». При анализе текста, Ч. Ч. Валиханов не называет инициалов переводчиков и ссылается на Гаммера, тоже занимавшегося переводом данного текста. Сам текст «Ярлыка» испещрен пометками и замечаниями переводчика.

После совершенных замечаний, Ч. Ч. Валиханов предлагает свой вариант перевода. Для проведения сравнительного анализа, нами также был просмотрен перевод, опубликованный известным современным историком, профессором Т. И. Султановым (Россия) в Тюркологическом сборнике, вышедшем в 1975 году. Даный текст был также представлен в «Краткой истории Золотой Орды и татарских ханств». [3, 114] И в этой книге имеются другие версии перевода данного документа.

При совершении перевода и экспертизы, Ч. Ч. Валиханов также дает комментарии и разъяснения к отдельным терминам, которые встречаются в тексте «Ярлыка». Примечательно, что эксперт также использует и польский аналог Ярлыка. Комментируя те или иные места перевода, Ч. Ч. Валиханов объясняет такие слова как «букаул», «ясаул» или иных слов, например, «даругачи», которые давно вышли из употребления или же поменяли свое значение. В своем письме к профессору И. Н. Березину, помимо объяснения значения терминов и слов, он дает подробную информацию о хане Токтамысе и Эмире Едиге, о местах их возможного захоронения.

Чоканом Валихановым также был сделан добротный перевод текста письма Крымского владетеля Давлет-Гирей-хана. В переводе этого письма целая кладезь средневековых военных и хозяйственных определений, титулов, личных имен, которые вскрывают суть происшедших событий.

Примечательно, что в данном тексте Ч. Валиханов приводит перечисление многочисленных военных званий, использовавшихся в период Орды.

Переводя тот или иной термин, написанный арабским письмом, Ч. Валиханов часто использует казахский язык. Например, когда он обьясняет понятие «баранта» (у И. Н. Березина), или же когда описывает предание о Таминце (название рода у казахов — Б. А.) Чора-батыре. Самих же современных киргиз, он в тексте называет «бурутами» или же «дикокаменныи киргизами», как и было принято в XIX веке.

Можно предположить, что Ч. Валиханов знал достаточно хорошо и монгольский язык. Возможно, это было следствием его знакомства с Доржи Банзаровым. По крайней мере, многие термины, считавшиеся тюркскими, по его версии — монгольского происхождения. В частности, это касается термина «эрке» — означающее в монгольском языке — «власть, сила»; далее он приводит любопытную параллель, подчеркивая, что у киргиз (у казахов) — «эрке» (ерке) означает человека, которому мы из любви предоставляем над собою власть. Он добавляет: «*Так называют эрке любимых детей*». У современных казахов «ерке»

означает «баловень», а оттуда ласкательные имена Еркетай, Еркежан или Еркебулан.

В отличие от многих европейских ученых и переводчиков, Ч. Валиханов прекрасно разбирался в военной терминологии, в монголо-тюркских языках, а также в родовых принадлежностях того или иного багатура или нойона. В частности, это касается выявления значения имени одного из беков «*Джагатая, имя его сделалось заповедным*», которого называли Сунтай, потому что он был из племени суннит (так в тексте).

По ходу перевода текста Ч. Валиханов сам вступает в дискуссию с И. Н. Березиным, когда рассматривает, например, выражение «Идикут уйгур», или смысл значения термина «аргамчи». Он, например, поясняет, что «*надо разуметь не повинность и дары, как думает господин Б[ерезин], а седло и веревки, т.е. [то, что] столь необходимо, для степного воина*». Там же, Ч. Валиханов пишет, «*что по преданиям своим, киргизы (казах — Б. А.) почитают себя потомками «татар Золотой Орды»...богатыри времен(Золотой) Орды, суть герои их поэм».* [2, 115]

Знание не только различных диалектов тюркского языка — уйгурского, казахского, киргизского, а также монгольского и значения многих слов арабского и персидского происхождения, привело к тому, что Ч. Валиханов становится не только переводчиком, но и сопереводчиком средневековых текстов; он также комментирует их и делает глубокие замечания. Кроме того, как видно из текста, Ч. Валиханов был хорошо знаком с трудами, как европейских, так и других средневековых авторов, в частности с произведениями Рашид-ад-Дина, Джувейни, или Мухаммеда Хайдара Дулата, наиболее авторитетных авторов по истории империи Чингис-хана и Улуг Улуса. Эти знания помогли стать молодому Ч. Валиханову одним из самых авторитетных исследователей Центральной Азии в 50-ые годы XIX века.

Очень ценна так же его гипотеза о происхождении казахского народа.

В этом письме автор подчеркивает: «*народ как (так называли себя мы) образовался от союза разных племен турецких и монгольских во время междоусобицы в Орде, начавшихся тотчас после смерти Бердибека, а не народ древний, о котором писал Фирдоуси. Каждый потомок Батыя хотел быть ханом и иметь народ: так я думаю, образовались ханство Крымское, Казанское, орда Чорайгаковская (так в тексте — Б. А.) союз узбеков — шейбанов и казаков»* [2, 115–116].

Мы не можем понять ряд определений, таких как «Чорайгаковская», но в целом, концептуально вывод Ч. Ч. Валиханова соответствуют современным заключением многих историков, занимающихся историей средневекового Казахстана. Но все же общепринято в современной исторической науке, что Казахское ханство образовалось после откочевки урусидов Кереем и Жаныбеком в 60-ых годах XV века, а сама ветвь Батыя пресеклась на Бердибеке. С тех пор у казахов сохранилась пословица: «Нар мойыны Бердібекте үзілді», то есть «На Бердибеке пресеклась великая династия».

В этом письме автором также дана генеология казахских ханов, начиная от Урус-хана, причем «Аз-Джанибеком», то есть «мудрым и святым» Чокан Валиханов называет, не золотоордынского Джанибека, а именно казахского.

У ученых, занимающихся историей Казахских ханств, идет продолжительная дискуссия по поводу, кого же называть «Аз-Джанибеком». [4]

Анализируя «Сборник летописей» Кадыргали Жалаири Ч. Валиханов видимо ошибочно, или же с иронией пишет: «*Предание киргиз о своем происхождении оправдывается вашей Шейбани-намэ, которая написана киргизом Большой Орды джалаирского рода, имевшего гребенчатую тамгу»*. [2, 115–116]

А. И. Левшина, Ч. Ч.Валиханов здесь же называет «Геродотом нашего (казахского — Б. А.) народа».

В том же письме Ч. Валиханов дает точное и емкое определение происхождения термина «Золотая Орда», которое вызывает ожесточенные споры и по сегодняшний день.

> «*Во всех ярлыках Золотая Орда называется «краткое письмо» и у тюркских историков и [в преданиях] народных она означает [часть] целой страны или народа и никогда не называется ордой; киргизы говорят: [далее арабское письмо] где [арабское письмо] заменяется тяжелым юртом]. Мне кажется, что слово орда [арабское письмо] имело и прежде в Золотой Орде такое же значение, как [теперь] у киргиз и у калмыков, и означало в обширном смысле место столицы хана, в тесном — его ставку. Золотая Орда — золотой шатер или юрта, в которой сидел хан; впоследствии оно обратилось в название всех ставок городских, где жили ханы. Так что слова ак орда, кук орда, сары орда нужно принимать не как название улуса или юрты, а как название главной стоянки, резиденции ханов. При отправлении этого ярлыка, на летних кочевках у Дона и жил в юрте, в том смысле полагаю я ... и здесь под белой ордой разумеется юрта хана, место, где сосредоточены все власти, в единственное место, куда собирались все доходы».* [2, 118]

Письмо Ч. Валиханова профессору И. И. Березину ценно и тем, что он дает заключение по терминологии понятия «Орда», и самому государству, общественному устройству, племенам, которые ее населяли и даже частично истории Руси. Для последующих исследователей истории Центральной Азии выводы Ч. Валиханова были очень ценными.

В поисках значения термина «мунганалды» Ч. Валиханов обращается к словарям Доржи Банзарова и выдвигает предположение, что «мунган» у карагасов-енисейских киргиз означает «деньги». Далее автор пишет об особенностях экономики и торговли у народов Азии, а также обращается к профессору, если «*встретить что-нибудь о слове казак, о казачестве и о народ казак, сообщить Вашему покорному слуге».*

Ч. Валиханов, дал также читателям очень ценный сюжет по гибели Едиге. Известно, что крымские эмиры, сопровождавшие Кадыр-Берди в 1419/1420 году не хотели переходить Едиль(Волгу), указывая, что лошади худы и лед в реке тонок. Кадыр-Берди, уговаривая соратников твердо заявил:

«Еділ тоңса кім кешпес,

Едіге өлсе кім бармас!
Еді лтоңбай тұрып
Едіге өлмей тұрып".

Ч. Валиханов, комментируя «Жамиг-ат-тауарих» (Сборник летописей) Кадыргали Жалайри, так переводит этот фрагмент:

«Волга замерзнет — кто ж не пройдет,
Идиге умрет — кто не пойдет,
Волга скоро не замерзнет,
Идиге скоро не умрет»

Мы же предлагаем такой вариант перевода:

«Кто не перейдет замерзший Едиль,
Кому нужен мертвый Едиге!
Пока не замерз лед в Едиле,
И пока еще жив Едиге!».

Поддавшись горячей речи Кадыр-Берди, войска перешли через Волгу. Началась жестокая сеча. Были серьезно ранены и Едиге, и Кадыр-Берди. Было много жертв с обеих сторон.

Раненый Едиге скрылся среди зарослей. Но его выдал некий Хасан, сын Ичкили, указавший противнику место, где скрывался раненый врагами эмир. Кадыр-Берди, тяжело раненый сам, и его нукеры дали Едиге совершить последний намаз. [5, 118]

По некоторым сведениям, самого Кадыр-Берды в момент гибели Едиге не было. После свершения омовения Едиге проклял Кадыр-Берди, сказав: «Өзіңбілме, білгендітыңдама!» («Сам ничему не учись, и не слушай знающего!»). Такое проклятие считается самым тяжелым у казахов.

Кроме того, прекрасно знавший не только казахский, как диалект тюрко-кипчакского языка, Ч. Ч. Валиханов был глубоко знаком с произведениями крупнейших средневековых авторов — Джувейни и Мухаммед-Хайдар Дулата. Так например, в «Повествовании о Кашгарском юрте» им приводятся обширные извлечения из «Джахан-Гушай» и «Тарихи-и-Рашиди». В этих произведениях он дает перевод и комментирует события *дозолотоордынского периода*, то есть начала XIII века, связанные с политикой предводителя найманов Кучлуком и меркитским эмиром Токтаем, которые бежали от Чингис-хана. В Восточном Туркестане Кучлук хан захватил власть над местными мусульманами, но был изгнан и казнен в Бадахшане войсками великого кагана. Здесь же Ч.Валиханов приводит информацию Джувейни о разделе территории между его сыновьями, откуда образовался и Улус Джучи, то есть Улуг Улус. [6, 416–417]

Далее автором приводятся сведения о захвате Ферганы, Хотана, описание Тибетского юрта. Примечательно, что в извлечении «Джахан-гушай». Ч. Валиханов говорит о реке Тимен или Тюмень, берущей начало с гор, расположенных между Кашгаром и Ферганой. Известно, что у многих средневековых и современных авторов локализация местности Тюмень вызывает большие споры. По некоторым сведениям в округе Сыгнака похоронен Урус-хан (Ак Нияз) — предок казахских ханов.

Местность Тюмень-Арык также расположена недалеко от современного Сыгнака на территории Жанакорганского района Кызыл-Ордынской области.

Ч. Ч. Валиханов был хорошо знаком с трудами Рашид-эддина (так у Валиханова), на которого ссылается, при освещении деятельности Чингис-хана.

Заслуга молодого офицера и талантливого ученого была в том, что он записал различные варианты древних текстов мифов и преданий, в том числе и эпоса Манаса, и донес их до следующих поколений.

Арабской графикой он, видимо, владел в совершенстве, так как часто ее использует и в других случаях. В статье «Родословное древо кайсацких ханов и султанов» им приводятся очень интересные сведения об «Узын окты Ондане» («Длинностредьный» в переводе Валиханова). [6, 434]

С применением арабской графики им же приводятся генеологические таблицы казахских ханов и султанов. [6, 435–436] Здесь же им приводится подробная информация о чингизидах-торе Абылае и Вали-хане с перечислением их потомков, в числе которых был и он сам.

В отличие от многих других исследователей, Ч. Валиханов дает подробную информацию и о судьбе немусульманского народа джунгар: ойратов и калмыков, когда-то тоже бывших в составе Улуг Улуса-Алтын Орды. Им подробно описаны судьба и смерть Галдан Черена(Церена), его войны в Средней Азии, а также даны сюжеты о Лама Доржи и Амурсане. [6, 162–165]

Вызывает интерес и информация о грамотах императора Цян Луна чингизиду-султану Абылаю и об их взаимоотношениях.

Примечательно, Ч. Ч. Валиханов пишет о распространителях ислама, видимо о «сейдах» или «ходжах» из Медины на Волге (Булгаре). Здесь же дана информация о топонимах Булгара, характерных для эпохи Алтын Орды, в частности им упоминаются аулы Адай-Черемыш и Кипчак, а также «казакский аул». [6, 172–176]

Непосредственно по истории казахов им была написана работа «Киргизское родословие», где в сконцентрированной форме были собраны все научные сведения, имевшиеся к середине XIX века, когда для исследователей стали доступен более широкий список источников. Многие идеи и версии Ч. Валиханова, получили новое подтверждение, например, в приведенной выше работе «Киргизское родословие» он первым указал, что «*После пресечения потомков Алача-хана, предание киргиз считает своим ханом Джанибека, сына [Барака]. Во всяком случае, по преданию, Джанибек был первым ханом казаков из фамилии Джучи-хана. Абульгази сыновей Джучи называет ханами казаков. Время управления Джанибека, когда две родные орды ногаев и казаков жили вместе, воспевается в киргизских поэмах, как золотой век».* Здесь же Ч.Ч.Валихановым дана оригинальная версия образования русского казачества. Он прямо пишет: *«Нет сомнения, что казачество началось и развилось в Азии и перешло к русским от татар; в русских летописях (в Псковской) рязанские казаки упоминаются в 1444 году...»*. [2, 201, 190]

Труды по истории, границам расселения, а также особенности антропологии и культуры этого народа стали в свое время, действительно сенсационными

не только для российских научных кругов, но в целом для европейских исследовательских центров.

Для исследователей большой интерес представляет описание социальных отношений, деление на различные сословия, история происхождения различных родов, как у киргиз, так и казахов. Им так же были использованы· отдельные сюжеты из «Сокровенного сказания Монголов».

Ч. Ч. Валихановым в очерках даны сюжеты и по расселению ойратских племен (калмыков), занимавших в Центральной Азии в 1660–1760 годы огромное, если не ведущее место. Для ученых ценным является и информация о движении калмыков, ногайцев, киргиз, уйгур и казахов по землям Центральной Азии. Английский ученый М. Дженкинсон занимался изучением Центральной Азии и некоторое время жил в Средней Азии. Его труд, вышедший в Петербурге в 1834 году под названием «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени», был знаком Ч. Валиханову, он на него ссылается.

Ч. Валихановым называются имена ханов или биев, из-за которых случился тяжелый раскол Ногайской Орды при известном бие Ормамбете на казахов и ногайцев. [2, 202]

Ряд сюжетов из трудов Ч. Ч. Валиханова вошли в такие фундаментальные, базовые серии, как «История с древнейших времен до наших дней» ученых историков Казахстана, аналогично Киргизии, очерках по истории Узбекистана или Джунгарии.

Исследователем в изложений из «Тарих-и-Рашиди» дано много информации о Тамерлане и об известном хане Могулистане Тоглук-Темире. В данном случае, Ч. Ч. Валиханов показывает походы в Моголистан (Могулистан) великого полководца. [2, 398–401]

В дальнейшем Ч. Валиханов сообщает, что население края при Тоглук-Тимуре приняло ислам, а буддизм был вытеснен, так же, как согдийская культура. Ч. Валиханов делает много примечаний на полях на арабской графике и дает схематическую карту западной части Моголистана. [2, 404–405] Он также выявил примерную схему вхождения китайской армии на земли распавшегося Улуг Улуса и Моголистана.

В Кашгаре Ч. Ч. Валихановым были приобретены несколько очень ценных и редких рукописей по истории Туркестана. Среди них автор особенно высоко оценивает найденные им рукописи по истории далекого края. Оттуда же им были привезены уникальные восточные рукописи. «Тазкирян Султан Сутук Бугра-хан», (История Сутак Бугра хана), «Тазкирян Туглук Тимур хан» (История Туглук Тимур-хана), «Тазкирян Хаджигян» (История Ходжей), Абдумуслим Маурузи» и другие сочинения, раскрывающие те или иные страницы истории государств, образовавшихся на обломках Улуг Улуса-Золотой Орды. Им также были подробно указаны и описаны многие топонимы и гидронимы Центральной Азии.

Книги, статьи, зарисовки карт стали неоценимым вкладом в изучение истории Центральной Азии. Им также была собрана нумизматическая коллекция,

которую он сдал в фонды Академии Наук России. Как крупный ученый Ч. Ч. Валиханов широко и постоянно использует, как переводы трудов древних и средневековых авторов, начиная с Геродота и Фирдоуси до «Шайбани-намэ (изд. проф. И. Н. Березина), от Йазди, Ибн-Батуты, Хондемира и до Абулгази.

О хорошем знании арабской графики и трудов персидских авторов-Мирхонда и Хондемира можно судить по переводам «Описания нескольких монет улуса Чагатая, Хивы и Коканда». Будучи человеком, крайне трудолюбивым, Ч. Ч. Валиханов оставил богатейшее эпистолярное наследие.

*****

Интересна и терминология, используемая Чоканом Валихановым. Он вместе со своим другом Григорием Потаниным не только дали обьяснение многим тюркизмам и целому списку слов персидского, арабского и монгольского происхождения, вошедших в лексику русского языка. Они также ввели в словарный запас русского языка много терминов, топонимов, гидронимов и этнонимов из Крыма, Центральной Азии и Восточного Туркестана, ранее не использовавшихся или же забытые временем.

Данное обстоятельство требует от нас критического пересмотра терминов и определений, сформировавшихся в период русской колонизации на рубеже XVIII–XIXвеков. Как правило, это были терминология, дефиниции и понятия, вышедшие из кругов чиновничьего аппарата царской администрации. К их числу несомненно относятся такие выражения, как «*туземцы», «инородческое население», «отсталые народы», «киргиз-кайсаки»* и так далее. В ряде случаев, Ч. Ч. Валиханов и сам использует подобную терминологию. Но во многих местах своих исследований, он довольно критически разбирает подобные ненаучные концеции. Такой взгляд заметен например, в его письмах к И. Н. Березину, в работах «Следы шаманства у киргиз» (казахов), «Записка о судебной реформе». Ч. Ч. Валиханов твердо, несмотря на свою молодость, отстаивал уникальность культуры и традиций восточных народов. Он, например, писал: «*...преобразования, проектированные для христианского и оседлого русского населения, ...не принесут никакой пользы и будут бессмысленны, если будут всецело применены к кочевым и бродячим инородцам Европейской и Азиатской России.*

...Реформы же насильственно привитые, основанные на отвлеченных теориях или же взятые из жизни другого народа, составляли для человечества величайшее бедствие». [2, 425, 448–450, 451, 456–458] Он отрицательно оценивал и петровские реформы для Руси.

В этой же статье Ч. Ч. Валиханов резко критикует использвание выражения«киргиз-кайсаки», а самих казахов называет «*батыевскими татарами*». Он также высоко оценивал древние традиции судопроизводства в степи, отмечая их прозрачность, публичность и состязательность. Но все эти наблюдения до сих пор не получили достойного освещения в научной литературе.

В заключение статьи заметим, что выбранная нами тема – «Сюжеты по истории Улуг Улуса-Золотой Орды в трудах Ч. Ч. Валиханова» очень обширна, плодотворна и требует дальнейших изысканий.

Список литературы и источников:

1. Аяган Б. Г. Чокан Валиханов — исследователь Центральной Азии // История. — № 5(91). — 2020. DOI: 10.18254/S207987840010277-3.

2. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 1. — Алматы: Дайк-пресс. — 2013. — С.124–126,129–131, 115, 116, 118, 201, 190, 202. 398–401, 404–405, 425,448–450,451,456–458.

3. Краткая история Золотой Орды и татарских ханств. К 750-летию Золотой Орды. — Казань: Институт истории имени Ш. Марджани АН РТ. —2019. — 136 с. — С.114.

4. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней) в 5 томах, т.2. — Алматы: Атамұра, 1997. — 622 с.

5. Кадыргали Жалайри. Сборник летописей / Шежірелер жинағы. — С.114–115.

6. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в восьми томах. Т.3 — Алматы: Дайк-пресс, 2013. — С.416–417, 434, 435–436, 162–165, 172–176.

© Аяган Б. Г., 2021

Л. Б. Байболат,
преп. ЕНУ имени Л. Н. Гумилева
(г. Нур-Султан, Казахстан)

ШОҚАН ШЫҢҒЫСҰЛЫНЫҢ ҚОҒАМДЫҚ, ӘДЕБИ ҚЫЗМЕТІ

Шоқан Уәлиханов 1853 жылы кадет корпусын бітіріп, Омбыда әскери қызметке қалады. Ол Сібір қазақ-орыс әскерінің 6-атты әскер полкына офицер болып тағайындалады, іс жүзінде Батыс Сібір мен Қазақстанның Солтүстік-Батыс аймағының генерал-губернаторы Г.Х.Гасфорттың адъютанты қызметіне белгіленеді. Сондай-ақ, Батыс Сібір өлкесінің Бас басқармасы оған айырықша тапсырмаларды орындайтын офицер ретінде қарады. Қызметі барысында Шоқан Уәлиханов патша өкіметінің отаршылдық саясаты туғызған әділетсіздіктерді жете танып, қарсы батыл пікірлер білдіруге тырысты. Осы қызметтерді атқара жүріп, ол Орта Азия халықтарының тарихын, этнографиясы мен географиясын зерттеуге белсене араласты.

Омбыдан кетуді, өзінің туған халқына пайдасы тиетін істермен шұғылдануды армандағанын өзінің достары Ф. М. Достоевскийге, Қ. Қ. Гутковскийге жазған хаттарынан анық көруге болады. 1855 жылы Шоқан Уәлиханов Омбыдан Семей, Аякөз, Қапал арқылы, Іле Алатауынан өтіп, Жоңғар қақпасына дейін келеді, қайтарда Алакөл, Тарбағатай жерлерін аралайды. Орталық Қазақстан-Қарқаралы, Баянауыл, Көкшетау

арқылы Омбыға оралады. Бұл сапарда ол қазақ халқының тарихы мен әдет-ғұрпы, діни ұғымдары жайында көптеген материалдар жинайды. Сонымен бірге өзі болған аймақтардың тарихы, ескі қалалардың орны, шың-тастарағы жазу, белгілерін, көне ескерткіштер, аңыз-әңгімелер, ертегілер мен өлеңдерді жазып алады. Осы материалдардың негізінде «Тәңірі», «Қазақтардағы шамандықтың қалдығы» сияқты еңбектер жазады.

1856 жылы Шоқан полковник М. М. Хоментовский басқарған әскери-ғылыми экспедицияға қатысады. Қырғыз елін жете зерттеуге, Ыстықкөл аймағының картасын түсіруге тиіс болған бұл экспедияцияға қатысу Шоқанның зерттеу жұмысын ойдағыдай жүргізуіне мүмкіндіктер туғызады. Ыстықкөлге, Қытай империясының Құлжа қаласына саяхаты және 1856-1857 жылдары Жетісу, Тянь-Шань сапарларында П. П. Семенов-Тянь-Шанскиймен бірге болуы, Қырғыз Алатауына екінші рет сапарының нәтижелері оның «Жоңғария очерктері», «Қырғыздар туралы жазбалар», «Ыстық көл сапарының күнделіктері», «Қытай империясының батыс провинциясы және Құлжа қаласы» атты еңбектерін жазуға септігін тигізеді. Шоқан тарихи маңызы бар шығармаларға айырықша назар аударды. Мәселен, ол қырғыз халқының «Манас», «Семетей» туралы дастандарының біраз тарауын тұңғыш орыс тіліне аударып, оған ғылыми тұрғыдан толық тарихи және әдеби талдаулар жасады. Бірінші рет баспаға ұсынды. Көлемі жағынан, оқиға құру, адам образдарын бейнелеу жағынан әлемдік әдебиеттің озық үлгілерімен теңдес, аса құнды туынды ретінде бағалаған. «Манас» — қырғыздардың ескі мифтерінен, аңыздарынан, ертегілерінен жиналып, бір адам Манастың төңірегінде топталған энциклопедия. Бұл жағынан, ол «Илиада» тәрізді. Бұл аса зор эпопеяда қырғыз халқының өмірі, діні дәрігерлік ұғымдары шетелдермен қарым-қатынасы түгел қамтылған. Екінші эпос — «Семетей» — «Манастың» жалғасы. Бұл қырғыздың «Одиссеясы», – деп көрсетеді Шоқан.

Шоқан әдебиет, оның теориясы мәселелері жөнінде сол кездің өзінде-ақ, көптеген тың пікірлер, тұжырымдар жасап, өз халқының тіршілігі мен мәдени дамуының жағдайларына лайық дамытады. Сондай-ақ, әр халықтың әдебиетін оның қоғамдық, әлеуметтік өмірімен тығыз байланыста қарастырады.

Қазақ поэзиясының халықтық сипаттары жайлы тың ой-пікір білдіреді. Халықтың рухани серігі болған поэзия туралы ол: «Бұл халықтың ертеден өзіне тән тұрмысында есте қалдырмаған бірде-бір маңызды оқиғасы, бірде-бір тамаша адамы жоқ деуге болады. Олардың бірін суырыпсалма ақындар не жыршылар жыр етсе, екінші біреулерінің атын кейінгі ұрпақ естерінде ұмтылмастай етіп белгілі бір сыбызғышы не қобызшы музыканттар тастап кеткен», — деп жазады.

Қазақ өлеңдерінің халықтығы жайлы құнды пікірлер білдіруде, Шоқан халық әдебиетінің бағалы нұсқаларын жасаған және ауыз әдебиетінің таңдаулы үлгілерін жырлаған. Орынбай, Шөже, Жанақ, Арыстанбай, Құрымбай сияқты ақындардың еңбектеріне жүгінеді, мысалдар келтіреді. Сонымен бірге қазақ поэзиясының жанр, түр, өлең құрылысын зерттей келе, мұны орыс ғалымдарына таныстыруды мақсат тұтқан.

Ол қазақ, өлеңдерін: жыр, жоқтау, қара өлең, қайым өлең, өлең деп беске бөледі. Өлең құрылысын жыршылардың қобыз не домбыраға қосып айтуына

қарап жүйелеген. Өлеңге, әсіресе, суырып салма өлеңге бейімділік барлық көшпелі елдердің өзіне тән ерекшелігі екенін анықтаған. Қазақ халқының ауыз әдебиеті мұраларын жинап, зерттей келе Шоқан олардың славян халықтарының, әсіресе, орыстардың ауыз әдебиетімен байланысын ашып дәлелді мысалдар келтіреді. «Жоңғария очерктерінде» «Көп уақыттан бері қазақтың ертегілерін, мифтерін, этникалық жырлары мен аңыздарын жинаумен шұғылдана жүріп, мен олардың Еуропа халықтарының, әсіресе, славяндардың осы тектес шығармаларымен бір сарындастығына қайран қалдым», — деп көрсетеді. Орыс-қазақ ертегілерін, мақал-мәтелдерін салыстыра отырып нақты дәлелдейді. Мысалы: өмір шындығының сәйкестігі әдебиетте де тақырып, сюжет ұқсастығын туғызатынын Шоқан қазақ пен араб поэзиясын салыстыра отырып, дала өмірін жырлаған екі елдің поэзиясының бір-біріне ұқсастығын, көшпелі ел тұрмысы сұлу табиғат, рулық тартыс, қайшылықтарды суреттеуінен анық көрінетінін айтады. Әсіресе, бұл халықтарда өлеңді суырып салып айту өнерінің ерекшелігіне назар аударған. Қазақтың шешен билері жайында құнды пікір білдіреді.

Ш.Уәлихановтың тарих, география, әдебиет саласындағы зерттеу еңбектері Петербург ғалымдарының назарына ілігіп, құнды ықылас-ілтипаттарына ие болады. П. П.Семенов-Тянь-Шанский өзінің Жетісу бойындағы зерттеулерін жүргізген кезде Шоқан пікіріне үнемі ден қойып, ақылдасып отырған. Ыстықкөл сапарында біраз жерлерді бірге аралаған. Семенов-Тянь-Шанскийдің ұсынуымен 1857 жылы 27 ақпанда Шоқан Орыс География қоғамының толық мүшелігіне сайланады. Бұл орыс қоғамы зиялыларының, орыс ғылымының жас ғалым еңбектерін зор бағалағандығы, ғылым мен мәдениетке қосқан үлесін мойындағандығы екенінің нағыз дәлелі.

1858–1859 жылдары Шоқанның «Жарық жұлдыз», «Қашқария сапары» оны ғылыми-зерттеушілік, ағартушылық саласында жаңа биікке көтерді. Ол кезде Қашқария Ресей тарапынан зерттелмеген өлке болатын. Еуропа ғылымы үшін белгісіз, құпиясы мол ел болатын. Себебі, XII ғасырдың соңғы ширегінде Марко Поло, 1603 жылы саяхатшы Голе Қашқария жерінде болғаннан кейін, бұл өлкеге ешкім аяқ баспаған Шоқаннан бір жыл бұрын Қашқарияға Үндістан арқылы барған немістің белгілі географы Адольф Шлагинвейтті жергілікті билеушілер басын кестіріп өлтірткен. Адольфтің бұл қайғылы тағдыры жөнінде алғаш мәліметті жеткізген Шоқан болды.

1870 жылдары Петербургте Шоқанның «Жоңғария очерктері». «Алты шаһардың немесе Қытайдың Хан-Лу провинциясының шығыстағы алты қаласының жағдайы туралы», «Адольф Шлагинтвейттің өлімін әкелген жағдайлар туралы мәліметтер» туралы еңбектері жарияланады. Қашқарда болған кезінде Шоқан ұйғыр тілін жақсы меңгереді. Оның архивінде Қашқардағы ұйғыр тілінде жазған жазбалары да сақталған.

Кіші Бұқарада жаңа ұйғыр тіліндегі әдебиеттің едәуір бай аударма әдебиеті бар. Кіші Бұқараның әдебиеті аудармаға неғұрлым бай болғанымен, өзіндік қолтума шығармаларға соғұрлым кедей. Олардың өз іштерінен шыққан бір де бір ақыны және белгілі бір жазушысы болған емес деп көрсетеді. Қытай тарихында

Хой-ху, Хой-хор, Қой-ғой деген атпен белгілі болған халқының Хой-хор әулетін берген және кейіннен осы күнгі Шығыс Түркістанға келіп қоныс тепкен жат жерлік халық елге мәлім. Шығыс мәліметтерінде бұл халық ұйғыр деп аталады. Бүгінгі жеті шаһар тұрғындарын қытайлар чапту деп атайды. Чапту түрік тілінің ұйғыр деп Клапрот (осы тілдің сөздігін құраған адам) атаған диалектісінде сөйлейді. Ұйғыр тілінде моңғол сөздері көп кездеседі.

Ұйғырлар сонау Шыңғыс хан заманының өзінде-ақ, мұсылман дініндегі сол кезде өзінің жазу өнері бар халық болған. Оларды моңғолдар сауатты халық болғандықтан хатшы есебінде іс жүргізушінің қызметтеріне пайдаланған. Сондай-ақ, Шоқан Ұйғыр деген атымен белгілі болған ертедегі монғол жазуының үлгілерін қанша іздегенмен таба алмағанын қынжыла жазады. Бұл аймақтың өткені мен сол кездің қалпын жақсы білетін адамдарымен, ғалымдарымен, ақындарымен де кездесіп мағлұматтар жинаған, шығыс қолжазбаларының бірсыпырасын қолға түсірген. Тау жыныстарының коллекциясы, гербарий жасаған. Солардың бірінде Мирджай тауы мен Қарақаш өзені аңғарынан шығатын нефрит асыл тасының текшелері болған мүлде бейтаныс елді жан-жақты сипаттайтын, әскери, саяси, экономикалық, сауда-саттық жағынан үкіметке де, ғылымға да пайдалы бай материал мен сирек деректерді жинап, қиыншылықтар мен қауіп-қатерді көп көріп, Шоқан керуенмен 1859 жылы сәуір айында елге оралған. Қашқария сапарының нәтижелі жемісі — Ш.Уәлихановтың «Алты шаһардың, яғни Қытайдың Нан-Лу провинциясының шығыстағы алты қаланың жайы» атты еңбектерінде жан-жақты мәлімделді. Қашқария сапарының ғылыми нәтижелері туралы Орыс География қоғамында мәлімдеме жасағаннан кейін-ақ, оның материалын Германияда неміс тілінде басып шығарды. 1865 жылы Лондонда ағылшын тілінде жарияланды. Демек, Қашқария сапарындағы айқындалған мәліметтер Шоқан Уәлихановтың дүниежүзілік география ғылымына қосқан маңызы зор жаңалығы болып есептеледі. Қашқария экспедициясы үкімет тарапынан да ресми түрде аталып өтті.

1860 жылғы 8 сәуірдегі Үкімет указы бойынша поручик сұлтан Шоқан Уәлихановқа штабс ротмистр әскери атағы, 4-дәрежелі ізгі Владимир ордені, 500 сом күміс ақша берілген. Шоқанның ұсынысы бойынша, осы экспедицияның жұмысына қатысы бар 22 адам қоса наградталған, оның ішінде керуен басы Мұсабай, Семей көпесі Бұқаш, К.К. Гутковский т.б болды. Ш.Уәлиханов (1859–61) Петербургте болған жылдары оның ғылыми-шығармашылық қызметінің аса елеулі кезеңі болды. Мәселен, Бас штабының әскери-ғылыми комитетінің тапсыруы бойынша, ол Орта Азия мен Қазақстанның карталарын жасайды. «Балқаш көлі мен Алатау жотасы аралығының картасы», «Құлжа қаласының жобасы», «Ыстықкөл экспедициясының қорытындысына қосымша карта», «Қытай империясы батыс өлкесінің картасы» т. б. дайындалады. Мұның өзі Ш.Уәлихановтың география, картография салаларына қосқан үлесі зор екенін көрсетеді. Сондай-ақ, Шоқан География құрамында белгілі неміс ғалымы Карл Риттердің еңбектерін баспаға әзірлеседі, сыртқы істер министрлігін Азия департаменті

жанындағы Жоғары мектепте, География қоғамында Ipығыс Түркістан, Қырғызстан туралы лекция оқиды, университеттің тарих-философия факультетінде лекцияларға қатысып отырады. Мұның өзі Шоқан бойындағы ғылымға деген ерекше ынта-ықыласты, қажымас қайратты көрсетеді.

Шоқанның Петербургке барған кезі 1861 жылғы басыбайлылық тәртіпті жою жөніндегі реформаның қарсаңы еді. Шаруларды патшаға қарсы үндеген, қоғамды сынаған т.б. Чернышевский, Добролюбов, Некрасов сияқты алдыңғы қатарлы ақын-жазушылардың «Современник» журналында жарияланған мақалалары Шоқанға қатты әсер етіп, саяси әлеуметтік көзқарасының қалыптасуына негіз болды. Петербургте Шоқан достары П. П.Семенов-Тянь-Шанский мен Ф. М. Достоевскийді кездестіреді, көрнекті орыс ғалымдары А. И. Бекетовпен, шығыс зерттеушілері: Ф. Р. Отен-Сакенмен, И. И. Захаровпен, Е. Кавалевскиймен, ақындар А. Манасов Қ. Курачкин, Я. Полонскиймен танысып, араласады. Бұлардың бәрі оның идеялық жағынан көп толып өсуіне бірден-бір себеп болғанын көреміз. Ресейдің әлеуметтік өміріндегі өзгерістер, орыстың революцияшыл демократтарының пікірлері оның демократтық көзқарасын тереңдете түседі. Қазақ халқының, әсіресе, оның төменгі тобының ауыр халі мен оның жағдайларына жан ашырлықпен қарап, түсініп көре білді.

1861 жылдың көктемінде денсаулығы төмендеуіне байланысты туған еліне оралды. Ол қазақ халқының тыныс-тіршілігін жақсартып, көмектесуді ойлап, әділеттілікті жақтап, халықтың мұң-мұқтажын түсіне білу мақсатымен Атбасар уезіне аға сұлтан болуды да ойлады. Сайлауға қатысып, көпшілік дауыс алғанымен, Сібір әкімшілігі оны аға сұлтандыққа бекітпеді. Себебі, демократтық бағыттағы озық ойлы зерттеуші ғылым билеуші топ үшін қауіпті адамдардың бірі еді.

1862 жылы Потанинге жолдаған хатында: «Мұндағы мақсатым — өзі халқымды әкімдер мен зорлықшыл бай қазақтардан қорғау еді», — деп ашық жазды. Ал, А. Г. Майковқа жазған хатында Шоқан бұл пікірін тереңдете түсіп: «Жергілікті сұлтандармен және қара сүйек қазақтардан шыққан байлармен қазір аразбын», — дейді ол, — мен оларға жалшыларды жақсы ұстаңдар, еңбек ақысын дұрыс төлеңдер дегенді талай рет талап еттім. Мен даланың пролетариатымен жақсы доспын, өйткені бір-бірімізді жақсы ұғамыз».

1863–64 жылдары Шоқан Омбыға барып, Сібір қазақтары үшін жасалып жатқан сот реформасын дайындау ісіне қатысып, бұл реформаның елге тиімді, пайдалы болу жағынан қарастырады. Осы кезде Шоқан «Сот реформасы туралы жазбалар» атты өзінің атақты еңбегін жазды. Оның: «Біздің заманымыз халықтың нағыз мұң-мұқтажына тікелей қатысы бар, халыққа ең маңызды, ең керекті реформа — экономикалық және әлеуметтік реформа. Ал саяси реформа сол экономикалық реформаларды жүзеге асырудың құралы есебінде жүргізілмек, өйткені әрбір адам және бүкіл адам баласы өзінің өрлеу жолында түпкілікті бір мақсатқа ұмтылады. Ол мақсат — өзінің тұрмысын жақсарту.

Прогресс дегеніміздің негізінің өзі — біз осы тұрғыдан алып қарасақ, адамның тұрмысын жақсартуға жағдай туғызатын реформалар ғана керекті де, ал осы мақсатқа қандай болса да кедергі келтіретін реформалар болса, ондайлар

халыққа зиянды, керексіз реформа болып табылады» — деп жазды. Бұл пікірдің біздің заманымыздың бүгіні мен ертеңі үшінде қашанда құнды, бағалы болып қала беретініне дау жоқ. Сол кездің өзінде Шоқанның миллиондаған халық тағдырына ерекше жанашырлықпен қарап, мәселенің дұрыс шешілуін армандағанын көрсетеді.

«Бізге, қазақтарға, облыстық бастықтар үстірт қарауды әдетке айналдырған», — деп көрсете келіп, Шоқан реформа мәселесіне аса зор жауапкершілікпен қарап, бұған қарапайым (дәулетсіз) қазақтарды қеңінен қатыстырып, олардың пікірлерімен санасу керек екендігін, реформаны ақсүйектер емес, қалың бұқараның тілек-мүддесіне сай жүргізу керектігін талап етеді. Бұл еңбегінде Шоқанның қазақ қоғамының экономикалық, саяси, рухани жағдайлары және қазақ халқының болашақ даму негіздері мен жолдарына терең талдаулар бере отырып, ең бастысы өз халқының болашағына үлкен сеніммен қарағанын көреміз. 1864 жылы наурыз айында Ш. Уәлиханов Оңтүстік Қазақстанды Ресейге қосу жөніндегі полковник М. Т. Черняевтің әскери экспедиция сына шақырылады. Бірақ, жергілікті халықтарға Черняевтің, оның әскери қызметкерлерінің көрсеткен озбырлығы мен қаталдығына наразы болып, бөлініп кетеді. Верный (қазіргі Алматы 1 қаласына келіп, Албан руының аға сұлтаны Тезек төренің ауылына тоқтайды. Мұнда да жергілікті тұрғындардың хал-жағдайларымен танысып, аңыз-әңгіме, ертегі-жырлар жинап, зерттеушілік жұмыстарымен шұғылданады. Сол кездегі Батыс Қытайдағы қоғамдық-саяси жағдайдың шиленесуіне байланысты болған дүнгендер көтерілісіне көңіл бөледі. Жұмыс бабымен Қапалға оқта-текте келіп жүген бір сапарында Ш. Уәлиханов әскери газетіне Құлжадағы жағдай, дүнген қозғалыстарына байланысты мақала жариялайды. Демек, қай уақытта болмасын ел ішіндегі жағдайларға ерекше мән беріп отырғанын көреміз. Ол өзінің қысқа ғұмырында қоғамдық ғылымдардың алуан саласында, тарих, география, этнография, экономика филологияда, өнертануда — көптеген құнды еңбектер қалдырды. Сондай-ақ, Орталық Азияның түркі тілдес халықтарының, қазақтың, қырғыздың, өзбектің, ұйғырдың, түркіменнің тарихы мен сол кездегі әлеуметтік жағдайы, тілі мен әдебиетін саралап терең зерттеуімен шығыстың ғылымына зор үлес қосты. «Қазақтың шежіресі», «Жоңғарлар очерктері», «Қазақтар туралы жазбалар», «Абылай», «Көне замандағы қазақтың қару-жарақ, сауыт-саймандары», «Далалық мұсылмандық», «Қазақтағы шаман дінінің қалдықтары», «Қазақтың көші-қоны», «Оңтүстік Сібір тайпаларының тарихы туралы пікірлер», «Ыстықкөл күнделіктері» т.б. еңбектерінде Орта Азиядағы түрік халықтарының көптеген келелі мәселелеріне ғылыми тұрғыдан жан-жақты зерттеулер жүргізіп, талдаулар жасады. Бұл еңбектердің кейінгі зертеушілер үшін ғылыми мәні жоғары болды. Шоқан өзінің жан-жақты мол білімінің арқасында зерттеулерді комплексті түрде жүргізіп, тарихшы, географ, этнограф, публицист, әдебиетші, жазушы болып қатарластыра алып отырғанын анық байқауға болады.

XIX ғ. орта шенінде ірі ғалымдардың бірі П. И. Небельсон Шоқан туралы: «Петербургте қырғыздар сирек кездеседі, бес-алты адам жинала қояр ма екен? Солардың ішінде өмірде мен бармын деп ерекшеленбейтін бір ғана адам бар. Ол

өте жас, кавалерия офицері, сұлтан Шоқан Шыңғысұлы Уәлиханов», — деп жазса, Платников: «Мен Уәлихановпен Петербургте өте жақын таныстым және бірнеше кеш бірге болып көңілді өткіздім, оның қабілеттілігіне Мұхамед-Ғани Бабажанов, біз Небельсон екеуіміз де тең келмеспіз», — деген пікірлері Шоқан білімінің жан-жақтылығын, тереңдігін дәлелдей түсері хақ.

Шоқаннан қалған асыл мұралардың бірі — бейнелеу өнері саласындағы еңбектері оның қазақтың тұңғыш профессионал суретшісі екенін танытады. Сурет өнерін жас кезінен-ақ жақсы көрген. Ол портрет, табиғат көрінісі, пейзаж, халықтың тұрмыс-салтын бейнелеу жанрымен айналысқан. Суреттерінің біразы 1860 жылдардың басында «Всемирная иллюстрация», «Сакра», «Русский художественный лист» журналдарында, «Орыс география қоғамының хабаршысында» жарияланған. Ш. Уәлихановтың көп салалы әр қырлы бай мұрасы оның дүниетанымы, қоғамдық философиялық, ағартушылық, демократтық көзқарастары өз заманының биік деңгейінде болғанын айқындайды. Шоқан Уәлиханов 1865 жылы сәуір айында қайтыс болды. Алтынемел тауының баурайындағы Көшентоған деген жерге қойылады. Қазіргі Алматы облысы Шоқан атындағы шаруашылықта «Алтынемел» мемориалдық комплексі бар. Шоқан қазасы қазақ елі үшін және оның орыс достарына аса ауыр тиді. Орыстың географиялық қоғамы басып шығарған (1904) Шоқан шығармаларына жазған алғы сөзінде академик И. И. Веселовский: «Шоқан Уәлиханов шығыстану әлеміне құйрықты жұлдыздай жарқ етіп шыға келгенде, орыстың Шығысты зерттеуші ғалымдары оны ерекше құбылыс деп түгел мойындап, түркі халықтарының тағдыры туралы одан маңызы зор, ұлы жаңалықтар ашуды күткен еді. Бірақ Шоқанның мезгілсіз өлімі біздің бұл үмітімізді үзіп кетті», — деп жазды. Шығысты зерттеу ші әйгілі ғалым Е. И. Ковалевский Шоқанды «Асқан данышпан жас жігіт», «Тамаша ғалым», «Қазақ халқының ең жақсы досы әрі орыстың мемлекеттік мүддесін қадір тұтушы» деп атады. Г. И. Потанин: «Шоқан қазақ ішінен оқырман қауымын тапқан болса, ол өз халқының шын мәніндегі асқан данышпаны болар еді», — дейді.

Орыстың географиялық қоғамы Шоқан өлімі туралы хабарында: «Нағыз, шын әділдігін айтқанда Уәлихановты үздік адам деп айтуға болады. Уәлиханов өз еліне шын берілгендігін, оны терең сүйетіндігін, қазақтың тұрмысын жақсы көрушілігін сақтай алумен қатар, Батыстың мәдениетін де жоғары бағалады», — деп жазды. Мұндай жылы лебіздердің қайсысы болмасын Шоқан еңбегінің әділ де жоғары бағасын алғандығының айғағы еді. Шоқан жайында: Г. И. Потанин, Н. М. Ядринцев, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, И. И. Березин, И. И. Ибрагимов, т. б. естеліктер мен мақалалар жариялады.

Шоқан Уәлихановтың демократтық, гуманистік ой-пікірлерінің толысуына Омбыға жер ауып келген орыс ойшылдары мен жазушылары көп әсер еткенін көреміз. Шоқан ұлылығын танытатын, оны биіктете түсетін нақты мәліметтердің бірі – өзі ерекше сүйіп бағалаған достарымен жазысқан хаттары. Осы хаттардың әрқайсысында Шоқанның азаматтық бейнесі ерекше таныла

түседі. Өз халқының адал перзенті екеніне көз жеткіземіз. Зерттеу еңбектерінің маңызы мен мәні ашыла түседі, бүкіл дүниежүзілік география ғылымына қосқан зор табыс, жаңалық ретінде бағаланады. Ш. Уәлихановтың хаттары. Шоқан Шыңғысұлы мен Федор Михайлович Достоевскийдің достығы екеуінің Омбыда, Семей мен Петербургте бірге болған кездерінде бір үзілмейді, кейінгі алты жыл ішінде (1856–1862) бұл достық хат арқылы нығая тускенін көреміз. Мәселен, Семейден кетіп бара жатып, Уәлиханов Достоевскийге былай деп жазады: ...Сізбен бірге Семейде өткізген азғана күн маған сондай тамаша әсер етті. Ендігі менің бір ойым сізбен тағы да бір кездесу. Мен адамның нәзік сезімдері мен ақ ниеті туралы жазуға шебер емеспін. Менің Сізге қандай берілгендігімді және сізді қандай жақсы көретінімді, әрине, өзіңіз де білесіз». Бұл хатқа Достоевский өзінің шын жүрегінен шыққан жылы сөздермен былай деп жауап қайырды: «Мейірман достым! Сіз мені жақсы көремін деп жазыпсыз. Ал мен сізге қысылмай-ақ тура айтайын. Мен сізге ғашық болып қалдым. Мен еш уақытта да, ешкімге де тіпті туған іниме де, тап сізге көңілім түскендей құштарлықты сезген емеспін. Бұған талай дәлел келтіруге болар еді, бірақ сізді несіне мақтай берем. Ал енді сіз менің ақ ниетіме дәлелсіз-ақ сенетін шығарсыз деймін. Достоевский өзінің хаттарында Шоқанға пайдалы кеңес беріп, рухын көтеріп, оның алдына аса зор игі міндеттер қойғанын көреміз. Енді бір хатында: Қолға алған ісіңізді тастай көрмеңіз – сіздің материалдарыңыз өте көп. Сахара туралы мақала жазыңыз. Оны Россия халқына түсіндірудің өзі ұлы мақсат, қасиетті іс емес пе. Европаша білім алған тұңғыш қазақ екеніңізді есіңізге толық алыңыз.Тек осы оқиғаның бір өзі ғана ғажайып нәрсе және оны ұғудың өзі сізге көп міндеттер жүктейді. Оның үстіне тағдыр Сізді таза жанды, адал жүректі, абзал адам ғып жаратқан. Артта қалуға болмайды, жоқ болмайды..., деп жазады. Мұндай жанашырлық жалынды сөздерінде Достоевский Шоқанға шын жүректен ақыл-кеңесін білдіріп, оны белсенді іс, батыл әрекетке рухтандыра түседі.

Ф. М. Достоевский Шоқан Уәлихановты ерекше қадірлей, бағалай білді. Одан алған заттарының бәрін ол ең қымбат естелік ретінде сақтайды. 1866 ж. Шоқан марқұм болғаннан кейін Достоевский өзінің әйелі А. Г. Достоевскаяға «мына үлкен ағаш сандықты көрдің бе? Бұл менің Сібірлік досым Шоқан Уәлихановтың сыйлығы. Сондықтан да ол маған қымбат. Сондықтан мен өз қолжазбаларымды, хаттарым мен аса қымбатты естеліктерімді осында сақтаймын» – деген сөздерінің өзі Шоқанға деген ыстық ықыласын анық байқатады.

А. Н. Майковқа жазған хатында Шоқан: «Менің туысқандарым ұлттық та, таптық та ескіліктің шырмауында. Әсіресе, бір бет даңққұмарлығы бірден көзге шалынады. Осыған қарап-ақ, олардың өздерін өздері жоғары бағалайтыны, ақыл-естіміз деп түсінетіні өз-өзімен түсінікті болар. Демек оларға айтылған ақыл-кеңес намысына тиіп, бұрынғыдан да көрі асқынта түсері түсінікті. Көппен жалғыз алысуға шама келмесін түсіндім, шындық қанша қасиетті болғанымен, адасқанның алды жөн бола береді екен, әсіресе, уақыт солай етіп тұрса амал жоқ, — деп ағынан жарылып, өзіндік пікір, көзқарасын білдіреді.

Шоқан Уәлиқановтың орыстың көрнекті жазушыларымен, ғалымдарымен т. б. жазысқан хаттары қазақ әдебиетінің тарихы үшін ерекше маңызды орын алады. Оның хаттары мен күнделіктерінен публицистикалық дарындылығы айқын аңғарылады.

Пайдаланған әдебиеттер:

1. Қазақ мәдениеті. Энциклопедиялық анықтамалық. Алматы: “Аруна Ltd.” ЖШС, 2005.

2. Абай. Энциклопедия. — Алматы: «Қазақ энциклопедиясының» Бас редакциясы, «Атамұра» баспасы.

3. Иминов И. А. И49 Ұлы Шоқанның керуен жолымен / И. А. Иминов, О. Б. Мазбаев. — Астана, 2015. — 184 б.

4. Отырар. Энциклопедия. — Алматы. «Арыс» баспасы, 2005.

5. Тарихи тұлғалар. Танымдық — көпшілік басылым. Мектеп жасындағы оқушылар мен көпшілікке арналған. Құрастырушы: Тоғысбаев Б. Сужикова А. — Алматы. “Алматыкітап баспасы”, 2009.

© Байболат Л. Б., 2021

Н. А. Бейсенбекова
к. ист. н., доц., директор НСЦ «Тұлғатану» Карагандинского университета имени Е.А.Букетова (г. Караганда, Казахстан)
С. У. Жауымбаев
к. и. н., проф. Карагандинского университета имени Е.А.Букетова (г. Караганда, Казахстан)

ШОҚАН УАЛИХАНОВТЫҢ РУХАНИ МҰРАСЫ АКАДЕМИК ӘЛКЕЙ МАРҒҰЛАН ЕҢБЕКТЕРІНДЕ

Шоқан Уалихановтың рухани мұрасы әр қырлы және жан жақты. Оның еңбектерін зерттеу, жүйелеуде үлкен жұмысты академик Әлкей Хақанұлы Марғұлан атқарды. Қазақтың алғашқы ғалым ағартушысы Шоқан Уәлихановтың туғанына 150 жыл толуына орай оның шығармаларының 5 томдық жинағын шығаруды ұйымдастырды. [1] Осы жұмысты шығару үшін академик Шоқанның қолжазбаларын жинақтап, талдап зерттеді. Бес томдық жинаққа қазақтың тұңғыш ғалымның рухани мұрасы хронологиялық тәртіппен жинақталып енгізілді.

Шоқан Уалихановтың өмір жолы мен қызметін қысқаша шолу жасай отырып оның рухани мұрасына талдау жасайды. Бүгінгі күнге дейін Шоқанның 1853–1861 жылдардағы күнделіктері мен ғылыми мақалалары, суреттері, жолсапарлардағы ой пікірлері жинақталып жеткен. Осылардың арасында оның «Манас» жырын жинаудағы еңбегі ерекше. «Манас» тарихи заманнан таулы Азия қыратында ұрпақтан ұрпаққа айтылып келе жатқан қызықты жыр, қырғыз

халқының өте құнды мұрасы. Бұл жырды бірінші рет қағаз бетіне түсіріп, ғылыми айналымға қалдырған жас ғалым Шоқан еді». [6, 229] Бірақ Шоқан жазып алған «Манас» жырының қырғыз тексті көп уақыт белгісіз болып келді. Ғалымның еңбектерін бірінші рет баспаға дайындаған Н. И. Веселовский 1902 жылы 21 наурыз күні Археология қоғамының шығыс бөлімінде болған мәжілісте Шоқанның «Манас» жырынан аударған үзіндісімен таныстырғанда жырдың қырғызша мәтінінің жоғалып кеткенін айтқан екен.

Ежелгі ерлік жырларының бас геройы — «Манас». Ежелден келе жатқан ақындық дәстүрі бойынша жыр Манастың эпикалық өмірбаянын туғаннан өмірден өткенге дейінгі өмірін әдемі суреттейді. Шоқанды қызықтырғаны да осындай мазмұны «Манас» жырының ең ескі және қызықты тарауының бірі — «Манастың туысы». Осы тарауды Шоқан жазуында кездеспейді. Ол 12 жасар Манастың тек бірінші ерліктерінен бастап жазған. Бұл жырдың құндылығы біріншіден, түрік қағанаты кезіндегі Алтай мен Ертіс бойының саяси — шаруашылығын суреттейді. Сонымен қатар қырғыз халқының Алтайға дейін көшкен тарихы баяндалады. Жырдың Шоқан жазып алған нұсқасы бойынша, Манас бұрыннан ел билеген атақты тұқымнан екені айтылды Яғни Манас жырында ата шежіресін тарихи деректермен салыстырған Ә. Марғұлан, оның әкесі Жақыптың Қарахан әулетінен шыққан деп тұжырымдай келе, Шоқан жазбаларының тарихи маңызы жоғары деп бағалайды. Шоқанның рухани мұрасының құнды болатындығының бірі оның «Манас» жырында сол дәуірдегі мәдениет пен өнердің талай түрлерінің маңыздылығын түсініп жазып алғандығы. Бұны жырдың Көкетайға арналған күмбездің суреттерінен көруге болады.

Айға баққан ақ сарай,
Ақ сарайлап қойды дейді,
Күнге баққан көк сарай,
Көк сарайлап қойды дейді. [2, 90]

Жырда ол күмбездің әрбір кірпіші әдемілеп ойылған, әрбір беті көркем түрде сылап безендірілген, тамаша сырлатқан дейді. Ал сарайлардың бұл тәрізді сәулетті түрін қырғыз жеріндегі Қарахан дәуірінде салынған атақты Үзген мавзолейлерінен көруге болады. Осындай деректердің маңызын түсіне білген Шоқанның жазбалары бүгінде құнды деректердің қатарына жатады. Манас жырындағы басты тұлға батырлардың бірі — Ер Қосай. Ол үнемі Манасқа ақыл беріп отырады. Жырда Қосайды ардақтайды оның ерлік бейнесі дәріптеледі .

Бекіп алған Бейжіннің
Бетін ашқан Ер Қошай
Тұрып қалған Тұрпанның
Түсін ашқан Ер Қошай.
Байланып қалған базардың. [6, 102]

Бағын ашқан Ер Қошай, — деп Шоқан жазып алған жыр жолдары тұлғаның бейнесін ашуға мүкіндік береді. Қосай өз заманында ардақты ел ағасы, мәмлегер батыр адам болғандықтан, оның аты жырда халықтың қария сөздерінде де жиі кездеседі. Шоқанның Манас жырындағы тарихи тұлғалардың бірі Ер Көкше образынада ерекше көңіл бөлгені жайлы Ә. Марғұлан былай дейді: «Ер Көкше мен Ер Қосай туралы Шоқан біріне — бірі қиғаш келетін екі түрлі пікір

айтқан. Бірінде жас ғалым Ер Көкше мен Ер Қосайды Алтын Орда заманының геройлары және солардың ерлік жырында айтылатын батырлар, — деп анықтайды». [6, 105] Шоқан Уалихановтың пікірінше, Ер Көкше Одоев қаласына жорық жасап, Никон шежіресінде жазылған Көкше батырдың өзі. Бірақ дейді Ә.Марғұлан «тарих бетіне тереңірек көз салсақ, Никон шежіресінде айтылған Көкше батыр Ер Көкшеден бүтіндей басқа, ол Жошы ханның немересі, Бөрі-Кешердің баласы — Көкше ұлан. Ол туралы «Тауарих нүсрет намеден» көруге болады. Шоқан айтқан Эр-Күша XY ғасырдың басында, Едіге мен Тоқтамыш хан балалары соғысқанда, Жайық бойында оққа ұшқан. Бірақ бұл Шоқанның Эр Күшаны Ер Қосай деп айту дұрыс емес, өйткені Ер Қосай XY ғасырда өмір сүрген болса ол туралы араб, парсы, Орта Азия авторларының жазбаларында жоқ. Шоқан Уалиханов пікірінше қазақтарда Ер Көкше, Ер Қосай деген екі жыр бар. Олар уақ тайпасының батырлары Ер Көкше мен оның баласы Ер Қосай. Олар қыпшақтармен соғысқан. Сонымен қатар Шоқан Уалиханов «Ер Көкше мен Ер Қосай «жырының көркемдік мәні өте жоғары деп санап адам оны тыңдаудан жалықпайды»,— деп жазады. Жалпы Манас жыры бір дәуірдің ғана туындысы емес. Ол бірнеше дәуірдің оқиғаларын, талай ғасырдың аңыздарын, эпикалық мазмұнын тұтастырып берген эпопея. Жырдың негізі идеясы шапқыншылық емес, керісінше сыртқы жаудың басқыншылығына қарсы тұрған отан қорғау, тәуелсіздікті сақтау үшін болған күресті көрсету болған. Тарихи құнды жыр «Манасты» бірінші зерттеген Шоқан Уалиханов бұл жырды ноғайлы заманында (XIY–XY ғғ.) шыққан деп жазады. Себебі бұл жырда ноғайлы жырларында кездесетін жыр шумақтары, адам есімдері, батырдың тұлпарының аттары жиі кездесетіндіктен Шоқан пікіріне негіз болған. Шоқанның рухани мұраларындағы Манас жырын талдауы өте ерекше құнды. Ол тарихи жырды жаңартып айтуға қарсы болған. Сондықтан жырдың түпнұсқасын жақсы білетін жыршыны іздеп тауып жырдың ғасырлар бойы бір қалыпта айтылып келген негізгі мазмұнындағы нұсқаларын жазып қалдырған. Міне осы тұрғыдан алғанда оның мұрасының ғылыми маңыздылығы да сонда. Сонымен қатар Шоқан Уалиханов жырдағы ежелгі тайпалардың әскери өміріндегі қолданған соғыс әдістері және олардың жауға үнемі ай жарық күндері боз ат шабуыл жасағанына көңіл аударған. Жырдағы мына жолдарды келтірген .

Ай жағынан тиген дейді.
Айтадан сүрең салған дейді.
Күн жағынан тиген дейді,
Күнду сүрең салған дейді. [6, 122]

Ежелгі замандағы соғыс тәсілі бойынша, екі жақтың әскері бетпе-бет келгенде, тура шабылуға бармай, алдымен жекпе-жек күш сынасып, тілдесетін болған. Шоқан Манас жырындағы осындай ерекшеліктерге де көңіл аудара білген зерттеуші. Сонымен қатар Манас жырындағы сол кездегі халық ауыз әдебиетінде дәстүр болған әдет-ғұрып жырларыныңдағы «Естірту, Қоштасу» сияқты үлгілерді Шоқан «Жоқтау» деп беріп оның мазмұнынан сол заманның ұлы тарихи тұлғаларының ерлігін, қоғамдағы орнын анықтап өз болжамдарын жасаған. Ерекше мынадай мәселеге көңіл аударған жөн: «Манас» жырының Шоқанның жазып алған нұсқасында — Көкетай хан тек қырғыз елінің ханы

болып суреттелмейді, ол көшпелі көп тайпалардың, оның ішінде Орталық Қазақстанды, Каспий даласын, Сыр бойын, Жетісуды, Ертіс өңірін, Күнбатыс Сібірді, Орта Азияны мекендеген елдердің ұлы ханы ретінде бейнеленіп сол жерлердің батырларына, алыптарына жарлық беріп отырады. Жырдың осындай нұсқасынан Ә. Марғұлан Көкетай мен Орхон жазуындағы Тоны-Көктің есімдерінде атқарған істерінде, адамшылық қасиеттерінде көп ұқсастықтың бар екенін жазады. Яғни Шоқанның жазбаларына сүйене отырып, Күлтегін жазуларындағы ерлік пен ел ынтымағы бірлігі деген ұстанымдардарға көшпелі қоғамда ерекше мән берілген. Олар оның ғасырлар бойы сақтап ұрпақтан ұрпаққа жеткізіп отырған. Міне тарихи сабақтасып келе жатқан ерлік, ел қорғауды салыстырмалы түрде көруге болады. Шоқан жазып алған жырдың үлгісінде Отанның намысын оның тәуелсіздігін берік ұстау идеясы Көкетай ханның аында болған жанжалдан көрінеді. Шоқан Уалихановтың жазып алған Манас жырының нұсқасынан қырғыз халқының IX–XII ғасырларда Орта Азиядағы саяси-шаруашылығы күшейген ірі халықтардың бірі болған уақыты екенін білуге болады.

Қазақ халқының аңыз-жырларына, ертегілеріне, қария сөзіне қызығушылық XVIII ғасырдың ортасынан басталған. Орыс шығыстанушыларын қызықтырған аңыздардың бірі «Қозы Көрпеш — Баян сұлу». Ал бұл жырдың тарихын, құрылыс кешенін және оның ішінде тұрған төрт мүсінді зерттеген ғалымдардың бірі Ш. Уалиханов. Аңыз бойынша бұл кешен түрік қағанаты кезінде VI–VIII ғғ. салынған. Мұндағы төрт мүсін тас кешеннің күншығыс жақ бетінде тұрған. Олардың үшеуі — әйел, біреуі — жас жігіт, халық аңызы бойынша бұлар Қозы Көрпеш — Баян сұлу, оның апалары Айтаңсық, Айғыздың суреттері деп айтылады. Ғалым кешенді көру үшін арнайы Аягөзге бірнеше рет барады. Оның пайымдауынша, Қазақстан жерінде сақталған архитектура белгілерінің ең ескі пирамида — мұнара, дың түрінде кездеседі. Дыңды әдетте даладағы таспен өріп тұрғызады.

Шоқан Уалихановтың пікірінше: «екі ғашыққа арнап салған атақты белгі осы күнге дейін Аягөз өзенінің оң жағасында Қызыл — Қия бекетінен 10 шақырым төменірек, Семейден Қапалға баратын жолдан біржарым шақырымдай әрірек тұрады. Күмбезді таспен қалап, арасына балшық құйып отырған. Биіктігі 7 құлаштай. Астын төрт бұрышты қырлап көтеріп, үстін пирамида сияқты етіп, ішінде еңсесі бар, күмбез етіп жасаған. Үйдің ішкі қабырғасында тастан дөңгелете жасаған кісі отыратын орындықтар бар. Есігі оңтүстік-шығысқа қараған, жоғарғы жиегінде терезе сияқты тесіктер көрінеді... Күмбездің іргесінде төрт мүсін тас тұр, олардың үшеуін алқамен әшекейлеген. Біреуі Өзгесінен көп биік, бірақ басы жоқ, бір қара надан қағып түсірген. Ойға жүйрік бір қазақтың айтуынша бұл басын шәйтән қағып түсірген Қодар болу керек — дейді, Бірақ Қодардың мүсін тасы өз қабырының басында тұр» [6, 288]. Ә. Марғұланның пікірінше Шоқан Уалиханов 1856 жылы Ыстықкөлге саяхатқа бара жатып, Қозы Көрпеш кешенін суретке түсіруді мақсат еткен. Ол туралы өзінің күнделік дәптерінде былай деп жазған: «Мен Аягөзді сондай сүйемін, сондай қадірлеймін, оған сұлу Баянның алтыншашты Қозы Көрпешке ғашықтығы туралы аңызы себепкер болу керек, олардың махаббатпен

байланысты әрекеті осы өзеннің бойында өткен, бұл себеп оңай дүние емес қой» [6, 288]. Бірақ та Шоқан Уәлихановтың суретке түсіруіне қалың жаңбыр кедергі болған. Әлкей Хақанұлының айтуынша Шоқан қайтар жолында суретке түсіріп алған екен, бірақ ол архивте сақталмапты. Шоқан Уәлиханов «Қозы Көрпеш Баян Сұлу» жырының бір нұсқасын Омбыда Шоқанның пәтерінен келген Шөже ақынның айтуынан жазып алған. Шөже ақын Шоқан Уәлихановты өте қадірлеп, оны әділ «сұлтаным» деп атайды. Бұндай құрметті оның мына өлеңдерінен де байқауға болады:

Құдай берді сұлтанды кәміл қылып,
Данышпан, мәртебелі, әділ қылып,
Бұрын жазған жоқ едім мұндай сөзді,
Әділ сұлтан жаздырды сапалы қып.

Жырды жазып алған кезде Шоқан Уәлихановтың қасында бір қазақ жігіті болған. Қолжазба соңында 1864 жылы 5 мартта бейсенбі күні кешке таман жазылды деп көрсетілген. Жырдың мәтінінде Шоқанның түзеткен жерлері бар. «Тақия» сөзін — «Қарқара», «Құлын тапты» дегенді — «Құлын туды», «Мінген едімді», «мінген атым» деп өзгерткен. [6, 332] Біздің пікірімізше бұл уақыт Шоқан Уәлихановтың Черняев әскеріне кетуінің қарсаңында болған. Бұндай деректер Шоқан Уәлихановтың далалық ауызша әдебиеттің үлгілерін жинаудағы оның үлкен еңбегін дәлелдейді. Шоқан Уәлихановтың мұрасында Қозы Көрпеш Баян Сұлудың құсмұрын үлгісі сақталған. [2, 115]

Шоқан Уәлихановтың қазақ тарихындағы маңызды еңбектерінің бірі Қорқыт аңызы туралы жинақтап, оның бүгінгі күнге дейін жетуіне үлкен еңбек сіңіргендігі. Шоқан Уәлихановтың пікірі бойынша Қорқыт бірінші бақсы, қазақтарды қобыз тартуға, сарын айтуға үйреткен тұлған. Шоқанның жазғандары кейінгі шығыстанушылардың еңбектеріне маңызды дерек болды. Шоқан Уәлиханов Қорқыт туралы қазақ арасындағы қария сөздерді, аңыздарды, көптеп жинап, соның негізінде ол Қорқытты халықтың кемеңгер ұстазы, ақылшы, кеңес беретін данасы, өз заманындағы асқан жырау, болашақты болжайтын кемеңгер, философ және қазақтың жырау-күйшілерінің ұлы атасы деген пікірдің қалыптасуының негізін салды. Сонымен қатар Шоқан Уәлихановтың пікірінше, Қорқыттың ажалға қарсы тұруынан ежелгі Орта Азия тайпаларының дүниеге көзқарасын білуге болады. Ертедегі тайпалар адам өлген соң да өмір сүреді, өлім тіршіліктің жалғасы деп түсінген. Сондықтан да оның қабіріне тіршілікте керек болған нәрселердің жейтін тамақ, киетін киім, ат-сайман, қару-жарақ – бәрін бірге қойып отырған бұл наным қазақтарда соңғы заманға дейін сақталған. Шоқан Қорқытты Ұлы дала еліндегі дарынды музыкант деп бағалаған. Кейінде оның осы пікірін, Г. Н. Потанин, П. П. Семенов-Тяньшанский де «әрі ақын, әрі домбырашы, әрі қобызшы», — деп санаған. Яғни Шоқан Уәлихановтың еңбектерінде қазақтың дүниетанымын түсінудің бірден-бір жолы аңыз-әңгімелер мен ертегілерді, қария сөздерін жинақтаудың өзіндік үлгісі қалыптасқан. Осындай әдіс-тәсіл Шоқаннан кейінгі шығыстанушылардың еңбектерінде өз жалғасын тапқан. Сонымен қатар оның еңбектерінде Ұлы дала елін мекендеген қазақ халқының психологиясы туралы да көптеген ой тұжырымдар айтылады. Мысалы ол былай деп жазады: «тарихи жағынан алғанда қазақ халқының

поэзиялық рухы тамаша, біріншіден, ақындарының еске тұту жайы барынша ғажап болғандықтан... өз батырлары туралы деректерді бұл күнге дейін бұрмалаусыз сақтап келген, екіншіден, қазақтың өткен замандағы аңыздары мен сенім-нанымдарын соншалық бағы қалпында сақтауы таңырқарлық. Одан да ғажабы — әсіресе ақындарының эпикалық жырлары кең даланың қай қиыр түпкірлерінде айтылмасын, бір ғана қолжазбадан көшірілгеніндей ауыздан-ауызға сөзбе-сөз ауысып отыруы. Сауатсыз көшпелі орданың ауызша тарихының осыншалық ақылға сыйымсыз дәлдігі таңырқарлықтай, сөйтсе де бұл күдік келтіруге болмайтын ақиқат факт». [5, 164] Осындай терең сипаттаудан біздің пікірімізше, Шоқан Уәлиханов халықтардың ұлттық психологиясын көрсететін белгінің бірі сол халықтың ыл байлығы, сөз өнері, шешендік қасиеттері. Жас ғалым, ағартушы Шоқан Уәлиханов сөз өнерін халық бойына біткен зор таланттың, керемет қабілеттің, ақындық қуаттың белгісі деп санаған. Сондықтан оның пікірінше, халықтың тілінен оның тұрмысы мен әдет-ғұрпын көруге болады және қазақ тілі жасама бояу сөздері жоқ нағыз таза тіл. Ғалымның осы пікірін кейінде қазақ даласына келген демократиялық пікірдегі өзге ұлттардың өкілдері де, өз шығармаларында жазып қалдырған. Олардың барлығы да қазақтардың жан серігі көркем сөзбен сөйлеу, жырмен ойын білдіру, байға да жарлыға да тән қасиет деп мойындаған. Мысалы В. Радлов қазақтар нақышты сөйлеуді өнердің алды деп біледі, олардың поэзиясы дамудың жоғарғы сатысында деп бағалаған.

Шоқан Уәлиханов бала кезінен қазақтармен аралас құралас Орта Азия, Шығыс Түркістан халықтарының тіршілік тұрмысы жөніндегі аңыз-әңгімелерді естіп өскен. Кейіннен Омбыда оқып жүрген кезінде осы бағытта ғылыми зерттеулер жүргізіп, халықтардың оның ішінде ұйғырлардың психологиясын, әдет-ғұрпын, тіл өзгешеліктерін алғаш рет зерттеуші ретінде таныды. Шығыс Түркістанға екі рет ғылыми сапармен барған. Осы сапаларларынан кейін ол ұйғырлардың бостандық, тәуелсіздік жолындағы күресін, өз отанын жан-тәнімен сүю сезімінің жоғары екендігін және олардың еңбекқор халық екендігін жазады. Сонымен қатар Шығыс Түркістанды мекендеуші көптеген халықтардың (қырғыздар, түрікмендер, өзбектер, қытайлар және т. б.) психологиялық ерекшеліктерін олардың әрқайсысына тән әдет-ғұрыптары мен салт-дәстүрлерін де өте білгірлікпен көрсете келіп, бұларды ерекше дәріптемейді, бір-біріне тең деп бағалайды. Яғни, Шоқан Уәлиханов өз еңбектері этнопсихология ғылымының негізгі бастауы бола алады. Мысалы, ол халқымыздың психологиялық ерекшеліктері — қонақжайлылық, үлкенді сыйлау т.б. бар дей келе, ұлттық мінезде өзгермейтін, тіпті тұқымқуалатын негіздер де бар деген пікір айтады. 1862 жылдың 6 желтоқсанында А. Н. Майковқа жазған хатында ол өз туысқандарында байқалатын мінездерінің қолайсыз жақтарын «менмендік қазақ халқының ұлттық ерекшелігінің бір көрінісі еді», — деген, 1862 жылдың 2 қаңтарында профессор Бекетовқа жазған хатында өзінде байқалатын кейбір салдыр салақтықты мойындай келе, мұны да «қазақ халқының өзіндік психологиялық ерекшеліктері еді», [5, 166] деп тұжырым жасайды. Оның осы пікірлерінің қазақ халқының өмірінде кездесетіні анық.

Академик Әлкей Хақанұлы Марғұлан Шоқан Уәлихановтың рухани мұрасын көп жылдар зерттеген ғалым ретінде оның қазақ даласындағы діни-наным сенімдерді де жан-жақты зерттеген ғалым екендігін көрсетеді.

Шоқан Уәлиханов қазақ халқының шамандық ұғымдарын — ем, ұшық, сиқыр, арбау, кесір, кие, тіл тию, ырым т.б. түсіндіргенде де оның психорлогиялық жақтарын ашқанда да материалдық позицияны берік ұстайды. Ол осы ұғымдардың адам баласының ерте кезеңде табиғаттың алдында дәрменсіздігінен, оның сан қилы құбылыстарын түсінуге шамасы келмеген кезде пайда болғандығын дала халқындағы ғылым мен мәдениеттің кенже қалғандығынан күнделікті тұрмыста әлі де сақталып келе жатыр деп түсіндіреді. Шоқан Уәлихановтың рухани мұрасында ерекше көңіл аударатын мәселенің бірі адамға психологиялық сипаттама, мінездеме беру әдісі. Соған байланысты оның шығармаларында адамға сипаттама берген кезде адамның портреті қыл қаламмен жазылған суретшінің шығармасындай көркем болып келеді. Мысалы Құлжадағы түрлі ұлт өкілдері саудагерлерінің киген киімдері, сырт келбеттері, нақты істері мен сөздері, қолдарындағы заттары мен теңгенің сылдырына дейін Шоқан білгірлікпен суреттеп жазып, адамның жан-дүниесін тани білген психолог болғандығын көрсетеді. Шоқанның күнделіктері мен қолжазбалары – «Құлжа сапарының күнделігі», «Қашғария сапарының күнделігі» тек тарихи құнды дерек ғана емес, психологиялық жағынан да маңызды деректер қатарына жатады. Өйткені бұл күнделіктерді оқығанда адамның көз алдына табиғаттың сұлулығы және адамдардың қайталанбас өзіндік психологиялық ерекшеліктері көрінеді. Бұл туралы Шоқантанудың асқан білгірі академик Әлкей Хақанұлы Марғұлан Шоқан күнделіктері Байрон мен Лермонтовтың Кавказ очерктері мен өте ұқсас және бұлардан еш кем түспейді деп бағалапты. [3, 14, 38]

Шоқан Уәлиханов қазақ халқының тәлім-тәрбиелік педагогикалық іс-әрекеттерін де зерттеп, жазып қалдырған. Шоқанның өмір сүрген уақытында орыстың революцияшыл демократиялық идеясы қоғамда үлкен ықпалы болды. Сондықтан да Шоқан өзінің ағартушылық ісінде Чернышевский мен Добролюбов ілімдеріне ерекше көңіл аударды. Қазақ даласындағы оқу, мектеп ісін ғылыми негізде құрып, халқының оқу-білім алуын сол арқылы мәдениетті елдердің қатарына кіруін аңсады. Оның пікірінше, қазақ даласындағы татар молдаларының сабақ беретін медреселерін және патша өкіметі ашқан ел билеуші әкімдер мен тілмаштар дайындайтын оқу орындарын қажетсіз деп санады. Оның орнына Европа жұртына кең тараған жалпы білім беретін мектептердің ашылуының маңызы зор деп санады. Ол өзінің «Қазақ даласындағы мұсылмандық туралы» атты еңбегінде осы мәселеге ерекше мән беріп, татар молдаларының схоластикалық оқу жүйесін сынай келіп, «тек ақиқат білім ғана, адамға күдік туғызбайды, ол өмірді бағалауға, тұрмыс құруға үйретеді» [4, 71], — деген. Шоқанның еңбектерінде білім жалпы халыққа бірдей ортақ болсын деген идея бар. Ол өз халқының келешегінен зор үміт күтіп, озық мәдениетке жетуде ғылымы мен мәдениеті мықты дамыған елдерден үйрені керек дейді. Шоқан Уәлиханов ағартушы, ғалым-демократ ретінде көздеген негізгі мақсаты — халқына білім беру, оқыту, дүниетануға жетелеу үшін

реформа жасау болды. Оның рухани мұраларында жастар тәлім-тәрбиесіне қатысты құнды тұжырымдамалар мен пікірлер бар.

Шоқан Уәлихановтың еңбектерінде бүгінгі күні белгісіз қазақ халқының тарихындағы жер, су атаулары, табиғат байлықтары, жан-жануарлар туралы ақпараттар мол кездеседі. Солардың бірі «Ыстықкөл сапары туралы» күнделігі. Ол 1856 жылы жазылған. Автор осы еңбегінде Семейден Аягөзге қарай жол жүру басырысында, жолда кездесметін казактардың станицалары туралы жаза келе, жол бойындағы флора мен фауна туралы сипаттап жазады. Соның ішінде жабайы акацияның түрлері, гүлдері туралы суреттеп жазуы қызығушлық тудырады. Жол бойында кездескен керуендер олардың саны, әсіресе, жылқылар мен түйелердің әр түрлі жабулары жайлы айта келе, қазақ даласындағы патша үкіметінің әскери бекеттерінің көптігі туралы жазады. Ол осы күнделігінде Аягөздің табиғатынның керемет сұлулығы туралы жазып, оны жасыл кілемге теңейді. Күнделігінде осы аймақтағы құдықтар, өзендер, мал жайылымына құнарлы жерлер және дала жануарларының, жолда кездескен Қозы Көрпеш Баян Сұлу кесеніндегі тас мүсіндердің суреттерін де берген. [2, 309, 316–317]

Шоқан Уәлихановтың рухани мұрасынан қазақ халқына көп ғасырдан бері мұра болып келе жатқан ғажайып аңыздарды, мазмұны ертегіге айналған мифтерді, ерлік жырларын, қария сөздерінің құндылығын көруге болады. Осы аңыз-жырлардың жоғалып кетпей бүгінгі ұрпаққа жеткізген ағартушы, демократ ғалымның тұлғалық қасиеті бүгінгі күн тұрғысынан тұлғатану ғылымынада жан-жақты зерттеуді қажет етеді.

Ә. Х. Марғұланның айтуынша жас ғалым Шоқан Уалихановтың жинаған этнографиясы мол мағлұмат беретін құнды дерек. Осы тұрғыдан оның еңбектері Рухани мұра бағдарламасының алтын тұғыры болып бүгінгі күн тұрғысынан жаңаша зерделенуі өзекті.

Әдебиеттер

1. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 1–5. — Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984–1985.

2. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. — Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. — 432 с.

3. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 3. — Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. – 416 с.

4. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 4. — Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. – 461 с.

5. Жарықбаев Қ., Қалиев С. Қазақ тәлім-тәрбиесі. — Алматы: «Санат», 1995. — 352 б.

6. Марғұлан Ә. Х. Ежелгі жыр, аңыздар: Ғылыми — зерттеу мақалалар. /Құраст. Р.Бердібаев — Алматы: Жазушы, 1985. — 368 б.

© Бейсенбекова Н. А., Жаыумбаев С. У., 2021

С. С. Вдовин,
аспирант
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова
(г. Москва, Россия)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ХОРЕЗМЕ В ТРУДАХ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

Среди разноплановых работ и трудов выдающегося казахского ученого Ч. Ч. Валиханова имеются небольшие статьи — заметки, посвященные трем среднеазиатским ханствам: Хиве, Бухаре и Коканду. Они были написаны по преимуществу в Санкт-Петербурге в июле 1861 г. Одна из них рассматривает вопрос отношения ханств к России, вторая — сношения России непосредственно с Хивой, а третья представляет из себя описание времени нахождения у власти в Хиве правителя Саид-Мухаммад хана (1856–1864 гг.).

Стоит отметить, что Ч. Ч. Валиханов подчеркивает важность географического расположения Хивинского ханства — то есть Хорезма. Большую роль он отводил реке Амударье, которая в перспективе могла стать основной транспортной, сквозной торговой артерией, при условии проведения надлежащих искусственных работ в устье и на протяжении русла реки. [3, 182]

Из работ Ч. Ч. Валиханова можно почерпнуть и сведения о Хорезме экономического характера. Так, например, он дал описание системе сбора пошлин с торговцев, приезжавших с разных краев. Также ученый рассмотрел некую продовольственную зависимость от земледельческих оазисов Хорезма, кочевников и полукочевников, проживавших в степных регионах по соседству. [3, 183]

Затем Ч. Ч. Валиханов излагает историю сношений России с Хивой от 1557 г. (время Ивана Грозного) вплоть до самого начала 1860-х гг., когда и была написана одна из статей. Он в достаточно сжатой форме, но тем не менее, не упуская важных подробностей, перечисляет многочисленные миссии послов и посланников, как с одной стороны, так и с другой. Детально останавливается на времени Петра I, когда интерес к Азии увеличился в целом, и к ханствам в частности. Его подогревали возможность нахождения золотых приисков в регионе и поиск русла Амударьи, которое вело, в теории, к Каспийскому морю. Также Ч. Ч. Валиханов делает акцент на рубеже 1830–1840 гг., когда отношения между Российской империей и Хивинским ханством сильно накалились. Тогда остро встал вопрос о русских невольниках в Хиве, что стало одним из поводов и причин для похода 1839–1840 гг.[1]. [2, 184–190]

В своей третьей заметке Ч.Ч. Валиханов переходит к годам правления современного ему хана — Саид-Мухаммада. Он отмечает, что приходу во власть последнего предшествовала относительно быстротечная, но богатая на события династийная борьба. В то же самое время Хивинское ханство подверглось

[1] Хивинский поход 1839–1840 гг. — зимний поход отряда Отдельного Оренбургского корпуса Русской армии в Хивинское ханство под руководством В. А. Перовского.

крупным набегам со стороны туркмен. Слабостью центральной власти воспользовались и на другом направлении: непокорность выразили каракалпаки северных областей страны. [1, 191]

Подобные события не могли остаться без последствий: начались голод и эпидемия. Данное обстоятельство, как подчеркивал Ч.Ч. Валиханов, вынудило часть населения ханства откочевать на территории Российской империи. В целом же для того периода было характерно мирное отношение Хивы к России, и попыток нападений на приграничные земли империи не предпринималось. В самом конце автор приводит также некоторые особенности устройства административного аппарата в Хорезме. [1, 193–195]

Таким образом, заметки Ч. Ч. Валиханова о Хивинском ханстве содержат в себе немало полезных и важных сведений по его истории. Казахский ученый собрал информацию о дипломатических отношениях с Российской империей и обрисовал положение в ханстве в начале второй половины XIX в., сопроводив это подробностями социально-экономического характера.

Список литературы и источников:

1. Валиханов Ч. Ч. Валиханов Ч. Ч. Правление нынешнего владетеля Хивинского Сеид-Мухаммеда и новейшие известия из Хивы // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата. 1985 стр. 191–195.

2. Валиханов Ч. Ч. Сношения России с Хивою // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата. 1985 стр. 184–190.

3. Валиханов Ч. Ч. Среднеазиатские ханства: Хива, Бухара и Коканд и отношение их к России // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата. 1985 стр. 181–183.

© Вдовин С.С., 2021

М. В. Головизнин,
к. мед. н., доц. МГМСУ имени А. И. Евдокимова,
Ассоциация медицинских антропологов
(г. Москва, Россия)

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ О ШАМАНЕ-ЦЕЛИТЕЛЕ И ВРАЧЕ-ПРОПОВЕДНИКЕ У ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

Вопросы медицины, в том числе, традиционной, занимают в работах Ч. Ч. Валиханова относительно скромное место, они, на наш взгляд, представляют интерес как минимум по двум причинам: Валиханов был во многом пионером в области этнографии и антропологии казахов, киргизов, уйгуров и других народов региона, второй аспект этой проблемы выходит за пределы этнографии и обусловлен тем, что исследования традиционного мировоззрения и религии среднеазиатских народов, в том числе, их представлений о здоровьесбережении, вплотную подвели Валиханова к важным обобщениям, касающимся вклада народов Азии в российскую и общемировую культуру.

Труды и дневники Ч. Ч. Валиханова, посвященные описанию Туркестана середины XIX столетия уникальны и по объему наблюдений и по тому, что их написал человек, являвшийся в одном лице и представителем местной культуры, говорившим на одном языке с обитателями региона, и европейски образованным интеллектуалом, имевшим чрезвычайно широкий научный и гуманитарный кругозор. Поскольку, данные тексты были прочитаны и проанализированы не только учеными, но (пожалуй, в первую очередь) представителями военных и политических ведомств тогдашней России, то в них, наряду с географией, картографией, климатологией и этнологией «Западного Края» Империи Цин, было бы резонно найти описание и санитарно-эпидемиологической ситуации.

Реалии традиционной медицины раскрываются Ч. Валихановым в этнографических очерках, посвященных народам, проживавшим в границах Российской империи, быт которых он наблюдал с детства. Так, в «Записках о киргизах» он сообщает: «Болезней в Дикокаменной орде мало: большей частью страдают глазными болезнями от действий горных снегов и чесоткой. Лекарей между ними очень много и употребляют единственное средство как всеисцеляющее лекарство: что вы думаете? — воду. Выходит, что гидропатия существовала издавна, и у народов, даже диких. Больных купают в реке, даже и зимою и заставляют пить беспрестанно воду. При нашем приезде у Буранбая невестка была больна воспалением горла и пила беспрестанно ключевую воду. Подобное лечение холодной водой существует у туркестанцев семи городов. Крестьянин дальних деревень, занемогши какою-либо болезнью, обыкновенно купается в реке, не разбирая ни зимы, ни лета. В горячке, происходящей от запоров, тоже купаются в реке, или к заднему проходу приставляют трубку и внутрь пускают воду, чтобы содействовать послаблению вниз». [4, 76] Очевидное удивление автора такой всеобщей «гидротерапией», равно как и сомнения в ее абсолютной эффективности, не должно заслонять и рациональной стороны, а именно, лечебного эффекта минеральной воды гор и минеральных солей, которые широко известны на протяжении столетий. Так, у античных авторов есть немало сведений о том, что храмы бога врачевания Асклепия всегда возводились в местности, обладающей здоровым климатом, и, как правило, недалеко от целебных источников.

Наиболее подробное описание методов борьбы кочевников с болезнями у Валиханова концентрируется в небольшой по объему работе «Следы шаманства у киргизов». Сам процесс народного врачевания, согласно автору, называется монгольским слово «эм»[1] и осуществляется людьми, имеющими специальные знания, которых Валиханов называет шаманами. «Болезни, по мнению шамана, происходили не от физических причин, но от воли божеств и духов или, вообще, от непочитания — киелы. Поэтому, лечение болезни производилось шаманами — людьми, близкими к духам, а поэтому, знакомыми с известными обрядами, или, как их называют сами киргизы — эм (сноска про это слово) Некоторые болезни имеют хозяина, т.е., своего духа. <…> У киргизов все болезни более или менее разделяются на две категории: 1. Учук, учумак, всякая незначительная

[1] Это монгольское по происхождению слово проникло во многие языки Азии и Европы (тиб. «эмчи» — врач, удмурт., «эмъюм», чуваш., «эм», «юм» — лекарство, лечение).

болезнь, сопровождаемая головной болью или тошнотой, или лихорадочным жаром. Учук бывает, по мнению киргиз, от пищи. Судя по тому, что они пищу и питье вне кибитки не едят и незакрытой не оставляют на ночь, надо думать, что делают это боясь порчи от злых духов. Учук лечится обрядом, называемым также учук (учуктамак — лечение от учука). 2. Кагынды — болезни, сопровождаемые более сильными симптомами и лечатся обрядами, называемыми какмак. В том и другом случаях имеют в виду испугать духа нечистого. В учуке прыскают три раза холодной водой и кипятком, а в кагынды бьют легкими, вынутыми из разных животных. … Киргизы ревматизм называют тёз арвах, он получается от неосторожного хождения по местам старых кочёвок. От ревматизма считают верным средством носить (конское копыто) которое должно быть непременно повязано дикокаменным киргизом. <…> Женские болезни, особенно маточные, приписывают действию духов и женщин, одержимых духами, называют «зиндасты». <…> Чтобы не рожать детей, женщине следует вымочиться на муравейник. <…> Эм от водобоязни: больного заставляют кусать ушки котлов в сорока кибитках (следовательно, сорока котлов) У казанских татар собирают куски хлеба из сорока изб….». [9, 52–54]

Как мы уже отмечали, Валиханов являлся одним из первых ученых-этнографов из числа выходцев из Средней Азии, и был, по-видимому, первым кто оставил более или менее целостное описание шаманства у среднеазиатских народов, уже входивших в орбиту мусульманского мира. Интересно, что эти и аналогичные данные в начале XX века вышли за пределы антропологии и привлекли внимание ученых биологов и медиков, изучавших сопротивляемость к болезням в свете открытия мира невидимых ранее живых существ и клеток-фагоцитов, которые с ними борются. Так, к данным этнографии, о болезнетворных «злых духах» в виде мелких «живых контагиев» апеллировал будущий лауреат нобелевской премии, основоположник современной иммунологии Илья Ильич Мечников, говоривший, что «готтентоты представляют себе злых духов в виде змей, для извлечения которых прибегают к разрезам больных частей тела. … Знаменитый защитник христианства Тертулиан (II–III вв.) был убежден, что злые духи <…> легки и подвижны, как птицы <…>. Оказалось, таким образом, что летающие в воздухе тертулиановские духи могут быть видимы под микроскопом…». [11, 22–29] Как ни странно покажется, эта, заимствованная из гуманитарной сферы знаний, экзотическая модель представлялась Мечникову более убедительной для объяснения врачам защитных сил организма, чем тогдашние достижения естественных наук, например, химии. Академик В. М. Бехтерев в конце XIX-го, начале XX века также исследовал эпидемии кликушества и «одержимости бесом» у крестьян ряда областей России как реальную медицинскую проблему.

В период жизни Ч. Ч. Валиханова, и еще долго после его смерти шаман с позиций монотеистических религий, будь то христианство, или ислам, традиционно рассматривался либо как служитель потустороннего — дьявольского мира либо, в лучшем случае, как больной человек, «одержимый бесом». Валиханов категорически не пронимал такую позицию. Характеризуя шаманство народов Азии и личность шамана, он писал: «Шаманы почитались как люди, покровительствуемые небом и духами. Шаман — человек, одаренный волшебством и

знанием, выше других, он поэт, музыкант, прорицатель и вместе с тем — врач». [9, 52] Шаманство с одной стороны есть почитание природы вообще и в частности. Человек действует и живет под влиянием природы. В этом смысле шаманство представляет собой крайний материализм. С другой стороны, умирая, человек сам становится божеством — это крайний спиритуализм. Идея <…> замечательна, особенно потому, что не имеет мифологических заблуждений и дает полный простор общественным условиям, общественным законам. [9, 49–50] Эти слова контрастировали и с упомянутым выше отношением к шаманству в обыденном сознании, и с господствующей научной парадигмой того времени, которая в той или иной мере сохранила идущее со времен античности отношение к внеевропейским народам и культурам как к «варварским», изучение которых актуально постольку, поскольку создает условия для привнесения в эти культуры «цивилизации», изменения их по европейскому образцу, внедрения в сознание «варварских народов» монотеизма.

В этом отношении, размышления Валиханова о роли анимизма в общественном прогрессе кажутся надолго опередившими время. Сравнивая судьбу Древнего Рима и судьбу китайских империй, Валиханов делал вывод, что китайское общество, основанное на политеизме и культе предков, оказалось значительно устойчивее римского, которое подверглось дезинтеграции вместе с падением государственных институтов Римской империи: «Удивительно то, что держит и крепит Китай; в том смысле, как Рим, он не раз делался добычей инородцев, но, он падал в лице только китайской династии, а Китай как государство стояло. Варвары приходили, завоевывали Китай, — и сами делались китайцами. Так сильно влияние китайской цивилизации. Отчего образованный Рим не мог подчинить своему влиянию варваров? Рим был уже разрушен рано, разрушен христианством, которое не могло вкорениться в римлян, но, успело уже повергнуть язычество. Римляне были без веры, следовательно, без путеводителя. Не варвары, а христианство разрушило этот железный колосс Древнего мира.

В Китае совершенно другое. Здесь вера играет второстепенное значение. Вера может быть у всякого своя. Вот от чего варварам нельзя было не уважать китайскую цивилизацию, ибо им не было причины их ненавидеть и презирать. Народы, покорявшие Китай, были сами веротерпимы. В Европе германцы, как все новокрещенцы, предались новой вере с жаром, с фанатизмом и, видя развратный и безверный народ римский, глубоко возмущались, душой презирали; все римское и языческое образование, не согласное с духом христианства должно было непременно пасть. …. Если бы Китай был покорен народом мусульманским или христианским, он пал бы, и вся эта всемирная глубокая его образованность или уничтожилась бы без следов, или же пошла бы вперед, сделавшись только средством к новому возрождению. [3, 220–221]

Конечно, приведенные выше суждения о роли христианства в падении Западной Римской империи (как и роли политеизма в устойчивости китайского общества) могут показаться упрощенными. К сожалению, ранний уход из жизни не позволил Ч. Валиханову довести эти тезисы до логического конца и снабдить их более развернутой аргументацией и ссылками на источники. Тем не менее, за-

служивают пристального внимания мысли Ч. Валиханова, что традиционное общество, основанное на «культе предков» может породить высокоразвитые и достаточно рациональные, устойчивые культуры, каковой является культура Китая, Японии, что в восточных империях, включая империю Чингисхана, политеизм обусловливал религиозную терпимость и уважение к другим культурам. Действительно, в культурах Центральной, Восточной и Южной Азии трудно себе представить события аналогичные уничтожению древних цивилизаций Центральной Америки или забвению цивилизации Древнего Египта, которые произошли после христианизации этих регионов. Как видно из вышеприведенной цитаты, Валиханов считает шаманство, (точнее сказать, анимизм), дающее «полный простор общественным условиям, общественным законам» — основой взаимоуважения, (выражаясь современным языком — «толерантности», своеобразной прививкой от таких социальных болезней, как ксенофобия и войны на уничтожение, от которых, к сожалению, оказался не свободен монотеистический Запад. Тем самым он как бы экстраполирует функцию шамана-целителя на весь социальный институт анимизма.

Валиханов приводил аргументы, что т. н. «шаманство» степных народов развивалось не в вакууме, оно впитало в себя и элементы многих развитых религиозных систем, которые в Азии предшествовали исламу, например, зороастризма, буддизма[1]: «поклонение огню, которое, по нашему мнению, могло существовать и в самом шаманстве, но религия магов придала этому божеству более обширные размеры и обставила его большими обрядами». [9, 51]

Важным является факт, что в контексте выражаясь современным языком «мультикультурализма» Валиханов рассматривал и распространение среди степных народов Азии ислама. Он указывал: «У киргизов шаманство смешалось с мусульманскими поверьями, и, смешавшись, составило одну веру …. Верили в шамана и уважали магометанских ходжей. Поклонялись огню, а шаманы призывали вместе с онгонами мусульманских ангелов и восхваляли Аллаха. …. Такой порядок вещей продолжался до наших дней, когда ислам вместе с русской цивилизацией проник в степь, и грамотные дети, воспитанные фанатичными татарами, с презрением отвернулись от обычаев предков и стали преследовать и запрещать их, где только замечали». [9, 49]

В специальной работе «О мусульманстве в степи», написанной в 60-е годы XIX века, Валиханов выражает отрицательное отношение к мусульманскому (равно как и христианскому) прозелитизму, который по его мнению, уничтожает память о прошлом, порождает фанатизм и «грозит нам разъединением народа в

[1] Ч. Ч. Валиханов сообщает довольно много сведений о буддизме, как религии Центральной Азии, предшествующей исламу. Его мысли о возможном слиянии буддизма и христианства, по-видимому восходят к каким-то сведениям о других распространенных в Азии древних культах — гностицизме и манихействе: «О Шакья-Муни: бурхан его, хотя и в грубо чувственной форме выражает высокую (разумеется в буддизме) идею вечного блаженства. Что есть будущее блаженство и чему оно подобно? Шакья-Муни говорил на это, что блаженство это есть ничто, бытие-небытие … Бог тоже, по толкованию шакья-муни, ничто, бытие-небытие. Глупцы те, которые представляют его в формах и тем ограничивают его силу.

Идея о слиянии христианства и буддизма достойна внимания: в Александрии, где была школа философов и где изучались все религии, конечно, знали и буддизм, и хирстианство: бывший и воспитывавшийся в Египте мог позаимствоваться. Особенно поразительны были обеты монашества и их уставы». [3, 207].

будущем <…> У нас в степи, указывает исследователь, - теперь период двоеверия, как было на Руси во времена преподобного Нестора. Наши книжники также энергически, как книжники древней Руси, преследуют свою народную старину. Наши предания, эпосы, юридические и судебные обычаи они заклеймили позорным именем войлочной книги, а наши языческие обряды, игры и торжества, они называют не иначе как бесовскими. Под влиянием татарских мулл, среднеазиатских ишанов и своих прозелитов нового учения народность наша все более и более приобретает общемусульманский тип. Некоторые султаны и богатые киргизы запирают своих жен в отдельные юрты как в гаремы. Набожные киргизы начинают ездить в Мекку, а бояны наши вместо народных былин поют мусульманские апокрифы, переложенные в народные стихи. Вообще, киргизскому народу предстоит гибельная перспектива достигнуть европейской цивилизации не иначе, как пройдя через татарский период, как русские прошли через период византийский…». [5, 71–73] Интересно, что для обоснования чуждой народу, по сути колониальной системы догматизированных ценностей, Валиханов приводит и медицинские аргументы: «Кроме мулл у нас много и других вредных шарлатанов. Мы говорим о татарах и среднеазиатских, которые занимаются медицинской практикой … дело в том, что эти господа лечат не иначе, как насмерть … сулему, ртуть и киноварь, кровопускание делают всем подряд потому только, что Мохаммед заповедовал это в Коране». [5, 75] Эти слова, разумеется, не означают, что Валиханов был ксенофобом по отношению к казанским татарам, или отвергал мусульманскую медицину, которая, будучи основана на трактатах Галена и Авиценны, долгое время выполняла роль передовой науки о человеке на Востоке. Валиханов вдумчиво изучал историю распространения ислама в Средние века. Сохранился написанный им конспект работы другого историка «Город Булгар на Волге», являвшийся переводом сочинения средневекового автора. В нем сообщается, что арабская средневековая медицина была, наряду с другими факторами, мощным средством укоренения ислама в Поволжье в тот период времени, когда мусульманство утверждалось не силами государственного аппарата, а ролью творческой личности. «Пророк наш отправил в Булгар для проповедования веры ислама трех صحابه [1] (которые) и выдали себя за докторов-дервишей. Эти صحابه лечили и вылечивали многие болезни. У Айдар-хана заболела дочь, у нее был паралич. Тогда Барадж-вазир сказал: «Хан, в Ваш город из арабских кочевьев приехали три лекаря; в медицине нет им подобных, но вера их не похожа на нашу». Эти صحابه жили три года, строили мечети и медресе произносили хутбы» [2, 120]. Объектом критики Ч. Валиханова была не религия как таковая, а колониальная практика государства, использовавшая религию по принципу «разделяй и властвуй», взращивавшая религиозный фанатизм и взаимное отчуждение народов России. «На европейского доктора, замечал Валиханов, - киргизы смотрят как на чиновника и пользы от него не ждут. От оспопрививания убегают или откупаются». [5, 75]

Работа Ч. Валиханова «Следы шаманства у киргизов» была опубликована лишь в 1904 году, когда российское общество вступило в период социального

[1] صحابه ар., перс. — сподвижники.

кризиса и творческих исканий. Четыре года спустя увидела свет обстоятельная работа Александра Блока «Поэзия заговоров и заклинаний», в которой поэт анализирует «первобытные» культурные архетипы, не только, чтобы найти в них корни художественного творчества, но и показать, что мы потеряли благодаря историческому разрыву человека с природой. Блок в связи с этим пишет: «Непостижимо для нас древняя душа ощущает, как единое и цельное всё то, что мы сознаем как различное и враждебное друг другу. Современное сознание различает понятии: жизнь, знание, религия, тайна, поэзия; для предков наших все это – одно < ….> Для нас самая глубокая бездна лежит между человеком и природой, у них — согласие с природой исконно и безмолвно. [1, 48] Народная поэзия <…> не знает качественных разделений прекрасного и безобразного, высокого и низкого. Она как бы все освещает своим прикосновением. <…> Раз красота совпадает с пользой в первобытном сознании, ясно, что это не наша красота и не наша польза. Наша индивидуальная поэзия — только слово, и, не спрашиваясь его советов, мы рядом, но не заодно с нею, делаем пресловутые полезные дела. Первобытная гармония согласует эти слова и дела; слова становятся действом. Сила, усторяющая их согласие — творческая сила ритма. <…> Искусство действенных заклинаний — всем нужное, всенародное искусство; это полезное первобытное искусство дает человеку средства борьбы за существование. Оно входит в жизнь и способствует ее расцвету». [1, 62–63]

Нам не известно, были ли знаком Блок с этнографическими статьями Валиханова, никаких упоминаний об этом в научной литературе нам не встретилось, но, читатель легко найдет «поэзию заговоров и заклинаний» и в трудах Валиханова о шаманстве, которые мы уже неоднократно цитировали. Хранителями поэтических традиций казахов, как пишет исследователь, были играющие на кобызе баксы-шаманы: «Поэтические произведения киргиз: эпосы, похвальные оды, плачи <…> имеют рифму и размер и передаются изустно из рода в род, из поколения в поколение, особым сословием певцов-ахунов, как в Древней Греции передавались песни Гомера рапсодами». [7, 285–286] Валиханов неоднократно проводит параллели между шаманством степных народов Азии и культурой Древних греков, которая также была политеистичной: «Вот ответ Карлейля, который так хорошо объясняет шаманское небопочитание «Вы, верно, помните приводимый Платоном пример человека, который, выросши в темной пещере, вдруг был выведен на свет, чтобы … Эта зеленая с цветами трава, деревья, горы, ручьи, шумящее море, эта глубокая бездонная лазурь неба, летучие ветры, клубящееся черное облако, извергающее то огонь, то дождь, то град, — что это такое? А это другое таинство – время; вот высочайшее таинство <…> Человек шаманский удивлялся солнцу и поклонялся ему; увидел луну; и ей поклонялся». [9, 50]

Примерно в тот же период времени этнографическая (и шаманская) тема произвела крутой поворот в жизни и творчестве Василия Кандинского, в молодости студента юрфака МГУ, решившего посвятить себя живописи после знакомства с культурой и бытом коми-зырян в ходе этнографической экспедиции на Русский Север. Как сообщают данные литературы, начальные знания по этнографии, полученные Кандинским в ходе его экспедиции к зырянам и в процессе

общения с друзьями-этнографами, помогли ему проникнуть в сущность шаманских обрядовых действий и реально представить себе роль художника как ясновидца, как «культурного целителя», каковым он сам себя называл. В книге «О духовном в искусстве» Кандинский писал о внутреннем психическом звуке — эхе разных голосов в процессе создания картины и о психическом воздействии силы красок. «Также как духи, вызванные шаманом во время камлания, слетались в бубен, сообщая: «Здесь я», так и каждый мазок кисти художника говорит ему: ”Здесь”». [10, 635]

К образу шамана как творца обращался русский поэт и прозаик Варлам Шаламов, считавший себя наследником «русского авангарда». Он провел полтора десятка лет в колымском ГУЛАГе 1930–50-х годов, а после некоторое время работал фельдшером в Оймяконском районе Якутии. В одном из стихотворений Шаламов непосредственно отождествляет поэта с шаманом:

«Зачем, зачем он пляшет чуть дыша
В светящемся кольце из сумасшедших лезвий
Зачем босой он пробует бежать
По раскаленному железу?
Когда свою испытывать судьбу,
Зажав в кулак набор дешевых погремушек
Он выйдет как шаман, как заклинатель бурь,
К толпе, от ужаса ревущей.

Привлечь вниманье звоном бубенцов
И в тишине, до низости глубокой.
Произнести для вас, для вас в конце концов
Нагорной проповеди строки». [12, 350–351]

Таким образом, творческая эстафета Ч. Ч. Валиханова дошла до будущих поколений исследователей культуры и творчества народов наших стран.

Список литературы и источников:

1. Блок А. А. Поэзия заговоров и заклинаний // Блок А. А. О литературе / Сост и коммент. Т. Бедняковой. М.: Художественная литература, 1989. С. 48–74.
2. Валиханов Ч. Ч. Булгар на Волге / Ч. Ч. Валиханов Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985. Том 4, с. 120–124.
3. Валиханов Ч. Ч. Западный Край Китайской империи и город Кульджа (Дневник поездки в Кульджу 1856 г.) / Ч. Ч. Валиханов Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985. Том 2, с. 174–247.
4. Валиханов Ч. Ч. Записки о киргизах / Ч. Ч. Валиханов Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985. Том 2, с.7–81.
5. Валиханов Ч. Ч. О мусульманстве в степи/ Ч. Ч. Валиханов Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985. Том 4, с.71–76.
6. Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нан Лу (Малой Бухарии) в 1858–1859 годах. / Ч. Ч. Валиханов Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985. Том 3, с. 97–218.

7. Валиханов Ч. Ч. О формах казахской народной поэзии/ Ч. Ч. Валиханов Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985. Том 1, с. 280–286.
8. Валиханов Ч. Ч. Очерки Джунгарии / Ч.Ч. Валиханов Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985. Том 3, с.325–357.
9. Валиханов Ч. Ч. Следы шаманства у киргизов/ Ч. Ч. Валиханов Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985. Том 4, с.48–70
10. Керимова М. М. Жизнь, отданная науке: семья этнографов Харузиных. М: Вост. лит., 2011 760 с.
11. Мечников, И. И. О целебных силах организма /Акад. собр. соч. М.: Медгиз, 1950. Т. 6. С. 22–29.
12. Шаламов В. Т. Стихотворения и поэмы в 2-х томах. (Новая библиотека поэта) СПб, Изд. Пушкинского дома. Вита Нова, 2020. Т.2. 640 с.
© Головизнин М. В., 2021

Г. К. Ерменбаева,
к. и. н., доц. ЕНУ имени Л.Н.Гумилева
(г. Нур-Султан, Казахстан)
Л. К. Ерменбаева,
к. п. н., Университет КИМЭП
(г. Алматы, Казахстан)

СОВРЕМЕННИКИ О НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСТВА

Евразийство, как феномен, прежде всего духовной сферы, выражаемый в диалоге культур, издревле глубоко укоренено в казахском народе. Его широта, открытость души, единство с природой, гармония в отношении к миру — эти качества близки к евразийской идее.

Евразийство Чокана Валиханова проявилось, прежде всего, в открытости и готовности к восприятию опыта других народов, адаптации его к нуждам родной земли. Своим мировоззрением, трудами и поступками он ломал предвзятые стереотипы восприятия кочевого общества как дикого и отсталого.

Многие идеи евразийства прошли испытание временем. Они не просто значимы и актуальны для сегодняшнего дня, но подтверждаются современной политической, экономической и культурной практикой.

Выдающийся мыслитель, историк Л. Н. Гумилев подчеркивал, что у евразийства в перспективе — нет альтернативы. Это — путь сотрудничества, а не конфронтации, взаимопонимания, а не распрей, равноправия больших и малых народов, а не национализма и шовинизма. [9, 10]

Современное евразийство не мыслимо без идей Чокана Валиханова, который высказал гениальные догадки и прозрения об особой миссии евразийского сообщества народов, объединенных общей исторической судьбой. Ч. Валиханову удалось поднять значимость кочевой культуры в глазах просвещенной России.

Чокан Валиханов ученый, просветитель-демократ, историк-востоковед, отважный путешественник, фольклорист, этнограф, художник, публицист, «гений казахской нации» [2], «блестящий метеор, промелькнувший над нивой востоковедения», «феноменальное явление» — таким он остался в памяти современников, таким он вошел в историю Казахстана и России. [3, 500]

Круг научных интересов Ч. Ч. Валиханова был чрезвычайно обширный и многогранный. Он изучал историю, культуру, языки и религию тюркских народов Востока, географию Азии, археологию, этнографию, нумизматику. Научные материалы, собранные Ч. Валихановым, многие его выводы не потеряли своего значения до сегодняшних дней и продолжают оказывать огромное влияние на всю последующую историю изучения культуры и быта казахов. [1, 73]

Являясь основоположником демократического направления в истории казахской общественной мысли, Ч. Валиханов содействовал приобщению казахского народа к передовой русской культуре.

Изучение научного наследия Ч. Ч. Валиханова показывает близость его мировоззрения к европейской истории и культуре и в первую очередь к русской, о чем свидетельствуют воспоминания его современников.

Известный русский путешественник, ученый, друг, первый биограф Ч. Валиханова Г. Н. Потанин писал: «Чтение развило в нем критические способности, приложением которых он удивлял нас, как в области нравственных вопросов, так и в области восточной филологии, которая становилась уже его специальностью». [6, 314]

Глубина анализа и масштаб познаний русской и зарубежной востоковедческой литературы позволили молодому выпускнику кадетского корпуса ясно и отчетливо представить состояние разработки основных проблем востоковедения.

Ч. Ч. Валиханов огромное внимание уделял изучению истории и этнографии казахского народа. По этому поводу Г. Н. Потанин писал: «Чокан все более и более углублялся в историю Востока; какие-то загадочные отношения киргизского племени к этой истории, среди которого являлись имена древних народов усуней, киреев, найманов в качестве имен поколений, заставляли его задумываться и может быть мечтать сделать разоблачения в древней истории Востока посредством данных, которые представляют народные предания и остатки старины киргизского народа». [6, 316]

Г. Н. Потанин писал: «…народ свой он любил... Он хотел ему добра, и служить будущему своего народа было его мечтой». [6, 325]

Ч. Валиханов был обеспокоен дальнейшим путем исторического развития казахского общества. Путь экономического, политического и культурного развития казахского народа прогрессивный ученый видел в просвещении, в образовании. Он считал, что для нормального развития народа необходимы прежде всего свобода и знания. [7]

Григорий Николаевич Потанин много раз обращался к биографии рано ушедшего из жизни друга. Творчеству Чокана Валиханова он посвятил свои

очерки, статьи и воспоминания. Именно Г. Н. Потанин был инициатором издания трудов Чокана Валиханова.

Высоко оценил научные познания Ч. Ч. Валиханова в области истории, этнографии и филологии восточных народов П. П. Семенов-Тян-Шанский. Видевший в Ч. Валиханове уже вполне сложившегося ученого-востоковеда, географа, П. П. Семенов-Тян-Шанский впоследствии рекомендовал его для избрания в действительные члены Русского географического общества. П. П. Семенов-Тян-Шанский и Ф. Р. Остен-Сакен пишут о мировом признании научных заслуг Чокана Валиханова: «...для собирания этих материалов Ч. Ч. Валиханов не щадил ни трудов, ни пожертвований, тщательно записывал предания, легенды и поэмы своего народа, изучая среднеазиатские наречия, дорогою ценой скупал древности, с опасностью для жизни проникал в буддийские монастыри и доставал там редкие рукописи. Научные заслуги Ч. Ч. Валиханова как исследователя Средней Азии и Восточного Туркестана были признаны мировой наукой. По замечанию И. В. Мушкетова, труды Ч. Ч. Валиханова по географии Тянь-Шаня и Семиречья имеют важный научный интерес и обличают широкое образование и редкую наблюдательность в авторе». [4, 70]

Значительное влияние на Ч. Ч. Валиханова оказало его знакомство и дружба со многими передовыми представителями русского общества, писателями, учеными, общественными, военными и государственными деятелями.

Отзывы о Ч. Валиханове встречаются во многих трудах Н. М. Ядринцева, особенно в публицистических статьях, опубликованных в периодической печати 70–90-х годов XIX в. («Камско-Волжская газета», «Порядок», «Неделя», «Отечественные записки», «Сибирский вестник», «Восточное обозрение», «Дело» и т. д.). Рассматривая вопросы культурной взаимосвязи русского и казахского народов, проблему просвещения восточных окраин, вопросы улучшения экономического и социального быта отсталых народов дореволюционной России Н. М. Ядринцев писал: «Мы не думаем, чтобы инородцы не были способны к восприятию европейских идей; за это ручаются те даровитые личности, которые выходили из них, например, ориенталист бурят Доржи Банзаров или путешественник киргиз Чокан Валиханов». «Чокан оставался любящим свой народ, свое племя. В его мечтах было совместить европейское просвещение и сохранить свою народность. Чокан — это была гордость и любимое дитя своего племени. Таким он и остался в воспоминаниях». [11, 577]

По словам Н. М. Ядринцева, в начале 1860-х гг. казахский ученый «следил за движением русской жизни, за обновлением ее, он читал лучшие журналы ... Точно так же с интересом Валиханов следил за тем, что делается в Русском географическом обществе, и помогал своими сведениями по географии киргизской степи, приготовил этнографический материал о киргизах и т. д. Это был человек вполне образованный, без предрассудков, и в то же время не питавший высокомерного презрения к своим сородичам, стоявшим на ступени дикарей. Он понимал окружающую русскую среду и готов был сродниться с ней на почве европейской цивилизации». [11, 574]

В своем фундаментальном произведении «Сибирь как колония», Н. М. Ядринцев констатировал: «До сих пор мы пренебрегали инородческими способностями; но эти народности и племена ввиду данных уже образцов просвещения, как и общего выражения своих способностей, едва ли мы имеем право признавать бездарными. Мы можем указать на выдающиеся личности инородцев, получивших образование, подобно ученому Банзарову и блестящему Валиханову, известному путешественнику, другу ученых и поэтов, — подобные личности могли бы сделать честь своим присутствием любому образованному европейскому обществу». [5, 157]

По отзыву Н. М. Ядринцева Ч. Валиханов прекрасно понимал «окружающую русскую среду и готов был сродниться с ней на почве европейской цивилизации. Это был новый Коран его жизни». [11, 576–577]

Большое влияние на формирование общественно-политических взглядов Ч. Валиханова сыграла его дружба с великим писателем Ф. М. Достоевским, который советовал ему заниматься наукой. Он писал своему молодому другу: «Не велика ли цель, не святое ли дело, быть чуть ли не первым из своих, который растолковал бы в России, что такое степь, ее значение и ваш народ относительно России, и в то же время служить своей Родине просвещенным ходатаем за нее у русских. Вспомните, что вы первый киргиз, образованный по-европейски вполне. Судьба же вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав вам и душу, и сердце». [8, 90]

Опубликованный в 1894 г. очерк видного писателя Н. И. Наумова о жизненном пути Ч. Валиханова, предназначался для казахской аудитории. Вслед за Н. Ядринцевым, Н. Наумов утверждал, что «выбившись на широкую дорогу и вполне освоившись с цивилизованной жизнью, Валиханов не стал чужд своей родине, как это часто бывало в таких случаях. Напротив, высоко ценя условия культурной жизни, он в то же время горячо любил свой народ, сознавая, что только под могущественным покровительством России в состоянии выйти азиатские народы из своего векового застоя и невежества». [9, 565]

Оценка научной и общественно-политической деятельности Чокана Валиханова нашла отражение в трудах и других известных русских писателей и ученых-востоковедов: А. Н. Майкова, В. В. Григорьева, В. В. Вельяминова–Зернова, П. М. Мелиоранского, М. И. Венюкова, Н. И. Веселовского и многих других.

Свои воспоминания о Чокане Валиханове опубликовали в разных изданиях такие видные государственные чиновники и общественные деятели, как Е. П. Ковалевский, А. К. Гейнс, Ф. Р. Остен-Сакен, А. Е. Врангель, Л. Н. Плотников, Н. И. Наумов, И. Ибрагимов, К. Губарев, М. С. Знаменский, С. Венгров, И. Ф. Бабков, М. Х. Свентицкая и другие.

Научные труды Чокана Валиханова открыли важнейшие страницы истории казахского народа, при этом факты и события даются не обособленно, а в тесных связях с историческим развитием народов Средней Азии и России. Отношение Казахстана и России Чокан Валиханов так же, как и выдающиеся деятели русской науки и культуры, осмысливал с передовых позиций своей эпохи.

Список литературы и источников:

1. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т.IV. — Алма-Ата: Наука, 1968.
2. Валиханов Е. Ж. Чокан актуален всегда http://www.camonitor.com/index.php?module=news&nid=537.
3. Веселовский Н. И. Метеор /В кн. Ч. Ч.Валиханов Собрание сочинений в пяти томах. Т.IV. — Алма-Ата: Наука, 1968.
4. Евразийство: истоки, концепция, реальность. — М.: Паблис, 2014. — 744 с.
5. Ермекбай Ж. Он опередил время // Казахстанская правда, 22 ноября, 2019.
6. Маргулан А. Х. Очерк жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова // Собрание сочинений Ч. Ч.Валиханова. Том 1. — Алма-Ата, 1984.
7. Масанов Э. А. Выдающийся ученый казахского народа Ч. Ч.Валиханов // Советская этнография, 1965, № 5.
8. Наумов Н. И. Чокан Чингисович Валиханов / В кн. Ч. Ч. Валиханов Собрание сочинений в пяти томах. Т. IV. — Алма-Ата: Наука, 1968.
9. Потанин Г. Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове /В кн. Ч. Ч. Валиханов Собрание сочинений в пяти томах. Т.IV. — Алма-Ата: Наука, 1968.
10. Ядринцев Н. М. Воспоминание о Чокане Валиханове /В кн. Ч. Ч.Валиханов Собрание сочинений в пяти томах. Т.IV. — Алма-Ата: Наука, 1968.
11. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. — Новосибирск, 2003.

© Ерменбаева Г.К., Ерменбаева Л.К., 2021

Ж. С. Жубанова,
магистрант
КазНАИ имени Т. Жургенова,
(г. Алматы, Казахстан)

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ И ЕГО ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ КОЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

Картина мира кочевника основана на чувственном восприятии природного мира: бесконечная степь оказала «несомненное влияние на жизнь кочевых племен, в которой суровый быт сочетался с ярко выраженным стремлением к высокому и духовному». [1, 70] В статье С. Ф. Мажитова «Великая степь и кочевой мир: цивилизация, геополитика, идеология» проблема изучения цивилизаций кочевников представлена как одна самых актуальных в современной историографии: «До сих пор мы имели дело с обоснованием их права на существование в историческом летописании. Благодаря усилиям отечественных исследователей М. К. Козыбаева, К. М. Байпакова, К. А. Акишева, И. Н. Тасмагамбетова и ряда

известных историков, археологов, этнографов, в целом обществоведов, к настоящему времени создана цельная концепция существования на территории Казахстана степной цивилизации кочевников». [2]

«Первый казахский учёный, историк, этнограф, фольклорист, путешественник, просветитель и востоковед» [3], Чокан Чингисович Валиханов, являясь ярким представителем своего народа, «хотел раскрыть внешнему миру характер "человека степи"». [4, 210] Чокан Валиханов отмечал «внутреннюю целостность кочевой культуры», и ярким примером этой целостности он считал поэтическое творчество казахского народа. Он также отмечал, что духовная сфера жизни казахов, «несмотря на асинхронность» ее проявленных форм, сохранилась без искажений. Статьи, дневниковые записи, заметки, зарисовки Чокана Валиханова являются важными первоисточниками для исследователей кочевой культуры. «Изумительно, с какой свежестью сохранили казахи свои древние предания и поверия, — пишет Ч. Ч. Валиханов, — и еще изумительнее, что во всех отдаленнейших концах степи, особенно стихотворные саги, передаются одинаково и при сравнении абсолютно тождественны, как списки одной рукописи». [5, 391] Подобная невероятная точность из устных источников кочевой народности, по мнению ученого, является удивительным фактом.

Как известно, «традиционный путь культурной идентификации казахов связан с номадизмом». Природно-климатические условия выступили «немаловажным фактором влияния на организацию жизни и быта кочевников». [6] Э. Шакенова подчеркивает, что «у каждого народа — свой ландшафт, в восприятии которого преломляются его культурные традиции». [1, 70] В казахском народном искусстве «воплощены представления о миростроении, тесно связанные с условиями жизни обитателей степей». [1, 68] Эстетическое у кочевников «вначале выступает в единстве с практической деятельностью, рассматривается как часть бытия». В казахском искусстве отражаются природная и социальная среда: «естественное течение жизни, пастушеский и охотничий быт». [1, 69]

Мы считаем, что взгляды Чокана Валиханова созвучны идеям школы «Анналов». Понятие «менталитет» стало актуальным в XX веке для социальных и гуманитарных наук, раскрывших некоторые новые аспекты влияния социально-психологических особенностей индивидов на социальные процессы. В основе нового исследовательского подхода человеческая история рассматривалась как история ментальностей: «социальная история лишается механицизма, игнорирующего живого человека». Тезис о том, что «история есть история людей» позволяет рассматривать человека «не как жертву надличных или безличных сил, якобы управляющих историей, не как пассивный участник исторических событий, обусловленных глобальными законами», а как «существо, обладающее психикой, мыслями, чувствами». Человек «должен быть в центре интересов историка». [7, 67] Мысли современного казахстанского исследователя Зиры Наурзбаевой также созвучны идеям французских историков. В своей книге «Вечное небо казахов» она отмечает, что «устная кочевая культура, природа тенгрианства, выражавшаяся не через вербализованные доктрины, а через неуловимые сторонним наблюдателям знаки — атмосферу присутствия, жест, тембр музыкального инструмента, узор орнамента… фактически недоступна фиксации», но

символы кочевой культуры возможно понять, осмыслить и зафиксировать в контексте живой природы. [8]

В «Новой исторической науке» Марка Блока и Люсьена Февра особое внимание уделяется «естественно-географической среде и взаимодействию с ней людей». Л. Февр «настаивал на необходимости укоренить изучаемые историками человеческие, общественные феномены в природном окружении, задолго предвосхищая тот интерес к экологии, который пробудится у менее чутких учёных лишь после того, как сама экология оказалась под угрозой тотального окружения». Этот подход освещен в труде Л. Февра «Земля и человеческая эволюция. Географическое введение в историю» (1922). [7, 63] В рамках изучаемой проблематики огромную актуальность представляют следующие рассуждения Л. Февра: «Каков путь, ведущий в область ментальностей? Очевидно, для этого необходимо проникнуть в тайны мыслительной деятельности людей изучаемого общества, в частности, самым внимательным образом исследовать словарь того времени, равно как и присущие этим людям символы и ритуалы, в которых выражались существенные аспекты их поведения. В сфере внимания историка должно быть «всё, что причастно человеку, зависит от человека, исходит от него, выражает его, свидетельствует о присутствии, деятельности, вкусах и способах существования человека». Новый смысл приобретает изучение свидетельств литературы и искусства, конфигурации полей и характера пейзажей, данных археологии и истории техники (здесь Февр следовал аграрному историку Блоку). Нужно заставить говорить немые вещи с тем, чтобы они рассказали о создавших их людях и обществе то, чего сами они о себе не рассказали». [7, 49] По мнению А. Я. Гуревича, «в каждом обществе на данной стадии развития существуют свои специфические условия для структурирования индивидуального сознания: культура и традиция, язык, образ жизни и религиозность образуют своего рода «матрицу», в рамках которой формируется ментальность. Эпоха, в которую живет индивид, налагает неизгладимый отпечаток на его мировосприятие, дает ему определенные формы психических реакций и поведения, и эти особенности духовного оснащения обнаруживаются в «коллективном сознании» общественных групп и толп и в индивидуальном сознании выдающихся представителей эпохи. В творчестве писателей, мыслителей, художников, при всех их неповторимых, уникальных особенностях, проявляются те же черты ментальности, ибо всем людям, принадлежащим данному обществу, культура предлагает умственный инструментарий, и уже от способностей и возможностей того или иного индивида зависит, в какой мере он им овладел». [7, 63]

Представители нового научного направления «истолковывали менталитет как наличие у какой-либо этнической или культурной общности определенного и присущего всем «умственного инструментария», своеобразной «психологической оснастки», создающей возможности особым образом воспринимать и осмысливать самих себя, свое социальное и природное окружение». Они «стремились установить, во-первых, то, что является общим в психике изучаемой социальной общности». Так, Ж. Ле Гофф подчеркивал: «Ментальность — это то, что было общего в сознании Цезаря и любого воина в его легионах, в сознании Людовика Святого и любого крестьянина в его владениях, в сознании Колумба и

любого матроса на его каравеллах». Задача также состояла в том, «чтобы показать, как в социально-психологическом отношении данная группа отличается от других групп, а также раскрыть социально-психологические особенности, обусловливающие специфический характер мировосприятия членов каждой группы».

Еще в XVIII веке Ш. Монтескье ввел в социальную философию концепт *дух народа*. На вопрос о его обусловленности французский мыслитель отвечал «с позиций географического детерминизма: благодаря климату и почвам складываются традиции и обычаи, влияющие на духовные свойства народов». В своем труде «О духе законов» Ш. Монтескье писал: «Многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, правила правления, примеры прошлого, нравы, обычаи, и как результат всего этого образуется общий дух народа». [9] Французский философ понятия «народный характер», «душа народа», «дух народа» считал равнозначными и обращал внимание на зависимость «духа народа не только от климата и ландшафта, но и от воспитания, образа жизни, этнической истории и политического строя». По его мнению, «дух народа служит движущей силой исторического развития нации, одухотворяет культуру, обнаруживаясь в обычаях, традициях и языке». Особенно важным для постижения духа народа он считал изучение фольклора, «в котором он выражается наиболее полно». [10]

В соответствии с рассматриваемой темой примем во внимание следующее определение менталитета: «Менталитет — это возникшая на основе генотипа под влиянием природной и социальной среды и в результате собственного духовного творчества субъекта система качественных и количественных социально-психологических особенностей человека или социальной общности; эта система детерминирует специфический характер восприятия мира, эмоционального реагирования, речи, поведения, деятельности, самоидентификации субъекта, обеспечивает единство и преемственность существования социальной общности, а также стимулирует социальный прогресс посредством продуцирования культурных новаций. [10] Изучение ментальности и народной культуры в контексте исторической психологии позволяет представить «содержание каждой минувшей эпохи через внутренний мир человека, в качестве материала для анализа привлекая продукты культуры — разнообразные исторические свидетельства: данные археологии, истории техники, языка, хозяйственные документы, письменные источники». В теории этногенеза, по Л. Н. Гумилеву, «этнос рассматривается как природное явление, существующее в биосфере Земли, и как элементарная целостность, где связаны воедино природные факторы и социальные формы бытия человека, за счет чего и создается уникальность каждого этноса». Ученый предлагал «считать «этнос» явлением географическим, всегда связанным с тем вмещающим природным ландшафтом, который кормит данный, адаптированный к этому ландшафту этнос, а в историческом плане им была отмечена высокая динамичность развития этносов и выделены фазы возникновения, расцвета, упадка и даже исчезновения отдельных этносов». [11]

Исследовательский подход Чокана Валиханова, таким образом, остается актуальным и на сегодняшний день. В «Записке о судебной реформе» Чокан Валиханов особо подчеркивал, что казахский народ «принадлежит к числу наиболее миролюбивых». [5, 499] Взаимопомощь казахов, по словам Ч. Ч. Валиханова, «достойна подражанию и просвещенному европейцу». Чувствительность и участие, принимаемое казахами «в несчастии ближнего, стоят внимания и похвалы»: «нищий, куда бы он ни пришел, в кибитку ли богача или хижину бедняка — везде ему приют, везде выражают ему сострадательность и не только словом, но всегда чем-нибудь более или менее существенным; из кибитки первого он выходит с какою-нибудь тряпицей, а у последнего напьется, по крайней мере, или наестся, чем тот богат». [12, 41]

Ч. Ч. Валиханов считал, что реформы «бывают только тогда удачны, когда они правильны». Важно, по мнению ученого, чтобы «условия племенного организма среды, климата и почвы» были «всегда на первом плане, ибо все человеческие побуждения и мотивы обусловливаются совокупным влиянием физических и социальных условий». [5, 496]

Большой интерес для нашего исследования представляет описание Ч. Ч. Валихановым религиозного мировоззрения казахского народа. Мы придерживаемся мнения о том, что «религия и культура как два сопутствующих друг другу социальных явления возникают на ранних этапах истории человечества и неизменно влияют друг на друга». По Н. Я. Данилевскому, «религиозная, культурная, политическая, экономическая стороны культурной жизни человека формируют характер того или иного культурно-исторического типа». [13, 31–34]

В статье «Следы шаманства у киргизов» Ч. Ч. Валиханов раскрывает духовную картину мира кочевников: «Шаманство, с одной стороны, есть почитание природы вообще и в частности. Человек действует и живет под влиянием природы. С другой стороны, умирая, человек сам становится божеством. …Природа и человек, жизнь и смерть были предметами величайшего удивления и были всегда преисполнены … тайной. Природа и человек! Скажите, что может быть чудеснее и таинственнее природы и человека? Необходимая потребность познать Вселенную с ее чудесами, вопрос о жизни и смерти и отношениях человека к природе породили шаманство — обожание Вселенной и природы и духа умерших людей». Так, кочевник, по словам Ч. Ч. Валиханова, «был приведен к почитанию солнца, луны, звезд и всего того бесконечного, вечного и разнообразного, что мы называем природой или Вселенной». Он приводит мысли Карлейля, объяснившего шаманское небопочитание: «Вы, верно, помните приводимый Платоном пример человека, который выросши и возмужавши в темной пещере, вдруг был выведен на свет, чтобы … Эта зеленая с цветами трава, деревья, горы, ручьи, шумящее море, эта бездонная лазурь неба, летучие ветры, клубящееся черное облако, извергающее то огонь, то дождь, то град, — что это такое? А это другое таинство… это Вселенная …». [5, 471]

Созерцательность и символичность кочевников наиболее ярко проявилась в декоративно-прикладном искусстве. Ценным материалом для изучения куль-

туры кочевников являются зарисовки ученого, описание и анализ фольклора, жилища, предметов обихода, видов хозяйствования, окружающая природная среда. Являясь представителем степной культуры, Чокан Валиханов подробно описывал и делал зарисовки природных ландшафтов, разновидностей флоры и фауны. Ч. Ч. Валиханов восхищался отношением кочевников к природе: «Человек шаманский удивлялся солнцу и поклонялся ему; увидел луну и ей поклонился; он поклонялся всему в природе, где замечал присутствие этой неизъяснимой силы, вечной, как время, которую он назвал синим небом, кок-тангри. Происхождение шаманства — это обожание природы вообще и в частности. Другое чудо — человек. Эта душа, эти способности, этот дух мыслящий и пытливый, не есть ли очевидное присутствие божества, той неиссякаемой вечной силы?». Влияние природы на степняка-кочевника «слишком сильно, слишком деятельно». Человек, по словам мыслителя, «должен был создать правила, которыми он руководствовался в отношении к таинственной природе, что делать и чего не делать». Шаманство, по мнению Ч. Ч. Валиханова, «первоначально было почитанием природы вообще, в идее неба и, в частности, солнца, луны, рек и прочих чудес природы и стихий». [5, 471–472]

Описывая космологические воззрения кочевников, Ч. Ч. Валиханов писал, что звезды, в представлении казахов, «не что иное, как большие горы из драгоценных камней, лежащие от нашей планеты в таком расстоянии, что кажутся маленькими точками». Казахи верили «во влияние звезды на человеческое счастье», а «счастливого человека, покровительствуемого судьбой», называли *человеком со звездой*. [5, 478]

В «Записке о судебной реформе» наблюдается употребление ученым следующих речевых конструкций: «народ наш», «принадлежит нам — киргизам», «нам встречается», «мы превышаем», «очень часто случается нам читать и слышать», «для нас», «в отношении нас быть чрезвычайно внимательным и крайне осторожным», «свободное народное движение», «мнение народа» и т.д. Это свидетельствует об осознании себя неделимой частью этого народа и безусловной любви к нему. Заметим, что, с одной стороны, Чокан Валиханов чаще беспристрастно описывает трудности и не самые прекрасные ситуации в жизни кочевника, с другой, с восхищением отмечает главные достоинства своего народа. Великий казахский просветитель, Чокан Чингизович Валиханов, оставил свои потомком бесценное наследие, которое содержится в его трудах, посвященных изучению степной кочевой культуры родного народа.

Казахстанский искусствовед С. А. Шкляева обращает внимание на ориентиры, отражающие главные ценности и идеалы казахского народа и проявившиеся в композиционных решениях современных казахстанских художников-мастеров на примере народного ткачества:

- созерцание как мироотношенческая культура;
- окружающая природа, воспринимаемая как качество Вселенной;
- первоначальное освоение мира бытийным способом;
- природа и люди, гармонично живущие в ней; «смысложизненное содержание отношения казахов к человеку, природе, Вселенной»;

- эпичность видения и изложения событий; любовь к слову и повествованию;
- человеческие качества: удаль, храбрость, доблесть, мужество; героизм как нравственное качество;
- дела человека должны его возвышать; «комфортное состояние души»;
- символика или «образное мышление как органичная сущность казахов»;
- готовность к экспромту;
- открытость новому. [14]

В казахском декоративно-прикладном искусстве сформирована система выразительных средств и образов, раскрывающих специфику кочевого образа жизни. Ярким выразителем казахской кочевой ментальности является художник-номад. Ментальность кочевника транслируется в содержании духовных сфер жизни: культуре, мировоззрении, нравственных ценностях, народном творчестве и национальном искусстве. Космологические воззрения кочевников и близкая связь с природными стихиями, флорой и фауной стали главными источниками для создания художественных образов в народном творчестве. В казахском декоративно-прикладном искусстве отражена вся история нашего народа. Например, в работах ковроткачества, национальной одежды мы находим орнаменты звериного стиля, орнаменты яблок и тюльпанов, солярные знаки, облачные сюжеты (наше небо). Кузнецы и мастера ювелирного искусства также продолжают традиции своих предков. Сохранившиеся наскальные изображения на территории Казахстана говорят о том, что казахи — наследники древнейшей культуры. Путешествия по историческим местам Казахстана открывают памятники древнего искусства. Практически по всей территории Великой Степи наши предки оставили послание будущем поколениям в виде петроглифов, каменных изваяний балбалов и рунических надписей.

Изучение декоративно-прикладного искусства кочевой культуры позволяет представить современного художника-номада как носителя специфической и уникальной закодированной информации. Изобразительный язык, художественные образы, знаки и символы кочевника-творца, отражающиеся в изобразительном искусстве, — вот основные творческие средства, благодаря которым мы познаем ментальность кочевого народа, его воззрения на мир, окружающую действительность, общество, внутреннюю природу. Во внутреннем мире художника-номада господствует своя неповторимая связь художественных образов, смыслов, символов. В ментальности номадического художника в концентрированном виде содержится духовный опыт казахского кочевого народа, его культурно-исторические связи и потенциал.

Список литературы и источников:

1.Шакенова Э. Художественное освоение мира // Кочевники. Эстетика: Познание мира традиционным казахским искусством. — Алматы: Гылым, 1993.

2.Мажитов С. Ф. Великая степь и кочевой мир: цивилизация, геополитика, идеология // Новые исследования Тувы. № 4. 2009. http://www.tuva.asia/journal/issue_4/909-magytov.html.

3.Арапов Д. Ю., Айшах О. Т. Валиханов, Чокан Чингисович // Большая российская энциклопедия. https://bigenc.ru/world_history/text/1895386.

4. Габитов Т. Казахи: опыт культурологического анализа. — Алматы, 2012.

5.Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т.1. — Алма-Ата, 1964.

6.Мирзабекова А. Ш. Традиционный путь культурной идентификации казахов: социально-философский аспект // Вестник КарГУ. 2014. https://articlekz.com/article/8436.

7. Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». — М.: «Индрик», 1993.

8. Наурзбаева З. Вечное Небо казахов. — Алматы, 2013.

9.Монтескье Ш. О духе законов. http://library.nlu.edu.ua/POLN_TEXT/KOMPLEKS/KURS_1/kurs/10/42_1.htm.

10.Губанов Н. И., Губанов Н. Н. К истории становления категории менталитета. // Историческая психология и социология истории. Т. 9, № 2 — 2016. https://www.socionauki.ru/journal/articles/701782/.

11Воробьева М. В. Понятие менталитета в культурологических исследованиях // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. Вып.15, № 55 — 2008.

12. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т.3. — Алма-Ата, 1964.

13. Байнова М. С., Макраусова В. П. Взаимодействие культуры и религии в современном российском обществе // Общество. Среда. Развитие. № 1. — 2018.

14. Шкляева С. А. Национальное мироощущение в образах авторских гобеленов художников Алматы (1991–2016): Материалы конференции «Декоративно-прикладное искусство: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития» (13–15 октября 2016 г.). — Екатеринбург, 2016.

© Жубанова Ж. С., 2021

Л. Г. Исмайлова,
к. ф. н., доц.
Военного университета МО РФ
(г. Москва, Россия)

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЕГО СУДЬБЫ И ХАРАКТЕРА»

Одним из выдающихся ученых, просветителей казахского народа был Чокан Чингисулы Валиханов. Он проявлял огромную любовь к национальной поэзии, народному фольклору, и хорошо знал степные традиции и обычаи. Записал

несколько вариантов степных поэм «Козы Корпеш и Баян сулу» и «Ер Кокше» и других.

Эпистолярно-публицистическое наследие Ч. Ч. Валиханова дало развитие в Казахстане эпистолярного искусства как жанровой разновидности публицистики, — отмечает русский литературовед, критик М. И. Фетисов. [1, 299] Четыре письма Чокана Валиханова и одно письмо Ф. М. Достоевского подтверждают, что их переписка длилась шесть лет. Первое письмо было написано в декабре 1856 г. Многие эпистолярные документы Валиханова и Достоевского не найдены.

Ч. Ч. Валиханов в первом письме Ф. М. Достоевскому из Омска после их встречи в Семипалатинске писал: «Многоуважаемый Федор Михайлович! Спешу воспользоваться случаем, чтобы написать Вам это письмо. После Вашего отъезда я только ночевал в Вашем граде и утром на другой день отправился в путь. Вечер этот был для меня ужасно скучен. Расстаться с людьми, которых я так полюбил и которые тоже были ко мне благорасположены, было очень и очень тяжело. Мне так приятны эти немногие дни, проведенные с Вами в Семипалатинске, что теперь только о том и думаю, как бы еще побывать у Вас. Я не мастер писать о чувствах и расположении, но думаю, что это ни к чему. Вы, конечно, знаете, как я к Вам привязан и как я Вас люблю». [2, 107]

В ответном письме Федор Михайлович сообщал: «Вы пишите мне, что меня любите. А я Вам объявляю без церемоний, что я в Вас влюбился. Я никогда и ни к кому, даже не исключая брата, не чувствовал такого влечения, к Вам, и бог знает, как это сделалось. Тут бы можно многое сказать в объяснение, но чего Вас хвалить! А, верно, и без доказательств верите моей искренности, дорогой мой Валихан, да если б на эту тему написать десять книг — ничего не напишешь: чувство и влечение дело не объяснимое». [3, 113]

Ф. М. Достоевский сильно любил и уважал Чокана Валиханова. По его собственному признанию всей душой желал ему всего наилучшего.

Переписка Валиханова и Достоевского замечательны тем, что она отличается публицистическим содержанием, мысли излагаются просто, ясно и логично.

Чокан открыто делился со своими мыслями, поэтому в переписках не было между ними никаких бытовых и служебных секретов.

В ответном письме от 14 декабря 1856 г. из Семипалатинска Федор Михайлович советует Валиханову: «Вы бы могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей родине. Например, не великая ли цель, не святое ли дело, быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, её значение и Ваш народ относительно России, и в то же время, служить своей родине просвещенным ходатайством за неё у Русских». [2, 114–115]

Валиханов болел за судьбу своего народа, выступал защитником его. «Я думал как-то сделаться султаном, чтобы посвятить себя пользе соотечественников, — писал Чокан Ф. М. Достоевскому, — защитить их от чиновников и деспотизма богатых казахов. При этом я думал более всего о том, чтобы примером своим показать своим землякам, как может быть для них полезен образованный

султан-правитель…Чиновники начинают подстрекать самолюбие богатых и честолюбивых ордынцев, пугать их, что, если Валиханов будет султаном, то всем будет худо, он, мол, держится понятий о равенстве… пустили в ход и то, что я не верю в бога…»

Список литературы и источников:

1.Фетисов М. И. Литературные связи России и Казахстана (30–50-е годы XIX века). — М.: Изд-во АН СССР, 1956.

2. Валиханов Ч. Ч. Статьи. Переписка. Составление, вступительная статья и примечания Х. Айдаровой. — Алма-Ата: Казахское объединенное государственное издательство, 1947.

3. Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири (1854–1856 гг.). — СПб., 1912.

4. Валиханов Ч. Ч. Статьи. Переписка. Составление, вступительная статья и примечания Х. Айдаровой. — Алма-Ата: Казахское объединенное государственное издательство, 1947.

© Исмайлова Л. Г., 2021

А. Ш. Кадырбаев,
д. ист. наук, в. н. с.
Института Востоковедения РАН
(г. Москва, Россия)

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ КАК СИМВОЛ СИНТЕЗА РУССКОЙ И КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУР

Чокан Чингизович Валиханов — знаковая фигура в казахской культуре, прежде всего, о нем известно как о первом казахском ученом, чьи труды, посвященные не только происхождению, истории и культуре казахского народа, но и истории и культуре других народов Центральной Азии, в первую очередь, Восточного Туркестана, которых мы ныне знаем как уйгуров и дунган, а также киргизов и ногайцев, вне сомнения, вышли на мировой уровень науки уже в годы его жизни во второй половине XIX столетия, когда молодой человек, чьей главной жизнедеятельностью была отнюдь не академическая наука, в силу сложившихся обстоятельств и личных качеств, тем не менее, стал знаменит именно на научном поприще.

Казалось, что в начале своего жизненного пути мало что говорило в пользу того, что наш герой стяжает свою известность на академическом поприще, хотя он получил неплохое традиционное начальное мусульманское образование в домашних условиях, как это было принято для отпрысков казахской знати, к числу которой относился и Чокан Валиханов, принадлежавший к роду торе или сословию султанов — «ак сюйек» («белой кости») — потомков рода Чингис-хана, исключительно из числа которых до утверждения российской власти в Казахской

степи и ликвидации русскими здесь института ханской власти мог быть хан Казахского ханства. Но, на современный для того времени уровень образования Чокан смог подняться, благодаря своему образованию на русском языке, после того как успешно закончил российское военное учебное заведение — Омский кадетский корпус, где, говоря современным языком, он получил «путевку в жизнь».

Благодаря этим условиям стал возможен такой феномен как Чокан Валиханов, обогативший мировую науку открытием и изучением неведомых ранее земель. Правнук Аблай-хана, последнего независимого властелина Казахской степи, выходец из казахской знати, верой и правдой служившей русскому «белому» царю, Чокан, чье мусульманское имя было Мухаммед-Ханафия, по окончании Омского кадетского корпуса, начал службу офицером по особым поручениям (говоря современным языком — офицером военной разведки) при генерал-губернаторе Западной Сибири, чья ставка была в городе Омске. Не все мы знаем о его деятельности на стезе тайных операций спецслужб Российской империи, активным участником которых был Валиханов, поскольку при изучении его трудов главное внимание уделялось и продолжает уделяться его вкладу в науку. Кроме того, в советскую эпоху образ Чокана был сильно идеологизирован, когда на официальном уровне о нем говорилось как о революционном демократе, чуть ли не оппозиционного режиму российского самодержавия, что, конечно же, не соответствовало действительности. Чокан, как военный человек, как представитель казахской знати, как человек чести, давший присягу на верность российскому императору, служил Российской империи, поистине, «не щадя живота своего», убежденный в цивилизаторской роли России по отношению к казахскому народу и другим мусульманским народам. В подтверждение сказанного, достаточно обратиться к его научным трудам, посвященных истории упомянутых народов. Следует отметить, что среди потомков хана Аблая — Чингисидов не все присягнули «на верность России», близкие родственники Чокана — Касым и его сын Кенесары возглавили национально-освободительную антиколониальную борьбу против Российской империи и воевали с ней в течение 10 лет. Поэтому для казахской знати выбор внешнеполитической ориентации был непростым. Но, Чокан, следуя своему отцу Чингизу, избрал путь служения Государству Российскому.

Он критически относился к национально-освободительной борьбе горских народов Северного Кавказа во главе с имамом Шамилем, создавших теократическое мусульманское государство — имамат, против Российской империи, считая, что ислам играет в этих событиях далеко не прогрессивную роль, при этом такое же отношение было у него и к усилению в это время пропаганды ислама в Казахской степи, хотя он не изменил своей вере и оставался мусульманином. Широко известно о дружбе Чокана с передовыми представителями русского общества, критически настроенных по отношению к государственной власти Рос-

сийской империи, например, со знаменитым русским писателем Ф. М. Достоевским, которые были в ссылке в Семипалатинске, хотя это тоже не может характеризовать нашего героя как оппозиционного царским властям.

Выполняя поручения российских властей, он совершил полные опасностей миссии в Прииссыккулье и Южный Казахстан, участвовал в походе русских войск на Коканд. При взятии русскими войсками Ташкента, Чокан протестовал против жестокостей, творимых русскими солдатами в отношении местного мирного населения, когда он открыто выразил свое неприятие этих действий полковнику Черняеву, командовавшего штурмом Ташкента. Во время экспедиции к киргизским племенам в Прииссыккулье, Чокан открыл для мировой и российской науки великий киргизский эпос «Манас» и впервые перевел часть его на русский язык. Пока мы мало знаем о его переговорах с главами киргизских племен, чтобы они стали подданными России. Эта тема еще ждет своего исследователя.

Но, слава пришла к нему после путешествия с риском для жизни под видом бухарского купца в неведомую тогда для русских и европейцев Кашгарию или Восточный Туркестан, бывший тогда для всего мира «терра инкогнита» — неведомой землей. Подвиг Чокана как ученого известен, но пока недостаточно оценен его подвиг как русского разведчика в Восточном Туркестане. Ведь этот регион вызывал огромный интерес у правящих кругов Британской империи, над которой в XIX веке, «не заходило солнце», и перед тайной миссией Чокана в Кашгар британские власти из своих колоний в Индии отправили в Восточный Туркестан своего агента, немецкого ученого Адольфа Шлагинтвейта под видом мусульманского купца, но его местные мусульманские власти раскрыли и отрубили ему голову, которую впоследствии обнаружил в Кашгаре Чокан в груде отрубленных голов. Поэтому только благодаря Чокану стало известно о трагической судьбе английского агента. Следует отметить, что Чокан находился в Восточном Туркестане несколько месяцев, балансируя на грани смерти. Что это стоило Чокану можно только догадываться. При этом, он взял в жены местную девушку — чаукене, вступив с ней во временный брак, что дозволялось мусульманской традицией.

Приглашенный, по возвращении в Санкт-Петербург МИДом и Генеральным штабом Российской армии, где он работал по линии этих ведомств, удостоенный ордена Святого Владимира и личной аудиенции российского императора Александра II, Чокан, все же, главные лавры в своей жизни стяжал на поприще академической науки, опубликовав результаты своих путешествий в незнакомые дотоле страны Центральной Азии. Интересно, что по представлению западносибирского генерал-губернатора Гасфорта, Чокана должны были наградить орденом Святой Анны, но, когда император Александр II ознакомился с документами тайной экспедиции Чокана Валиханова, он счел, что тот заслуживает более высокой награды и удостоил его орденом Святого Владимира. Также Чокан был повышен в чине и стал ротмистром. Надо отметить, что Чокан был не первым

казахским Чингисидом, с которым был знаком всероссийский самодержец, поскольку его личным адъютантом и доверенным лицом был сын хана Букеевкой орды Губайдулла Жангиров, основатель российских войск связи, отвечавший во время русско-турецкой войны на Балканах в 1877–1878 годах за информационную безопасность русской армии и дослужившийся до звания генерала от кавалерии, что ныне соответствует званию генерал-полковника.

Признанием научных заслуг явилось избрание Чокана Валиханова членом Российского императорского географического общества. Увы, жизнь Чокана была коротка, как «промелькнувший метеор», а смерть загадочна. Он умер по возвращении из северной столицы, не дожив и до тридцати лет, от чахотки, как тогда называли туберкулез. Человек вполне светский и европейски образованный в последние дни своей жизни стал истовым мусульманином. Воистину, неисповедимы пути Господни…

©Кадырбаев А. Ш., 2021

М. Ш. Калиева,
д. полит. н, ассоц. проф.
Института истории государства
Комитета науки МОН РК.
(г. Нур-Султан, Казахстан)

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕСТВА

В 2020 году отмечается 185-летие выдающегося казахского просветителя, ученого и мыслителя Чокана Валиханова. XXI век определяет новое осмысление личности и творческой деятельности мыслителя, выявляет его место и роль в национальной истории страны, в системе евразийской культуры.

Известный географ и этнограф, историк и лингвист, член Русского геграфического обществаЧ. Валиханов изучал содержание и сущность исторической общности народов Центрально-Азиатского региона. Взгляды ученого формировались под влиянием общественной мысли 1850–1860-х годов. Большое значение он придавал просветительским идеям, существенное место в которых занимали социокультурные ценности общества.

Чокан Валиханов общался в среде прогрессивной интеллигенции, где много внимания уделялось просвещению и образованию. Он полагал, что для развития народа нужны знания, они способствуют прогрессивному развитию общества. Его ярко выраженная по своему высоконравственному содержанию плодотворная деятельность активно влияла на важнейшие общественные процессы, была направлена на развитие потенциала социума.

Просветительство Чокана Валиханова — это социально-культурный феномен, в котором гармонично сединились такие основополагающие компоненты познания общества, как потребность в новых знаниях, их постижение и передача последующим поколениям. Просветительские взгляды

мыслителяспособствовали выработке позитивного общественного мировоззрения, активной гражданской позиции социума. Ч. Валиханов связывалидейно-нравственное становление и развитие личности с социокультурными ценностями всеобщего благоденствия, добра, мира и гуманизма.

Прогрессивные и гуманистические идеи Чокана Валиханова вобрали в себя все историческое многообразие, полноту и глубину национальной культуры казахского народа, выявили значимость познания этнокультурного наследия других народов, обозначили важность постижения достижений мировой культуры.

Воззрения Чокана Валиханова оказали существенное воздействие на развитие социокультурных ценностей общества. Его просветительская деятельность внесла весомый вклад в изучение, сохранение и приумножение традиционной казахской культуры, развитие письменности и литературы, подготовку национальной интеллигенции. Энциклопедическое наследие ученого определило актуальность, необходимость и возможность разработки различных направлений научного и гуманитарного знаний. Чокан Валиханов подчеркивал непревзойденную роль социокультурных ценностей в развитии ментальности и образа жизни человека.

Чокан Валихановявляется одним из крупнейших и ярких мыслителей Казахстана второй половины XIX века. Большое внимание ученый уделял исследованию Центрального Казахстана и Семиречья, Тянь-Шаня и Восточного Туркестана (Джунгарии и Кашгарии). Научные труды путешественника раскрывают особенности и характерные черты культуры, традиций и обычаев казахского народа.

Ученый создал такие труды, как «Предания и легенды большой киргйзкайсацкой орды», «Образец причитаний», «Песня об Аблае», «О формах казахской народной поэзии», «Киргизское родословие», «Исторические предания о батырах XVIII века», «Западный край Китайской империи и город Кульджа», «Следы шаманства у киргизов», «Записка о судебной реформе», «О мусульманстве в степи», «О кочевках киргиз» и другие. [1]

В период путешествия на озеро Иссык-Куль в составе военной экспедиции летом 1856 года Чокан Валиханов осуществлял полные записи своих наблюдений, которые впоследствии были собраны в «Дневник поездки на Иссык-Куль». В 1858–1859-х годах при активном содействии исследователя П. П. Семенова-Тян-Шаньского и русского географического общества Чокан Валиханов совершил свое знаменитое путешествие в Кашгар. Также он вел активную переписку с прогрессивными людьми России А. Н. Бекетовым, Ф. М. Достоевским, А. Н. Майковыми многими другими.

Просветительская деятельность Чокана Валиханова оказала огромное и всестороннее воздействие на развитие науки и образования, рост массового самосознания. Его взгляды выражают своеобразие культуры, традиций и мировоззрения казахского народа, подчеркивают важность приобщения к социокультурным ценностям мировой цивилизации.

Творческое наследие выдающегося мыслителя актуально, востребовано и в наше время. Оно выявляет значимость социокультурных ценностей в

жизнедеятельности общества, имеет неоценимое значение для развития современного общества и национальной культуры Казахстана. В целом, социокультурные ценности определяют широкое включение общества в модернизационный процесс, способствуют активному познанию окружающего мира и углублению гуманитарного творчества. Творчество представляет собой осознанную и инициативную деятельность человека во благо общества, основывается на идеях гуманизма, предполагает взаимодействие индивидуального и социального начал.

В условиях современного информационного мира творческая составляющая оказывает существенное влияние на поиск, апробацию и внедрение инновационных моделей для всестороннего продвижения страны в международное пространство. Необходимы интегрирующие идеи и социокультурные ценности, которые несут в себе позитивное, конструктивное начало и способствуют развитию человеческого капитала. Реализация Программы «Рухани жаңғыру», основанной на положениях опубликованной 12 апреля 2017 года статьи Первого Президента Республики Казахстан — Елбасы Н. А. Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного согласия», направлена на укрепление принципов толерантности, гуманизма и солидарности. [2] Актуально формирование активной жизненной и гражданской позиции, патриотизма и социальной ответственности.

Историческая память и национальная история — это важные и значимые социокультурные ценности общества. В многогранной, фундаментальной работе Елбасы Н. А. Назарбаева «Семь граней Великой степи» представлены широкомасштабные по своему содержанию и смыслу проекты по модернизации исторического сознания. В статье подчеркивается большая, неоценимая роль исторического наследия в жизни общества: «Новые компоненты общенациональной программы «Рухани жаңғыру» позволят актуализировать многовековое наследие наших предков, сделав его понятным и востребованным в условиях цифровой цивилизации». [3]

Модернизация общественного сознания связана с социокультурными ценностями общества. В условиях глобальных угроз, вызовов и рисков, инновационных и информационных технологий важно осознание личностью своей роли и места в окружающем мире, открытое восприятие диалога культур и традиций полиэтнического общества. Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев подчеркивает: «Вызовы времени заставляют нас постоянно развиваться, совершенствоваться, становиться сильнее». [4] Социокультурные ценности углубляют гражданскую ответственность, гармоничность и межэтническое согласие в обществе, что актуально, значимо и востребовано в условиях высоких информационных технологий. Эволюция современных социокультурных процессов способствует всестороннему изучению национальной истории, углублению взаимосвязи общечеловеческих и национальных ценностей.

Личность Чокана Валиханова — это образец самоотверженного, верного служения своему народу. Его идеи о справедливом обществе и образованности содержат конструктивную, гуманистическую направленность, созвучны социокультурным ценностям современного Казахстана.

Просветительство Чокана Валиханова — это значительное целостное социокультурное явление, определяет актуализацию духовной сферы и культурно-образовательного пространства в жизнедеятельности государства. Существенно развитие демократии, диалога, согласия, укрепляющих толерантную модель поведения и социальной деятельности.

Творческое наследие Чокана Валиханова имеет большое значение в развитии социокультурных ценностей общества. Принципы коммуникативности, прогресса обеспечивают становление и понимание новых воззрений на современный мир. Коммуникативные технологии значительно влияют на проявление индивидуальных творческих навыков и ресурсов человека.

Список литературы и источников:

1. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984, 1985.

2. Статья Главы государства «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» 12 апреля 2017 / URL:https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya (Дата обращения: 12.04.2020).

3. Статья Главы государства «Семь граней Великой степи» 21 ноября 2018 / URL: http://www.akorda.kz/ru/events/statya-glavy-gosudarstva-sem-granei-velikoi-stepi (Дата обращения: 12.04.2020).

4. Послание Главы государства Касым-ЖомартаТокаева народу Казахстана. 1 сентября 2020.Казахстан в новой реальности: время действий / URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1-sentyabrya-2020-g(Дата обращения: 12.11.2020).

© Калиева М. Ш., 2021

Г. М. Карасаев,
д. ист. н., Института истории государства
Комитета науки МОН РК,
член-корреспондент РАЕН
(г. Нур-Султан,Казахстан)

РУССКИЕ УЧЕНЫЕ-СОВРЕМЕННИКИ О ТВОРЧЕСТВЕ И НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА (из воспоминаний Н. И. Веселовского, Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева)

Довести имена носителей передовой мысли представителей русской интеллигенции до нынешнего и грядущего наших поколений является настоятельным требованием времени, ибо они искренне выражали соучастие в судьбе казахского народа, указывая ему путь в будущее, при этом превратились в настоящих его друзей, несмотря на всяческое принижение местного населения

и всемерное ограничение его прав в сооответствии с колонизаторской политикой царской администрации в период присоединения казахских земель к Российской империи.

Большая группа этих исследователей, изучая прошлое нашего народа, дали позитивную оценку развитию его культуры и искусства, существующим обычаям и традициям. Следующие их представители объективно изложив тяжелое положение местного населения, обратили на это внимание колонизаторского правительства. Среди них были и такие инициаторы, которые поднимая вопросы образования и просвещения коренного населения, вносили определенный вклад в их разрешение.

С этой позиции можно особо отметить Ф. М. Достоевского, Г. А. Колпаковского, К. К. Гутковского, Н. И. Веселовского, Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева и других, которые своевременно поняв и оценив способности и особый дар к науке Чокана Валиханова, став его единомышленниками и друзьями, внесли свой вклад в популяризацию его произведений среди цивилизованной общественности России и Европы. Среди них наш народ всегда искренне признателен Г. Н. Потанину, Н. М. Ядринцеву и Н. И. Веселовскому, которые после кончины Чокана Валиханова по крупицам собирали его произведения, став инициаторами их издания, написав к ним свои предисловия, а также установили надгробную плиту на его могиле. Они в своих произведениях проанализировали деятельность Чокана, начиная с момента его учебы в кадетском корпусе города Омска. Подробно описали его природный дар и умственную одаренность. Сделали экспертизу его исследовательской деятельности. При этом они особо отметили чувство его привязанности к родному краю, патриотизм и любовь к своему народу.

Широкий обзор и анализ деятельности Чокана, становлению его первоначального мировоззрения был сделан Н. И. Веселовскимв своем воспоминании «Метеор». Он был опечален безвременной кончиной Чокана Валиханова. «Как блестящий метеор промелькнул над нивой востоковедения потомок киргизских ханов и в то же время офицер русской армии ЧоканЧингисович Валиханов. Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов, но преждевременная кончина Чокана лишила нас этих надежд», [1, 1] — писал он.

Н. Веселовский высоко ценил особый дар Чокана к науке, начиная с момента его учебы в Омском кадетском корпусе. Характеризуя его тяге к исследовательской деятельности, он кпишет: «Генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорт, обративший внимание на выдающиеся способности Валиханова, стал, насколько возможно, покровительствовать ему в ученых занятиях и выхлопотал для него поездку в Кашгар, ознаменовавшуюся важными результатами в научном отношении. Когда Валиханов вернулся из Кашгара, Гасфорт сам принимал участие в редактировании отчета об этой поездке и затем дал Валиханову командировку в С.-Петербург». [1, 2]

Н. Веселовский в своем труде отмечает, что, после смерти Чокана поднимается вопрос об издании его произведений.«Тем не менее, — пишет

он, — все изыскания Валиханова настолько важны, что совет И. Р. географического общества на заседании 24 апреля 1867 г. постановил издать в «Записках» общества все рукописи, оставшиеся после Ч. Ч. Валиханова.

В 1887 г. Г. Н. Потанин вновь возбудил вопрос об издании сочинений Валиханова, причем Степной генерал-губернатор Г. А. Колпаковский выразил согласие изыскать средства на это издание из местных источников. Но Колпаковский вскоре был переведен на службу в Петербург, и дело издания опять остановилось.Тогда Г. Н. Потанин обратился ко мне с просьбой принять на себя редактирование предполагаемого сборника сочинений Валиханова и подыскать этому сборнику издателя. Несмотря на свои сложные занятия, я не решился уклониться от этого дела, находя его безусловно полезным и необходимым как в память Чокана Валиханова, так и в интересах востоковедения, и принял на себя нелегкую обузу разобраться в его бумагах. Этот труд оказался гораздо значительнее, чем я думал». [1, 2–3]

На основе высказываний Н. Веселовского, как стало известно, Российское просвященное общество вполне убедилось в том, что Чокан является настоящим талантоми его произведения составляют большую ценность для науки и в целом для будущей цивилизации.Близкий друг Чокана, начиная с периода учебы в Омском кадетском корпусе и до конца его жизни, его единомышленник и соратник по научно-исследовательской деятельности Г. Н. Потанин, который благодаря своим произведениям стал нстоящим покровителеми защитником казахского народа, в своем труде «Биографические сведения о Чокане Валиханове» широко освещает весь жизненный путь Чокана, который начинался с учебы в кадетском корпусе, его природный дар и исключительные особенности характера, приверженность науке и безграничную любовь к родному народу. «Чокан был привезен в Омск осенью 1847 года. Его привез В. И. Дабшинский, переводчик киргизского языка,состоявший при так называемом пограничном начальнике, т. е. при генерале, заведовавшем киргизами Сибирского ведомства» [2, YI], — писал он. Он обращает внимание на то, как уже с момента прибытия в кадетский корпус Чокан заметно стал отличаться от своих сокурсников. Как отмечал Г. Н. Потанин в своих записях: «Я уже в это время прожил год в корпусе, а потому, вероятно, меня избрали нарочно в первые знакомцы Чокану, чтобы он не так сильно почувствовал свое одиночество, когда его наконец оставят в стенах корпуса.Чокан ни слова не знал по-русски, и уже тогда любил рисовать карандашом; ...развивался Чокан быстро, опережая своих русских товарищей. Кроме природного ума, он имел к тому же и другие преимущества. По воскресеньям тех кадет, которые имели родственников или знакомых в городе, отпускали в город. У Чокана ни родных, ни знакомых в городе не было. Но им интересовались многие — киргизский мальчик, и притом такой способный, уже рисует, прежде чем поступил в заведение. Поэтому его охотно брали к себе в отпуск те, которые ценили такое необыкновенное явление. Это знакомство с самыми лучшими, гуманными и просвещенными домами в городе давало быстрый ход развитию умственных способностей Чокана... . Уже в то время, когда Чокану было 14–15 лет, кадетское начальство на него начало смотреть как на будущего исследователя, и, может быть, ученого». [2, YI, XII, XIY, XYII]

Далее Г. Н. Потанин писал: «Один из моих однокашников рассказывал мне впоследствии, что у него сохранилось воспоминание, как он был поражен в детстве мечтами Чокана, показавшимися ему необыкновенными. Группа кадет стояла у задних ворот корпусного двора, выходивших на Иртыш. Отсюда открывается вид на степь, которая расстилается на противоположном берегу Иртыша. Характер этой картины уже совершенно степной: безлесая равнина с уходящим в бесконечность горизонтом. Чувствуешь, что стоишь у ворот в среднеазиатские пустыни. Чокан стоял в группе и развивал свою мечту, может быть, он проникнет в эту степь до южных пределов, где начинается самый Дальний Восток, где начинается загадочный Китай». [2, XYII]

Как отмечает Г. Н. Потанин: «Чокан все более и более углублялся в историю Востока; какие-то загадочные отношения киргизского племени к этой истории, среди которого являлись имена древних народов-усуней, киреев, найманов–в качестве имен поколений, заставляли его задумываться и, может быть, мечтать сделать разоблачения в древней истории Востока посредством данных, которые представляют народные предания и остатки старины киргизского народа». [2, XX]

Г. Н. Потанин искренне, без скрытого умысла раскрывает любовь Чокана к родному народу, его особую благосклонность к его истории, культуре и обычаям**.** «При взятии Аулие-Ата зверства русских войск над единоверцами Чокана или, может быть, и над соплеменниками его, т.е. над киргизами, огорчили его. Он увидел, что он не может более участвовать в военном походе, разошелся с Черняевым, и уехал в Верный, оттуда перебрался в аул султана Тентека, управлявшего албанами (род Большой орды), кочевавшими к западу от Кульджи», [2, XXX] — писал он.

По утверждению Г. Н. Потанина: «РассказыЧокана о киргизах были очень интересны. Конечно, он мог бы очень занимательно написать историюкиргизских восстаний под предводительством его дядей Саржана и Кенесары.Рассказы об этой истории он оживлял отрывками из киргизских песен, пояснениями посредством поговорок, народных преданий, народных обычаев и обрядов.

Чокан старался доказывать, что киргиз — мирный народ, это не наездники-грабители, это — мирные пастухи. Посмотрите, говорил он, на их одежду, на их оружие. Чекмень с патронами, ятаганы и прочее им неизвестны; одежда киргиза — халат, оружие — жердь, посредством которой он ловит лошадей в табуне.

Народ свой он любил, это бесспорно... . Он говорил, что прежде всего любит свой киргизский народ, потом Сибирь, потом Россию, потом все человечество. ...«Когда русские бьют киргизов, я восстаю против русских, — говорил он; когда французы бьют русских, сердце мое на стороне русских» [2, XXIX–XXX, XXXI–XXXII]

Г. Н. Потанин высоко ценил гениальность Чокана, при этом прогнозировал его его место в казахском обществе. «В характере Чокана были черты, напоминающие черты характера Пушкина или Лермонтова. Если бы Чокан имел в киргизском народе читающую среду, он мог бы стать гением своего народа и

положить начало литературному возрождению своих единоплеменников» [2, XXXIY], — отмечал автор.

Известный исследователь Восточного Казахстана и Западной Сибири во второй половине XIX века, близкий друг и единомышленник Ч. Валиханова Н. М. Ядринцев также широко описывал незаурядный талант Чокана, его высокие способности и приверженность к науке. «В корпусе Чокан Валиханов обнаруживал любознательность и недюжинные способности, он много читал, и в корпусе еще его любимыми авторами были Диккенс и Теккерей. В Петербурге я встретил Чокана Валиханова офицером как раз в пору его славы, он только что совершил путешествие в Кашгар.Ориенталисты с ним заводили тесное знакомство...» [3, XXXY], — вспоминал иследователь. Затем он с восторгом пишет о своем впечатлении от своей первой встречи с Чоканом следующими словами: «... я скоро заметил, что он не был усудчивым ученым и тружеником, все ему давалось по части тюркской литературы легко потому, что, он владел киргизким языком в совершенстве». [3, XXXY]

Наряду с этим Н. М. Ядринцев отмечал также общественную активность Чокана, его увлеченность творчеством и заинтересованность историей родного народа.«В 60-х годах Валиханов следил за движением русской жизни, за обновлением ее, он читал лучшие журналы, Точно так же с интересом Валиханов следил за тем, что делается в Русском географическом обществе, и помогал своими сведениями по географии киргизской степи, приготовил этнографический материал о киргизах и т. д. ...Это был человек вполне образованный, без предрассудков, и в то же время не питавший высокомерного презрения к своим сородичам, стоявшим на ступени дикарей.Он понимал окружающую русскую среду и готов был сродниться с ней на почве европейской цивилизации» [3, XXXYII], — подчеркнул он.

Н. М. Ядринцевв своем воспоминании выделял также о присущей Чокану чувства любви к родному народу и о признательности своим русским друзьям за взаимную поддержку и сотрудничество. В подтверждение этого Н. М. Ядринцев приводит следующий пример: «Когда мы с ним (с Чоканом — Г. К.) встретились вновь в Омске в 1863 г., в это время воротиласьиз путешествия экспедиция Струве, в которой участвовал и Г. Н. Потанин. Празднуя эту встречу, мы сидели в благородном собрании на одном из вечеров. Чокан был в той же компании. Эдуард Струве начал речь о том, что киргизы ненавидят казаков. Вдруг губы Валиханова передернуло, он взглянул нежно на своего друга и школьного товарища Г. Н. Потанина, бывшего казачьего сотника, затем встал перед Струве и сказал: «Что у киргизов нет ненависти к лучшим представителям казачьего войска, я желал бы засвидетельствовать. Я, как киргиз, поднимаю бокал и целую моего друга казака!» И он горячо поцеловал Г. Н. Потанина». [3, XXXYII–XXXYIII]

Н. М. Ядринцев, свою печаль и огорчение по поводу безвременной кончины своего друга, не добившегося своей заветной мечты, выражает в следующих словах: «Выйдя из детской колыбели в киргизской юрте, даровитый киргиз перед смертью возвращается к своему очагу, и его окружает та же торжественная тишина степи. Чокан оставался любящим свой народ, свое племя.

В его мечтах было совместить европейское просвещение и сохранить свою народность». [3, XXXIX]

Свое воспоминание о Чокане Валиханове Н. М. Ядринцев завершает такими словами:«Чокан — это была гордость и любимое дитя своего народа. Таким он и остался в нашей памяти». [3, XXXIX]

Подводя итог, вышеизложенному, мы считаем своим долгом выразить признательность выдающимся русским исследователям-современникам Ч. Ч. Валиханова — Н. И. Веселовскому, Г. Н. Потанину и Н. М. Ядринцеву, донести их славные дела и имена нынешнему и грядущим нашим поколениям, ибо они несмотря на колонизаторскую политику царского правительства, выражая еще в ту пору свое, без скрытого умысла, отношение к местному населению и проявляя оптимизм к истории многострадального казахского народа, внесли колоссальный вклад в глубоко объективное изложениежизни и деятельности великого казахскогоученого Ч. Ч. Валиханова, тем самым, сделали его творчество достоянием мировой цивилизации.

Список литературы и источников:

1. Записи Императорского Русского географического общества, Н. И. Веселовский; Метеор., Т-29, Спб.,1904.
2. Записи Императорского Русского географического общества, Г. Н. Потанин; Биографические сведения о Чокане Валиханове.,Т-29, Спб, 1904.
3. Записи Императорского Русского географического общества, Н. М. Ядринцев: Воспоминание о Чокане Валиханове., Т-29, Спб.,1904.

© Карасаев Г. М., 2021

О. П. Кобзева,
д. и. н.,проф.
НУУз имени Мирзо Улугбека
Н. С. Турсунова,
соискатель
НУУз имени Мирзо Улугбека
(г. Ташкент, Узбекистан)

ВКЛАД ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА В ИЗУЧЕНИЕ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Выдающийся этнограф, лингвист, географ, филолог, кадровый офицер-разведчик Чокан Валиханов внёс бесценный вклад в накопление первоначальных сведений о трассах Великого Шёлкового пути в регионе Восточного Туркестана. Чокан Валиханов хорошо знал ряд восточных и европейских языков. Это дало ему возможность изучить многие восточные и европейские источники, касающиеся истории и географии народов Средней Азии и Казахстана. Работал он также и над текстами ряда книг, написанных на персидском, арабском и тюркском языках («Бабурнамэ», «Тарихи-Рашиди», «Тазкири ходжаган» и др.).

В Петербурге в высшей школе при Азиатском департаменте он преподавал тюркские языки для лиц, работавших в Средней Азии. Среди научных трудов Ч. Валиханова огромный интерес представляют его исследования, посвященные историко-географическому обзору Семиречья, Иссык-Куля, Тянь-Шаня и Восточного Туркестана. Исследование Средней Азии было его давней мечтой, и этому посвятил он свою жизнь. «Над Средней Азией висела до сих пор какая-то таинственная завеса, — писал Чокан в "Очерках Джунгарии"». «Большая часть ее ... остается для европейской науки, во многих отношениях недоступна. Наш ученый товарищ по Обществу П. П. Семенов, издавая II том своего перевода Риттеровой книги «Erdkunde von Asien» («Землеведение Азиии». прим. авт), пришел к тому заключению, что Центральная Азия исследована никак, не более внутренней Африки. Действительно, сбивчивые и противоречивые данные, существующие в нашей географической литературе о Средней Азии, делают эту страну, если не совершенной terra incognita, (Неизвестная Земля (лат.)) как говорилось в старину, то, по крайней мере, трудным научным ребусом, а о среднеазиатском человеке мы почти ничего не знаем».

Отсюда ясен интерес Ч. Валиханова, не только к познанию природы и физико-географических особенностей исследуемого его района, но и людям, их обычаям, нравам, языку и преданиям. В 1855 году он принял участие в поездке генерала Гасфорта по Центральному Казахстану, Семиречью и Тарбагатаю. Маршрут его пролегал от Омска на Семипалатинск, оттуда через Аягуз и Капал в Заилийский Алатау. На обратном пути Чокан сопровождал Гасфорта только до Алтын-Эмельского хребта; оттуда он совершил путешествие в Джунгарские ворота, на озера Алаколь и Тарбагатай.

Затем он поехал в Центральный Казахстан по маршруту Каркаралы — Баянаул — Кокчетав, оттуда вернулся в Омск. Эта поездка оставила неизгладимое впечатление у молодого путешественника; он впервые широко ознакомился с природными условиями Казахстана и жизнью народа.

В 1856 году Чокан принимает участие в военно-научной экспедиции, организованной под руководством полковника М. М. Хоментовского. Целью экспедиции было ознакомление с киргизским народом, географическое изучение его территории, съемка бассейна Иссык-Куля. В составе экспедиции была группа топографов во главе с Яновским. В ней также участвовали представители местного населения — казахи Аблес Тазабеков, Булан Сасыбаев, Байгузы Тленчин, Джайнак Теримбеков и др. Выехав из Верного в начале мая, экспедиция следовала по маршруту долины рек Чилик, Уч-Мерке и Чирганакты. Оттуда, продвигаясь вверх по долине Каркары, прошла через перевал в долину реки Тюп, по которой спустилась к озеруИссык-Куль.

Члены экспедиции произвели топографическую съемку бассейна Иссык-Куля. На планшеты были занесены северо-восточные и восточные берега озера. Съемкой были охвачены все притоки северо-восточного бассейна Иссык-Куля. Чокан совершил ряд поездок в окрестности озера. По нескольким маршрутам он

ездил вместе с П. П. Семеновым, с которым познакомился и установил дружественные связи в Омске весной 1856 года.

В 1856 году Чокана Валиханова отправили в Кульджу с дипломатической миссией. Он должен был провести переговоры с китайскими властями о налаживании двусторонних отношений после того, как была сожжена русская фактория в Чугучаке. Поручение было выполнено блестяще.

Затем он вновь отправился к иссык-кульским кыргызам, сделал первую научную запись эпоса «Манас» (точнее его части). 27 февраля 1857 года Чокан Валиханов был избран действительным членом Русского географического общества. Ему было всего 22 года.

Вместе с тем эта поездка являлась и пробным шагом перед экспедицией в Кашгар. Об этом недвусмысленно писал в Петербург, в Министерство иностранных дел генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорт. «Я признаю, — писал он, — необходимым ныне же отправить к границам Кашгарии в кочевья дикокаменных киргизов доверенного чиновника с тем, чтобы он следил за делами в Кашгарии... до времени отправления предполагаемого каравана».

Во время пребывания на Тянь-Шане Чокан еще ближе ознакомился с жизнью и бытом киргизского народа, изучил его историю, этнографию и народную поэзию. В результате неутомимой работы он накопил обширный историко-этнографический материал: «Этнографические очерки, статистические сведения, исторические известия, памятники народной литературы уйсунов и дикокаменной орды»».

Научные результаты путешествий Ч. Ч. Валиханова, в 1856–1857 годы, отражены в его путевых очерках «Дневник поездки на Иссык-Куль», «Географический очерк Заилийского края», «Западная провинция Китайской империи и г. Кульджа», «Записки о киргизах» и др. П. П. Семенов-Тян-Шанский совместно с Е. Ламанским, составил отзывы о работах Чокана Валиханова, и рекомендацию. В скупой протокольной записи этого отзыва сказано, что «Чокан Валиханов совершил путешествие на Восточные берега Иссык-Куля, где собрал богатый запас географических, этнографических и исторических материалов о киргизской степи, которые готов сообщить». Путешествие Чокана в Кашгарию, создавшее ему славу отважного путешественника, состоялось в 1858–1859 годы. Оно было сопряжено с большой опасностью, так как Кашгария в то время была закрыта для европейцев.

В середине XIX века российское Главное управление Генерального штаба (военная разведка) долгое время вынашивала план — направить человека в Кашгар с целью прояснить обстановку: кто правит в Восточном Туркестане, насколько силен режим, каковы позиции китайцев среди уйгурского населения. Идею поручить поездку в Кашгар Чокану подал П. П. Семенов-Тян-Шанский, с которым Чокан Валиханов познакомился в ходе поездки в Кульджу в 1856 году. И уже летом 1857 года Министерство иностранных дел приняло постановление «Об отправлении в Кашгар поручика султана Чокана Валиханова». Специально для выполнения секретной миссии был снаряжен в Семипалатинске торговый

караван. Ч. Валиханов присоединился к каравану в июне 1858 года у подножья хребта Карамола в тридцати верстах от Капала. Он шел в Кашгар, обрив голову, под именем Алимбая, родственника караван-баши. Местом отправки каравана был назначен аул Сарыбаса у подножия хребта Карамула, в 30 верстах от Капала. Чокан прибыл туда 28 июня 1858 года и присоединился к каравану, прибывшему из Семипалатинска. Он состоял из 43 человек, 101 верблюда, 65 верховых и вьючных лошадей и 6 походных юрт. Чокан свой офицерский костюм сменил на восточный халат с чалмой и сбрил волосы. Первого июля караван перешел через Алтын-Эмельский хребет и направился в долину Или. Переход через Или в то время был очень сложен: моста через реку не было, и переправа каравана производилась при помощи старых плоскодонных лодок.

Дальнейший путь каравана лежал через долины Текес, Каркары и Кокджара. По пути в киргизских аилах встречались кашгарские купцы, торговавшие среди местного населения. Установив деловые контакты с ними, Чокан договорился ехать вместе до Кашгара. На Текесе к каравану присоединились три группы кашгарских и татарских купцов. Вместе они пошли вперед. Из долины Иссык-Куля в Кашгар вели три дороги: восточная, идущая через город Уч-Турфан, Большая Аксайская и через Атбаш-Арпу. Чокан, хорошо знавший этот район по прежним поездкам, выбрал Аксайскую дорогу, которая проходила через Сырт Центрального Тянь-Шаня. Это был большой караванный путь — одно из направлений Шелкового пути, с давних времен служивший для сообщения между странами. От Заукинского перевала путь лежал к верховьям реки Нарын, главного истока Сырдарьи, и дальше — к хребту Теректы-Даван, составлявшему южную оконечность исполинского Тянь-Шаня. После осмотра и опроса пограничниками он был пропущен в город.

Пройдя Или, долину Кегеня, Каркару, где караван, кочуя с казахами и кыргызами, закупил четыре тысячи баранов, экспедиция вышла на плато Санташ — горный проход на Иссык-Куль. Миновав озеро с юга, караван с большими трудностями через ущелье Зауке вышел на сырты в верховьях Нарына. Сбывалась мечта Чокана: он ступил на вожделенную terra incognita. Осенью 1858 года он вышел в пределы Китайской империи.

В Кашгаре Чокан тайно составил карту Восточного Туркестана. Схематические планы окрестностей Кашгара и Яркенда, план путей из Яркенда в Янгишахар и Кашмир. Он познакомился с купцами из разных стран, с политическими деятелями Кашгара, от которых услышал много полезных сведений. Свой уйгурский язык Чокан усовершенствовал так, что писал на уйгурском. Он приобрел ряд уникальных восточных рукописей, имеющих и в наше время научную ценность. Словом, действовал, как учёный, не забывая о том, что он разведчик. Описывая Кашгар, Чокан Валиханов писал, что он является «местом, куда стекаются азиатские купцы со всех концов своего материка».

Чокан провел в Кашгарии около полугода (до середины марта 1859 года). За это время он близко ознакомился с городом и изучал страну Алтышара. Под этим названием тогда были объединены города Кашгар, Аксу, Уч-

Турфан, Янысар, Яркенд и Хотан, окаймленные на севере горами Тянь-Шаня, и на юге — Куэнь-Лунем.

В то время эти города находились под влиянием Кокандского ханства и были открыты для политических и торговых сношений со Средней Азией и Казахстаном. Чтобы не привлекать постороннего внимания, Чокан одновременно участвует в торговле караванщиков. По приезде в Кашгарию Чокан сразу заметил, что кокандцы здесь пользуются особыми привилегиями. Вместе с караван-баши Мусабаем он также был принят кокандцами радушно и взят под их покровительство. Все это создало благоприятные условия для исследования Кашгарии. Чокан собрал богатый фактический материал о политическом и экономическом устройстве, истории и этнографии страны. Познакомившись через кокандцев с политическими и торговыми деятелями, учеными людьми, он услышал самые достоверные сведения о прошлом и настоящем Алты-шара.

«Что касается до моих действий, — писал Чокан в работе «Описание пути в Кашгар и обратно в Алатавский округ», — то я во время пребывания в Кашгаре, старался всеми мерами, собрать возможно точные сведения о крае, особенно о политическом состоянии Малой Бухарин, для чего заводил знакомство с лицами всех наций, сословий, партий, и сведения, полученные от одного, сверял с показаниями другого; сверх того, я имел случай приобрести несколько исторических книг, относящихся к периоду владычества ходжей, пользоваться дружбой некоторых ученых ахунов». В Кашгаре Чокан хорошо освоился с уйгурским языком.

В его архиве сохранились записи, сделанные им в Кашгаре на уйгурском языке. В конце февраля 1859 года политическая обстановка в Кашгаре обостряется. Дальнейшее пребывание в Кашгаре становится опасным. Остерегаясь провала, Чокан торопит караван-баши Мусабая с отъездом. И 11 марта 1859 года они отправляются в обратный путь. Он лежал через перевал Торугарт, южнее Теректы. От Тургарта караван направился на высокогорное озеро Чатыркуль, о котором ученый услышал много преданий и легенд.

Чокан Валиханов был первым иноземным путешественником, посетившим это красивейшее озеро. Оттуда через долины рек Атбаша и Узгена караван вышел на кокандское укрепление Куртка, расположенное на правом берегу реки Нарын. Далее следовал в северо-восточном направлении, вверх по Нарыну, и шестого апреля в районе Джетымчеку пересек большую караванную дорогу, ведущую через Заукинский проход в Иссык-Кульскую долину.

Потом через восточный берег Иссык-Куля и Заилийскую долину 12 апреля прибыл в город Верный. Путешествие в Кашгар сильно расстроило здоровье Валиханова. Вследствие испытанных во время путешествий лишений, физических трудов и потрясений от опасностей, которым подвергался, рискуя жизнью в течение нескольких месяцев, он заболел и не смог поехать в Петербург с отчетом, хотя там с нетерпением ждали его приезда.

Валиханов приехал в Петербург лишь в конце 1859 года. Русские ученые его встретили как отважного путешественника, глубокого знатока и исследователя Средней Азии и Казахстана. П. П. Семенов-Тян-Шанский ходатайствовал

перед правительством об оставлении Валиханова в Петербурге для научных занятий. Он был зачислен в штат Азиатского департамента, одновременно сотрудничал в Военно-ученом комитете Генерального штаба, в Министерстве иностранных дел, в Географическом обществе. По поручению Генерального штаба он составлял карты Средней Азии и Восточного Туркестана. Под его редакцией были подготовлены «Карта пространства между озером Балхашом и хребтом Алатау», «Рекогносцировка западной части Заилийского края», «План города Кульджи», «Карта к отчету о результатах экспедиции к оз. Иссык-Куль» и др. Он изучал старинные карты Средней Азии. Наряду с этим Чокан готовил для публикации в изданиях Географического общества свои труды: «Очерки Джунгарии», «О состоянии Алтышара» и др.

Научные заслуги Ч. Валиханова как исследователя Средней Азии, Казахстана и Восточного Туркестана были признаны мировой наукой. Труды его печатались на русском, английском, немецком и французском языках.

Они были достойно оценены русскими учеными П. П. Семеновым-Тян-Шанским, И. В. Мушкетовым, Н. И. Веселовским, Н. А. Аристовым, Н. И. Березиным, Г. Е. Грум-Гржимайло, Г. Н. Потаниным и др. В 1904 г. Географическим обществом было осуществлено издание сочинений Ч. Ч. Валиханова. В предисловии к изданию академик Н. И. Веселовский писал: «Как блестящий метеор промелькнул над нивой востоковедения Чокан Чингисович Валиханов».

Он успел написать ряд важных работ, посвященных истории, географии и этнографии народов Средней Азии и Казахстана, а также довольно большое количество произведений на общественно-политические темы. Здесь имеются тонкие наблюдения над ландшафтом, характеристика флоры и фауны, описание речных сетей и озер. Они сопровождаются схематичными картами. Наряду с этим, ученый собирал коллекции растений, животных, горных пород, а также разные реликвии: древние грамоты, образцы прикладного и народного, декоративного искусства, художественной керамики литературных памятников, обычаев, быта и людей»[1]. Его маршрутные описания являются чрезвычайно интересными географическими, историческими и этнографическими очерками посещенных районов по которым в древности и средневековье проходили трассы Шелкового пути.

В 2014 году группа казахстанских учёных «Казахстанского национадьного географического общества» проехала маршрутом Чокана Валиханова: Алматы — Урумчи — Карашахар — Корла — Кучар — Аксу — Кашгар — Артуги — Янгисар — Яркенд — Кагалык — Хотан — Кашгар — Турагай — Нарын — Таш-Рабат — Бишкек — Алматы (6 тысяч километров). В ходе экспедиции, помимо сбора материалов по истории, географии, этнографии, языкознанию, учёные изучили возможности Великого Шелкового пути в современных

[1] Валиханов Ч. По пути в Кашгар // Silkadv.com/on/content/valihanov…

условиях, реализации проекта «Центральноазиатское Золотое Кольцо», с охватом территорий Казахстана, Кыргызыстана и СУАР КНР[1].

Список литературы и источников:

1. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1984–1985.

2. Турдалиева Ч. Дж. Кыргызы в трудах Чокана Валиханова. — Бишкек, 2005.

3. Валиханов Ч. Ч. Этнографическое наследие казахов. Астана, Алтын Китап, 2007.

4. Курманбаев Е. А. Маршруты Чокана. //Путешествия и туризм в кросскультурном контексте. — А.-Ата, 2008, № 4.

5. Мусина М. Ш., Тихомиров Б. Н. Чокан Валиханов в Санкт-Петербурге. «Серебряный век». Санкт-Петербург, 2009.

6.Валиханов Ч. По пути в Кашгар. // Silkadv.com/on/content/valihanov…

7. Казахстанские учёные отправятся в экспедицию по следам Шокана Уалиханова. azh.kz/ru/news/view/21975.

8. Валиханов Ч. Ч. Страна шести городов. Дневник путешествия на Иссык-Куль. «Эксмо», 2016.

© Кобзева О. П., Турсунова Н. С., 2021

К. И. Кобландин,
д. ист. н. ЕНУ имени Л. Н. Гумилева
А. Н. Оспанова,
доктор PhD ЕНУ имени Л. Н. Гумилева
(г. Нур-Султан, Казахстан)

ВКЛАД ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА В ДУХОВНУЮ КУЛЬТУРУ КАЗАХСТАНА

185 лет тому назад на свет появился один из выдающихся сыновей казахского народа, талантливый ученый-этнограф, известный исследователь-путешественник Чокан Чингисович Валиханов, который занимает достойное место среди ярчайших личностей истории Центральной Азии XIX века. Мировое научное сообщество по праву оценило его научные труды по истории и культуре народов Евразии, путешествия на Тянь-Шань, в Джунгарию, Восточный Туркестан.

Именно Чокан Валиханов впервые открыл европейскому миру историю и культуру отдельных тюркских народов Центральной Азии.

[1] Казахстанские учёные отправятся в экспедицию по следам Шокана Уалиханова. azh.kz/ru/news/view/21975.

Следует отметить, что история жизни и деятельности Ч. Валиханова, его научный вклад в историко-этнографическую, естественную, социально-экономическую, военно-политическую науку, в изучение культуры, истории и мировоззрения народов Евразийского региона, в целом освещены широко и достойно.

Тем не менее, в настоящее время по-новому рассматривается и изучается наследие Ч. Валиханова как личности и человека, жившего в эпоху накануне серьезных изменений политической системы региона и активизации колониальных устремлений мировых держав в Центральной Азии.

Конечно, Ч. Валиханов, как представитель аристократического рода чингизидов (его прадедом был Абылай хан, правитель Казахского ханства XVIII века, дед Уали — последний хан Среднего жуза, сын влиятельного наместника российской власти, воспитанник военного Кадетского корпуса в Омске) не смог бы быть в стороне от политической жизни, развернувшейся в казахской степи и центральноазиатском регионе.

В Сибирском кадетском корпусе, одном из лучших в Азиатской России, он кроме военного дела, топографии, рекогносцировки и др., изучал географию, биологию, геодезию, физику, математику, историю, литературу, арабский, французский и английский языки. Учеба в Кадетском корпусе заложила в нем интерес к наукам, путешествиям, изучению истории народов Евразии.

Надо отметить, что немаловажное духовное влияние на него оказала и семья, особенно бабушка Айганым. В детские годы бабушка Айганым воспитывая его в степных традициях, привила ему любовь к преданиям и сказаниям казахского народа, к родному краю. Он увлеченно слушал беседы степных биев, их мудрые изречения, песни акынов. Первые знания он получил в стенах начальной аульной школы (медресе), где Чокан овладел основами арабского, персидского и чагатайского языков, научился азам рисования у русских художников, топографов и геодезистов, подолгу останавливавшихся в семье Валихановых.

Тем самым, у молодого Чокана мировоззрение сформировалось на стыке европейского и азиатского менталитетов.

В своем творчестве Ч. Валиханов интересовался и уделял большое внимание изучению истории других народов Центральной Азии, так как был знаком с источниками, написанными на персидском, арабском и тюркском языках. Кроме того, зная европейские языки, он в подлиннике читал отчеты, письма и записки путешественников, купцов и других о поездках в степь, об образе жизни, нравах, быте и культуре народов региона. Его увлекли работы русского востоковеда И. Н. Березина, с которым он состоял в переписке по вопросам казахского языка. [1, 109]

В годы пребывания в Омске Ч. Валиханов знакомится с исследователем Азии П. П. Семеновым-Тян-Шаньским, поэтом-петрашевцем С. Ф. Дуровым, которые оказывали благотворное влияние на формирование личности будущего ученого, просветителя.

После окончания Кадетского корпуса он был назначен адъютантом Западносибирского генерал-губернатора Г. Х. Гасфорта. Молодой ученый начал участвовать в различных научных экспедициях, познакомился с известным исследователем Средней Азии профессором И. Н. Березиным, которому помогал в

переводе ханских ярлыков (аналог нынешних верительных грамот) Золотой Орды.

В 1855 году он отправился в путешествие по Центральному Казахстану, Тарбагатаю и Семиречью. В этой научной поездке Ч. Валиханов сумел собрать образцы фольклора, исторических преданий казахов и кыргызов.

Ч. Валиханов в 1856 году принял участие в военно-научной экспедиции по северным районам Кыргызстана, встречался с кыргызским населением, занимался сбором материалов сведений, которые описывались в путевых очерках, записках, записал отрывок из кыргызского героического эпоса «Манас» «Смерть Кукотай-хана и его поминки» и перевел его на русский язык. Тем самым, Ч. Валиханов впервые в мире познакомил европейцев с эпосом «Манас» — золотым кладом тюркской цивилизации.

Ему поручают поездку в Кульджу, в Синьцзян, с целью изучения возможности улучшения торговых контактов России и Китая.

Эти поездки оставили глубокий след в жизни Ч. Валиханова, так как здесь он отчетливо понял, насколько ему интересно изучение проблем этногенеза, истории политического и социально-экономического развития народов Евразии, устного народного творчества, искусства, роли религии в жизни тюркских народов, исследование вопросов материальной и духовной культуры этносов Центральной Азии.

К своей поездке в Кашгарию в 1858–1859 годах он подошел вполне сложившимся ученым-этнографом, историком, отважным путешественником и подготовленным военным офицером. Главным результатом его поездки в Кашгарию стала научно-исследовательская работа «О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии)».

Особенность и важность этой поездки заключалась в том, что данный западный район Китая в качестве военно-стратегического плацдарма как для России, так и для европейских стран представлял большой политический интерес, так он оставался закрытой зоной «terra incognita», и неоднократные попытки узнать об этом обширном регионе не приносили успеха.

В данную работу Ч. Валиханова были включены ценнейшие сведения: географическо-геологический обзор, природные особенности края, историко-этнографический очерк, экономическая ситуация, жизнь местного населения, его культура и быт, глубокий анализ государственно-управленческой системы и политическое состояние Кашгарии, перспективы развития региона под управлением Китая и др.

Тем самым, впервые в российской науке была представлена фундаментальная работа, посвященная истории развития народов и края Восточного Туркестана, которая принесла ему заслуженную славу как выдающегося ученого и путешественника, отважного офицера Российской империи.

Награждение и поощрение, принятие в члены Русского Географического общества, активная работа в российских правительственных учреждениях (Военно-учетный комитет Генштаба, Азиатский департамент Министерства иностранных дел) в качестве знатока и эксперта по Центральной Азии, чтение лек-

ций, перевод редких восточных рукописей, научные статьи для журналов, молодость, друзья, бурная жизнь в Петербурге, влажный северный климат заметно подорвали здоровье Ч. Валиханова, и он вынужден был вернуться на родину.

Тем временем, Степной край и регионы Центральной Азии в этот период испытывали серьезную трансформацию политико-экономического уклада жизни, российское господство распространилось вглубь регионов, после военных сражений с местным населением.

Столкнувшись с реальной ситуацией на местах, Ч. Валиханов остро осознал и понимал, что его дальнейшая военно-политическая карьера вряд ли принесет благополучие своему народу, пытался смягчить последствия российского продвижения в Степной край.

Учитывая предстоящие административно-судебные изменения в крае, он подготовил «Записку о судебной реформе», в которой подчеркивал необходимость сохранения традиционного суда биев (третейские суды) для решения межказахских споров и адаптировать российское законодательство к условиям и традициям местного населения.

В 1862 году Ч. Валиханов без особого успеха участвовал в выборах на должность старшего султана Атбасарского внешнего округа, пытаясь защитить казахский народ от произвола российских чиновников и местной знати. Принимая участие в 1864 году в военной экспедиции генерала Черняева в Южный Казахстан, он воочию убедился в жестокости российской колониальной политики в отношении местного населения и окончательно подал в отставку.

Находясь в родной степи, он сосредоточился на изучении истории развития духовной культуры казахского народа, собирал фольклорный материал, слушал народных поэтов и певцов. Он придавал большое значение этнокультурному взаимодействию тюрко-славянского населения огромной Российской империи.

Ч. Валихановым менее чем за десять творческих лет создано более ста трудов, статей, заметок, черновых набросков и художественных зарисовок, посвященных самой разнообразной тематике. Его труды отличаются оригинальностью постановки важнейших проблем, тщательностью их разработки и высоким мастерством научного и литературного стиля в описании и систематизации материалов по географии, истории, материальной и духовной культуре родного края и народов Востока. [2, 79]

Художественное наследие Ч. Валиханова весьма обширно и многообразно. Как отмечают ученые, оно — неисчерпаемый источник научных поисков для исследователей почти всех областей искусствознания — театроведения, музыковедения и др. [3]

Проводя научные исследования, он зарисовывал образцы национальной одежды, бытовые сценки из жизни народов, населявших Среднюю Азию и Казахстан, строения и характерные пейзажи. Уже в наше время по рисункам Ч. Валиханова воспроизводились многие исторические места, портреты отдельных личностей, формы их одежды, условия быта и т. д.

Крупным вкладом в изучение духовной культуры явились научные труды Ч. Валиханова, посвященные фольклору, традиционной культуре во всех ее про-

явлениях. Он являлся одним из первых ученых, который на научной основе систематизировал устно-поэтическое творчество, как часть духовной культуры казахского народа. Уникальной их частью стали собранные им эпические сказания, мифы и легенды, песни и сказки, пословицы, поговорки и т. д. Ученый глубоко верил в познавательную и нравственно воспитательную роль устной традиции казахов.

Он писал: «Поэтические произведения киргиз (т. е. казахов. — С. К.): эпос, похвальные оды, плачи, даже песни импровизаторов… передаются из рода в род, из поколения в поколение особым сословием певцов-акынов, как в древней Греции передавались песни Гомера рапсодами, акыны эти пользовались особым уважением народа…». [4, 467]

В исследовании Ч. Валиханова «Следы шаманства у киргиз» имеются ценные мысли об искусстве казахских баксы, о врачевательных функциях их музыки, появившихся домусульманской религии.

Позже, в связи с распространением ислама в казахской степи искусство баксы терпело гонения и преследования. Данная ситуация негативно отразилась на сохранении их музыки. Как писал еще в 1925 году А. В. Затаевич: «В общем, баксы являются, конечно, пережитком темного прошлого и в настоящее время осуждены на исчезновение. Тем более приходится сожалеть, что их колдовская музыка остается незаписанною». [5, 93]

Необходимо отметить, что в короткой жизни Ч. Валиханова большую роль сыграли русские ориенталисты П. П. Семенов-Тян-Шанский, Г. Н. Потанин, Н. И. Веселовский, Н. М. Ядринцев и другие. Трогательная дружба связывали его с великим русским писателем Ф. М. Достоевским, которого, как и других, удивляла и восхищала его незаурядная даровитость.

Русские ориенталисты единогласно признали в лице Ч. Валиханова «феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов», однако он: «как блестящий метеор промелькнул над нивой востоковедения…». [6, 201]

Список использованной литературы:

1. Абуев К. К. Русская демократическая интеллигенция о Чокане Валиханове // Царскосельские чтения. 2011. № XV. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-demokraticheskaya-intelligentsiya-o-chokane-valihanove (дата обращения: 01.11.2020). С. 109–111.

2. Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. в 5 т., т. 1. — Алма-Ата, 1961. — 777 с.

3. Очерки истории изобразительного искусства Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1977. — 224 с.

4. Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. в 5 т., т. 5. — Алма-Ата: Сов. энц., 1985. — 526 с.

5. Кузембаева С. Шокан Валиханов и казахская духовная культура Казахстана // Культура С. 92–114.

6. Веселовский Н. И. Воспоминание о Ч. Валиханове // Ч. Валиханов. Собр. соч. в 5 т., т. 1. — А., 1961. — 777 с.

© Кобландин К. И., Оспанова А. Н., 2021

С. А. Колдыбаев,
проф. Костанайского регионального университета имени А. Байтурсынова (г. Костанай, Казахстан)

СТРАТЕГИЯ СОВРЕМЕННОГО ЗАПАДА К ИСЛАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Исходным к нашему вопросу на наш взгляд выступает подход учитывающий стремление современного Запада к мировому влиянию, который в начале своего проявления не был связан с исламскими странами. Изначально на этом пути выступило крушение мирового социализма. В настоящее время, как представляется мы являемся свидетелями другого, уже следующего, не менее крупнейшего геополитического передела, когда в повестку дня встал вопрос непосредственного вовлечения исламского мира в орбиту западного влияния.

Почему именно исламского, а не латиноамериканского или другого тоже имеет объяснение. Здесь на наш взгляд следует учитывать интересы очень влиятельного члена Запада Израиля, заинтересованного прежде всего в крушении исламского мира, ибо при настоящем геополитическом раскладе, существующем в современном мире по сути дела мусульманский мир остается чуть ли не единственным конфессиональным и геополитическим противовесом влиянию Запада, и прежде всего США. Этими обстоятельствами, в частности, объясняется постоянное муссирование в мировой печати идей о том, что именно ислам в лице его носителей является источником дестабилизации мира, постоянным рассадником терроризма.

Мировой поход Запада против ислама в основе своей имеет геополитические цели, хотя внешне он прикрывается цивилизационными, в духе известной работы Хантингтона. Об этом свидетельствует разрыв в делах и пропагандируемых целях Запада. И это необходимо вполне отчетливо себе сознавать, ибо Запад хотя и не прочь вовлечь исламские страны в свой устоявшиеся традиционные ценности, но он ими в большей степени прикрывается как щитом, рекламой. Однако последнее некоторые ошибочно принимают за действительные цели Запада к исламскому миру.

Это обстоятельство признает, в частности, С. Хантингтон, который в статье «Столкновение цивилизаций» (русский перевод опубликован в журнале «Полис», 1994, № 1) писал, что «столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики». Особое внимание Хантингтон уделяет конфликту между западной и исламской цивилизациями, который, по его утверждению, длится уже 1300 лет и не обнаруживает признаков угасания. Исламская цивилизация на протяжении многих веков была и есть главным противником «иудейско-христианского наследия», — полагает он.

При таком подходе международный терроризм представляется мировой общественности, как закономерное явление, связанное с цивилизационными различиями, в основе которых культурные и религиозные ценности. Следует также учитывать, что различие цивилизаций в целом совпадает с разделением мира на

бедные и богатые страны, что усиливает социальную направленность теории С. Хантингтона.

Между тем, в действительности геополитические факторы являются почти всегда основными во многих процессах вмешательства современного Запада в африканские и арабские дела. Даже в арабо-израильском конфликте цивилизационное и религиозное измерение является, на наш взгляд не главным, в реальности речь идет о территориальных спорах, правомерности требований палестинцев к Израилю по поводу европейских поселений и восточного Иерусалима.

Или возьмем нынешние действия США в Афганистане и Ираке, Ливии, Египте и др. современных африканских и арабских странах, которые также можно внешне свести к цивилизационно-религиозным различиям. Известная оговорка Дж.Буша о крестовом походе, сделанная им после трагедии 11 сентября, также работает на идею столкновения цивилизаций. Однако в обеих случаях речь идет о действиях единственной сверхдержавы, диктующей миру свою волю и образ жизни. Такая политика укладывается в идеологию антиамериканизма, которая широко распространилась в развивающихся странах.

О приоритете геополитического фактора свидетельствует и то, что Россия бывшая некогда сверхдержавой, хотя однозначно и жестко заявила после 11 сентября 2001 г. позицию безоговорочной поддержки США в борьбе с исламской агрессией (политкорректно названной «международным терроризмом») она довольно скоро почувствовала, что даже такая поддержка не разрушила привычную структуру противостояния Запад — Россия. Послы чеченских террористов — что бы ни творили, их «амиры» в России — принимались и принимаются как правозащитники во всех западных столицах.

Показательно, что после событий 11 сентября 2001 г. С. Хантингтон, еще десять лет назад предсказывавший возможный сценарий «столкновения на разломах цивилизаций», поспешил успокоить своих соотечественников. На прямо поставленный вопрос, можно ли рассматривать случившееся как начало такого столкновения, он ответил, что не усматривает «неотвратимости межцивилизационной войны даже с началом операции возмездия в Афганистане». Больше того, он считает, что во всем мире ислама между самими мусульманами конфликтов и войн произошло больше, чем «межцивилизационных столкновений в масштабах всей планеты». [1] Таким образом, концепция «столкновений цивилизаций» С. Хантингтона не более, как внешне привлекательная идея, которая в основе своей имеет социальное содержание.

Если говорить собственно о цивилизационном аспекте, то она, будучи подчиненной к геополитике Запада, сводится к экономической и культурной экспансии европейских государств и прежде всего США к исламскому миру. К этому относится включение в «ось зла» мусульманских стран, удар по Афганистану, война против Ирака. [2]

Мусульманские страны справедливо считают, то, что Запад называет «цивилизационным», основывается на идеях индивидуализма, частной собственности и вседозволенности личности. Но эти слагаемые западной демократии противоречат в основе своей исходным историческим основам традиционности образа жизни восточных народов, исповедующих ислам. Понимание и осознание

этого факта формирует в мусульманских странах позицию активного противостояния идеологам современного Запада, которые возводят терроризм исключительно к вероучению ислама, представляя всех мусульман едва ли не прирожденными террористами. Поэтому, современный исламский фундаментализм скорее можно рассматривать как реакцию мусульман Востока на вторжение культуры и моральных ценностей Запада, на насильственную модернизацию и «европеизацию» быта, общества и жизненного уклада, на экономическое и социальное неравенство, которое тоже считается результатом вторжения на Восток западного колониализма, а сегодня — глобализма.

Заметим, что цивилизационная опасность Запада и прежде всего США по отношению к мусульманским странам находит понимание у лидеров и масс африканских и арабских государств. Менее осознаются геополитические установки Запада. И это, думается, можно сказать не только по отношению к власти мусульманских стран, но и относительно аналитиков и политиков государств постсоветского пространства.

Список литературы и источников:

1. Азия и Африка сегодня. 2003, № 8. С. 13.

2. Вишневский М.Л. «Pax-Americana и страны Африки». М., 2003. С. 89 – 114.

3. Абдалла бен Салех аль-Обейд. Терроризм, его опасность и борьба с ним. М., 2003. С. 9, 14.

© Колдыбаев С. А., 2021

С. Т. Кусаинов,
студент
Костанайского педагогического колледжа
(г. Костанай, Казахстан)
Б. С. Сыздыкова,
преподаватель
Костанайского педагогического колледжа
(г. Костанай, Казахстан)

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ИДЕИ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

Создать современную инновационную экономику, минуя человека, его состояния и качества внутренней жизни невозможно. Темпы и характер развития общества непосредственным образом зависят от гражданской позиции человека, жизненных приоритетов, нравственных убеждений, моральных норм и духовных ценностей. Первый Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев в послании народу Казахстана «Стратегия «Казахстан 2050»: новый политический курс состоявшегося государства», отметил, «Чтобы стать развитым конкурентоспособным государством, мы должны стать высокообразованной нацией».

Великим вкладом в развитие педагогической мысли просветителей Казахстана второй половины XIX века являются идеи Ч. Валиханова о том, как сохранить нацию в новых условиях, что сделать для ее духовного возрождения, приобщения к высотам мировой цивилизации.

Чокан Валиханов — казахский учёный, историк, этнограф, фольклорист, путешественник, просветитель и востоковед. Служил в Военно-учёном комитете Генерального штаба Военного министерства, Азиатском департаменте Министерства иностранных дел Российской империи.

Чокан Валиханов вёл свою родословную с Чингизхана. Его ближайшим известным предком был Абылай хан, живший в XVIII веке. Н. А. Назарбаев, в своей книге «В потоке истории», отмечая важность и актуальность исследования творчества Ч. Валиханова, писал: «Шокан Уалиханов, прямой потомок хана Абылая, нес в своей родословной богатейший духовный заряд предков». [1]

Чокан Чингисович Валиханов (каз. *Шоқан Шыңғысұлы Уәлихан*, настоящее имя — Мухаммед-Ханафия (каз. *Мұхаммедқанафия*), а Чоканом его называла в детстве его мама. По одной из версии Ч. Валиханов родился вблизи Кушмурунской крепости в местности «Кунтимес» («Солнце не падает»), расположенный на территории современного Сарыкольского района Костанайской области. Известный акын и композитор, легендарный народный герой Мухамедканапия Шакшаков был самым близким другом отца Чокана — султана Чингиса. Он, укрываясь от гонения царских властей, в середине ноября 1835 года находился в гостях в местности Кунтимес. И именно в этот день Зейнеп-ханум родила сына, и в честь высокого гостя дали ему имя — Мухамедканапия. 30 августа 1834 года был основан Аманкарагайский округ, старшим султаном округа избран Чингис Валиев. Осенью 1835 года, когда появился на свет Ч. Валиханов, центр Аманкарагайского округа находился в Кунтимесе, Кушмурунской крепости тогда не было. Переезд в Кушмурун начался в 1840 году, а школа в крепости была построена в 1842–1843 гг.

Чокан провел свои детские годы сначала в Кушмуруне, а потом в Сырымбете — усадьбе своих предков. Чокана с детства отличала неуёмная тяга к знаниям.

Уже с четырёх лет он умел читать, с малых лет посещал школу, построенную его отцом. Он занимался восточными языками, хорошо усвоил арабскую, а позже и уйгурскую грамоту, так как султанские дети, по традиции, должны были изучать несколько восточных языков: «жеті жұрттың тілін білу» — знать языки семи народов. С ранних лет Чокан проявлял огромную любовь к казахской народной поэзии, записывал ее классические образцы и читал их вслух своим родителям. Уже в детстве им вместе с отцом было записано несколько вариантов народных поэм «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» и «Еркокше», которые позже он передал своему учителю Н. Ф. Костылецкому.

Значительное влияние на духовный рост маленького Чокана оказала его бабушка Айганым. Бабушка была неисчерпаемым источником знаний, народной мудрости. В увлекательной форме она рассказывала Чокану старинные казахские легенды, предания, вспоминала исторические события недавнего прошлого, в которых сама принимала участие.

Одним из детских увлечений Чокана было рисование, что являлось одним из лучших средств воспроизведения жизни народа. Чокан был первым живописцем в Степи. Он начал изображать в своих картинах людей, что раньше не практиковалось в кочевой среде.

Осенью 1847 г. отец привез 12-летнего Чокана в Омск на учебу в Сибирский кадетский корпус, считавшийся тогда лучшим учебным заведением в Сибири. По определению декабриста И. Завалишина, это «был рассадник просвещения и патриотизма». Передовые революционно-демократические идеи

В. Г. Белинского и А. И. Герцена стали известны по всей России, произвели переворот в умах лучших представителей русского общества, оказали глубокое влияние на развитие освободительного движения в стране, проникли в Сибирь и в далекий Казахстан, в Сибирский кадетский корпус. Учеба в корпусе оказала большое благотворное воздействие на многих его питомцев, в том числе и на Чокана Валиханова. В кадетском корпусе у Ч. Валиханова зарождаются идеи просветительства и созревают демократические взгляды. В 1853 г. в возрасте 18 лет Чокан окончил кадетский корпус и был выпущен корнетом «по армейской кавалерии». Он вышел из корпуса широко образованным человеком, на голову выше многих своих современников.

Ч. Ч. Валиханов был философом-просветителем, а просвещение являлось политической идеологией, философией и культурой, зарождавшейся в преддверии капиталистических отношений. Будучи патриотом, он постоянно стремился защищать права своего народа, верил в его историческое будущее и связывал его с просвещением, поэтому с гордостью писал: что «изо всех инородческих племен, входящих в состав Российской империи, первое место по многочисленности, по богатству и, пожалуй, по надеждам на развитие в будущем принадлежит нам — киргизам». Он сумел увидеть пороки существующего строя и стал на путь борьбы за прогресс родного народа, на путь научного творчества. Ч. Валиханов гневно протестовал против злоупотреблений колониальных властей, царской администрации в национальных окраинах.

Ч. Валиханов считал, что лишь распространение просвещения, «истинного знания», подъем культуры являются средствами, при помощи которых возможно достигнуть прогресса, улучшение материального состояния народа. «Для нормального роста и развития парода, — писал он, — необходимы прежде всего свобода и знание... Выходит, что прежде всего нужно учить».

Для казахского общества середины XIX века этот призыв к просвещению имел огромное прогрессивное значение, поскольку он означал, прежде всего, получение светского образования и воспитания. При создании школ для казахских детей, он считал необходимым руководствоваться принципом народности в воспитании и обучении. Согласно Ч. Валиханову, только знания и образование придают человеку силы и являются великим орудием в борьбе за просвещение и благосостояние народа. Только просвещение может вывести казахский народ на путь свободного и нравственного совершенства. Во многих своих произведениях он с болью говорит об отсталости своего народа, который еще пребывает в «безыскусственном периоде» форм общественного развития. Как отмечает

Н. М. Ядринцев, «Чокан оставался любящим свой народ, свое племя. В его мечтах было совместить европейское просвещение и сохранить свою народность».

Ч. Валиханов подходит к объяснению общественных явлений с просветительской точки зрения. Многовековая культура казахского народа, его политическая история, борьба народных масс за свободу и независимость также явились источником формирования мировоззрения Ч. Валиханова.

Ч. Валиханов стремился внедрить великую русскую культуру в казахскую степь, так как уже в юношеские годы пришел к твердому убеждению, что только с помощью русского народа путем приобщения к передовой русской культуре казахский народ сможет вступить на путь экономического, политического и культурного прогресса.

Взгляды Ч. Валиханова складывались и развивались в результате: непосредственного влияния передовой, в том числе революционно-демократической мысли России середины XIX века, личного общения с его видными представителями и активными участниками политических кружков своего времени: Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, А. И. Шренк, С. М. Семенова, В. И. Штейнгель, Н. В. Басаргина, С. Сотникова, Н. Ф. Костылецкого, Ф. М. Достоевского, П. Семенов-Тян-Шанского и др. Эти лучшие передовые люди помогали формированию его демократических взглядов, воспитывали ненависть к произволу и насилию. «Особенно важное значение в его развитии, — писал Г. Н. Потанин, — и вообще в его судьбе имело семейство Гутковского и родственное ему Капустиных...». Вторым после Н. Ф. Костылецкого педагогом, во многом способствовавшим расширению кругозора Чокана, был преподаватель истории Гонсевский, человек весьма образованный, готовившийся к научной деятельности. Формированию демократических убеждений помогли и служба в системе официальной власти, частые перемещения и путешествия по стране и за границей.

Пытливый исследователь истории и культуры народов Средней Азии, Казахстана и Восточного Туркестана, отважный путешественник, он первым из ученых, рискуя жизнью, проник в неведомую Кашгарию (восточный Туркестан). Эта область китайской империи на время вышла из подчинения Пекина. И любой европеец признавался шпионом и подвергался казни. История могла принять тяжёлый оборот. Поэтому сюда устремились разведчики из всего мира. Но успеха достиг только Чокан Валиханов.

Ч. Валиханов выступал решительным критиком царских колониальных властей, чинивших произвол и беззаконие в казахской степи. Во многих произведениях, особенно в письмах к своим русским друзьям, он с крайним возмущением пишет о царских чиновниках, которые, пользуясь отсталостью и темнотой казахских трудящихся, подвергают их форменному грабежу. «Берут страшно и явно...» — с гневом пишет он о действиях степной администрации. В записках о судебной реформе, отмечает право каждого человека на защиту: «Суд биев производился словесно, публично и во всех случаях допускал адвокатуру». [2] Защищает интересы народных масс и ставит вопрос о сущности и природе реформ, проводившихся правящими классами.

Можно сказать, что просветительские идеи Ч. Валиханова легли в основу программы партии «Алаш», поскольку одним из важнейших пунктов были образование, благосостояние народа, также присутствовали идеи сближения и союза с Демократической Федеративной Россией, также в программе гарантировались права национальных меньшинств, проживавших на территории «Алаш Орды».

Передовые просветительские идеи Ч. Валиханова ярко отражены в его высказываниях о положении в среднеазиатских ханствах. Хорошо зная жизнь среднеазиатских народов, страдавших под гнетом феодальных ханов и беков, он в своих работах обличает феодальный застой и деспотизм, с сожалением говорит об отсталости народов Средней Азии: «В Маврельнагре... — писал Ч. Валиханов, — в самой просвещенной и богатой стране древнего Востока… теперь господствует невежество и бедность более чем где-нибудь».

Ч. Валиханов энергично выступал против консервативных форм жизни народов Средней Азии и Казахстана, обличал пороки общественного строя, порождавшие эту отсталость и застой.

Разносторонность и глубина видения им судеб и перспектив развития казахского народа в контексте региона Азии, России и Европы имеют не только историческое, но современное, актуальное значение. Ч. Валиханов убежденно отстаивал идею дружбы народов, выступал против национальной ограниченности и косности. Просветитель делал акцент на том, что «усвоение европейского, общечеловеческого просвещения и энергическая борьба с препятствиями, мешающими достижению этой цели, должны составлять конечную цель для всякого народа, способного к развитию и культуре».

Если говорить о современном Казахстане, то можно сказать о реализации идей Чокана Валиханова: в нашей стране более 130 национальностей живут в мире и согласии, отношения с Россией и другими странами соседями союзнические, поскольку наша страна является членом таких международных организаций как ОДКБ, Евразийский союз, СНГ, Шанхайская организация сотрудничества, Таможенный союз ЕАЭС, наша страна прикладывает огромные усилия для сотрудничества с передовыми странами мира и развитию дружеских отношений с ними, поэтому состоит в таких организациях как ООН, ОБСЕ, ЮНЕСКО, имеет имидж миротворца.

Как отмечают все без исключения современники Чокана, он любил свой народ, страстно желал служить ему так, чтобы облегчить его участь, в этом он видел смысл своей жизни. Профессор Н. И. Веселовский, восторженно отзываясь о Чокане, писал: «Как блестящий метеор, промелькнул над нивой востоковедения потомок киргизских (казахских) ханов и в то же время офицер русской армии Чокан Чингисович Валиханов» [3]. письме к Чокану Федор Достоевский писал: «Вы первый из Вашего племени, достигший образования европейского», ему вторит Г. Потанин: «…он был «окном в Европу». Яркая, наполненная творческими исканиями жизнь, умение ставить большие цели и большая воля для его достижения, внутреннее чувство долга –эти качества великого сына казахского и русского народов Чокана Чингисовича Валиханова являются примером для подрастающего поколения.

Список литературы и ситочников:

1.Назарбаев Н. А. В потоке истории. https://presidentlibrary.kz/ru/content/nazarbaev-n-v-potoke-istorii.

2.Чокан Валиханов. Записка о судебной реформе. Суд биев в древней народной форме (28 февраля 1864 г.) https://online.zakon.kz/Document.

3.Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 1 https://www.studmed.ru/valihanov-chch-sobranie-sochineniy-v-pyati-tomah-tom-1.

© Кусаинов С. Т., Сыздыкова Б. С., 2021

А. С. Мамбеталина,
к. пс. н,
ЕНУ имени Л. Н. Гумилева
(г. Нур-Султан, Казахстан)

НАСЛЕДИЕ АБАЯ КУНАНБАЕВА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Абай Кунанбаев, как и Чокан Валиханов, способствовал распространению русской и европейской культуры среди казахов. Взгляды поэта формировались под влиянием трудов таких учёных с Востока, как Ибн Сина, Низами, Фирдоуси, Алишер Навои, Физули и произведений русских классиков. Кунанбаев А. перевел труды Лермонтова, Пушкина, Гёте, Байрона и Крылова. Наследие Абая Кунанбаева, несомненно, оказывает влияние на формирование целостной личности евразийского сообщества.

В основе его концепции «целостного человека» заложена идея о том, что состоявшаяся личность является опорой любой сферы жизни, государственного управления и образования, бизнеса и семейных институтов», возрождения потенциала личного, социального, духовного и интеллектуального мира.

Принцип «Будь человеком!» способствует пониманию онтологической значимости возникновения сознания как высшей формы психического развития в пространстве социальных отношений, основанных на нравственности, поскольку описывает внутреннюю направленность каждого человека на себя, ментальную саморегуляцию, понимание направленности его действий. [1]

В данной статье представлен психологический инструментарий, разработанный в лаборатории психологии Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Были разработаны уникальные карточки, в которых изложен краткий контекст фундаментального произведения всемирно известного казахского акына и просветителя Абая Кунанбаева «Слова назидания».

Данная коллекция карточек посвящена 175-летию Абая. Цель их создания — использование в групповой или индивидуальной работе психолога и популяризации творчества великого акына среди молодежи Казахстана. «Слова назидания» или «Книга Слов» — это проза, состоящая из 45 небольших притч и

философских трактатов. Каждое слово — это сокровенные мысли и умозаключения поэта о ценностях и пороках казахского народа, о культуре других народов и в первую очередь, о культуре русского народа. В этом произведении Абай рассуждает о духовном будущем своего народа, уровне культуры, национального воспитания и морали. Слова назидания акын адресует своим соплеменникам и молодому поколению. Произведения Абая Кунанбаева — являются духовным наследием казахского народа. Ниже, в таблице 1, представлен материал, использованный при создании психологических карт на трех языках в интерпретации автора статьи. К примеру, слово 25 изложено следующим образом: «…Русская наука, культура — ключ к мировым сокровницам. Владеющему этим ключом все другое достанется без особых усилий…».

Таблица 1

Слова назидания

Русский текст [2]	Казахский [3]	Английский [4]
1. **Слово Первое** «…Чем теперь заняться, как прожить оставшуюся жизнь?…»	**Бірінші сөз** «…..Ал, енді қалған өмірімізді қайтіп, не қылып өткіземіз? …»	**Word One** "…What shall I occupy myself with now and how shall I live out the rest of my days?…"
2. **Слово Второе** «В детстве мне приходилось слышать, как казахи смеялись над узбеками:..»	**Екінші сөз** «Мен бала күнімде естуші едім, біздің қазақ сартты көрсе, күлуші еді….»	**Word Two** "In my childhood I used to hear the Kazakhs jeering at the Uzbeks…"
3. **Слово Третье** «…Отчего слова их неискренни, а сами они ленивы и одержимы властолюбием?...»	**Үшінші сөз** «…рас сөзі аз болатұғынының, қызметке таласқыш болатұғынының, өздерінің жалқау болатұғынының себебі не?»	**Word Three** "…Why are they insincere in their speech, so lazy, and possessed by a lust for power?…"
4. **Слово Четвертое** «…Жить хитростью, обманом, попрошайничеством — удел бездарных проходимцев…»	**Төртінші сөз** «…Қулық саумақ, көз сүзіп, тіленіп, адам саумақ - өнерсіз иттің ісі….»	**Word Four** "…To live by lies, deceit and begging is the lot of good-for-nothing rogues…"

5. **Слово Пятое** «…Мнят себя страдальцами, обремененными тяжкими заботами и несчастьями, будто они разумнее детей...»	**Бесінші сөз** «…жас баладан гөрі өзі есті кісі болып, ескермес нәрсесі жоқсып, қайғылы кісі болғансығаны…..»	**Word Five** "….They imagine themselves to be sufferers, oppressed by cares and misfortunes, as though they had more sense than infants…»
6. **Слово Шестое** «Начало успеха — единство, основа достатка — жизнь…»	**Алтыншы сөз** «Өнер алды - бірлік, ырыс алды -тірлік»	**Word Six** «The source of success is unity, and of well-being — life»
7. **Слово Седьмое** «…Не раскрыв для себя видимых и невидимых тайн вселенной, Не объяснив всего себе, человеку не стать человеком..»	**Жетінші сөз** «….Дүниенің көрінген һәм көрінбеген сырын түгелдеп, ең болмаса денелеп білмесе, адамдықпен орны болмайды..»	**Word Seven** "…Without trying to fathom the mysteries of the universe, visible and invisible, without seeking an explanation for everything, one can never be what one should be — a human being.."
8. **Слово Восьмое.** «Станет ли кто прислушиваться к нашим советам или внимать наставлениям?»	**Сегізінші сөз** «Осы ақылды кім үйренеді, насихатты кім тыңдайды?...»	**Word Eight** "Will anyone heed our advice and listen to our counsels?.."
9. **Слово Девятое.** «Я хоть и живу, живым себя не считаю».	**Тоғызыншы сөз** «..Мен өзім тірі болсам да, анық тірі де емеспін…»	**Word Nine** "…Even though I live, I do not consider myself to be alive…."
10. **Слово Десятое.** «Пока богатство в его руках, он кичится им. Растратив, хвалится тем, что он «и он когда-то был богат».	**Оныншы сөз** «..Барында баймын деп мақтанады. Жоғында «маған да баяғыда мал бітіп еді» деп мақтанады »	**Word Ten** "…While he has wealth, he will boast and swagger. Having frittered it away, he will brag about his former affluence..»
11. **Слово Одиннадцатое.** «Чем промышляет, как живет	**Он бірінші сөз** «…Осы елдің үнем қылып жүргені	**Word Eleven** "How do our people make living? There

народ? Есть два средства. Одно из них — воровство.».	немене? Екі нәрсе. Әуелі - ұрлық...»	are two ways. One is by stealing.”
12. **Слово Двенадцатое.** «…без бережливости и внимания не удержать в душе иман — веру».	**Он екінші сөз** «..Күзетшісіз, ескерусіз иман тұрмайды…»	**Word Twelve** “….without self-discipline and consistency one cannot keep iman, the faith, in one’s soul….”
13. **Слово Тринадцатое.** «Существует двоякий путь верования.. ».	**Он үшінші сөз** «..Енді бұл иман дерлік инануға екі түрлі нәрсе керек. …»	**Word Thirteen** “There are two ways of believing.….”
14. **Слово Четырнадцатое.** «Есть ли у человека что-либо драгоценнее его сердца?».	**Он төртінші сөз** «..Тірі адамның жүректен аяулы жері бола ма?..»	**Word Fourteen** “…Has man anything more precious than his heart?...”
15. **Слово Пятнадцатое.** «Между умными и глупыми людьми, по-моему, есть существенная разница…».	**Он бесінші сөз** «..Ақылды кісі мен ақылсыз кісінің, менің білуімше, бір белгілі парқын көрдім…»	**Word Fifteen** “…There is an essential difference, in my view, between intel-ligent and stupid people…”
16. **Слово Шестнадцатое.** «Казах не беспокоится о том, угодны ли Богу его моления…».	**Он алтыншы сөз** «…Қазақ құлшылығым құдайға лайық болса екен деп қам жемейді…»	**Word Sixteen** “The Kazakh does not worry whether his prayers please God or not….”
17. **Слово Семнадцатое.** «…Береги в себе человечность. Всевышний судит о нас по этому признаку.…».	**Он жетінші сөз** «….қалпыңды таза сақта, құдай тағала қалпыңа әрдайым қарайды…»	**Word Seventeen** “…Prize humanity above all! The Most High will judge us by this….”

18. **Слово Восемнадцатое.** «…Человек должен отличаться от других умом, знаниями, волей, совестливостью, хорошим нравом. Думать, что можно возвыситься иначе, может только глупец.».	**Он сегізінші сөз** «…Тегінде, адам баласы адам баласынан ақыл, ғылым, ар, мінез деген нәрселермен озбақ. Онан басқа нәрсеменен оздым ғой демектің бәрі де - ақымақтық.	**Word Eighteen** "…A human being should distinguish himself by virtue of his reason, knowledge, will, conscience and goodness. Only a fool thinks he can gain distinction by other means.…."
19. **Слово Девятнадцатое.** «…Как сказал один мудрец, лучше пасти свинью, которая признает тебя...»	**Он тоғызыншы сөз** «…өзіңді танитұғын шошқаны баққан жақсы деп бір хакім айтқан екен….»	**Word Nineteen** "….As one sage put it: better to teed a pig that recognises you…"
20. **Слово Двадцатое.** «Все мы знаем — ничто не властно над судьбой…».	**Жиырмасыншы сөз** «..Тағдырдың жарлығын білесіздер - өзгерілмейді…»	**Word Twenty** "All of us know: nothing can overrule fate…"
21. **Слово Двадцать первое.** «…Трудно удержаться от самодовольства,… Я отметил два вида его: это гордыня и бахвальство. ».	**Жиырма бірінші сөз** «…мақтан деген нәрсенің мен екі түрлісін байқадым: біреуінің атын үлкендік деп атаймын, біреуін мақтаншақтық деймін…»	**Word Twenty-one** "….It is hard to avoid at least a small degree of self-satisfaction and complacency. I have identified two kinds: pride and boastful-ness…"
22. **Слово Двадцать второе**. «Думаю, кого среди казахов сегодня я бы мог любить или уважать?...».	**Жиырма екінші сөз** «Дәл осы күнде қазақтың ішінде кімді жақсы көріп, кімді қадірлеймін деп ойладым…»	**Word Twenty-two** "I wonder whom amongst the Kazakhs of today I could pos- sibly love or respect…."
23. **Слово Двадцать третье.** «Есть единственные радость и утешение, которые проклятием висят над казахом…».	**Жиырма үшінші сөз** «Біздің қазақты оңдырмай жүрген бір қуаныш, бір жұбаныш дегендер бар…»	**Word Twenty-three** "There is but one joy and one consolation which, like a curse, hangs over the Kazakh…."

24. **Слово Двадцать четвертое**. «…Мы враждуем, разоряем друг друга, следим друг за другом, не давая ближнему своему и глазом моргнуть…».	**Жиырма төртінші сөз**«..Бірімізді біріміз аңдып, жаулап, ұрлап, кірпік қақтырмай отырғанымыз…»	**Word Twenty-four** "…We fight with each other, we ruin each other and spy on each other before our neighbour has time to blink…."
25. **Слово Двадцать пятое.** «…Русская наука, культура — ключ к мировым сокровницам. Владеющему этим ключом все другое достанется без особых усилий…».	**Жиырма бесінші сөз** «…Орыстың ғылымы, өнері - дүниенің кілті, оны білгенге дүние арзанырақ түседі...»	**Word Twenty-five** "…Russian learning and culture are a key to the world heritage. He who owns this key will acquire the rest without too much effort…."
26. **Слово Двадцать шестое.** «..Нет большего врага, чем другой казах.…Не встретить человека, который, признав свою неправоту, пытался бы обуздать себя.».	**Жиырма алтыншы сөз** «…қазақтың қазақтан басқа жауы жоқ….. ақылына жеңгізіп, мұным теріс екен деп біліп, ойланып өздігінен тоқтаған адамды көрмессің.	**Word Twenty-six** "…Truly, the Kazakh has no worse enemy than another Kazakh! ….You will not encounter a man here who, admitting his errors, will try to curb himself…."
27. **Слово Двадцать седьмое.** «…Бог наделил человека высоким разумом.. создал человека, заботясь о нем...».	**Жиырма жетінші сөз** «…мұнша салахият иесі қылғаны хикметпенен…. адам баласын артық көріп, қамын әуелден Алланың өзі ойлап жасағанына да дәлел емес пе?	**Word Twenty-seven** "…The fact that God has endowed man with high intelligence…… made man with loving care…"
28. **Слово Двадцать восьмое.** «…Разумный человек должен знать, долг верующего — творить добро. Правое дело не может бояться испытания разумом…».	**Жиырма сегізінші сөз** «…..Құдай тағала әрбір ақылы бар кісіге иман парыз, әрбір иманы бар кісіге ғибадат парыз деген екен. Және де әрбір рас іс ақылдан қорықпаса керек.	**Word Twenty-eight** "…A reasonable man should know that it is the duty of a believer to do good. A just cause need not fear the test of reason…."

29. **Слово Двадцать девятое. «**Есть среди казахских пословиц заслужившие внимания, но есть и такие, которые не несут в себе ничего божеского либо человеческого…».	**Жиырма тоғызыншы сөз** «Біздің қазақтың мақалдарының көбінің іске татырлығы да бар, іске татымақ түгіл, не құдайшылыққа, не адамшылыққа жарамайтұғыны да бар…»	**Word Twenty-nine** “Some Kazakh sayings merit attention and some do not, for they do not carry anything divine or human in them….”
30. **Слово Тридцатое. «**Бытует у нас так называемое “болтливые хвастуны…”.	**Отызыншы сөз** «….осы бір «қырт мақтан» деген бір мақтан бар….»	**Word Thirty** “What we call “boastful windbags” are found amongst our people…”
31. **Слово Тридцать первое**. «..Вредные свойства ума: беспечность, равнодушие, склонность к беспричинному веселью, тяга к мрачным раздумьям и губительным страстям».	**Отыз бірінші сөз** «…Ой кеселдері: уайымсыз салғырттық, ойыншы- күлкішілдік, я бір қайғыға салыну, я бір нәрсеге құмарлық пайда болу секілді...»	**Word Thirty-one** “…These states of mind are: careless sloth, indifference, senseless amusement, the inclination to morose reflection and destructive passion….”
32. **Слово Тридцать второе.** «Тем, кто стремится усвоить науку, необходимо знать условия, без которых невозможно достичь цели..».	**Отыз екінші сөз** «Білім-ғылым үйренбекке талап қылушыларға әуелі білмек керек. Талаптың өзінің біраз шарттары бар. Оларды білмек керек, білмей іздегенмен табылмас…»	**Word Thirty-two** “Those who seek learning should know certain essential conditions without which they cannot achieve their goal….”
33. **Слово Тридцать третье.** «…Порой люди, способные провести кого угодно, сами	**Отыз үшінші сөз** «…Қазақтың баласының өзі алдағыш бола тұрып және өзі біреуге алдатқыш болатұғыны	**Word Thirty-three** “…Because those inclined to deceive others often themselves

легко оказываются обманутыми.».	қалай?»	fall prey to deception…”
34. **Слово Тридцать четвертое.** «…Не имея ни здравого ума, ни образования, не умея связать двух слов, упрямо настаивать на своем, тягаться с мудрыми — разве это достойно звания человека?».	**Отыз төртінші сөз** «…Екі ауыз сөздің басын қосарлық не ақылы жоқ, не ғылымы жоқ бола тұра, өзімдікін жөн қыламын деп, құр «ой, тәңір-ай!» деп таласа бергеннің несі сөз? Оның несі адам?»	**Word Thirty-four** “…To have no sound reason, no education and be unable to put two words together, obstinately insisting on one’s own way and trying to compete with the sage—is this worthy of the name of man?...”
35. **Слово Тридцать пятое.** «…За все придется отвечать! ..».	**Отыз бесінші сөз** «…Енді мұнда құрмет алмақ түгіл, сұрау беріңдер!...»	**Word Thirty-five** “…You will answer for all this….”
36. **Слово Тридцать шестое.** «…Истинный стыд тот, который испытывают, совершив поступок, противный законам шариата, совести, человеческому достоинству…».	**Отыз алтыншы сөз** «…Шын ұят сондай нәрсе, шариғатқа теріс, я ақылға теріс, я абиұрлы бойға теріс бір іс себепті болады….»	**Word Thirty-six** “…But true shame is that felt by a person who commits an action contrary to the Shariah laws, human conscience and human dignity…”.
37. **Слово Тридцать седьмое.** «О достоинствах человека суди по тому, как он начал дело, а не по тому, как ему удалось завершить его…».	**Отыз жетінші сөз** «Адамның адамшылығы істі бастағандығынан білінеді, қалайша бітіргендігінен емес….»	**Word Thirty-seven** “Judge a man’s qualities by the intentions of his action and not by its outcome….”
38. **Слово Тридцать восьмое.** «…Не всякий ученый — мудрец, но всякий мудрец — ученый…».	**Отыз сегізінші сөз** «…Әрбір ғалым - хакім емес, әрбір хакім - ғалым….»	**Word Thirty-eight** “…Not every savant is a sage, but every sage is a savant….”
39. **Слово Тридцать девятое.** «…«Кто ищет верного пути, находит казну, кто ищет раздоров, находит	**Отыз тоғызыншы сөз** «..«Жол қуған қазынаға жолығар, дау қуған пәлеге жолығар»…»	**Word Thirty-nine** «He who seeks the right path will find treasure, but he who

беду»».		seeks quarrels will find woe.»
40. **Слово Сороковое.** «…Почему людей сдержанных, живущих мирно, называют безвольными, а тех, кто распущен, хвастлив, драчлив, считают удальцами?...».	**Қырықыншы сөз** «…Нәпсісін тыйып, бойын тоқтатқан кісінің жаман атанып, нәпсісі билеп, мақтанға еріп, пәле шығарған кісі мықты атанатұғыны несі?...»	**Word Forty** "…Why do people who show restraint and live in peace pass for weaklings, while those who are depraved, boastful and trouble-makers are considered bold and daring?..."
41. **Слово Сорок первое.** «…Невежество, доставшееся от отцов, впитавшееся с молоком матери, пройдя сквозь мясо, достигло костей и убило в нем человечность…».	**Қырық бірінші сөз** «…Етінен өткен, сүйегіне жеткен, атадан мирас алған, ананың сүтіменен біткен надандық әлдеқашан адамшылықтан кетірген…»	**Word Forty-one** "…The ignorance in- herited from his forefathers and imbibed with his mother's milk has reached his marrow and killed all humanity in him…"
42. **Слово Сорок второе.** «…Вы только велите, ради вас я хоть в огонь готов пойти". И этого достаточно, чтобы, не ударив палец о палец, быть сытым, одетым, ездить на хорошем коне и пользоваться всеобщим уважением…».	**Қырық екінші сөз** «..сіз айтсаңыз, отқа түсуге бармын» деп желдендіріп алып, шаруасын қылмай-ақ, малын бақпай-ақ, содан алып киімін бүтейтіп киіп, тәуір атын мініп алып, қатарлы бір құрметке жетіп жүре береді…»	**Word Forty-two** 'You just say the word, and I'll go through fire for you!' And this will be enough: without lifting a finger he will be well fed and clothed, ride a fine horse and enjoy general respect…."
43. **Слово Сорок третье.** «Нужно знать, какие из свойств тела и души даны от рождения и какие приобретаются в результате труда…».	**Қырық үшінші сөз** «Адам ұғылы екі нәрседен: бірі - тән, бірі - жан. Ол екеуінің орталарында болған нәрселердің қайсысы жибили, қайсысы	**Word Forty-three** "Man is endowed by nature with a body and a soul. One should know which of their properties are innate

	кәсиби - оны білмек керек….»	and which are acquired by toil…”
44. **Слово Сорок четвертое.** «…Люди общаются с людьми своего круга, делятся с ними сокровенными мыслями…».	**Қырық төртінші сөз** «…Адам баласы өзі қай жолда, қай майданда жүрсе, сол майдандағы кісімен сырлас болады…»	**Word Forty-four** “…People mix with their own kind and sometimes confide their innermost thoughts to them….”
45. **Слово Сорок пятое**. «…В ком господствуют чувства любви и справедливости, тот — мудрец,тот — учен…».	**Қырық бесінші сөз** «..Бұл ғадалəт, махаббат сезім кімде көбірек болса, ол кісі -дана, сол - ғалым ….»	**Word Forty-five** “…He who is swayed by the feelings of love and justice is a wise man and a learned man…”

Каждый специалист-психолог может использовать свои техники работы с картами, мы предлагаем вам следующие варианты работы с ними:

— можно их использовать в качестве психологической игры. Каждый по очереди выбирает по одной карточке, читает цитату и говорит первое, что пришло на ум. Так вы можете провести работу с бессознательным и вынести на поверхность то, что вас волнует в данное время. Это можно делать либо тет-а-тет с тем человеком, кому вы доверяете либо в группе, если вы себя чувствуешь комфортно в ней.

— в виде интеллектуальной игры. Разбиваетесь на группы, каждая группа берет по одной карточке, читает так, чтобы другие группы не слышали, обсуждают между членами своей группы, затем без слов пытаются передать смысл данного высказывания другим группам, те, в свою очередь, должны угадать, о чем речь.

— использовать отдельную цитату в виде темы для дискуссии. Как говорят, «в споре рождается истина».

Таким образом, произведения, написанные великими просветителями казахской степи, могут служить инструментом интеграции наук и культур современного евразийского сообщества.

Список литературы и источников:

1. Нысанбаев Ә. Н. Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 25 жылдығына арналған академик Ә. Н. Нысанбаевтың таңдаулы ғылыми еңбектерінің 10-томдық жинағы. — Алматы: ҚР БҒМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институты, 2016. Т. 9: Ұлттық тәуелсіздік және қазақтың рухани мұрасы. — 448 б.

2. http://abaikunanbaev.blogspot.com/.

3. https://abai.kz/post/6.

4. https://web.archive.org/web/20160304094355/.
5. http://abay.nabrk.kz/index.php?page=content&id=171.
© Мамбеталина А. С., 2021

С. В. Назарова,
к. полит. н., доц. КРУ
(г. Костанай, Казахстан)
Л. Я. Шевченко,
к. и. н., доц. КРУ
(г. Костанай, Казахстан)

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В КАЗАХСКОМ ОБЩЕСТВЕ КАК НЕЗЫБЛЕМЫЙ ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Если обратиться к истории человечества, можно заметить, что счастливо лишь то общество, где счастлива женщина. Женщина — хранительница очага, продолжательница рода человеческого. Казахский народ всегда оберегал свою прекрасную половину и сумел превратить данное основополагающее понимание роли женщины в обществе в незыблемый элемент национального самосознания.

Среди многих важных вопросов проблемы защиты прав женщин, идея раскрепощения казахских девушек и решение споров в отношении вдов занимали особое место в политико-правовых воззрениях казахской интеллигенции. К этой проблеме обращались такие казахские просветители, как: Чокан Валиханов, Абай Кунанбаев, Ибрай Алтынсарин.

Особое внимание на гуманистические институты обычного права казахов обращал Ч. Валиханов: «Чувствительность в кайсаках и участие, принимаемое и ими в несчастии ближнего, стоят внимания и похвалы… нищий, куда бы он не пришел, в кибитку ли богача или в хижину бедняка — везде ему приют, везде выражают ему сострадательность и не только словом, но и всегда чем-нибудь более или менее существенным». Ученый отмечал, что публичная власть казахов санкционирует и строго охраняет за каждым членом аульно-родовой общины право на требования «жилу», «кунак асы». Действительно, гуманистическое содержание норм обычного права казахов реально отражает способ производства кочевого общества, и оно было направлено на обеспечение устойчивости соотношения социального и личных интересов. Ч. Валиханов указывал, что политико-правовая ткань казахского общества «вполне соответствовала материальным нуждам кочевников и была приспособлена к национальному характеру». Эти высказывания Ч. Валиханова созвучны с мнением Ж. Досмухамедова, который по поводу действия обычного казахского права говорил: «Набросанные общими штрихами, они вполне отвечали кочевой жизни и удовлетворяли не сложным задачам того времени». Однако Казахский край должен развивать наравне с достижениями мировой цивилизации, в том числе и в области защиты прав человека.

В XIX веке произошла кардинальная ломка семейных отношений. Изменение бытия в форме перехода на оседлый и полуоседлый образ жизни неизбежно

изменило общественное сознание. Древние традиции стремительно отмирали буквально на глазах.

В настоящее время женские проблемы заняли особое место в периодике, литературе, искусстве. Несмотря на то, что как международные, так и национальные законодательные акты исходят из принципа равноправия, на практике женщины не обладают равноправием в общественной жизни и деятельности. Наблюдается ярко выраженное противоречие между новыми потребностями и отсутствием условий в обществе для их удовлетворения: возрастает общественное самосознание женщин, их больше не удовлетворяет навязанный им стереотип социальных ролей, где семья и материнство являются единственными ценностями.

Казахстан является частью мирового сообщества. Как и во всем мире казахстанских философов, историков, культурологов, — словом представителей многих научных дисциплин, — волнуют результаты современных гендерных исследований. Нерешенными остаются серьезные проблемы социально-психологического, демографического, экономического и духовно-идеологического характера. Они в той или иной степени свидетельствуют о дискриминации женского пола. Отсюда закономерен общественный интерес к «женскому вопросу» или «гендерным проблемам».

В Казахстане, вместе с трансформацией общественной системы, начали меняться идеалы и духовные ориентиры. Но реалии общества настойчиво требуют аналитического осмысления роли и места женщин, ее прав и свобод, более четкого определения ее духовной миссии и социального предназначения.

Объективное изучение данного вопроса показывает, что древние традиции кочевников освящали неравноправие женщин. В глазах кочевников «физический труд, связанный с обработкой продуктов скотоводства и ведением домашнего хозяйства, считался недостойным свободного мужчины», поэтому он целиком возлагался на женщин. В кочевом обществе почитался идеальный образ женщины — послушной, кроткой, покорной и способной к деторождению. При этом женщина-казашка могла претендовать на почет и уважение мужа и его родственников только в том случае, если она родила хотя бы одного ребенка мужского пола.

Ислам, во многом ставший для кочевников цивилизующим фактором, запретил тяжелый физический труд для женщины и юридически уровнял ее с мужчиной. Коран проповедует равенство мужчин и женщин, хотя и утверждает лидерство мужского начала, что отнюдь не отрицает превосходства женщины в некоторых областях жизни над среднестатистическим мужчиной.

Однако постепенно в исламе стали нарастать негативные тенденции, что повлияло и на формирование сознания номада. Номад дистанцировался от женщины по вертикали. Женщина становится бесправной, зато обремененной многочисленными домашними заботами и правилами поведения, которые она должна беспрекословно выполнять.

Ислам не угнетает женщину, более того, он имеет большую заслугу в деле эмансипации женщины в пору своего становления, но развитие негативных явлений в менталитете номада привело женщину к почти рабскому положению.

Кризисные явления в исламе явно проявились в XIX веке, что послужило причиной возникновения в кругах казахской национальной интеллигенции идей пересмотра отношения к женщине и изменения её положения в обществе. В ее сознании сформировался идеал «новой казашки». Европейская просвещенность в соединении с лучшими нравственными качествами восточной женщины (скромность, сдержанность, религиозность, соблюдение восточного этикета и т. д.) — так можно выразить кредо тех, кто мечтал о свободной казахской женщине. Казахская интеллигенция не только сострадала женщине, но и пыталась изменить её положение. В журнале «Айқап» и газете «Қазақ» публиковались статьи, призывавшие к борьбе с унижающими достоинство женщины пережитками (калым, многоженство, аменгерство — обязанность женщины после смерти своего мужа стать женой его близкого родственника), выдача замуж девушек против их желания за пожилых мужчин. Глубокая боль и сострадание к судьбе женщины-казашки пронизывали все мироощущение просвещенных казахов XIX — начала XX веков. Через европейское образование (а некоторые — через реформированный ислам) они пережили мировоззренческий переворот, составной частью которого стало новое понимание роли и места женщины в социальной жизни народа. Образованная часть казахского народа начинает реалистически отображать жизнь и быт коренного населения. Не романтическое воспевание кочевничества и убаюкивание самосознания народа, но исключительная трезвость, самокритичность, доходившая порой до яростных обличений, были свойственны тем, кто мечтал о реальных преобразованиях.

Более чётко позиции национальной интеллигенции были сформулированы в программных документах Алашского движения, возникшего в результате социально-экономических, общественно-политических и духовно культурных изменений, происшедших в Казахстане в конце XIX — начале XX вв. Центральным элементом движения явилась общенациональная партия Алаш, организованная в июле 1917 года. Партию Алаш возглавили лидеры национально-освободительного движения — Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Мыржакып Дулатулы, Халел и Жаханша Досмухамедулы, Мухамеджан Тынышпаев, Елдос Омир, Абдулхамит Жуждыбай, Магжан Жумабай. С самого начала участвуя в общественно-политической жизни, партия Алаш своими главными задачами считало достижение двух целей: освобождение казахского народа от колониального ига и обеспечение вхождения казахского общества в цивилизованное мировое сообщество. По своей социальной природе партия Алаш являлась политической организацией разночинной казахской национально-демократической интеллигенции. Программа партии, принятая на съезде в декабре 1917 года включала в себя требования автономии Казахстана, всеобщего избирательного права, свободы слова, печати, союзов, неприкосновенности личности, изменения аграрной политики в пользу казахов. В политическую программу движения «Алаш» был включен и женский вопрос, что свидетельствовало о его исключительной важности и актуальности.

Всеказахский съезд в Оренбурге (июль, 1917 года) постановил:

- политические права женщин должны быть равны с мужчинами;
- право выхода замуж зависит от самих женщин;

- отменить калым;
- воспретить сватать не достигших шестнадцатилетнего возраста девиц;
- воспрещается муллам читать венчальный обряд не достигшим 16 лет девочкам и 18 лет юношам;
- при венчании муллы должны заручиться согласием обеих сторон: как невесты, так и жениха;
- вдова должна выйти замуж по своей воле, но отнюдь не по родственной связи (аменгер);
- двоеженство разрешается с согласия первой жены. Если она на то не согласится и захочет уйти, то муж должен взять ее на свое попечение до выхода ее за другого мужа.

Через произведения просветителей и идеологов Алаш-Орды проступает реалистическая картина будней, надежд и чаяний народа, в том числе и женщин. Национальной интеллигенции казалось, что эмансипированная казашка явит собой миру нечто новое, непревзойденное, ибо в ней органически должны слиться европейское мышление и исламская этика. В этом выражалось стремление сохранить национальный характер и положительные приобретения мусульманской женщины: её скромность, сдержанность, религиозность, соблюдение восточного этикета. Европейская просвещённость в соединении с лучшими нравственными качествами восточной женщины — квинтэссенция женского вопроса в политической программе новой казахской интеллигенции. И если в западной модели эмансипации акцент делается на социализацию и внешнее раскрепощение, то в восточной — прежде всего просвещение и изменение внутренней, духовной структуры личности.

Все эти вопросы напрямую связаны с проблемами современного женского движения: возникнув как общественно политическое движение за равноправие мужчин и женщин, женское движение переросло в движение за общественный прогресс, и те задачи, и цели, которые ставят перед собой участницы движения, касаются отнюдь не только женщин, они значимы для развития всего общества в целом по пути гуманизма.

Гендерное образование в Казахстане делает первые шаги. Создаются центры гендерных исследований (Алматы, Караганда), направленные на развитие научно-образовательной практики и информационных сетей. Набирает силу деятельность женских организаций, ориентированных не только на социальные и политические задачи, но и на гендерное просвещение.

Политолог Г. Ахметжанова выделяет следующие этапы развития гендерных подходов в республике:

- 1991–1994 гг. — время политического и экономического кризиса. Основная парадигма равенства — «уравнивание» (и мужчин, и женщин) в условиях рынка. Возникают женские неправительственные объединения, занятые преимущественно решением социально-экономических задач.
- 1995–1998 гг. — развитие сети женских НПО, рост женской деловой и политической активности, активизация вовлечения женщин в общественно-политические и социально-экономические процессы. Основная

парадигма равенства — равенство в ответственности за реализацию собственных целей, задач и интересов. Согласно мнению казахстанской исследовательницы Г. Хасановой, именно «в этот период происходит признание лидерами женских НПО, что выражение общественно-политических интересов должно стать делом, прежде всего, самих женщин».

- 1999–2001 гг. — возрастание заинтересованности государства, поддержка женского политического представительства. Основная парадигма равенства – первичная социализация в области политического равенства и сокращение гендерных разрывов. В 2001 году на базе Политического альянса женских организаций Казахстана была создана Демократическая партия женщин Казахстана. В стране в этот период работало более 150 неправительственных женских организаций.

Отличительной особенностью гендерной политики Казахстана является то, что инициатором гендерных проектов выступает, в первую очередь, государство. В настоящее время Казахстан является участником более 20 различных договоров и конвенций по правам человека, в том числе и тех, которые направлены на обеспечение равноправия между полами.

Обратимся к реальному положению женщин в нашей стране. В Казахстане в настоящее время женщины составляют 57 % от общего числа населения. Средний возраст женщин сдвинут в сторону больших чем у мужчин показателей, в связи с большей продолжительностью жизни. 45 % женщин по разным причинам не состоят в браке, многие из них воспитывают детей самостоятельно.

Статистика демонстрирует, что уровень образования женщин в настоящее время практически не сказывается на ее карьере. Среди лиц с высшим образованием 53% женщины, со средним специальным образованием — 56%. Но это не становится преимуществом женщин на работе, не обеспечивает карьеру. Исследователи видят в этом проявление таких факторов, как, например, «двойная занятость», когда женщина вынуждена работать и на производстве и дома, что не способствует профессиональному росту на службе. Определенную роль, к тому же, играют такие факторы как связи, родство, некоторые личные качества.

Следует отметить, что только определенная небольшая часть женщин (20 %) имеет желание сделать карьеру, однако и для них в обществе установлены социальные барьеры, связанные с общественным сознанием и установками. Общеизвестно, что определенное число руководителей — женщин присутствуют в торговле, наибольшее их число участвует в так называемом «челночном бизнесе». В общем объеме занятых в коммерции 45 % — женщины. Женщины возглавляют ряд предприятий здравоохранения (косметические лечебницы, аптеки и т. п.). В банковской деятельности женщины занимают среднее и низшее звенья.

Ситуация совершенно прозрачна: все женское на бытовом, политическом, социальном и даже научном уровнях вторично. Необходимо углубление и расширение знаний об исторических судьбах женщин, населяющих современный Казахстан.

Сейчас активно переосмысливается значимость трудовой деятельности женщины. О выводах говорить рано, но очевидно одно: современный труд, в том

виде, в каком к нему приобщается женщина, не может оцениваться высоко с морально-этической точки зрения. Несмотря на большие усилия, которые прилагает мировое сообщество для решения проблем женщин, в большинстве стран мира сохраняются дискриминация и ущемление их прав. Именно поэтому человечеству еще предстоит разрешить множество проблем, стоящих на пути разрушения каких-либо институтов или механизмов, поддерживающих гендерное неравенство.

Сегодня центр тяжести в постановке и решении «женского вопроса» все больше сдвигается в сторону повышения статуса женщины, определяемого возможностями и задачами современного развития общества. Современная концепция человека, принципы и критерии гражданского общества, приоритеты общественного согласия и мира выдвигают на передний план проблему свободы женщины, т.е. разностороннего развития. Это стержневой вопрос современной цивилизации. «Одной из определяющих характеристик XX века», — говорится в Докладе о развитии человека за 1995 год, — «стала неустанная борьба за достижение равенства мужчин и женщин, которую вели, главным образом, женщины поддерживаемые, тем не менее, все большим количеством мужчин. Когда эта борьба увенчается успехом, а это должно случиться, она станет знаменательной вехой в прогрессе человечества. В конечном счете, она изменит большинство нынешних концепций социальной, экономической и политической жизни».

Задача науки заключается в том, чтобы помогать социуму изживать негативные социальные стереотипы о женской природе и таким образом формировать демократическую ментальность у граждан Республики Казахстан.

Список литературы и источников:

1. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. — Алма-Ата, 1961. — Т.1. — 514 с.

2. Досмухамедов Д. Несколько слов о киргизском обычном праве и народном суде // Уральский листок. — 1911. — № 14. — 19 января.

3. Зиманов С. З. Древний мир казахов и его истоки // Қазақтың ата заңдары: құжаттар, деректер және зерттеулер. Древний мир права казахов: материалы, документы и исследования. 10 томдық / Бағдарлама жетекшісі: Зиманов С. З. Қазақша, орысша, түрікше, ағылшынша. — Алматы: Жеті жарғы, 2004. — Т. 1. — 632 с.

4. История Казахстана с древнейших времен до наших дней. В 4-х тг. Т. 1. Алматы, 1996.

5. Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л. 1969.

6. Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века. Алматы 1971.

7. Усеинова Г. Р. Валиханов Ч. Ч. об обычном праве казахов // Вестник КазГУ, серия юридическая. — №4. — Алматы, 1997. — С.115.

© Назарова С. В., Шевченко Л. Я., 2021

А. И. Оразбаева,
д. и. н., проф. Казахстанского Филиала
МГУ имени М. В.Ломоносова,
(г. Нур-Султан, Казахстан)

«ЧОКАН — ЛЮБИМОЕ ДИТЯ СВОЕГО ПЛЕМЕНИ…»

Именно так проникновенно, с чувством глубокой и отчаянной скорби завершающееся воспоминание Николая Ядринцева о Чокане, которое было написано к сочинениям Ч.Ч.Валиханова, изданного за средства Русского Географического общества в Санкт-Петербурге под редакцией Н.Веселовского в 1904 году, заставляют призадуматься о простой человеческой судьбе «пронесшегося блестящим метеором» над Великой степью этой феноменальной и отчасти драматической личности.

Рассуждая о причинах возвращения перед самой кончиной к родному очагу и сородичам, даровитого и образованного, испытавшего чашу цивилизации «джентльмена», «денди», «сибарита» Чокана, Н. М. Ядринцев пишет: «Цивилизация и культурный блеск для Чокана Валиханова, человека чуткого и наблюдательного, имели свою острую и больную сторону…. В этом разочарований после ослепительного блеска, в этой боязни и трепете инородца, вообще за судьбу своей народности, сказывается и недоверие, опасение к чужой культуре и всплывшее чувство самосохранения». [1, 39]

Учитывая предшествовавший данному трагическому событию фрагмент из биографии Чокана, связанный с его участием в карательной экспедиции генерала Черняева, о котором упоминает его близкий товарищ Г. Потанин таким образом: «При взятии Пишпека или Аулиеата, не помню, зверства русских войск над единоверцами Чокана или может быть и над соплеменниками его, т.е. над киргизами, огорчили его. Он увидел, что он не может более участвовать в военном походе, разошелся с Черняевым и уехал в Верный, оттуда перебрался в аул султана Тентека, управляющего албанами…», [2, 29–30] несложно представить состояние личности, который регулярно испытывал внутри себя раздвоение чувств между нежно любящим свой народ сыном отечества и строго защищавшим честь мундира русским офицером: «Он говорил, что прежде всего любит свой киргизский народ, потом Сибирь, потом Россию, потом все человечество… Когда русские бьют киргизов, я восстаю против русских, когда французы бьют русских, сердце мое на стороне русских». [2, 32]

Надо полагать, начало наблюдаемому кризису идентичности рассматриваемой личности был заложен еще в тот момент, когда 10 летнего вольно воспитанного «ни слова, не знавшего по-русски» мальчугана из далекого казахского аула, с головой погрузили в совершенно незнакомую для него среду со строгим казарменным порядком: «Жизнь в корпусе для Чокана была соединена с большой ломкой его степных привычек. Киргизы обыкновенно подолгу, до полночи сидят вокруг костра, занимаясь разговорами и передачи новостей, а утром долго

спят…. Чокану было ужасно трудно вставать с постели. Он всегда вставал последним. Будить его нужно было осторожно; в противном случае он вскакивал, как угорелый, и, ничего не помня, кидал в товарища сапогом». [2, 11]

Однако, вопреки преградам, благодаря природному пытливому уму и незаурядным способностям, за какие-то десять последующих лет из этого «барченка, потомка киргизских ханов, …попавшего в совершенно плебейскую среду...» [2, 10] вырастит настоящий ученый-офицер Российской империи, во многом опередивший своих русских товарищей по кадетскому корпусу.

Начиная с миловидных монгольских черт своей внешности, ментальности, привычек, координации движения до глубин познаний в тюркологии и мировоззрения казахов-кочевников, Чокан с особым достоинством представлял социокультурный мир казахов в чужой среде. Так, по воспоминаниям одних, он «…одевался всегда с иголочки; зимой ходил в военной шинели с бобровым воротником; ухаживал за ногтями и на одном пальце отпускал ноготь по-китайски», [3, 20] тогда как другие, наряду с интеллигентностью подчеркивали в нем лоск и шик гвардейского офицера: «…узенькие глаза его сверкали умом, они смотрели как угольки, а на тонких губах всегда блуждала ироническая улыбка, и это придавала ему нечто Лермонтовское и Чарльз-Герольдовское. Разговор всегда отличался остроумием, он был наблюдателен и насмешлив, в этом сказалось его племенная особенность…». [3, 36]

Все-таки о недоверии и отношении с некой опаской к этому «инородцу» свидетельствует факт выпуска Чокана Валиханова с кадетского корпуса годом ранее, нежели других его сверстников, оставленных еще на один год для обучения специальной военной подготовки: тактике, артиллерии и фортификации. [2, 19]

Следует заметить, что по возвращению домой, в глазах собственных сородичей Чокан выглядел также «чужим среди своих». В его невинных поступках и простых человеческих желаниях соплеменники старались увидеть влияние русских. Так к примеру: «Ложась спать», — вспоминает служивый соотечественник Чокана в Туркестанском крае И. И. Ибрагимов: «Чокан велел обтереть его водкой, потому что от дождя в дороге, он, здороваясь все время со встречавшими его киргизами, высовывался из тарантаса и промочил себе ноги. … «Как водкой», «почему?» некоторые киргизы тут-же отозвались: «пить значит недостаточно, а надо еще в себя мазать, вот так тюря! Недаром жил среди Русских столько времени»; один старик иронически заметил, научился всему хорошему, нечего сказать». [4, 40–41]

И это притом, что: «Народ он свой любил. …нежных чувств может быть к киргизскому простонароду не питал, но он хотел ему добра и служить будущему своего народа было его мечтой»; [2, 31] со всем почтением и уважением относился к традициям и ценностям своего племени. Соблюдая древний тюркский обычай, войдя в отчий дом, Чокан подошел «…сначала к отцу, опустился перед ним на колени; отец обнял его обеими руками и поцеловал его в лоб. В то время как мать его …горела нетерпением обнять сына и кричала: «Чокан, Чоканым, өзімнің балам ғой, кел, кел…». [4, 41]

Даже в делах сердечных оставаясь правоверным приверженцем ислама, он подчеркивал, что: «не может жениться на русской девушке, потому что хочет служить своему киргизскому народу, а для этого он должен оставаться мусульманином». [3, 33]

И все-таки, неопровержимым доказательством безграничной любви Чокана Валиханова к своему народу служит его бесценное научное наследие, являющееся кладезем в изучении истории и культуры не только казахского, но других тюркских народов Центральной Азии.

Формирование национальной формы института интеллигенции в казахском обществе происходил при воздействии выступавших одновременно как в качестве «благородной почвы», так «разрушительной силы» «внешних факторов», а также за счет освоения ее представителями иной культуры путем постепенной трансплантации чужеродных идеалов в лоно собственного социокультурного пространства. Теоретически, алгоритм данного процесса складывалась таким образом, что приобретенные надстроечные культурные ориентиры в ходе адаптации к новой среде видоизменялись, способствуя тем самым образованию некой локальной, национальной модели. Яркой иллюстрацией сказанному, собственно жизнедеятельность Ч. Валиханова.

Бесспорно, в развитии демократических воззрений Чокана Чингисовича Валиханова неумолима роль и значение «русского фактора»: «Он понимал окружающую русскую среду и готов был сродниться с ней на почве европейской цивилизации. Это был новый коран его жизни». [3, 37] Так, сложно представить исторический портрет нашего героя без воздействия триггеров наступившего нового времени, дыхание и веяние которого он ощутил посредством: накопления знаний и опыта сначала в стенах сибирского кадетского корпуса, затем общения с избранной омской интеллигенцией; а также личных контактов, дружеских связей и переписок с представителями революционно-демократической и научной мысли, в лице: К. К. Гутковского, С. Ф. Дурова, Ф. М. Достоевского, братьев Курочкиных, П. П. Семенова-Тян-Шанского, А. К. Гейнса и многих других. Кроме того, необходимо учесть при этом и особое воздействие на рефлексию Чокана таких городов, как Омск и Петербург, явившихся эпицентрами «больших перемен» в России на тот момент: «Прогрессивные демократические идеи Валиханова с большой ясностью прослеживаются в ряде его трудов и в письмах. В этом смысле особый интерес составляют: «Записка о судебной реформе, «О мусульманстве в степи», «Очерки Джунгарии». В этих, да и во многих других работах Чокан выступает как просветитель-демократ, как защитник своего народа, как борец с существующим строем». [5, 73]

Как видим, в формировании феномена Чокана Валиханова удачно сложилась как комбинация триады «человек — природа — общество», так благоприятно отразились параметры измерений нового миропорядка и несколько иного трансформированного социокультурного пространства. Чокан — выдающаяся историческая личность, являющаяся олицетворением целой эпохи и гордостью всецело казахского народа; «любимое дитя своего племени», который до конца

«оставался любящим свой народ, свое племя. В его мечтах было совместить европейское просвещение и сохранить свою народность». [1, 39]

Список литературы и источников:

1. Ядринцев Н. М. Воспоминание о Чокане Валиханове / Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. Под редакцией Н. И. Веселовского. С.-Петербург, 1904.

2. Потанин Г. Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове / Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. Под редакцией Н. И.Веселовского. С.-Петербург, 1904.

3. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. Под редакцией Н. И. Веселовского. С.-Петербург, 1904.

4. Ибрагимов И. И. Биографические сведения о Чокане Валиханове / Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. Под редакцией Н. И. Веселовского. С.-Петербург, 1904.

5. Маргулан А. Жизнь и деятельность Чокана Валиханова / Чокан Валиханов. Избранные произведения. Под редакцией академика АН Каз ССР А. Х. Маргулана. Алма-Ата: Казахское государственное издательство Художественной литературы, 1952.

© Оразбаева А. И., 2021

О. А. Машкина,
к. пед. н., доц.
ИСАА МГУимени М. В. Ломоносова
(г. Москва, Россия)
Юй Цзэ,
ст. преп.
ИСАА МГУимени М. В. Ломоносова
(Пекин, КНР)

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ СТРАНЫ-ПАРТНЕРА КАК ИНСТРУМЕНТА МЯГКОЙ СИЛЫ (на примере культурно-языковой политики современного Китая)

На протяжении веков политика Китая была направлена главным образом на построение гармоничного мира внутри страны. В настоящее время руководство КНР выдвинуло идею конструирования сообщества единой судьбы человечества, которая концептуально вытекает из традиционных китайских представлений о месте Поднебесной и ее культурно-просветительской миссии по отношению к окружающим народам в целом. В своих выступлениях и статьях Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин неоднократно поднимал этот вопрос, и провозглашенная им концепция единой судьбы человечества возникла не на пустом месте.

В древности и средневековье Великий шелковый путь, связавший Китай со странами Азии и Европы, не только был трансконтинентальной торговой магистралью, но и действенным каналом распространения вовне материальной и духовной культуры Китая и одновременно катализатором процесса знакомства с достижениями других народов для их включения в собственную культуру. Современный Китай тоже активно продвигает свои технологии, стандарты и ценности в глобальном пространстве, в первую очередь усиливая свое влияние на страны, входящие в пространство действия проекта «Пояс и Путь». [1,170–172] Китай придает большое значение успешной реализации и влиянию этого проекта, поскольку его успехи должны подтвердитьправильность выбора миром стратегии построения сообщества единой судьбы. Для пополнения рядов своих сторонников Китаю необходимо постоянно поддерживать позитивный имидж своей страны как инициатора этой идеи и потенциального экономического лидера мирового сообщества. Для этого КНР активно использует инструментарий «мягкой силы», в первую очередь свой культурный потенциал. Очевидно, что использование языка и культуры как альтернативы «жесткой силе» предполагает, что страна способна предложить другим народам привлекательные ценностно-культурные модели.

Одним из наиболее эффективных направлений действия «мягкой силы» КНР является экспансия китайского языка. По численности пользователей, китайский, наряду с английским и испанским, самым распространенным в мире языком. В той или иной мере китайским владеет каждый седьмой человек на планете. На нем говорят не только граждане КНР, но и многие жители стран ЮВА. Китайский язык становится всё более популярным языком общения в Интернете. Потребность в изучении китайского языка постоянно растет во всем мире, что обусловлено экономическими и технологическими достижениями современного Китая, но не только. Все больше людей проявляет углубленный интерес к многовековой культуре Поднебесной, изучают китайскую философию, традиционную медицину, боевые искусства, стремятся постичь культурные и цивилизационные особенности китайской нации.

В 1987 г. под эгидой Госсовета КНР была создана Государственная Канцелярия по распространению китайского языка за рубежом «Ханьбань», призванная «посредством китайского языка и в форме лингвокультурных коммуникаций между народами мира распространять китайскую культуру, провозглашать систему ценностей китайской нации». [2] Как видим, задача носит не просто утилитарный характер знакомства с языком и культурой своей страны. В последующие годы данная формулировка языковой политики скорректирована. Ее более мягкую интерпретацию озвучил председатель Ассоциации исследований языковой политики и планирования Китайского лингвистического общества, профессор Пекинского университета языка и культуры Лю Юймин: «Мы стремимся предоставлять странам мира многообразные учебные ресурсы и услуги по китайскому языку и культуре, чтобы как можно полнее удовлетворить потребности иностранных учащихся в изучении китайского языка и внести свой вклад в совместное развитие мультикультурализма и построение гармоничного мира». [3]

И действительно, Китай добился больших успехов в этом направлении. К 2019 г. в 162 странах мира были открыты 548 Институтов (ИК) и 1193 кабинетов Конфуция, в которых обучается более 2 млн чел. и работает 46,7 тыс. педагогов. [3] В РФ ИК действуют в 14 городах, в том числе в Москве на базе трех университетов МГУ, РГГУ И МГЛУ. В Казахстане Институты Конфуция созданы при КазНУ имени аль-Фараби (Алматы), ЕНУ имени Л. Н. Гумилева (Астана), Актюбинском государственном пединституте (Актобе) и КарГТУ (Караганда). Однако расширение масштабов деятельности ИК вызвало в некоторых западных странах сомнение в истинности намерений китайской стороны. В последнее время ИК все чаще обвиняют в пропаганде китайской государственной идеологии. [4] Вероятно, для того чтобы минимизировать негативную реакцию на деятельность ИК, министерство образования КНР объявило в 2020 г. о смене наименования института на зарубежные Центры обучения китайскому языку. Государственная канцелярия «Ханьбань» преобразуется в неправительственный Китайский фонд международного образования. Но задача деятельности центров-институтов остается прежней: координация учебных, гуманитарных и культурных проектов за рубежом. [4]

Другим важным направлением действия «мягкой силы» Китая является интернационализация китайского образования как фактора геополитического влияния. Китай предпринимает многочисленные меры для привлечения в свои вузы иностранных абитуриентов и ученых. Это в первую очередь разнообразные гранты для иностранных студентов, покрывающие стоимость обучения и проживания в китайских университетах. Это и высокие зарплаты, престижный статус, медицинские страховки, комфортные условия проживания и современные лаборатории с передовым оборудованием для иностранных исследователей. Предоставляемые иностранным студентам и молодым ученым государственные стипендии составляют в год от 59200 юаней для бакалавров до 99800 юаней для докторантов и научных стажеров в год, что полностью покрывает учебные, транспортные и другие расходы. [5, 125] В 2018 г. к уже действующим 7 стипендиальным программам, добавилась еще одна целевая программа, ориентированная на абитуриентов из стран ареала «Пояс и Путь». Примечательно, что почти 2/3 иностранных студентов, обучающихся в КНР, приехали из стран азиатского региона. Численность студентов из 73 стран ареала «Пояс и Путь» за десятилетие к 2016 г. выросла на 86% и составило 201 842 человека. РФ и Казахстан занимают шестое и восьмое места в списке стран-экспортеров студентов в КНР. [6, 144]

Заслуживает внимание новая тенденция, проявившаяся в китайском высшем образовании в последние годы. Это – создание вместе с ведущими зарубежными вузами новых университетских кампусов в Китае. Так, в 2017 г. в г. Шэньчжэнь был открыт российско-китайский Университет МГУ-ППИ. Его особенность заключается в том, что китайские студенты вместе с иностранными студентами учатся по образовательным стандартам МГУ, осваивают учебные программы МГУ и получают диплом выпускника МГУ. Таким образом, происходит взаимовлияние российских и китайских культурных и образовательных норм, стандартов и ценностей.

В последние годы активно развивается двустороннее экономическое культурное и образовательное сотрудничество. В 2020–2021 гг. в России и КНР должны были состояться перекрестные годы российско-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества. В числе 800 запланированных мероприятий есть и такие, которые направлены на продвижение русского и китайского языков в стране-партнере. К сожалению, их начало откладывается из-за пандемии.

Россия и Китай обладает колоссальным интеллектуальным и культурно-историческим потенциалом, а также многовековым опытом добрососедства. Тем не менее для повышения эффективности взаимоотношений народов двух стран необходимо предвидеть и своевременно устранять возникающие из-за недоучета национальных, культурных и социальных различий барьеры непонимания и спекуляции на темы вымышленных угроз. Охватившая в2020 г. весь мир пандемия COVID-19 продемонстрировала взаимозависимость и уязвимость всех стран мира, тем самым подкрепив актуальность концепции сообщества единой судьбы, но в то же время вызвала недоверие к КНР, которую ряд западных государств обвинил в несвоевременном информировании мирового сообщества о глобальной угрозе. Хотя многие страны, в том числе и наша, не разделяют подобного рода обвинения, этот пример вновь доказывает, как важно для укрепления доверия изучать национальные традиции, обычаи, ценности других стран.

Как свидетельствует практика общения, даже глубокого знания иностранного языка недостаточно для эффективного общения с его носителем: каждое слово другого языка отражает иной мир и другую культуру, «за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире». [7,17] На наш взгляд, формирование языковой и социокультурной компетенций при обучении будущих двуязычных переводчиков как в России, так и в Китае, станет более успешным, если студенты будут иметь возможность изучать традиции и обычаи, правила и нормы народов обеих стран на наглядно-иллюстративном материале с использованием объяснительно-иллюстративных технологий и других интерактивных средств усвоения страноведческих знаний. Такой комплексный метапредметный подход позволит разрушать негативные стереотипы и сформировать положительный взгляд на страну изучаемого языка, повысить мотивацию к обучению на протяжении всей жизни.

Будучи преподавателями китайского языка в Институте стран Азии и Африки МГУ, мы прекрасно понимаем, что любые иностранные языки изучаются не только для того, чтобы заимствовать опыт и плоды чужой культуры. В круг задач специалистов по иностранным языкам также входит еще одна важная задача — продвижение языка и культуры собственной страны. Для этого, как ни парадоксально это звучит, также надо учитывать языковой код, обычаи и привычки, нормы социального поведения своего партнера.

Практика показывает, что неадекватное понимание правил социального поведения, этикета и культуры речи другого народа, заложенные в сознании студента даже на начальном этапе изучения иностранного языка, может негативно сказываться на эффективности речевой общения в будущей профессиональной

деятельности выпускника. Наглядным примером может служить один из самых элементарных элементов межкультурной коммуникации: нормы и паттерны приветствия на китайском языке. Сегодня в результате роста численности изучающих китайский язык и увеличения потоков китайских туристов за рубеж, можно часто слышать выражение «你好» («нихао»), звучащее при встрече с незнакомыми китайцами на улицах разных городов мира. Услышав дружелюбное приветствие со стороны иностранцев, китайцы испытывают приятное чувство и отвечают тем же выражением с улыбкой на лице или жестом руки, означающими удивление и поощрение такого рода приветствия. Однако то же самое приветствие вызывает более холодную реакцию, когда так приветствуют знакомых китайцев. Дело в том, что «Здравствуй» (你好), будучи универсальным речевым актом приветствия в китайском обществе, не является широко употребляемым вариантом выражения дружелюбного отношения и уважения к человеку в повседневном общении или в официальных случаях. Употребление «你好» без личного обращения к собеседнику по имени и фамилии или без обозначения его статуса и должности, может восприниматься как способ выражения таких субъективных отношений говорящего, как грубость, пренебрежение, холодность, отчужденность, неуважение и т. д. Если мы понаблюдаем, как китайцы здороваются со своими друзьями, коллегами, партнерами или просто со знакомыми, то увидим, что они всегда прибегают к личному обращению, сопровождающему слова приветствия «你好». Неудивительно, что китайские преподаватели холодно реагируют на приветствие студента «你好», если он не добавит слово «лаоши» (учитель). С аналогичной реакцией столкнется любой человек, который при появлении просто безлично говорит 你好. Китайские партнеры или сослуживцы без энтузиазма отвечают тем же выражением здоровающемуся. Казалось бы мелочь, но именно такие мелочи и создают атмосферу отчуждения. И наоборот, нам представляется, что проявления симпатии и сочувствия вызывают у китайцев большой эмоционально позитивный отклик. Так в начале марта 2020 г., когда в Китае разразилась эпидемия коронавируса, студенты-китаисты 3 и 4 курсов ИСАА МГУ записали небольшое видео-выступление на китайском языке, в котором выразили китайскому народу свою поддержку. Это видео, посланное в адрес трех китайских вузов-партнеров, буквально через несколько дней было размещено кем-то из незнакомых нам китайских друзей в социальных сетях КНР. [8] Обращение наших студентов в течение недели посмотрели почти 140 тыс. раз, при этом многие пользователи выражали свое одобрение и благодарность. Этот случай вновь подтвердил, что культурный диалог будет эффективно выполнять свою задачу — служить мостом для углубления дружбы между разными народами в случае искреннего проявления эмпатии и сочувствия. Такие страшные явления, как угрозы эпидемий и терроризма нельзя победить без тесного взаимодействия, основанного на гармоничных отношениях взаимопонимания и взаимоуважения с народами других стран.

Список литературы и источников:

1. Машкина О. А. Новый Шелковый путь в контексте геополитических и региональных решений. — От Тюркского эля к Казахскому ханству: международная научно-практическая конференция, Москва, 15–17 ноября 20015 г. Тезисы докладов. — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки. — М.: Издательство «Социум», 2015. С.170–172.
2. 中华人民共和国国家汉语国际推广领导小组办公室 (Китайское национальное управление по продвижению китайского языка (Ханбань) — URL: http://zujuan.xkw.com/7q7947352.html.
3. 李宇明.中文怎样才能成为世界第二通用语言．–光明日报．01.04.2020 (Ли Юймин. Как китайский язык может стать вторым универсальным языком в мире? — Гуанмин жибао 01.04.2020).
4. Китайский эксперт назвал причину исчезновения Институтов Конфуция. — Парламентская газета. 06.06.2020. — URL: https://news.rambler.ru/education/44458127.
5. Машкина О. А. Сотрудничество в образовательной сфере на евразийском пространстве: состояние и перспективы (на примере Китая, России и Казахстана). — «Евразийская цивилизация: История и современность». Сборник материалов международной научно-практической конференции. — Монголия: Улаанбаатар хот, 2018 он, с. 117–128.
6. Кузнецова В. В. Машкина О. А. Глобализация китайского высшего образования как фактор геополитического влияния Китая // «Сравнительная политика», 2020, Том 11, № 2, С.139–150.
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово/SLOVO. — 2000. — 624 с.
8. 莫斯科大学生祝福中国（Студенты МГУ желают Китаю счастья）— https://haokan.baidu.com/v?pd=bjh&vid=3816493563856671308&fr=bjhauthor&type=video

© Машкина О. А., Юй Цзэ, 2021

Р. И. Раимов,
аспирант
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ Ч. ВАЛИХАНОВА КАК ОСНОВА ЕГО ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА В СТЕПИ

Чокан Чингисович Валиханов был признан еще своми современниками прогрессивным для того времени интеллектуалом: выдающимся ученым, просветителем, разведчиком и дипломатом. На процесс его становления на научно-

просветительском поприще оказал влияние целый ряд благоприятных факторов: происхождение из знатного казахского рода, получение современного светского образования в Омске, работа и карьерный рост на государственной службе в Российской империи, знакомство и дружба с видными представителями российской интеллигенции и научного сообщества. [1, 41–43]

К просветительским начинаниям в своей стране вдохновлял молодого Ч. Валиханова в своих письмах сам Ф. Достоевский. [3, 179] Получив классическое образование по западному образцу, Чокан Валиханов был сторонником идеи распространения этой образовательной модели на всю территорию Степи. Как писал приятель Ч. Валиханова, российский этнограф, археолог и публицист Н. М. Ядринцев, Валиханов был «даровитейшим и ученым человеком даже в европейской среде», и такие личности, как он, «к сожалению, случайно пробивались из инородческой среды», потому что «высшее европейское образование было чуждо большинству инородцев». По мнению Н. Ядринцева, только такие личности, как Ч. Валиханов, получившие высшее европейское образование и при этом сохранившие симпатии к своей стране, могли способствовать инородческому просвещению. [5, 251–252] Н. Ядринцев писал также, что Ч. Валиханов мечтал о создании в Степи целостной системы органов распространения европейской науки и гуманности, которая не служила бы удовлетворению лишь административных потребностей империи. [1, 43]

Ввиду всего этого, Чокан Валиханов как прогрессивный и просвещенный человек рассматривал ислам как серьезное препятствие для достижения казахским народом уровня европейской цивилизации, западного образования и прогресса. Ученый считал, что, несмотря на сильные позиции язычества в Степи, многие казахи с течением времени исламизируются под влиянием татарских мулл, среднеазиатских ишанов и их прозелитов. Это, в свою очередь, создает для казахов «гибельные перспективы достижения европейской цивилизации», поскольку им придется пройти через тернистый «татарский период» мракобесия подобно тому, как русские в свое время прошли через «гадкий период византийщины». При этом византийщина, по его мнению, привнесла в христианство просветительский элемент, а татарское просвещение не принесет с собой ничего, кроме «мертвой схоластики», которая будет мешать развитию общества. Поэтому Ч. Валиханов рассматривал в качестве принципиально важного пункта в своем просветительском проекте вестернизации Степи преодоление этого «татарского периода» на правительственном уровне. Ч. Валиханов считал это дело обязательной для выполнения гуманистической и просветительской миссией российского правительства. [2; 293, 297]

Тенгрианство Ч. Валиханов назвал «замечательной» религиозной идеей, свободной от мифологических предрассудков и дающей простор общественным условиям и законам. [4, 61–62] С проникновением ислама, писал ученый, тэнгрианство смешалось с ним в одну веру, но при этом даже под влиянием татарских мулл оставалось сутью этой дуальной веры в то время, как мусульманство служило лишь ее формой. [3, 9] Видимо, нараставшие темпы обращения казахов в мусульманство и отказ от веры предков, помимо всего прочего, оказали большое влияние на формирование взглядов Ч. Валиханова отношения к исламу.

Ч. Валиханов частично возлагал вину за торможение процесса продвижения в Степи европейского просвещения на российское правительство, которое вело по отношению к инородцам дискриминационное законодательство в области образования, запрещавшее им, в частности, посещать специальные классы по военным наукам в кадетских корпусах. Отмена этих законов, по его мнению, была великим шагом, поскольку она создала благоприятные возможности продвигать истинное знание, дающее «спасительный дух сомнения». Ч. Валиханов заметил, что все благодетельные мероприятия российского правительства в Степи и деятельность имперских учреждений не приносили позитивных результатов. Вместе с этим, Ч. Валиханов советовал царской администрации не проводить в регионе радикальную политику против ислама. Такие мероприятия, как насильственное насаждение христианства в Степи и гонение мусульманского духовенства, по его мнению, придали бы исламу больше жизненности и энергичности. [2, 294–296]

Итак, решение такой важной задачи как просветительсвто своего народа Чокан Валиханов видел в деисламизации региона и при этом возлагал надежды на содействие царского правительства. Ученый считал, что ислам преграждает казахам путь в сторону прогресса и вестернизации, его ослабление ускорил бы достижение ими европейской цивилизации. Восхищение Ч. Валиханова тэнгрианством было связано с тем, что эта исконная вера казахов более всего могла способствовать просвещению Степи. Наиболее ясно эту идею выразил его друг Н. Ядринцев, который писал: «От школы требуется, чтобы она вложила в инородца любовь к науке и просвещению, но в нем уже есть любовь к окружающей природе и к своему племени... Школа должна воспользоваться этой, воспитанной помимо ее любовью, она должна перенести эту любовь на науку». [5, 250–251]

Резюмируя, необходимо подчеркнуть, что просветительский проект Ч. Валиханова должен был сделать просвещение главным инструментом европеизации Степи, оно должно было ускорить процесс цивилизационной трансформации Степи.

Список литературы и источников:

1. Абуев К. К. Круг научных интересов Чокана Валиханова и его друзей // Проблемы Востоковедения, 2015 / 4 (70). — С. 40–44.

2. Валиханов Ч. Ч. Избранные произведения. — М.: Наука, 1987. — С. 415.

3. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений. Том 5. — Алма-Ата: Главная редакция казахской советской энциклопедии, 1985. — С. 526.

4. Тюлегенов Т. Чокан Валиханов о тэнгрианстве // Мир человека. — Алматы, 2012, 4 (54). — С. 54–65.

5. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное состояние. — СПб.: Издание И. М. Сибирякова, 1891. — С. 333.

© Раимов Р. И., 2021

З. Г. Сактаганова,
д. и. н., проф.
Карагандинского университета
имени Е. А. Букетова
(г. Караганда, Казахстан)

ЧИНГИС И ЧОКАН ВАЛИХАНОВЫ: СЛУЖЕНИЕ НАРОДУ, ОБЩЕСТВУ, ГОСУДАРСТВУ…

Чингис (Чингиз) и Чокан Валихановы — выходцы из социальной категории «торе», чингизиды, представители казахской аристократии, образованнейшие люди своего народа и своей эпохи, что подтверждалось их вкладом в развитие казахского народа, казахстанского общества и российского государства. Не соглашусь с хорошо известной фразой из «Интернационала»: «Кто был ничем, тот станет всем!». Оспорить этот тезис можно народной мудростью. У казахов есть хорошо известная фраза «Тектіден текті туады», что означает, что «из родовитой семьи рождается именитый». Семья Валихановых была хорошо известна в казахской степи в XVIII–XIX веках не только знаменитыми предками (Абылай-хан, Вали-хан и др.), но и собственными деяниями. И, действительно, из этой родовитой семьи вышли умные, образованные и хариматические личности — Чингис и Чокан Валихановы. Их судьбы переплетены не только как отца и сына, но и отслеживаются ряд параллелей в жизненном пути, хотя отец прожил 84 года, а сын — неполных 30.

Вали-хан, отец Чингиса, был последним казахским ханом Среднего жуза, официально признанным и утвержденным царским правительством. После смерти Вали-хана власть в свои руки взяла младшая жена Айганым. Ханша Айганым знала арабский, персидский, чагатайский и русский языки, из европейских — французский язык. Хорошо изучила, как отмечают ее современники, восточную историю и философию, была просвещенным для своего времени человеком. В своей статье А. Х. Маргулан отмечает, что она была умная, дальновидная и для того времени образованная женщина, интересовалась русской культурой, переписывалась с Азиатским департаментом Министерства иностранных дел и Сибирским комитетом в Петербурге. [2] После принятия «Устава о сибирских киргизах» без ее участия не проходило ни одно сколько-нибудь важное событие в Центральном и Северном Казахстане, помогала русским ученым и инженерам, занимавшимся геодезическими исследованиями в Казахской степи.

Айганым хорошо понимала значение русского образования, именно она отдала своего сына Чингиса в училище Сибирского линейного казачьего войска. В 1827 г. Чингис Валиханов после получения начального образования в 16-летнем возрасте поступил в Сибирское линейное казачье училище в городе Омске. Училище давало среднее образование; при нем был специальный класс восточных языков для подготовки квалифицированных переводчиков и топографов.

После семилетнего обучения Чингис вышел из училища в звании майора образованным человеком, хорошо осведомленным в вопросах науки, литературы и искусства, а также истории, географии и статистики. Чингис был одним из первых казахов, отмечают исследователи, хорошо знавших русский язык.

Чокана Валиханова в 12-летнем возрасте теперь его отец Чингис привозит в Омск и устраивает в Сибирский кадетский корпус. Это учебное заведение было создано в 1845 г. на базе того самого бывшего училища Сибирского линейного казачьего войска и считалось одним из лучших в Сибири того времени. В кадетском корпусе были собраны высококвалифицированные преподаватели Сибири, многие из которых были сосланы в Сибирь за свои политические убеждения. Во время шестилетнего обучения в кадетском корпусе Чокан Валиханов совершенствовал знания арабского языка, изучил кроме русского языка еще и французский, и английский. Из обширных курсов, которые читались в Омском кадетском корпусе, видно, что он далеко превосходил среднее учебное заведение обычного типа. В его учебную программу были включены некоторые дисциплины, преподаваемые только в специальных высших учебных заведениях (архитектура, начертательная геометрия, топографическое черчение и пр.). Корпус осуществлял подготовку разносторонне образованных людей, в которых нуждались окраины России. [2]

По окончании войскового училища Чингис Валиханов в возрасте 23 лет назначается ага-султаном (старшим султаном) и служит в Аман-Карагайском (в 1834–1844 гг.), Кушмурунском (в 1844–1853 гг.) и Кокчевском (а 1857–1868 гг.) округах. В течение четырех лет с 1853 по 1857 гг. являлся консультантом в управлении по делам сибирских казахов в Омской области. В 1868 г. вышел в отставку в чине полковника. За 34-летнюю службу во благо государства был награждён несколькими орденами и медалями Российской империи.

Чокан Валиханов в 1853 г. в 18-летнем возрасте закончил обучение в звании корнета и по императорскому рескрипту был зачислен на службу в Сибирское линейное казачье войско. Время, как бы сжалось в жизни Чокана, за последующие 10 неполных лет оставшегося жизненного пути он успеет больше, чем множество других людей его эпохи. Он служил в Военно-учёном комитете Генерального штаба Военного министерства, в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел Российской империи, был адъютантом генерал-губернатора Г.Г. Гасфорта, управлявшего тогда Западной Сибирью и северо-восточными районами Казахстана и т.д. Стал участником ряда военных и известнейших научных экспедиций. В 1855 г. — в поездке генерала Г. Х. Гасфорта и совершил большое путешествие по Центральному Казахстану, Семиречью и Тарбагатаю; путешествие к Джунгарским Воротам, в районе озера Алакуль и по Тарбагатаю, в Центральном Казахстане. В 1856 г. участвует в крупной военно-научной экспедиции полковника М. М. Хоментовского от Ала-Куля к Центральному Тянь-Шаню и на озеро Иссык-Куль; в 1856–1857 гг. — Чокан Валиханов направляется в Кульджу и ряд пограничных пунктов Западного Китая. В 1858–1859 гг. он совершает свою знаменитую поездку в Кашгарию, создавшую ему славу отважного

путешественника. В 1864 г. Ч. Валиханов был приглашен в военную экспедицию генерала М. Г. Черняева, но недовольный жестокими действиями генерала, возвратился в г. Верный.

Географические и исторические исследования молодого казахского ученого через П. П. Семенова-Тян-Шанского стали известны в научных кругах Петербурга, его избрали в состав действительных членов Русского географического общества. В 1862 г. Чокан Валиханов выставляет свою кандидатуру на должность выборного старшего султана, «чтобы посвятить себя пользе соотечественников, защитить их от чиновников и от деспотизма богатых киргиз… примером своим показать землякам, как может быть для них полезен образованный султан-правитель». [2]

Чингис Валиханов установил дружеские отношение с декабристами, путешественниками, учеными и деятелями сферы просвещения и высоко ценил роль науки. Своей деятельностью он немало способствовал приобщению казахов к передовой русской культуре, оказывал активное содействие ученым, приезжавшим в казахскую степь для проведения научно-исследовательских работ. Помогал материалами и сведениями С. Сотникову, И. И. Ибрагимову, А. К. Гейнсу, А. К. Крохалеву и другим исследователям. По просьбе научных учреждений и отдельных ученых собирал казахский фольклор, этнографические материалы, которые передавал М. В. Ладыженскому, Н. Ф. Костылецкому, Г. Н. Потанину, помогал Русскому географическому обществу при сборе этнографических, научных материалов о казахском народе. Данные экспонаты, собранные Чингисом Валихановым, были показаны на выставках в Москве, на третьем Конгрессе востоковедов в Санкт-Петербурге. А. Маргулан пишет, что Чингиса, как поборника русской науки и просвещения в казахской степи, хорошо знали в Москве и Санкт-Петербурге, в Географическом и Антропологическом обществах, для которых он собрал редкие этнографические экспонаты из жизни казахов. Большой материал он передал Московской промышленной выставке, организованной после завершения присоединения Средней Азии к России. Отдельные предметы, собранные им по просьбе профессора В. В. Григорьева для этнографической коллекции, хранятся в музеях гг. Ленинграда, Москвы и Гамбурга. А. Х. Маргулан считал, что «попутное» изучение материалов о жизни и деятельности Чингиза Валиханова таит в себе опасность упустить важные моменты. Исследователи, изучавшие вклад Чингиза Валханова, считают, что собранные документы не дают реальной картины его деятельности в качестве собирателя ценнейших коллекций. [1] Изучение архивных материалов позволяет поставить вопрос о деятельности Чингиса Валиханова не только в роли содействующего ученым, но и как самобытного исследователя. На запрос директора московских музеев от 16 марта 1864 г. о желательности получить сведения, относящиеся к этнографии «сибирских инородцев» и распоряжение генерал-губернатора А. И. Дюгамеля отказали все ага-султаны. Единственный, кто откликнулся на призыв московских ученых, — ага-султан Кокчетавского округа полковник Чингис Валиханов. [1]

Просьба прислать на Московскую этнографическую выставку экспонаты народов национальных окраин поступила генерал-губернатору Западной Сибири от Общества любителей естествознания. И вновь согласие на выполнение этой миссии берет на себя только Чингис Валиханов. [3]

Чокан Валиханов дружил, общался, сотрудничал с блестящими людьми своей эпохи: Ф. М. Достоевским, Г. Н. Потаниным, С. Ф. Дуровым, Н. М. Ядринцевым, П. П. Семеновым-Тян-Шанским, А. Н. Бекетовым, Е. П. Ковалевским, Ф. Р. Остен-Сакеном, И. И. Захаровым, В. В. Григорьев, В. П. Васильев, В. В. Вельяминов-Зерновым, Г. А. Колпаковским, И. И. Ибрагимовым, Н. Ф. Усовым и др. О Чокане кратко и емко написал А. Х. Маргулан: «Выдающийся казахский ученый и просветитель Ч. Валиханов оставил после себя обширное литературное наследство. За свою короткую жизнь он успел написать ряд работ, посвященных истории, географии и этнографии народов Средней Азии и Казахстана... Это был вполне сформировавшийся крупный ученый с энциклопедическим складом ума, сумевший поставить по-новому ряд вопросов в современной ему науке». [2]

Гениальность Чокана затмевала образ его отца, хотя, наверняка, служение народу, обществу и государству Чингизом Валихановым был для Чокана ярчайшим примером такого служения.

Список литературы и источники:

1. Малышева М. П., Познанский В. С. Этнографические материалы Чингиса Валиханова// Известия АН КазССР. Серия общественная, 1990, № 5 (173)// https://silkadv.com/en/content/etnograf-chingis-valihanov.

2. Маргулан А. Х. Очерк жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова// Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. — Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. Т. I //https://shoqan.kz/materials/m1/

3. ЦГА РК. Ф.345. Оп.1. Д.874. Л.26-27.

© Сактаганова З. Г., 2021

Д. В. Сапрынская,
аспирант, н. с.
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова
(г. Москва, Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МУСУЛЬМАНСКИХ НАРОДОВ В ЗАМЕТКАХ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА[1]

Исследование мусульманского пространства Российской империи и её бытности сегодня представлена разными областями гуманитарного знания. Однако визионерами и главными исследователями Центральной Азии и вместе с

[1] Доклад подготовлен при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук МК-636.2020.6.

ней мусульманских народов следует считать первых представителей служивой интеллигенции. Чокан Валиханов и его многочисленные труды в виде этнографических записок, путевых дневников и зарисовок являются фундаментальным источником, открывающим нам возможность к изучению мусульманской традиции.

Характеризуя источники, стоит обратиться к ряду его записок: «Записки о киргизах», «О родоподразделение киргизских племен», «Смерь Кукотай-хана и его поминки» и др. Все эти и другие сочинения Ч. Валиханова раскрывают читателю всю полноту как кочевой традиции, племенных особенностей, так и очевидный синкретизм с исламской верой.

Обратимся к отрывку из «Смерь Кукотай-хана и его поминки» из эпоса Манас: «В средоточие мусульманских и неверных улусов стою я ставкой, пусть [он] будет хозяином поминок, которые я даю по отце, по Кукотай-хане, пусть выбирает лучший кусок мяса — почетную грудинку». [1, 97–98] Так, мы видим еще только становление исламской традиции в регионе, его разделение на верующих и неверных — первое обоснование группы последователей. Однако почитание и той, и другой обрядовости подталкивает нас на изучение репрезентации мусульманских народов с хронологической или же ретроспективной позиций. Тем не менее упоминание об исламе уже в самих частях «Манаса», а его составления относят к историческому фону XV–XVIII в. (точная датировка не установлена), позволяет охарактеризовать мусульманские народы этого региона и подчеркнуть синкретическое наследие.

Другой пример — «Записки о киргизах», в них мы встречаем как репрезентацию основного племенного состава киргиз, так и сведения об исламских налогах как одного из важных консолидирующих элементов мусульманской общности. Например, «При преемнике его Мадали-хане (Мухаммед-Али) в Ташкент был назначен предприимчивый и храбрый наместник (кушбеги) Мамет-Алим родом из калчи. При этом кушбеги впревые явились сборщиками зякета». [1, 78].

В итоге иллюстрации, описание быта и традиций региона в трудах Чокана Чингисовича Валиханова позволяют воспроизвести и дополнить понимание ислама в Центральной Азии, увидеть синкретизм и до определенной степени проследить становление мусульманского самосознания.

Список литературы и источников:

1. Валиханов Ч. Ч., Собрание сочинений в пяти томах. — Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии: Том II. 1985. — 416 с.

© Сапрынская Д. В., 2021

С. А. Семедов,
д. философ. н., проф.,
ИУРР, РАНХиГС при Президенте РФ.
(г. Москва, Россия).

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

В истории России золотыми буквами вписаны имена выдающихся деятелей — представителей разных национальностей, внесших огромный вклад в историю и культуру страны. Среди них несомненно, можно выделить Чокана Чингизовича Валиханова (1835–1865) — «Азиатского Шелли», географа, этнографа, писателя, художника, одного из самых образованных людей своего времени. Его заслуги по достоинству были оценены еще в XIX веке. В Советское время ему посвящались научные труды, повести, романы. Его труды были изданы в 5-ти томах. Он нем в 80-е годы сняли фильм «Чокан Валиханов» («Казахфильм», 1985 г., режиссер Асанали Ашимов). Безусловно, Чокан Валиханов был и остается одной из символических фигур в российско-казахстанских отношениях. Он также является одним из героев и символов в исторической памяти казахского народа.

Одна из сфер многогранной деятельности Чокана Валиханова всегда оставалась в тени — это его дипломатическая деятельность, которая сыграла важную роль в продвижении и укреплении позиций России в Центральной Азии. Парадокс истории: потомок Чингис-хана на русской военной и дипломатической службе. Но все станет на место, если учесть, что Русь-Россия формировалась и возвышалась на части великой империи, созданной в XII веке Чингис-ханом и его потомками.

Чокан Валиханов (настоящее имя Мухаммед-Ханафия) — потомок (правнук) прославленного Абылай-хана (1710–1780), рос среди казахских поэтов, певцов (акынов), проявлял интерес к их творчеству. Валиханов происходил из степного аристократического рода, в казенных бумагах непременно отмечалось, что поручик султан Валиханов — «потомок последнего владетельного хана Аблая, поступившего в подданство России, и первый из султанских сыновей, который получил основательное образование в Сибирском кадетском корпусе»[1]. Вначале в начальной казахской школе он получил основы знаний по разным предметам, в том числе изучил грамматику и основы чагатайского (тюркского), арабского и персидского языков. Затем он блестяще окончил Сибирский кадетский корпус в Омске (1847–1853 гг.), где изучал историю, географию, математику, геодезию, архитектуру, военные дисциплины, а также русский язык, которым он не владел до поступления в корпус.

Для того, чтобы понять значимость дипломатических миссий Ч. Валиханова, необходимо проанализировать геополитическую обстановку в Западной

[1] Стрелкова И. И. Валиханов. — М.: Молодая гвардия, 1983. — С. 4.

Сибири и Центральной Азии в 50-х–60-х гг XIX в. Все три казахских жуза (Малый, Средний и Старший) входили в состав Российской империи. Кокандское, Хивинское ханства и Бухарский эмират оставались самостоятельными государствами с изменчивой и балансирующей внешней политикой по отношению к великим державам. Средняя Азия была вовлечена в «Большую игру» России и Британии. В то же самое время в Восточном Туркестане (ныне известном как Синьцзян-Уйгурский автономный район-СУАР), являющемся важным торговым центром между Западом и Востоком, а также буфером между Россией и Китаем, происходили интересные события, которые во многом зависели как от центральных властей Китая, так и от политики среднеазиатских государств…

1822 году стал действовать «Устав о сибирских киргизах», составленный графом М. М. Сперанским, превосходно знавшим Сибирь, где он с 1819 по 1821 год был генерал-губернатором. Вместо родового деления в Средней орде учреждались округа под управлением выборных старших султанов, русских заседателей и заседателей из киргизской верхушки. Округа делилась на волости под началом выборных волостных правителей. Для сибирских киргизов (т. е. казахов) вводилась ясачная подать в размере одного процента от количества скота, взимаемая раз в год, летом, а также постойная, подводная и почтовая повинности.

Важную роль в продвижении России на юго-восток и восток играл город Омск. Омскую крепость основал в 1716 году подполковник Иван Дмитриевич Бухгольц, отправившийся по приказу Петра I в Джунгарию за «песочным золотом», но не только за ним. Царь, прорубивший окно в Европу, не забывал и об Азии. Петр I стремился установить торговые связи между Россией и Индией. К началу XIX века на берегу Иртыша, чуть ниже того места, где была столица Кучума — хана Сибирского ханства вырос город, половину населения которого составляли военные. Отсюда управляли Западной Сибирью, Сибирским казачьим войском и сибирскими киргизами.

Для Сибирского казачьего войска открыли в Омске Линейное училище, а при нем Азиатскую школу, где стали обучать русскому языку и немногим другим наукам будущих переводчиков и чиновников. Здесь учился сын ханши Айганым Чингис Валиханов в Азиатской школе. По «Уставу о сибирских киргизах» Чингис имел право быть принятым на казенное содержание в само училище — эту привилегию русское правительство установило для детей султанов и старшин. В 1834 году, по окончании Азиатской школы, Чингис Валиханов 30 августа на совещании старшин и султанов был избран старшим султаном Аман-Карагайского округа, пограничным между Западно-Сибирской и Оренбургскими губерниями. Омское начальство утвердило решение казахской знати, и Чингис, согласно «Уставу» получил вместе с должностью старшего султана чин майора. После этого должность Чингиса Валиханова подтверждалась 4 раза. Таким образом, отец Чокана был образованным человеком, хорошо знавшим русский язык и знакомым со многими представителями русской интеллигенции. По поручению губернатора Чингис-султан занимался сбором песен, стихов, фольклора, этнографическими и археологическими исследованиями. В 1854 году подполковник Чингис Валиханов получил должность советника Пограничного управления

(вскоре переименованного в Областное правление) и перебрался на житье в Омск.

Сын майора (позже, полковника) русской армии Чингиса Чокан Валиханов официально состоял на службе в Министерстве иностранных дел Российской империи с конца мая 1860 года до 1865 года (до смерти). Он был определен в Азиатский департамент министерства по ходатайству канцлера-Министра иностранных дел князя Александра Михайловича Горчакова. Однако, дипломатическая деятельность Чокана началась раньше, в 1854 году, когда его определили адъютантом к генерал-губернатору Западной Сибири Густав Христианович Госфорту (1794–1874). Генерал-губернатор был родом из Пруссии, по образованию ветеринар. Во время войн против Наполеона, в которых Пруссия стала союзницей России, его прикомандировали к русской кавалерии — по случаю открывшейся эпизоотии. Гасфорт принял русское подданство, поступил в училище колонновожатых, оттуда попал в Главный штаб и стал быстро продвигаться вверх. Кроме обязанности писать бумаги за Гасфорта, Чокан взял на себя и обязанность историографа Западной Сибири. Он получил доступ в одно из ценнейших хранилищ тайн русской политики в Азии — в Омский архив. Древние грамоты на русском языке, на староузбекском, указы и приказы, рапорты и реляции, походные журналы, путевые записки купцов: связки материалов о русско-джунгарских отношениях, показания бухарца Адама Хазикельдина, уроженца города Томска, тайно посланного из Кашгара в Россию некими двенадцатью беками с письмом русскому царю и шестью драгоценными каменьями в презент…[1] Служа адъютантом у генерал-губернатора, Чокан изрядно преуспел в изучении наук, и прежде всего истории, географии и экономики Степи и соседних стран.

На посту адъютанта Госфорта Ч. Валиханов совершает несколько поездок в Семиречье, Коканское ханство, Аягуз, Капал, долину Алматов. Он посетил Джунгарские ворота, Каркаларах, Баян-аул, Кокчетав. Занимательной и очень познавательной для молодого корнета была поездка в составе большой депутации во главе с Г. Х. Госфортом по Семипалатинской области, недавно образованной в составе Западно-Сибирской губернии. Согласно новому степному «Уставу» (Сперанского), один раз в году областной начальник отправляется сам или отряжает особых чиновников для обозрения и ревизии порядка в Степи и что жалобы на старшего султана, на членов приказа и начальника стражи подаются киргизами письменно областному начальству. Торговая слава города на Иртыше – Семипалатинска — росла и проникала в глубины Азии. В 1851 году произошло событие, чрезвычайно благодетельное для Семипалатинска. Знаменитый путешественник, писатель и дипломат Егор Петрович Ковалевский (1809–1869) проследовал через этот город в Кульджу и заключил там с китайцами взаимовыгодный Кульджинский договор 1851 г., открывший для русской торговли Кульджу и Чугучак, где учреждались русские торговые консульства.[2] Кульджинский договор поднял торговый оборот Семипалатинска до миллиона рублей в год, семипалатинский таможенный пост преобразовали в таможню первого класса.

[1] Стрелкова И. И. Валиханов. — М.: Молодая гвардия, 1983.

[2] Густерин П. В. Е. П. Ковалевский — дипломат и востоковед // Вопросы истории. — 2008. — № 8.

Г. Х. Гасфорт в Семипалатинске принял депутацию азиатского купечества. Переводил при деловой беседе Валиханов. Беседу с Гасфортом вел от имени всех азиатских купцов ташкентец Букаш. Переводя ответы Букаша на вопросы Гасфорта, Чокан все больше убеждался, что ташкентец — политик и дипломат, каких поискать. Букаш в курсе всех интриг, которые плетутся в Коканде, Кашгаре, Бухаре и Хиве. Ему известно во всех подробностях, что предпринимают англичане, чтобы завоевать среднеазиатские рынки для своих товаров. Люди торгового сословия не умеют составлять маршруты, вычерчивать карты, вести топографические съемки. Но они знают дороги, обычаи народов, языки. У торгового сословия есть своя — и превосходная! — изустная география все еще не открытой европейцами Азии[1]. В Семипалатинске Чокан познакомился с Ф. М. Достоевским, с упомянутым уже купцом Букашем Ауповым. Деловой ташкентец умел принять русских гостей, накормить и напоить, и уж тем более ему было лестно видеть у себя Валиханова, влиятельного человека при генерал-губернаторе и к тому же правнука Аблая. Букаш мог порассказать Чокану о своих беседах с побывавшим в Семипалатинске — не так уж давно — немецким путешественником Гумбольдтом и о мудром степном политике султане Старшего жуза Сьюке, родиче Валихановых. Кроме сыновей и внуков, Букаш представил гостям своего компаньона Мусабая, который был тоже ташкентец. Чокан понял, что эти коммерсанты в тюбетейках не какие-нибудь там мелкие торговцы нанкой и стеклянными бусами, а крупная международная фирма, у нее есть свои агенты во всех среднеазиатских городах, связанных с Семипалатинском торговыми отношениями.

В ходе инспекционной поездки, Ч. Валиханов побывал в Капале, в крепости Верный. Здесь их нагнали 2 новости: в ходе Крымской войны пал Севастополь, в Чугучаке (Восточный Туркестан) взбунтовавшаяся толпа сожгла русскую факторию. Когда генерал-губернаторское кочевье тронулось из Верного в обратный путь, поднимая клубы пыли над пожелтевшей летней степью, Чокана в свите Гасфорта уже не видели. Он остался в Семиречье, ездил к Джунгарским воротам, на любимый Абакумовым Алакуль, а затем через Каркаралы и Баян-Аул, где во главе приказа стоял дядя Муса, прибыл в Кокчетав. Отыскал летнюю кочевку своего отца, отдохнул там и к осени воротился в Омск.

В ту зиму он написал для Гасфорта проект управления казахами Большой орды, дав обстоятельный обзор положения на русской пограничной линии, краеугольными камнями которой теперь стали форт Перовский на Сырдарье (бывшая Ак-Мечеть) и укрепление Верное в Заилийском крае. «В отношении политическом, военном и торговом Заилийский край имеет чрезвычайно важное значение. Находясь в узле трех держав и главных путей, ведущих в Ташкент, Кульджу и Кашгарию, он служит опорою против вторжений со стороны кокандцев и китайцев, занятием его упрочивается порядок и спокойствие в Большой орде, приобретается большое влияние на дела с Кокан-дом и Ташкентом, обеспечиваются торговые пути в эти места, а сближением с дикокаменными киргизами представляются виды на открытие торгового пути с Кашгариею, Яркентом, Тибетом и

[1] Стрелкова И. И. Валиханов. — М.: Молодая гвардия, 1983. — С.41.

прочими местами Средней Азии». Дальше в записке шла речь о беспокойстве, вызванном в Ташкенте ростом влияния России в Большой орде и у «дикокаменных киргизов». О том, что Коканд усиливает оборону крепостей Пишпек, Мерке и Аулие-Ата, и о необходимости принять меры для защиты мирных аулов от нападения с кокандской стороны.

Старший жуз должен наконец-то обрести мир и реальную возможность сближения со Средним жузом — объединения казахов в единый большой народ. Вот о чем еще думал Чокан, сочиняя записку об управлении Большой ордой. Одним из путей объединения казахов станет введение в Илийском крае вместо военного управления — военно-гражданского, такого же, как у сибирских киргизов, с выборными старшими султанами, с областным правлением, в котором есть представитель казахов.

Гасфорт остался доволен запиской Валиханова и отослал ее в Петербург в качестве обоснования необходимости усилить войска Сибирского корпуса и учредить должность правителя Илийского края. Чокан искренне огорчился, когда его капитальный труд положили под сукно, посчитав очередным прожектом Гасфорта. Корнету султану Валиханову еще не полагалось производство в следующий чин, но благодаря особому ходатайству Гасфорта он был пожалован чином поручика. Весной 1856 года поручик Валиханов получил приказ отправиться в командировку за Или и там присоединиться к отряду подполковника Хоментовского, принять участие в разборе споров между родами Старшего жуза — Бугу и Сарыбагиш, встретиться с киргизскими родоначальниками. В ходе этой поездки Ч. Валиханов еще раз посетил Семипалатинск, поселения в бассейне реки Каркару, Иссык-Куль, предгорья Тянь-Шаня. Именно в ходе этой поездки Чокан сделал запись отрывка из героического эпоса тюрских народов «Манас» «Смерть Кукетай-хана и его поминки» и сделал русский перевод этого отрывка. Это была первая запись эпоса «Манас». Итог его поездки на Иссык-Куль и предгорья Тянь-Шаня (1956 г.) — сбор огромного материала по этнографии, истории, географии, традициям и обычаям киргизов, топографические съемки озера Иссык-Куль.

В это же время в Санкт-Петербурге решался вопрос о направлении в Кульджу дипломатической миссии для переговоров и восстановления торговых отношений с Китаем, которые были прерваны после того, как была сожжена русская фактория в городе Чугучаке (18...г.). В качестве представителя от России был первоначально назначен подполковник Перемышельский, пристав казахов Старшего жуза, но впоследствии эта миссия была поручена Чокану Валиханову. Инструкция Министерства иностранных дел рекомендовала: «Главная цель наша добиться решения дела с Китаем дружелюбным путём и скорее восстановить прерванные торговые отношения … В случае требования китайцев — войти в переговоры и насчёт наших с Китаем границ»[1]. Фактически, перед миссией была поставлена задача восстановить консульские, торговые отношения с западными

[1]Записки Русского географического общества. По отделению этнографии. — Санкт-Петербург, 1867–1925. — Т. 29: Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова / изд. под ред. д. ч. Н. И. Веселовского. — С.-Петербург: Типография Главного управления уделов, 1904.

провинциями Китаем, а в случае необходимости, провести переговоры по спорным пограничным вопросам. В начале августа 1856 года Ч. Валиханов во главе дипломатической миссии отправился в Кульджу. В течении трех месяцев работы, Ч. Валиханову удалось восстановить де-факто дипломатические отношения между Россией и Китаем, подписать соглашения о восстановлении торговых отношений. Вскоре были открыты консульства в Кульдже и Чугучаке. Дипломатическая миссия Ч. Валиханова заложила основу Тарбагатайского договора 18…г.

На обратном пути из Кульджи Чокан встретился в Семипалатинске с Ф. М. Достоевским и П. П. Семеновым (Семенов-Тян-Шанский). Великий русский географ высоко оценил работы Ч. Валиханова и, в 1857 году, 21 февраля по рекомендации П. П. Семёнова, Чокан был избран действительным членом Русского географического общества.

В конце июня 1858 года Чокан Валиханов отправился в Кашгарию с караваном с караваном семипалатинского купца Мусабая Тохтабаева. под именем молодого купца Алимбая, переодетый в восточную одежду и с обритой, по местному обычаю, головой. Кокандцы в Кашгаре принимали «купца Алимбая» очень гостеприимно, оказывали ему почести, устраивали для него различные увеселения и по местному обычаю временно женили на девушке-чаукен (так называли временных жён, или жён по временному браку). Все это было благоприятно для детального ознакомления с жизнью города. Чокан сумел всесторонне изучить Кашгар, ознакомиться с его политическим и экономическим устройством, собрать материалы по истории и этнографии народов, населявших эту страну с давних времён. Исторические сведения он черпал также из письменных источников, местных официальных документов и книг, дополненных рассказами чиновников и купцов. Чокан установил подробности гибели в Кашгаре немецкого исследователя Адольфа Шлагинтвейта, которому, по приказанию кровожадного ходжи отрубили голову

12 апреля 1859 года, через 11 месяцев после начала путешествия, Чокан Валиханов вернулся в укрепление Верное с «богатым запасом интересных сведений о Кашгаре». Пробыв здесь полтора месяца, он вернулся в Омск, где занялся обработкой собранных материалов. Известие о возвращении Чокана Валиханова из Кашгарии быстро долетело до Петербурга. Генерал Гасфорт 13 июля сообщил военному министру Сухозанету, что «караван, посланный в мае минувшего года в Кашгар, окончив успешно свои торговые дела, возвратился в Семипалатинск. Вместе с тем прибыл в город Омск и находившийся при этом караване поручик султан Чокан Валиханов».

Главным результатом поездки Валиханова в Кашгар стал его труд «О состоянии Алтышара или Шести восточных городов Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии)». Это был первый научный труд, посвящённый истории, географии, социальному строю народов Восточного Туркестана. По охвату полученных материалов, а также широте и глубине их анализа работа Валиханова явилась крупным вкладом в науку. В этом замечательном труде проявились

огромная эрудиция учёного, его талант исследователя, острый, пытливый ум. Замечательное впечатление производят образный язык и занимательный тонкий юмор. Труд был высоко оценён востоковедами России и за её пределами[1].

В начале 1860 года исследователь Кашгарии приехал в Петербург, где был встречен, как отважный путешественник и знаток жизни народов Центральной Азии и по личному распоряжению императора Александра II был награждён императорским орденом Святого Равноапостольного Князя Владимира 4-й степени для мусульман. Ему присвоили очередное звание штабс-ротмистра. Валиханов остался в столице для продолжения службы: сначала в Генеральном штабе, где составлял карты Средней Азии и Восточного Туркестана, а с конца мая 1860 года, по ходатайству министра иностранных дел — князя Александра Михайловича Горчакова, он высочайшим повелением был определён ещё и в Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Научный труд Валиханова имел и большое практическое значение. В период, когда активно развивались экономические связи России со странами Востока, работа молодого учёного явилась важным справочным пособием для многих русских государственных и военных деятелей.

Директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел Н. П. Игнатьев (1832–1908) написал письмо от 6 июля 1863 года генерал-губернатору Западной Сибири Дюгамелю следующего содержания: «Состоящий в ведомстве Азиатского департамента штабс-ротмистр Валиханов уволен в 1861 году в Западную Сибирь для лечения от болезни. Признавая необходимым вызвать ныне Валиханова [обратно] в С.-Петербург, имею честь обратиться к вашему высокопревосходительству с покорнейшею просьбою потребовать означенного офицера в г. Омск и командировать его курьером в Министерство иностранных дел, снабдив его прогонными деньгами. Вместе с тем имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство не оставить уведомить меня, в случае, если болезненное состояние Валиханова не дозволит ему ещё возвратиться в С.-Петербург».

В начале 60-х гг., особенно после обострения отношений России с европейскими странами из-за польского восстания 1863 года, в руководстве империи была распространена теория, согласно которой наступательный курс в Средней Азии мог бы сдержать антироссийские происки Великобритании в Европе и на Ближнем Востоке. Военное ведомство и министерство иностранных дел отмечали ненормальное положение, когда У России на весьма протяженных южных границах не было оформленной государственной границы: вместо нее существовали условные и не связанные между собой «линии»: Оренбургская и Западно-Сибирская.

В 1864 году наконец закончилась изнурительная более чем 30-летняя Кавказская война, которая частично освободила силы и средства для более активных действий на среднеазиатском направлении. Летом 1864 года начались военные действия в целях выравнивания границы. Главный удар был направлен против

[1] Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара, или шести восточных городов Китайской провинции Нан Лу (Малой Бухарии) (1858–1859) // Собрание сочинений в пяти томах. — 2-е изд. Доп. и переработанное. — Алматы: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. — Т. 3. — С. 97—218.

Коканского ханства[1]. Русские войска во главе с полковником М. Черняевым вышли из Верного. Штабс-ротмистр Ч. Валиханов состоял при главном командовании. Отряд М. Черняева захватил крепости Пишпек, Аулие-Ата и взял штурмом Чимкент (сентябрь 1864 г.). Это была последняя военно-дипломатическая экспедиция выдающегося путешественника и дипломата.

Интересна последняя публикация Чокана Валиханова о состоянии дел в Кашгарии — статья о восстании дунган в Западном крае Китайской империи, написанная в Капале 7 декабря 1864 года и опубликованная в газете «Русский инвалид» в № 51 за 1865 год. Начиналась она так: «Не думаю, чтобы нашлось очень много из читателей русских газет, которые бы знали то место, из которого я пишу Вам мое письмо, и хотя бы приблизительно могли указать на карте Капал. А между тем знание этого пункта не показывает одного только исключительного знакомства с географией, оно указывает и на степень того интереса, которым проникнуто наше общество к своим политическим делам в отдаленных пределах России. Об этих делах русское общество по большей части узнает из иностранных газет и преимущественно английских, в которых, кроме весьма малого знакомства с делом, беспрестанно встречаются самые превратные толкования действий в Азии. Поэтому я полагаю, что для русских читателей небезынтересно будет познакомиться из ближайшего источника с настоящим ходом дел в Китае, что более или менее ощутительно может отражаться и на русских, которые находятся по своим торговым и другим делам в довольно тесной связи с этою страною»[2].

Дипломатическая деятельность Чокана Валиханова имела огромное значение для укрепления позиций России в Центральной Азии и в Западной Сибири. Находясь на военной службе с 19-ти лет и до конца своей короткой и яркой жизни, главной целью своей деятельности Валиханов считал поиск научной истины, изучение истории, этнографии, географии народов Центральной Азии и Сибири. Однако, он был настоящим русским офицером, стоящим на страже национальных интересов своей Родины — России. Его дипломатическая деятельность полностью была направлена на отстаивание национальных государственных интересов России. При этом, его любовь к своему народу — казахскому — никак от этого не страдала. В своих произведениях, как научных, так и публицистических, Чокан Валиханов фактически открывал миру богатую историю, духовный мир Степи. Он первым открыл западному миру эпос «Манас».

Дипломатическая деятельность Чокана Валиханова была высоко оценена еще при его жизни: он был удостоен аудиенции у императора Александра II, канцлера А. М. Горчакова. Его заслуги высоко оценило Русское географическое общество. Выдающиеся ориенталисты сотрудничали с ним и слушали его лекции. Говоря современным языком, сам факт привлечения представителя казахской элиты на дипломатическую работу был своеобразным методом поиска путей сближения с инородцами в Российской империи. Впрочем, Россия не являлась в этом плане первопроходцем. Нужно отметить, что вскоре в ходе борьбы

[1] История дипломатии России: в двух томах. Учебник/А. И. Кузнецов, Ю. А. Райков, В. В. Самойленко/ Под ред. А. В. Торкунова — М.: Изд-во «Аспект-Пресс», 2018. — С. 273.

[2] Валиханов Ч. Восстание джунгар //Русский инвалид, 1866, № 38, 42.

за присоединение Средней Азии к России, в арьергарде русских войск шел ротмистр Алихан Аварский (в будушем, русский генерал).

Список литературы и источников:

1. Бейсенбайулы Ж. Чокан Валиханов (историко-биографическое повествование). — С. 172—251. — Астана: Фолиант, 2018. — 752 с.

2. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. — т. 1. С. 33–36. — Алматы: Главная редакция Казахской энциклопедии, 1984. — 432 с;

3. Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара, или шести восточных городов Китайской провинции Нан Лу (Малой Бухарии) (1858—1859) // Собрание сочинений в пяти томах. — 2-е изд. Доп. и переработанное. — Алматы: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. — Т. 3. — С. 97–218.

4. Валиханов Ч. Ч. Страна шести городов. Дневник путешествия на Иссык-Куль. М.: Изд-во «Эксмо», 2017.

5. Густерин П. В. Е. П. Ковалевский — дипломат и востоковед // Вопросы истории. — 2008. — № 8.

6. З. Е. Кабульдиноав, Ж. Н. Калиев, А. Т. Бейсембаева. История Казахстана (XVIII–XIX вв.) / Главный редактор: А. Прманов. — Алматы «Атамура». — Казахстан: ТОО «Атамура», 2018.

7. История дипломатии России: в двух томах. Учебник/А. И. Кузнецов, Ю. А. Райков, В. В. Самойленко/ Под ред. А. В. Торкунова. — М.: Изд-во «Аспект-Пресс», 2018.

8. Записки Русского географического общества. По отделению этнографии. — Санкт-Петербург, 1867–1925. — Т. 29: Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова / изд. под ред. д. ч. Н. И. Веселовского. — С.-Петербург: Типография Главного управления уделов, 1904.

9. *Стрелкова И.* Чокан Валиханов. Серия ЖЗЛ — М.: Молодая гвардия, 1983. — 284 с.

© Семедов С. А., 2021

Г. Ю. Ситнянский,
к. и. н., с. н. с. ИЭА РАН
(г. Москва, Россия)

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ КАК СТИХИЙНЫЙ «ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ЕВРАЗИЕЦ» (на примере анализа им казахской судебной системы)

Зародившаяся в 1920-х гг. в среде русских эмигрантов и развитая в конце XX в. Л. Н. Гумилёвым теория (и выросшая из нее идеология) «евразийства» стала предметом многочисленных дискуссий. Адепты этой теории объявили Российскую Империю органическим синтезом населявших ее народов, в течение последних полутора тысячелетий – преимущественно восточных славян и тюрков-степняков, каковой синтез просто не мог не привести к образованию на данной

территории единого государства. Но у евразийской идеологии была еще одна черта – она являлась до предела антизападной, антилиберальной и тоталитарной.

Так, Н.С. Трубецкой говорил о «евразийской партии» как о «государственно-идеологическом союзе, не делящемся властью с другими партиями и даже не допускающем существования других партий»ю. [7, 11] То же самое утверждали и многие другие евразийцы, которые выступали за «единство народа», воля которого должна быть выражена «через определённого носителя», [1, 161–173] причем «идея-правительница не может допустить существования внутри себя каких-либо неподконтрольных ей факторов». [10, 33–36] И таких цитат можно привести очень много.

Евразийцы декларировали синтез в России Запада и Востока, однако именно декларировали, поскольку «синтез» в их интерпретации заключался в полном отрицании Запада в пользу Востока, и в результате получился один Восток, причем «Восток Ксеркса, а не Христа», с преклонением перед всевозможными Чингис-ханами и объявлением Запада источником всех бед России.

Однако в евразийстве есть положение, которое я лично считаю абсолютно правильным – представление о России как об органическом единстве пусть не всех народов Российской Империи — СССР, но некоторых, а именно восточных славян и населения Великой Степи. И это положение евразийства отнюдь не противоречит ни либеральным и демократическим ценностям, ни интеграции России в Европу. И среди евразийцев были и есть авторы, которые с этим согласны.

Например, этой точки зрения придерживался П. М. Бицилли. [2, 279–291] Ф. А. Степун, будучи евразийцем, полагал, что Россия-Евразия — скорее Европа, поскольку «православие не настолько отличается от католичества, чтобы оторвать их друг от друга». [21, 307–327] Г. П. Флоровский говорил, что Россия все же ближе к неправославной Европе, чем к совсем не христианской Азии. [23, 237–265] Г. В. Вернадский, будучи евразийцем в геополитической и культурной областях, по политическим симпатиям был ближе к кадетам. [15, 54–71] Имеются сторонники подобной точки зрения и среди нынешних евразийцев — например, Р. Я. Евзеров. [8, 122–139] Это направление, которому мною посвящена специальная статья, я называю «либерльным евразийством». [17]

При этом задолго до появления евразийства как такового созвучные мысли высказывали многие авторы, «стихийные евразийцы», в том числе появлялись и «стихийные либеральные евразийцы», например, В. А. Липский, подчёркивавший восприимчивость скотоводческих евразийских народов — казахов и киргизов — к европейской культуре. [12, 91–236]

Таким «стихийным либеральным евразийцем» есть основания считать и Ч. Ч. Валиханова, исходя, например, из анализа им традиционного казахского суда биев как института традиционной степной демократии (о степной демократии мною также написана специальная работа [9, 14–19]), в то же время близкого и к европейской судебной системе. Анализу Ч. Ч. Валихановым суда биев (перекликающемуся с анализом некоторых других авторов) как проявлению «стихийного либерального евразийства» и посвящена настоящая статья.

Классическая модель народного суда казахов и киргизов — это устный, гласный и публичный суд, который разбирал дела по исковым заявлениям истца,

начиная от простой обиды и кончая самыми тяжкими преступлениями. Дела передавались в суд, только если тяжущихся не удавалось склонить к окончанию спора миром, к чему стремилось всё общество и что являлось заботой авторитетных родственников. Суд вершили бии — известные и уважаемые в народе знатоки адата. [3, 219]

Суд биев, каким он стал известен российским исследователям XIX–XX вв., установился у казахов в правление хана Тауке (1660-е — 1715/1718 гг.) (по крайней мере, казахская традиция приписывает это установление ему) [19, 45], когда благодаря проведённым этим правителем реформам к биям перешла часть функций третейского суд аксакалов. Помимо этого, стремление Тауке усилить ханскую власть привело к тому, что и судебная власть перешла от султанов к биям. Такова, опять же, классическая интерпретация реформ Тауке. [11, 53–54] Однако так ли это? Чтобы это понять, необходимо проанализировать институт бийства.

Звание бия не было наследственным, хотя нередко (но всё же в меньшинстве случаев) оно доставалось сыну умершего бия. Бий формально не выбирался, а получал звание за глубокие познания в судебных обычаях и организаторское искусство. Право выбора бия было аналогично праву выбора адвоката в европейской правовой культуре; в другом месте Ч. Ч. Валиханов сравнивает звание бия со «званием» поэта или художника в Европе, которое надо заслужить своим мастерством и которого можно лишиться при потере авторитета после пристрастного судебного решения. [5, 208, 215–218] Но уместна и иная аналогия: если звание бия было неформальным и если судьёй-бием в степи считался всякий киргиз, избираемый каждый раз для разбора конкретного дела из круга имеющих глубокие познания в судебных обычаях, наделённых организаторским искусством и заслуживающих доверия лиц обеими сторонами по взаимному согласию, то биев вполне можно уподобить присяжным, с той разницей, что в Европе в присяжные по жребию мог попасть любой человек (если были ограничения, то они определялись не уровнем знания законов), а у казахов в бии — лишь известный и уважаемый в народе знаток адата.

В южной части кочевого ареала бии (из которых тяжущиеся могли выбирать судью по своему усмотрению) назначались ханами из числа соискателей, просивших эту должность с подарками. [6, 179] Однако это было уже результатом влияния восточного общества и нарушением принципа степного демократического суда.

Бий, как правило, был богатым и влиятельным лицом. Это мог быть родоначальник истца или то уважаемое лицо из рода ответчика, к которому обращался истец. [9, 10] Отметим, что, несмотря на сочувствие к сородичу, судьи не допускали уклонений от справедливости, будучи связанными общественным мнением, религиозными представлениями и различными нормами адата. Честность и беспристрастность биев были не только залогом репутации всей родовой группы, они обусловливались возможностью свободного выбора того или иного судьи и, видимо, боязнью осквернить себя ложной присягой (о присяге чуть ниже).

По другой версии, впрочем, бий, принадлежавший к одному с одной из тяжущихся сторон роду, мог быть адвокатом, но не судьёй (возможно, кроме тех

случаев, когда обе стороны давали согласие на участие такого бия в процессе в качестве судьи — Г. С.). Вообще же, казахи предпочитали судиться у проезжих биев (что при кочевом образе жизни организовать было нетрудно), чем у биев соседнего племени, так как, несмотря на всё вышесказанное, очевидно, всё же опасались, что суд последних не будет беспристрастным в силу родовых счётов. Но как бы то ни было, жалобы на решения биев были редким явлением. [5, 209–212]

Обычно споры внутри родовой группы решались биями единолично (это могло иметь место и в случае, если тяжущиеся стороны сами пожелают одного судью), [5, 216] а в более мелком подразделении (ауле) — старейшинами (аксакалами). Споры двух родовых групп решались третейским судом. В этом случае род обидчика совместно с родом обиженного, избрав по взаимному соглашению одного и того же бия (судя по всему, из третьего, нейтрального рода), уполномочивали его выбрать, по своему усмотрению, ещё несколько биев. [19, 45–46] По другим данным, тяжущиеся могли выбрать по равному числу биев с каждой стороны, то есть биев-обвинителей и биев-защитников; некоторые авторы полагают, что это бывало, если стороны не могли договориться об одном центральном бие. Для решения дел большой важности в судебном совещании должны были участвовать от 8 до 24 судей — нечто вроде коллегии присяжных. Такой суд назывался «кенес». Выбранный по соглашению обеих сторон бий становился его председателем; обычно он назывался посредником. Дела особой важности, например, споры, в которых были заинтересованы разные роды, разбирались ханом, султаном или другими почётными лицами при большом стечении народа, преимущественно в дни поминок умерших и народных празднеств. Это был ежегодный суд народного собрания «маслагат», решения которого были непререкаемы для народа. [19; 77, 24, 11]

Особо необходимо отметить, что бии разбирали публично все дела, тогда как привнесённые российской властью мировые судьи — только гражданские. Ч. Ч. Валиханов добавляет, что институт мировых судей не идеален даже в таком классическом правовом государстве, как Великобритания, на что британские правоведы указывают. [5, 217]

На практике суд «вольных биев» был, по-видимому, безапелляционным, и народные судьи как лица, лично известные населению и родоправителям, могли рассчитывать, что их решения будут исполнены; это соответствовало высокому статусу биев в народе. Однако есть сообщения, что в принципе недовольные судебным решением могли обжаловать его у султана или бия более высокого уровня, что, однако, случалось крайне редко, считалось важнейшим происшествием и разглашалось по степи. [13, 76, 112] Апелляции разбирались на народных собраниях, решение которых считалось окончательным. [9, 3; 14, 325]

Если ответчик не сознавался, принимались свидетельские показания, вёлся поиск следов преступления, а в случае отсутствия того и другого назначалась присяга. Присяга была решающим элементом дознания. Чаще всего бии присуждали «очистительную» присягу. По выбору истца один, при больших исках — два-три «присяжных» назначались из числа наиболее уважаемых и почётных людей, принадлежавших к роду ответчика. В зависимости от важности дела выбор

присяжных происходил либо из числа близких соплеменников подсудимого, либо из всей его волости или рода.

Присяжные должны были поклясться, что обвиняемый невиновен, тогда последний выигрывал дело. Если же такой человек отказывался от присяги, вина считалась доказанной. Иногда в доказательство показаний присяга налагалась на свидетеля или на его уважаемого родственника. В некоторых гражданских делах часто применялась «доказательная» присяга, которую в «маловажных» случаях принимал истец, а в серьёзных – его влиятельный сородич, которого уже выбирал ответчик. [5, 210–211; 6, 190–193, 208–211; 24, 19–20]

Принятие присяги могло в корне изменить общественное мнение в отношении присягнувшего. Считалось, что ложно присягнувший рано или поздно будет уличён, поскольку сработает «узун-кулак» («длинное ухо»), весьма быстро распространяющее среди кочевников любую информацию. «У народа пятьдесят ушей» — гласит казахская пословица, примерно аналогичная русской «земля слухом полнится». [9, 13] При этом ложно (даже по неведению) присягнувший человек по народным обычаям лишался покровительства общества, а его имущество могло быть разграблено. Поэтому выдвинутый на присягу человек старался как можно точнее выяснить обстоятельства дела и сам проводил расследование. Если он оставался не уверен в невиновности своего «подопечного», то, чтобы избежать присяги, старался склонить тяжущихся к мировому решению с удовлетворением половины иска. Лучшие бии умели не доводить до присяги и решать дело миром. [6, 211–213; 19, 91–92]

В свете всего сказанного можно увидеть в судебных реформах Тауке не только (и не столько) укрепление ханской власти, но и укрепление степной демократии, нечто вроде европейской замены «суда сеньоров» (в данном случае — султанов) судом присяжных.

При этом бии руководствовались не писаными законами (которых попросту не было), а «своими обычаями, преданиями, поверьями и верою». [9, 4] В отсутствие определённых писаных законодательных и судебных норм широко использовалось прецедентное право, [4, 16] что даёт аналогии с правом англосаксонским.

Свидетельства лиц султанского происхождения, показания биев или почтенных аксакалов обычно принимались в знак доверия к ним без подтверждения присягой. [19, 91–92] «Белая кость» была неподсудна суду биев, [4, 14] что даёт аналогию не с буржуазной, а со средневековой Европой, где, например, пэров мог судить только суд равных.

Отметим ещё, что у казахов никогда не было телесных наказаний, [5, 220] или по крайней мере они применялись в единичных случаях и «не приветствовались», как чужеродное явление, привнесённое в Степь среднеазиатскими ханами («из кокандских крепостей»). [6, 244]

Некоторые авторы считают нарисованную картину слишком идеализированной. Так, В. В. Радлов пишет: «Так как кочевникам совершенно неизвестна система выборности предводителей, то бий обычно приобретает власть путём узурпации, и её редко признают безоговорочно все. Поэтому судебный приговор,

который выносят бии, это в большинстве случаев третейский суд, которому добровольно подчиняются обе стороны. Есть бии, которых народ слушается безоговорочно, которые завоевали своё положение справедливыми и разумными суждениями. Другие утверждают своё положение только благодаря своему богатству и большой родне. Наконец, некоторых признаёт небольшая часть их родового подразделения, и они имеют конкурентов». Конфликты внутри рода улаживала третейским судом «корпорация биев», каждый из которых представлял своё подразделение. «Влияние биев и здесь зависит от обстоятельств. Есть бии, которые могут одним лишь своим приговором или приказом прекратить самые жёсткие распри. В то же время с решением, принятым целой корпорацией биев, иногда не считается ни одна сторона». [16, 338] Однако Радлов занялся изучением казахов только начиная с 1862 г., поэтому есть основания считать, что многое из описанного им негатива привнесено уже российской администрацией. Поэтому о последствиях недостаточно продуманного вмешательства российских властей в судебную систему казахов (и киргизов) сказать тоже надо.

По Уставу о сибирских киргизах 1822 г. из компетенции бийских судов выводились «уголовные преступления», к которым, кроме преступлений против власти, были отнесены убийство, грабежи и баранта. Бии имели право приговаривать осуждённых только к штрафу. В 1830–1850-х гг… кочевники формально получили право по их желанию обращаться не к биям, а в имперский суд. [4, 115; 13, 74–75] Эти попытки лишь дискредитировали судебную власть в глазах населения, которое избегало русского суда и стремилось решать дела по обычным правилам. [19, 67–71, 82–83, 135] Отметим, что до судебной реформы 1864 г. российский суд был дальше от европейских стандартов, чем суд биев (например, адвокатов вообще не было), и Ч. Ч. Валиханов свидетельствует, что многие проживавшие в казахских областях русские предпочитали суд биев, и напротив, некоторые казахи, «заклеймённые народом за прегрешения вполне безнравственные» (например, конокрад, укравший в общей сложности сотни лошадей), требовали русского суда. [5, 214]

По закону 1854 г. биями были оставлены те, кто ими бы на данный момент, а впредь таковых полагалось поставлять из числа султанов или аульных старшин, занимавших указанные должности не менее шести лет или награждённых российскими властями и «не иначе как по выбору общества»; это был первый шаг к превращению биев в чиновников. [5, 211-212]

По Положениям 1867 (Временное об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областями) и 1868 гг. (Временное об управлении в степных областях) народный судья (бий, как и казий в оседлых волостях) избирался по той же системе, что и волостной управитель — выборными от каждых 50 хозяйств. [3, 223–224] Официальные выборы не могли удовлетворить этим условиям и, как предупреждал Ч. Ч. Валиханов, должны были способствовать переходу власти «в руки богачей».

Кроме того, формальная выборность биев уничтожала конкуренцию: при традиционной казахской судебной системе к плохому судье просто никто не обращался, и ему как судье приходил конец. А что будет, спрашивает Валиханов, если его официально изберут и утвердят судьёй? Кроме того, теперь бий получал

право начать судебное дело по личному усмотрению, что тем более превращало его в полицейского. [5, 218–220]

Снижение авторитета биев и доверия к ним в последней трети XIX в. — это результат «привнесённой системы выборности», выборные кампании выродились в борьбу партий и часто сопровождались беспорядками и даже убийствами. Новым биям уже не нужно было, как раньше, заботиться о своей репутации… Институт апелляции к съездам почти не работал, так как бии в корпоративных интересах почти всегда утверждали решения… Результат — рост апелляций к русской власти, а также рост влияния присяги, которую теперь, упрощая задачу, предпочитали опросам свидетелей, часто вопреки показаниям последних. При этом бии часто ставили вопросы так, чтобы получить ответ в нужном направлении. Плюс коррупция — за деньги иной готов любую присягу дать. Авторитетные люди старались теперь не участвовать в судебных процессах, избегали присяги и т.д., заботясь о репутации. [3, 227–228]

Возможно, эти процессы были связаны и с начавшейся седентаризацией скотоводов: при оседании казахов бийский суд не приживался, они заимствовали систему судопроизводства у оседлого населения, например, на юге (в присырдарьинских областях? — Г.С.) — у кокандцев. [4, 238] Возможно, со всем этим связано и то, что в начале XX в. киргизы предпочитали суду биев русский суд [22, 38], тогда как до российской судебной реформы 1864 г., как уже говорилось, даже многие проживавшие в казахских областях русские предпочитали суд биев.

Тем не менее, хотя суды биев и стали объектами многочисленных «перестроек» со стороны российских властей, на соционормативный пласт традиционной культуры степняков такими средствами разрушающего воздействия оказать в принципе было нельзя. Традиционная правовая культура сохранялась и в начале XX в. (надо думать, до ликвидации в 1924 г. суда биев и вообще традиционного права как таковых — Г.С.), в какой-то степени она жива и сейчас. [20, 15–16]

Возможно, что в силу последнего обстоятельства и сегодня исследование традиционной степной правовой культуры имеет практическое значение: её можно использовать, органически вписав этот институт степной демократии (анализу последней мною также посвящена специальная работа [18, 14–19]) в демократию современную. Л. А. Словохотов приводит в качестве примера Норвегию начала XX в., «где народное правовоззрение не потеряло до сих пор практического значения и где обычное право существует не инкогнито и благодаря снисхождению закона, как у нас, а, напротив, само подчинило себе официальное право, основанное здесь на народных обычаях и понятиях». [19, 13–14] А Ч. Ч. Валиханов ещё за сорок лет до того предлагал при введении у казахов суда присяжных выбирать последних по жребию из биев, решивших в прошлом году какие-либо дела. [5, 226]

Список литературы и источники:

1.Алексеев Н. Н. Евразийцы и государство// Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. — М., 1993. — С.161–173.

2.Бицилли П. М. Два лика евразийства// Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. — С.279–291.

3.Брусина О. И. Обычное право кочевого населения Туркестана в системе российского управления// Среднеазиатский этнографический сборник. — Вып.V. — М., 2006. — С.217–234.

4.Быков А. Ю. Истоки модернизации Казахстана. — Барнаул, 2003.

5.Валиханов Ч. Ч. Записка о судебной реформе// Избранные произведения. — Алма-Ата, 1958. — С.187–227.

6.Гродеков Н. И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. — Т. 1. Юридический быт. — Ташкент, 1889.

7.Гумилёв Л. Н. Ритмы Евразии. — М., 1993.

8.Евзеров Р. Я. Евразийские идеи в контексте эволюции СНГ// Переходные процессы. Проблемы СНГ. — М., 1994. — С.122–139.

9.Ибрагимов И. Заметки о киргизском суде. — СПб., 1878.

10.Исаев И. А. Идеи культуры и государственности в трактовке «евразийства»// Проблемы правовой и политической идеологии. — М., 1989. — С.3–36.

11.Курылёв В.П. Скот, земля, община у кочевых и полукочевых казахов (вторая половина XIX – начало XX вв.). — СПб., 1998.

12.Липский В.А. По горным тропам Русского Туркестана// ИРГО. 1907. — T.XLII. – С.91–236.

13.Материалы по казахскому обычному праву. — Сб.1. — Алма-Ата, 1948.

14.Отчёт ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. — СПб., б.г. [1883–1886].

15.Пономарёва Л. В. Типология евразийства// Евразийская перспектива. — М., 1994. — С.54–71.

16.Радлов В.В. Из Сибири. – М., 1989.

17.Ситнянский Г. Ю. Либеральное евразийство — оксюморон или национальная идея для России*? //* Центр Востока и Запада. — 14 апреля 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mesoeurasia.org/archives/8630.

18.Ситнянский Г.Ю. Мировой демократический процесс и степная традиция// Азия и Африка сегодня. — № 3. — С.14–19.

19.Словохотов Л.А. Народный суд обычного права киргиз Малой Орды. — Оренбург, 1905.

20.Степной закон. Обычное право киргизов и туркмен. – М., 2000.

21.Степун Ф.А. Россия между Европой и Азией// Россия между Европой и Азией... — С.307–327.

22. Усенбаев К. У. Восстание 1916 года в Киргизии. — Фрунзе, 1967.

23.Флоровский Г. П. Евразийский соблазн// Россия между Европой и Азией… — С.237–265.

24.Шакаев Г. Процессуальное обычное право казахов XIX–XX вв. Автореф. дисс… к. и. н. — Алма-Ата, 1966.

© Ситнянский Г. Ю., 2021

Г. М. Смагулова,
к. и. н., доц.
Карагандинского университета
имени Е. А. Букетова
(г. Караганда, Казахстан)

Ш. УӘЛИХАНОВ ЭКСПЕДИЦИЯСЫ ІЗІМЕН: «ҮЛКЕН ОЙЫННАН» «БІР БЕЛДЕУ — БІР ЖОЛ» БАСТАМАСЫНА ДЕЙІН

Қазақ ғылымының қалыптасуына ең алғашқылардың бірі болып үлес қосқан Шоқан Уәлиханов. Ол жан-жақты ғалым — этнограф, ориенталист, фольклортанушы, географ, тарихшы, саяхатшы болды. XIX ғасырда өмір сүріп, еуропаша оқып, жоғары дәрежеде білім алған және қазақ ұлтының арасынан алғаш рет ғылыми қызметке араласқан адам. Аз ғана өмір сүргеніне қарамастан, қазақ халқын Еуропа білімі мен мәдениетіне жеткізу жолында қызмет атқарды, артында өшпейтін мол рухани мұра қалдырды. Солардың бірі Қашқарияға сапары еді және Ш. Уәлиханов онда жинаған материалдарын ғылыми түрден жүйелеп, қағазға түсірді, Қытай және Орта Азияның карталарын жасады.

Шоқан Уәлихановты Қашқарияға жіберген орыс әкімшілігінің өз саясаты болды. XIX ғ. Ресей империясы халықаралық қатынастар жүйесінде Англия, Франция, Голландия, Польша тәрізді Еуропа мемлекеттері және Осман империясы, Иран, Қытай сияқты Азияның елдерімен өзінің қарым-қатынастарын ұстана отырып, сыртқы саясатын нығайтуды көздеді. Соған қарамастан Англия мен Ресей империясы арасындағы бақталастық XX ғ. басына дейін жеткен, «Үлкен ойын» саясатын тудырды.

«Үлкен ойын» — отаршыл екі мемлекеттің Шығыс елдеріне деген бақталастық болып табылады. XIX ғ. «Үлкен ойын» саясатының негізгі объектісі қазіргі Орталық Азия аймағы болды. Бұл кезде Англия «Ост-Индия» компаниясының отаршыл саясатының негізінде Азияның бірқатар елдерін отарлады немесе жартылай отарлап үлгерді. Ал Орталық Азия елдері бұл кезде Англияның уысына түспеді. Жалпы стратегиялық тұрғыдан Орталық Азия аймағы Англия үшін маңызды болды.

Англиямен салыстырғанда патшалық Ресей империясы үшін XIX ғ. Азия елдерін әлі де болса жақынырақ танысу процестері жүріп жатты. Егер бұл кезде Ресей империясы Қазақстан тәрізді Орталық Азия елдерін отарлап үлгерсе, Қытайды толықтай танып үлгермеді. Батыс елдері Шығысты зерттеуді жаппай үрдіске айналдырып, батыстық ғылыми ортада шығыстану атты ғылым пайда болды. Батыстың Шығысқа иелік етуі дейтін саясаттың нәтижесінде, Шығыстану ғылымы да қарқынды дамыды. Ресей де Шығыс елдерін жақсылап тану мақсатында түрлі экспедициялар ұйымдастырғанын тарихтан жақсы білеміз. Солардың бірі жоғарыда аталып өткен Шоқан Уәлиханов қатысқан 1858–1859 жж. Қашқария экспедициясы. Бұл экспедицияның Ресей үшін негізгі мақсаттарының бірі – саяси-әкімшілік тұрғысынан жақынырақ білу болды.

«Қашқардың Алтышаһар мемлекетінің тұрмыс-жайын, тарихын зерттеуге Ресей ықыласты еді. Бірақ ол шаһарға шеттен, бөтен халықтан ешкім бара алмайды. Бірді-екілі барғандарды өлтіріп жібереді. Мысалы, А. Шлагинвейтті солай өлтірген еді. Сондықтан үкімет Қашқар сырын ашу тек Шоқанның ғана қолынан келеді деп, соны жұмсайды ...». [3, 6] Осындай экспедияциялардың барысында Ресей империясы Қытай елі арасында коммуникацияны қалыптастырып, дамыта бастады. Бұл жерде коммуникацияны екі қырынан қарастырылды: біреуі — жол, яғни траспорттық магистральдар; екіншісі – тіл, яғни тілдік коммуникация.

Жол тұрғысынан қарастырсақ, бір кездері Шоқан Уәлихановтар жүріп өткен, қиын, күрделі кезеңдегі жол қатынастары болды. Оны біз Шоқан Уәлихановтың «Қашқарған барған және кері қайтқан сапарымыз туралы» жазбасын оқу барысында түсінеміз. Аталған жазбадан бір ғана үзінді келтірейік: «... Тянь-Шань арқылы Қашқар мен Тұрфанға баратын керуен жолдары толып жатыр. Солардың ішінде керуен көп жүретін басты үш жол бар: біріншісі — Үшқақпақ пен Көкжар асулары арқылы Текес өзенінің бойымен Тұрфанға баратын жол: бұл керуенмен жүргенде он күндік жол деп есептеледі және мұнда Қиялы, Есекарт, Қайшы деп аталатын өте қиын үш асу кездеседі ... Екінші жол Түрген, Ақсу, Заукі, Қасқасу, Заукішақ, Дүңгіреме және Басқауын асулары арқылы Тарағанға барады. Бұл жолда биік өр, бел-белестерді санамағанның өзінде Жетімасу мен Шақырқорым деген өте қиын екі асу бар... Үшінші жол Алабас пен Жуанарық асулары арқылы Нарынға, Шадыркөл арқылы Қашқарға барады ... осы жолмен жүргенде керуен Қашқарға он алты күнде барады деп есептейді. ... бірақ бұлардың бәрі де тауқыметі көп, қиын жолдар». [3, 384–385] Ш. Уәлиханов сипаттап жазған XIX ғ. жолдардың жағдайын, әрине, XXI ғ. жолдармен мүлде салыстыруға болмайды. Өйткені XXI ғ. үлкен Азия құрылығындағы елдердің өзара жақындасуына ықпал ететін транспорттық магистральдар қажет. Бүгінде ол Қытай тарапынан «Бір белдеу – бір жол» бастамасы тарапынан да қолға алынды. Бұл Азиядан басталып, Азия елдерінің қолдауына сүйене отырып, Азия тұрғындарының жақсы тұрмысына бағытталған өміршең, үлкен ауқымдағы жобалардың бірі. 2013 ж. ҚХР Төрағасы Си Цзиньпин ұсынған бұл бастама екі үлкен жобалардың қосындысынан туындаған болатын: біріншісі — «Жібек жолының экономикалық белдеуі», екіншісі — «Жібек жолының XXI ғасырдағы теңіз жолы».

Жаңа «Жібек жолының» құрлықпен өтетін жерлері Батыс Қытайдан басталып, Қазақстан да кіретін Орталық Азия және Ресей арқылы Батыс Еуропаны жалғайтын заманауи көліктер өтетін дәліз. Ауқымды территорияларды қамтиды. Бір кездері Ұлы дала арқылы өтетін Жібек жолының осы тұсы қауіп-қатерсіз болмағанын Шоқан Уәлиханов өз жазбаларында жазып қалдырды. Бүгінде Ұлы даланың бұл жерлеріндегі теміржол, автокөлік өтетін Жібек жолы — ең қауіпсіз, ең ыңғайлы да, тиімді жол. Ш. Уәлиханов сипаттап жазған 16 күнде баратын жолдың уақыты қысқарды; ат пен түйенің орнын автокөліктер мен поездар басты.

«Бір белдеу, бір жол» бастамасының маңызды тармағы болып табылатын «Жібек жолының экономикалық белдеуі» жобасы үш тармақтан тұрады —

солтүстік жол (Қытай — Қазақстан — Ресей — Еуропа), *орталық жол* (Қытай — Қазақстан — Каспий теңізі — Түркия) және *оңтүстік жол* (Қытай — Қырғызстан — Өзбекстан — Түрікменстан — Иран — Пәкістан — Үнді мұхиты). Бұл жобадағы солтүстік жол Қазақстан жері (Ақтөбе — Қызылорда — Шымкент — Тараз — Қордай — Алматы) арқылы өтетін, Қытайдағы Қорғастан басталып, Ресейдің еуропалық бөлігіндегі Санкт-Петербург қаласына дейін жететін Батыс Қытай — Батыс Еуропа автомагистралы. [1] Бұл жол тек қана Қазақстанның көлік-коммуникация жағдайын жақсартып қана қоймай, Қазақстанға транзиттік алымдар және маңызды сыртқы сауданың бұрынғыдан да жақсы дамуын қамтамасыз етеді, сонымен қатар, «Жібек жолындағы экономикалық белдеу» құрылысын ынталандырады.

Шығыс пен Батыстың арасын жалғастыруда заман талабына сай жол салып, транзиттік дәліз ашумен қатар, ортақ экономикалық кеңістікті қалыптастыру тек Қытай мен Қазақстанға ғана емес, оның бойындағы елдердің бәрі үшін маңызды болмақ. Бұл жолдардың бойында инфрақұрылым дамып, қаншама әлеуметтік нысандар салынады, қызмет көрсету орындары ашылады, мыңдаған адамдар жұмысқа тартылады. Тек заманауи транспорттық инфраструктуралар арқылы мемлекеттераралық экономикалық, сауда ынтымақтастығы тереңдейді. Бұған 2018 ж. мамыр айында Қытайда «Бір белдеу, бір жол» бастамасы бойынша өткен халықаралық саммит кезінде «Қазақстан темір жолы» акционерлік қоғамы мен қытайлық COSCO Shipping компаниясы және Ляньюньган порты арасында «Қорғас — Шығыс қақпасы» еркін экономикалық аймағын бірлесе дамыту жөніндегі келісімшартқа қол қойылуы дәлел. [1]

«Бір белдеу, бір жол» бастамасы инфрақұрылымдарды тұрақты түрде нығайтып келеді. Ол туралы Си Цзиньпин былай дейді: «Строительство дорог создает процветание во всех сферах. Мы ускорили продвижение таких инфраструктурных проектов, как высокоскоростная железная дорога «Джакарта — Бандунг» в Индонезии, железная дорога Китай — Лаос, железная дорога Аддис-Абеба (Эфиопия) — Джибути, железная дорога Будапешт (Венгрия) — Берг (Сербия). Были построены Гвадар и Пирей, в планах — осуществление множества проектов по взаимосвязи инфраструктур. Сегодня формируется комплексная инфрастуктурная сеть, в авангарде которой Китайско-Пакистанский экономический коридор, экономический коридор Китай — Монголия — Россия, Новый Евразийский континентальный мост и другие экономические коридоры. Каркас сети составляют сухопутные, морскме и воздушние пути, а также информационные магистрали, опора этой сети — железные дороги, порты, трубопроводы и другие важные сооружения». [2, 731] Бұдан біз бұл бастаманың халықаралық деңгейдегі маңыздылығын байқаймыз және Қытай тарапы тек қана бастама-жобаларды ұсынып қана қоймай, оларды алға қарай жылжытуда үлкен жұмыс жасап жатқандығы көрінеді.

Қытай да, Қазақстан да шекаралас көрші елдерді өздерінің сыртқы саясатының басым бағыты деп санайды және олармен қарым-қатынас кезінде достық, шынайылық және өзара тиімділік сияқты ұғымдарды ұстанады.

Осындай ынтымақтастық мәдени тұрғыда да нығая түседі. Шоқан Уәлиханов заманында тіл коммуникациясында түрлі проблемалар кездесті. Оны Ш. Уәлиханов өз жазбаларында Қытай империясының шекараларынан өтіп, қытай бекеттеріне келген кезде қашқарлық тілмәштардың көмегіне жүгінгендіктері туралы жазады. Яғни, бұдан қытай тілін мүлде немесе жетік білмеу проблемасы болғанын түсінуге болады. Ал XXI ғ. тілдерді үйренуде бөгет жоқ. Қытай тарапы әртүрлі мәдениеттер арасындағы диалогты қолдай отырып, қытай тілін үйренушілерге және мәдениетімен танысамын деушілерген үлкен құрметпен қарап, әрқашанда да қолдап отырады. Оған бір дәлел келтіруге болады, ол қазақстандық жастардың арасында қытай тілін үйренуге деген құлшыныстардың жыл сайын көбейе түсуінде. Әлемнің басқа елдеріндегідей Қазақстанда ашылған Конфуция институты қытай мәдениетін таныстыру мен дәріптеуде үлкен рөл атқарады. Ендеше «Бір белдеу, бір жол» бастамасы тек қана транспорттық дәліздер арқылы экономикалық ынтымақтасықты ғана дамытып қана қоймай, мәдени қарым-қатынастарды да дамытады. Бұл бағыт бір кездегі Ұлы Жібек жолы кезіндегі қарым-қатынастарға ұқсайды. Оның жекелеген кейбір салыстырмалы түрін төмендегі кесте арқылы көрсетейік.

Кесте

Р/с №	**Ұлы Жібек жолы кезіндегі даму**	**«Бір белдеу, бір жол» бастамасы аясында даму**
1	Құрылықтағы жолдар (керуен жолдары)	Құрылықтағы жолдар (теміржолдар, автомагистральдар);
		«XXI ғ. Жібек теңіз жолы» бағдарламасы бойынша теңіз дәліздері
2	Қалалар (Қашқар, Тұрфан, Самарқанд, Ташкент, Тараз, Отырар және т.б.)	Құрылықтағы Азия елдері мен қалалары
		«XXI ғ. Жібек теңіз жолы» бойындағы Индонезия, Сингапур, Малайзия, Тайланд және басқа мемлекеттер; осындағы қалалар; «ақылды қалалар» — Сингапур, Иньчуань және т.б.
3	мәдени орталықтар (кітапхана, медресе, оқу орындары)	институттар, ғылыми-зерттеу орталықтары, лабораторийлер, мәдени мекемелер (театр, музей)

Осы кестедегі көрсетілгендерді тарқатып айтатын болсақ, бір кездегі Ұлы Жібек жолы тек сауда жолы ғана емес, дамыған өркениеттің жолы болған екен. Яғни көптеген қалалардың салынып, олардың дамуы тек экономикалық емес,

мәденитеттің де көрсеткіші. Ал мәдениет деген ұғым білім мен ғылымның жетістіктерімен де тікелей байланысты. Ұлы Жібек жолы арқылы Қытай мәдениетінің, білімі мен ғылымының жетістіктері Батысқа жетті. Олар атақты қытай жібегі, фарфордан жасалған бұйымдар және басқалары. Ал Батыстан Қытайға зығыр және оның талшығынан жасалған маталар, бұрыш, жүзім тәрізді тауарлар келді. Бұдан басқа Қытайға буддизм мен ислам кіре бастады, араб астрономиясы, күнтізбелік жүйе мен медицина келді. Осы жерде Шығыс мәдениетінде алмасулар, араласулар және синкретизация процестері жүрді. Мысалы, Үндістанда пайда болған буддизм, Қытайда өзінің кемеліне жетті және одан әрі Оңтүстік-Шығыс Азия елдеріне таралды. Қытайда пайда болған конфуцияндық мәдениет тек Шығыс елдерінде ғана емес, Батыс елдерінде де мойындалды, философиялық ілім ретінде танылды. Осылайша Ұлы Жібек жолы адамзат өркениетінің мұрасындағы баға жетпес рухани құндылықтарға рух берген.

Ендеше бір кездегі Шоқан Уәлиханов экспедициясының ізі бүгінде шығыстану деп аталатын үлкен ғылыми мектептің ашылуына жол ашты деуге болады. Шығыстану ұғымы мен ғылымы Ресей империясында Шоқанның Қашқарияға сапары кезінде басталды деп айтуға толықтай негіз бар. Оған Шоқан Уәлихановтың Қытайдың Батыс өлкесі, Құлжа, Қашқарияға сапарлары барысында жинақтап, жазып кеткен еңбектері дәлел болады. Соның бірінде Шоқан Уәлихановтың: «Бұл сапарымнан жинап алып қайтқан географиялық мәліметтерім мен маршруттарымның маңызы қазіргі бар зерттеулерге байланысты болғандықтан және мәлімет көздерімен алдын ала танысуды керек қылғандықтан оларды Қоқан жөніндегі мәліметтер сияқты өз алдына жеке мақала етіп жазу үшін кейінге қалдыра тұрам, ал енді қазір Алтышаһар жөніндегі, яғни Шығыс Түркістанның батыстағы алты қаласы жөніндегі жазбамды ұсынамын», — деп жазғаны, [3, 435] оның тек саяхатшы емес, ғалым ретінде айтқаны деп қабылдаған дұрыс.

Осы экспедициялар барысында Шоқан Уәлиханов өзінің жан-жақты екенін танытты. Тоқтаған жерлерінде тарихи кітаптар сатып алуы, «біреуден алған мәліметтерін екіншісінің айтқанымен салыстырып, анықтап отыруы» білім мен ғылымға деген қызығушылығын; карта түсіріп, сурет салуы қолының шеберлігін; тіл табыса білуі, халықпен тез араласуы, дұрыс шешім қабылдай білуі дипломат екендігін көрсетеді.

Ресей империясы осындай экспедициялар аясында Қытай тәрізді Шығыс елдерін біртіндеп зерттей бастады. Шығыстану ғылымының ірге тасы қаланды.

Шығыстану ғылымы қазақ топырағында Шоқан Уәлихановтан бастау алғанымен, оның бастамасын жалғастыруға, одан әрі өркендетуге қазақ халқының қолында мүмкіндік болмады. XX ғ. басында бұл бағытты қолға алып, дамытады деген қазақ интеллигенциясы репрессияға ұшырады. Кеңес одағы кезінде қазақ халқының өз еркі өзінде болмады, саясат орталықтан жүргізілді, Мәскеуге бағынышты болды. Соған қарамастан Шығыс елдері бағыты бойынша мамандықтарда біраз қазақ азаматтары білім алды. Олардың ішінде Мұрат Әуезов (қытай тілі), Болат Көмеков (араб тілі), Әбсәттар Дербісәлі (араб тілі)

тәрізді біршама ғалымдармен қатар Қасым-Жомарт Тоқаев (қытай тілі), Сайлау Батыршаұлы (араб тілі) сияқты біраз дипломаттар болды.

Қазіргі кездегі шығыстану ғылымы мүлде басқа арнаға ауысты. Шығыстанумен айналысатын арнайы ғылыми орталықтар жұмыс істейді. Шығыс елдерінің тілін меңгерген ғалымдар зерттеулер жүргізеді. Жоғары оқу орындарында да тіл үйреніп, үлкен ғылыми ортаға қарай машықтана алады. Мысалы, Қазақстанда әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінде, Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті тәрізді бірнеше жоғары оқу орындарында шығыстану факультеті бар. Оларда басқа шығыс тілдерімен қатар қытай тілі де оқытылады, арнайы Қытайтану кафедралары ашылды.

Сонымен қатар Қазақстанда қытай бағытына арналған ғылыми жобалар және зерттеулермен айналысатын орталықтар жұмыс істеуде. Солардың бірі «Қазіргі заман қытай зерттеу» орталығы. Оны танымал қытайтанушы ғалым, т.ғ.д., профессор Нәбижан Мұқаметханұлы басқарады.

Қытайтанумен айналысатын жас мамандар тобы қалыптасып келеді. Мысалы, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ шығыстану факультетінің бүгінгі деканы, PhD, доцент Динара Бақыткерейқызы Дәуен қытайтанушы ғалым.

Бұлардан басқа Алматы қаласында Р. Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты бар. Бұл институт Қазақстандағы Шығыс елдерін зерттеумен айналысатын іргелі ғылыми орталық болып саналады. Онда қытайтану бағыты бар. Аталған институттың бүгінгі басшысы Дүкен Мәсімханұлы шығыстанушы, оның ішінде қытайтанушы ғалым екенін айтсақ та болады.

Қазақстандағы шығыстану бағыты «Мәдени мұра», «Рухани жаңғыру» мемлекеттік бағдарламалары аясындағы іс-шараларға қатысу мен іске асыру барысында бұрынғыдан да жақсы дамып келеді. Шығыстану институты ғалымдарының қатысуымен Шығыс елдері архивтеріндегі Қазақстан тарихына қатысты тарихи деректерді зерттеп, оларды Қазақстанға жеткізу, әкелген деректерді аудару және оларды басып шығару жұмыстары қолға алынды. Тек қана Қытай елінен қазақ тарихына байланысты 5500-дей тарихи деректер әкелінді.

2018 ж. бері «Ұлы даланың жеті қыры» стратегиялық бағдарламасының «Архив — 2025» бағыты бойынша да көптеген жұмыстар жүргізілуде, оның ішінде шығыстану және қытайтану бағыттары қарастырылған.

Қытай тарапы «Бір белдеу, бір жол» бастамасы аясында әлемнің басқа елдерімен ғылым, технология және инновация саласында ынтымақтастықты нығайтуға мүдделі. Өйткені XXI ғ. заманауи технологиялар мен инновацияларды қажет ететін заман. Олар ғылымның жетістігі арқылы нәтиже береді. Бұл жерде ынтымақтастық халықаралық деңгейде жүруі тиіс. Бірлескен лабораторийлер мен технопарктер жасау, ол жерде ғылыми зерттеулер жүргізу арқылы алынған ноу-хау нәтижелермен өзара алмасу халықаралық байланыстарды нығайта түседі.

Қазақстан Қытаймен көрші болғандықтан, «Бір белдеу, бір жол» бастамасы аясындағы халықаралық ынтымақтастық оған да маңызды. Демографиялық әлеуеті күшті, экономикасы жақсы дамыған Қытайдың қандай жоспарлары

барын талдап, сараптап отыру бүгінгі күні өзекті мәселелердің бірі. Одан басқа Қытайда өмір сүріп жатқан қандастарымыз бар. Сол себепті де, шығыстану ғылымының күн өткен сайын жандандыра түсудің маңыздылығы айқындала түседі, ал оның қытайтану бағытының маңыздылығы өздігінен туындап отыр. Ендеше шығыстану ғылымы Шығыс елдерімен достық, тату көршілік дипломатиялық қарым-қатынасты жолға қоюдан бастап, ұлттық мүддені нығайтып, ұлттық қауіпсіздікті қамтамасыз етуден туындаған қажеттілік негізінде жұмыс істеу керек. Қазақстанда ол жағы дұрыс жолға қойылған.

Қорыта айтқанда, қазіргі алпауыт Қытай елі Шығыс елдерінің арасында Қазақстан үшін тек геоэкономикалық және геосаяси тұрғыдан маңызды стратегиялық әріптес. Міне, осындай әріптестіктің алғашқы бастауларында қазақтан шыққан энциклопедист ғалым Шоқан Уәлиханов тұрғанын мақтанышпен айтуға болады.

Әдебиеттер:

1. Келешегі кемел «Жібек жолының экономикалық белдеуі» / [Электрондық ресурс]. — Қол жетімді: https://www.inform.kz/kz/keleshegi-kemel-zhibek-zholynyn-ekonomikalyk-beldeui_a3339360 (29.11.2020).

2. Совместное продвижение строительства «Одного пояса — одного пути». Выступление Си Цзиньпина на церемонии открытия Форума высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках инициативы «Один пояс — один путь» 14 мая 2017 года. В кн.: Си Цзиньпин. О государственном управлении. II часть. — Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2018. — 802 с.

3. Уәлиханов Ш. Зерттеулер, ғылыми жазбалар, хаттар / Шоқан Уәлиханов. — Алматы: «Рауан» баспасы, 2014. — 560 б.

© Смагулова Г. М., 2021

Ш. С. Сулейманова
д. полит. н., проф.
ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ,
(г. Москва, Россия)

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА В ПРОЦЕССЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Каждый новый этап развития общества имеет свою обусловленность и порождает определенные вызовы. Процессы политической, экономической, культурологической трансформации начинают определять содержание политического процесса. Такие изменения в основном происходят в период информационной революции, в стремительно меняющемся облике мира. Начинает расширяться и преображаться информационное пространство, а информация становится главным фактором в политическом процессе.

Изменениям подвержены и традиционные типы социально-политических взаимодействий, модернизируются экономическая область, что приводит к системным изменениям в поведении всех участников общественных отношений.

Ответная реакция на новые «вызовы» информационной эпохи начинает формулироваться в рамках политики, так как эта область служит соотнесению разнообразных интересов и выработке решений, которые и определяют вектор развития. В связи с этим особую важность начинает приобретать проблема информационной составляющей современного политического процесса, идет переосмысление роли СМИ в общественной жизни[1].

Глобальное внедрение информационно-коммуникационных технологий открыло новые, исключительные возможности не только для дальнейшего развития информационных процессов, но и для более эффективного развития государственных политико-правовых институтов, субъектов экономической деятельности, институтов гражданского общества, а также для наиболее полной реализации прав и свобод граждан.

Интенсивность развития общества приводит к глобализации, расширению взаимодействия различных стран, народов и их культур, а общение с представителями других государств стало реальностью сегодняшнего дня.

Глобализация, которая формирует состояние взаимозависимости в финансовых и информационных сферах, ставшая важнейшим признаком современности, требует от государств — участников мирового процесса новых действий по структурным реформам общественных систем, социальных производственно-экономических отношений[2].

Социолог из Университета Людвига Максимилиана Александр Либман и директор Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития Евгений Винокуров, чтобы объяснить логику евразийской интеграции, предложили теорию скреплявшей интеграции. По мнению авторов, скрепляющая интеграция — это региональная интеграция, инициированная группой стран, которые до недавнего времени входили в единое государство или колониальную империю, и, которые поддерживают высокий уровень экономических, политических и культурных связей.

Во-первых, скрепляющая интеграция помогает поддерживать определенный уровень экономической и политической связанности и между новыми независимыми государствами — либо на неопределенный, либо на ограниченный срок. Это делает процесс разобщения менее затратным и болезненным.

Во-вторых, скрепляющая интеграция также может дать импульс для ре-интеграции: де-интеграция после распада когда-то единого государства может смениться последующей ре-интеграцией на основе новых принципов, нового межгосударственного сотрудничества, различных новых механизмов, и, возможно, нового состава членов. В периоды экономического роста страны могут предпринять символические шаги в сторону формирования национальной идентичности. Однако экономический спад делает затраты на национальное государственное строительство непомерно высокими. В целом, скрепляющий регионализм может

[1] Сулейманова Ш. С. Межкультурные коммуникации в современном политическом дискурсе. М.: «Издательство «Наука Сегодня», 2020. С. 39.

[2] Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение: монография / под общ. ред. Г. И. Осадчей. — М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. С. 7.

быть интеграционным проектом, вызванным кризисом: экономический спад может стимулировать новое сотрудничество между странами. В рамках неблагоприятной экономической ситуации более вероятно, что будут углубляться экономические связи именно между новыми независимыми государствами, чем связи этих государств с третьими странами[1].

Можно по-разному оценивать эффективность СНГ, рассуждать о его внутренних проблемах, о нереализованных ожиданиях. Однако трудно спорить с тем, что Содружество остается незаменимым механизмом, позволяющим сближать позиции и вырабатывать единую точку зрения на ключевые проблемы, стоящие перед нашим регионом, и приносит конкретную пользу всем его участникам. Более того, именно опыт СНГ позволил запустить многоуровневую и разноскоростную интеграцию на постсоветском пространстве, создать такие востребованные форматы, как Союзное государство России и Белоруссии, Организация Договора о коллективной безопасности, Евразийское экономическое сообщество, Таможенный союз и Единое экономическое пространство.

Создание Евразийского союза, эффективная интеграция — это путь, который позволит его участникам занять достойное место в сложном мире XXI века. Только вместе наши страны способны войти в число лидеров глобального роста и цивилизационного прогресса, добиться успеха и процветания[2].

Процесс интеграции приходит на смену глобализационному процессу, формируя новый геополитический мир — мир макрорегионов. И задача, стоящая сегодня перед Россией в частности и евразийским проектом в целом, состоит в том, что необходимо максимально полно отдавать себе отчет в острой необходимости построения архитектуры собственного макрорегиона. Иначе существует риск того, что евразийский регион будет «разорван» между другими регионами и станет представлять собой всего лишь фрагментарные окрестности управляющих геополитических акторов и альянсов[3].

Рассматривая любые актуальные вопросы современности, необходимо изучить и роль информации в современных реалиях. Государство, являясь главным механизмом регулирования общественных отношений, которое по своей природе стремится реализовать принятые решения, убеждая общественность в их правильности и истинности, использует СМИ в качестве инструмента власти. Очевидно, что СМИ оказывают, на современном этапе, большее, чем, когда бы то ни было воздействие на формирование сознания и поведение человека, и также являются мощным инструментом воздействия на органы власти.

Каждый новый этап развития общества имеет свою обусловленность и порождает определенные вызовы. Процессы политической, экономической, куль-

---

[1] Юрий Кофнер. Теория евразийской интеграции. II. https://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/teoriya-evraziyskoy-integratsii-ii/.

[2] Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня. // «Известия», 4 октября 2011 года. file:///C:/Users/%D1%88%D0%B5%D0%BF%D1%80%D1%80/Downloads/novyy-integratsionnyy-proekt-dlya-evrazii-buduschee-kotoroe-rozhdaetsya-segodnya.pdf.

[3] Ковалев А. А. Евразийская интеграция как пример современного интеграционного процесса в условиях нестабильности. // Управленческое консультирование. № 6. 2017. С. 41. file:///C:/Users/%D1%88%D0%B5%D0%BF%D1%80%D1%80/Downloads/Kovalev_6_17.pdf.

турологической трансформации начинают определять содержание политического процесса. Такие изменения в основном происходят в период информационной революции, в стремительно меняющемся облике мира. Начинает расширяться и преображаться информационное пространство, а информация становится главным фактором в политическом процессе.

Поток политической информации в современном мире разнообразный и противоречивый. Поэтому, разобраться в нем отдельному субъекту, сложно, даже исходя из отсутствия необходимого для этого времени или определенных знаний и навыков. В такой ситуации именно масс-медиа отводится роль «проводника». Ранжирование основной информации, ее представление в доступной массовой аудитории форме и комментирование реализуются, прежде всего, средствами массовой информации[1].

Сегодня мы можем наблюдать изменение информационного пространства, что в свою очередь, ведет к формированию единой глобальной медиасреды и искусственно созданной социальной реальности. Важную роль в данном процессе играют методы манипулятивного воздействия.

Пресс-медиа — мощный механизм, который, владея информацией, управляет различными общественными и политическими структурами и простым народом. СМИ — противоречивый элемент функционирования общества: с одной стороны, он является посредником между индивидом и обществом в целом, и вообще элемент, который шел параллельно с развитием цивилизации — его роль велика на самом деле; человек в наши дни не может чувствовать себя комфортно без понимания того, что творится в мире, без представления, что его ждет; с другой стороны — пресса навязывает нам своё мнение, будь то намеренно или нет, меняет взгляд человека на политический и общественный мир (социальные и политические меньшинства, отношение к власти, чиновникам, зарубежным странам и т. д.)[2].

Три составляющих политического самосознания устанавливают политический облик субъекта, что отражает политическое самосознание и сознание в прошлом и будущем. Политическое сознание, как одно из главных составляющих общественного сознания, носит относительно самостоятельный характер, активно влияет на общественное сознание, мнение, чувства. Это влияние наиболее подробно отражается в функциях, которые выполняет политическое сознание. Связь между политическим сознанием и психологией личности отличается различными характерными свойствами, которые включают в себя не ясность, эмоциональность, рассеянность. Также проявляются индивидуальные самовыражения субъектов, которые отражаются на политической жизни, объединяясь в различные группы, кланы, классы, формируют коллективное мышление, которое не дает индивидуумам развиваться самостоятельно, привязывая себя к лидеру мне-

[1] Следзевский И. В. Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики// Общественные науки и современность. 2011. № 2. С. 145.

[2] Арутюнян А. А. Роль СМИ в подготовке и осуществлении политических трансформаций. // Евразийская интеграция: материалы XV Международной научно-практической конференции (20 мая 2019 года, г. Армавир, Россия) / науч. ред. Л. Н. Горобец; отв. ред.: А. А. Васильев, И. И. Тарасова. — Армавир: РИО АГПУ, 2019. С. 10.

нии. И следует отметить, что концептуальные подходы в исследовании политического сознания довольно обширны и структурированы. На сегодняшний день актуальной является и сетевая публичная политика. Ее можно определить, как систему методов, используемых традиционной публичной политикой, адаптированных под интернет-среду. Таким образом, происходит расширение ее влияния на общество[1].

Медиапространство является частью политического пространства. Вместе с тем происходящие в обществе изменения напрямую затрагивают коммуникативную и коммуникационную их составляющую. Происходит существенное расширение социальных контактов, многократное увеличение видов информационно-социально-политических практик, связанных с развитием современных, прежде всего, цифровых технологий. На первое место в компетенциях человека для достижения успеха в цифровом обществе выходит цифровая грамотность и навыки работы с информационными потоками.

В современном мире, деятельность средств массовой информации повсеместно проникает во все сферы жизнедеятельности общества. Являясь ведущим источником знаний о ситуации в мире, СМИ неотделимы от процессов, происходящих в государстве.

Под политическим процессом понимают функциональную характеристику политической системы, которая отражает совокупность ее внутренних изменений, последовательность политических событий и целенаправленное взаимодействие реальных субъектов политики. Политический процесс может происходить в рамках политической системы общества, на региональном и глобальном уровне. В нем взаимодействуют разные факторы, что приводит к изменениям в политическом процессе.

В современном мире коммуникативные связи и отношения неустойчивы, мобильны, разнообразны. Их характеризует многовекторность и разнонаправленность. Чтобы исследовать политические процессы в условиях цифровой реальности, необходимо разобраться в понятийном аппарате, что такое политическое пространство. Обратим внимание на два очевидных аспекта политического пространства — это объективное политическое пространство (политическая сфера общества) и субъектное политическое пространство (пространство практики политического субъекта). Такое выделение двух крупных разделов политического пространства помогает ориентироваться в различных теориях о политическом пространстве.

Список литературы и источников:

1. Арутюнян А. А. Роль СМИ в подготовке и осуществлении политических трансформаций. // Евразийская интеграция: материалы XV Международной научно-практической конференции (20 мая 2019 года, г. Армавир, Россия) / науч. ред. Л. Н. Горобец; отв. ред.: А. А. Васильев, И. И. Тарасова. — Армавир: РИО АГПУ, 2019. С. 10.

[1] Сулейманова Ш. С. Роль социальной сети в формировании политического сознания современного общества. // Вопросы политологии. Выпуск 12(64). Том 10. 2020. С. 3419.

2. Ковалев А. А. Евразийская интеграция как пример современного интеграционного процесса в условиях нестабильности. // Управленческое консультирование. № 6. 2017. С.41. file:///C:/Users/%D1%88%D0%B5%D0%BF%D1%80%D1%80/Downloads/Kovalev_6_17.pdf.

3. Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение: монография / под общ. ред. Г. И. Осадчей. — М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. — 374 с.

4. Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня. // «Известия», 4 октября 2011 года. file:///C:/Users/%D1%88%D0%B5%D0%BF%D1%80%D1%80/Downloads/novyy-integratsionnyy-proekt-dlya-evrazii-buduschee-kotoroe-rozhdaetsya-segodnya.pdf.

5. Следзевский И. В. Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики// Общественные науки и современность. 2011. № 2. С. 145.

6. Сулейманова Ш. С. Межкультурные коммуникации в современном политическом дискурсе. М.: «Издательство «Наука Сегодня», 2020. — 119 с.

7. Сулейманова Ш. С. Роль социальной сети в формировании политического сознания современного общества. // Вопросы политологии. Выпуск 12(64). Том 10. 2020. С. 3419.

8. Юрий Кофнер. Теория евразийской интеграции. II. https://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/teoriya-evraziyskoy-integratsii-ii/.

© Сулейманова Ш. С., 2021

Ж. С. Сыздыкова,
д. ист. н., проф.
ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова
(г. Москва, Россия)
Б. А. Досова,
к. ист. н., доц.
Карагандинского
университета им. Е.А. Букетова,
г. Караганда, Казахстан)

Е. А. БУКЕТОВ О ЧОКАНЕ И ЕГО ВРЕМЕНИ

Е. А. Букетов посвятил памяти Чокана Валиханова эссе-очерк под названием «Святое дело Чокана», где он выразил статье свое отношение к наследию великого соотечественника, при этом размышляя об опыте времени, в котором жил Чокан и о его роли для поколения советских людей.

Евней Арстанович Букетов (23.03.1925–13.12.1983) — доктор технических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР, член Союза писателей Казахстана, академик Академии наук Казахстана. С 16 августа 1991 года имя Е. А. Букетова присвоено Карагандинскому государственному университету, в котором он был ректором с самого первого дня его основания 14 марта 1972 года и

до середины января 1980 года. Евней Арстанович был не только крупным ученым, но и литературным критиком, переводчиком, публицистом, поэтом и писателем. Писал он на двух языках — русском и казахском.

А. Е. Данияpова и Н. А. Данияpов в своей статье «Значение литературы в творчестве академика Е. А. Букетова» написали следующее: «Е. А. Букетов — прозаик, обладающий социальным темпераментом. Во всем его творчестве проявляется непосредственный отклик на вопросы, выдвигаемые как жизнью, так и общим движением литературы. Отсюда его художественная эссеистика и большая приверженность документу, нежели вымыслу. Эссе — жанр, включающий в себя элементы повести, статьи размышления, психологического трактата. В эссе «Святое дело Чокана» он делает предметом своего исследования взаимоотношение незаурядной личности и обстоятельств. Как правило, Е. А. Букетов показывает не только человека в окружающем мире, но и раскрывает его духовный мир. Отсюда художественная масштабность замысла произведения и мысль, не ограниченная рамками темы, а мысль художественная, которую нельзя кратко сформулировать, образ всегда шире идеи. Евней Арстанович не раз говорил брату, что образы Ч. Валиханова и К. Сатпаева стали его «болью и радостью», что если он не напишет о них, то будет считать себя «самым несчастным человеком на свете». [1, 158] Еще при жизни академика в 18-м сборнике «Пути в незнаемое: писатели рассказывают о науке» в издательстве «Советский писатель» было опубликовано эссе Е. А. Букетова «Святое дело Чокана», а в 1994 г. в издательстве «Караганда полиграфия» вышла книга, в которую вошли документально-публицистические очерки «Святое дело Чокана», «Об академике Сатпаеве». [2] Карагандинский государственный университет имени академика Е. А. Букетова на протяжении 2005–2007 гг. издал Собрание сочинений первого ректора. В книге второй шестого тома Собрания сочинений академика Е. А. Букетова опубликован очерк «Святое дело Чокана». [3] Для написания данной статьи авторы опирались машинописную рукопись Е. А. Букетова, переданную родным братом академика Камзабаем Арстановичем на хранение в Государственный архив Карагандинской области (ГАКО).

Литература в жизни Е. А. Букетова, без сомнения, занимала важное место, дополняя науку и органично формируя его мировозрение. На вопрос, что для него важнее наука или литература, Евней Арстанович ответил: ««Литература поставляет ученому чувство беспредельности человеческого разума. Распахиваются такие дали, что невольно обретаешь крылья и пускаешься в полет. И еще, образованность без воспитания – лишь грива скакуна, но не сам скакун. Воспитание чувства от песен, литературы, живописи, от всего того, что составляет великолепное ощущение жизни. Хочется поделиться с людьми сердечной радостью, поэтому и занимаюсь литературой!». [4, 125]

Евней Букетов, объясняя обращение к жизни и творчеству Чокана Валиханова, поэтично написал в своем эссе-очерке: «Мало жил этот человек, краткой была его деятельность. Но он жил так содержательно, проявил свой творческий темперамент так бурно и так плодотворно, что тщетно было бы дерзать на полноту описания его вдохновенных деяний и проникновенных чувствований, на

глубину раскрытия психологической причинности, проявлявшейся в его воле и его поступках. И этот очерк о Чокане Валиханове является, может быть, лишь одним из отзвуков, которыми откликается наша душа, удивленная и пораженная непостижимой гармонией могучего духа выдающегося сына народа». [5, 9]

Наряду с Абаем и Л. Н. Толстым, Букетов любил читать Ф. М. Достоевского. Не случайно, выбирая эпиграф к своему очерку о Чокане, Евней Арстанович остановился на строках из письма Достоевского к Валиханову: «...Не великая ли цель, не святое ли дело, быть чуть ли не первым из своих, который растолковал бы в России, что такое Степь, ее значение и ваш народ относительно России, и в то же время служить своей Родине просвещенным ходатаем за нее у русских...». [5, 1] Называя в своем очерке писателя русским гением, Евней Арстанович подчеркивал, что получить расположение у Достоевского было очень сложно. Писатель своей проницательной душой сразу чувствовал фальш в отношениях и самоотстранялся от такого человека. Немногим удалось добиться ровной привязанности писателя к себе. «Среди этих немногих был юноша, моложе Достоевского почти на пятнадцать лет, но тем не менее находивший возможным обращаться к нему коротко на «ты», и, обычно нелюдимый, подчеркнуто-вежливый, щепетильно-суровый, не допускавший даже намека на панибратство со стороны кого бы то ни было, Федор Михайлович принимал это как должное — таковы были узы братской нежности и нерасторжимого родства душ между друзьями», — пишет Е. А. Букетов [5, 1]. Не только Ф. М. Достоевский оценил ум и душу Чокана, но и «знаменитый профессор-ботаник, ректор Петербургского университета Андрей Николаевич Бекетов, известнейший поэт Аполлон Николаевич Майков, великий географ и путешественник Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский и многие другие выдающиеся представители умственной элиты русского общества».И далее Е. А. Букетов перечисляет известных современников Чокана, которые восприняли молодого азиата достойным своего общества. [5, 2]

По мнению Е. А. Букетова святое дело Чокана заключалось в том, чтобы «во всеоружии научных достижений своего времени», с достоинством рассказать русскому обществу о своих степях, о том, что добровольная близость казахов к России, к русскому народу есть исторически оправданная потребность истинного прогресса, что казахский народ жаждет ускорения цивилизующей роли русских на основе дальнейшего укрепления дружбы и братства между двумя народами». «Это и было то святое дело, на которое указывал Чокану Федор Михайлович Достоевский на заре их дружбы и которое стало жизненной целью его друга-казаха», — считает Е. А. Букетов. [5, 135].

Евней Арстанович размышляет в своем эссе о роли родителей Чокана в становлении личности будущего ученого, рассказывает о его учебе в медресе, а затем в Сибирском кадетском корпусе, приводит мнения друзей ученого, которых он приобрел в Петербурге. автор уделяет внимание становлению личности Чокана в детские годы. Размышления сводятся к тому, что Чокан, который до 12 лет рос в родном ауле, сумел обогатиться многими знаниями благодаря своей природной одаренности, пытливому уму и любознательности. В

доме его отца султана всегда собиралось множество интересных людей, которые своими разговорами оказали на маленького Чокана огромное влияние. [5, 40]. Чокан был избалован любовью родных, особенно бабушки Айганым и матери Зейнеп. И Букетов, описывая жесткие порядки в Омском кадетском корпусе, задается вопросом «Как отразилась на психологии мальчика эта жестоко разрегламентированная и не терпящая отклонений жизнь с надоедающими кусочками булочки, с кашей, кислыми щами и квасом, жизнь не имеющая ничего общего со степью и юртой, когда он мог сколько угодно спать и нежиться в постели, играть в асыки и мотаться на лошади, участвовать вместе со взрослыми в травле степных зверей, ночи напролет слушать акынов, сказителей и домбристов и привередничать при принятии пищи, требуя вкусного и сладкого?» [5, 49] Букетов считает, что секрет неотразимиго обояния Чокана, притягательной колоритности его фигуры, несравнимой своеобычности его блестящего остроумия заключается в гениально неповторимом синтезе степных канонов, утверждавшие умственное превосходство предков и русское знание, призывающее к покорению невиданных для предков интеллектуальных высот и еще опыт жизни выработали «характер и духовный облик казахского юноши». [5, 47] Такой синтез, о котором пишет академик, без сомнения необходим и для современной молодежи.

Евнея Арстановича, как ученого, интересовало отношение Валиханова к науке. Он считал, что Чокан был предан науке и поэтому проявлял смелость и нравственное напряжение. Благодаря этой смелости плодотворна прошла экспедиция в Кашгарию. Но это не значит, пишет Букетов, что не нашелся бы смельчак, который посетил был Кашгарию и вернулся бы оттуда живым. Такой человек бы нашелся. «И все же повторить подвиг Чокана Валиханова не смог бы никто. Никто не смог бы в течение пяти месяцев пребывания в Кашгарии в образе купца Алимбая, рискуя ежечасно, ежеминутно быть узнанным и лишенным жизни, кропотливо собирать научные данные, легшие потом в основу еще более объемистого, чем «Записки о киргизах», труда «О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарин), в 1858–1859 годах», большая часть которого была наряду с «Очерками Джунгарии» опубликована еще при жизни автора и принесла ему всемирную известность». [5, 108] О каком опыте времени Чокана хотел сказать Евней Арстанович? На наш взгляд, речь идет о самоотверженности ученых валихановского времени, которые ради науки преодолевали «огонь, воду и медные трубы». Они фанатично верили в науку, были ей преданы, не разменивались по мелочам, не впускали в «храм науки» конъюктурщиков, проходимцев и других околонаучных элементов. Научная атмосфера времени Чокана была пронизана энтузиазмом и жаждой новых открытий. Дух научных открытий витал в воздухе. На наш взгляд, время ученых-энциклопедистов, ученых с обширным кругозором, ученых с широким взглядами, к сожалению, проходит. И уйдет безвозратно, если мы не будем помнить о таких личностях как Чокан Валиханов и Евней Букетов. Их отношение к науке, к жизни, к своему народу должны стать для нынешнего поколения ученых образцами для подражания.

Е. А. Букетов пишет в своем эссе о любви Чокана к русскому народу. Академик считает, что Чокану было за что любить русский народ. «Они дали ему возможность стать первым цивилизованнейшим сыном своего народа... Лучшие представители русского народа были душевно близки с Чоканом». «Но Чокан любил и кирзизский народ», — пишет Букетов. [5, 107] То есть Букетов считал, что Чокан был интернационалистом и наравне со своим родным казахским народом, он любил и уважал другие народы. Букетов, назвав Валиханова интернационалистом, хотел подчеркнуть, что настоящий ученый и просветитель не делит народы на своих и чужих. Широта взглядов личностей такого масштаба, истинных просветителей заключается в понимании того, что каждый народ уникален и каждый народ является частью единого целого.

Евней Арстанович пишет о том, что Валиханов мечтал быть понятым своим народом, «но он при своей жизни ушел настолько далеко вперед, что для современных его соплеменников были непостижимы его высокие помыслы и благородные надежды». И только «его потомки, живущие в царстве великой мечты этого юноши, в царстве интеллекта и разума, в ленинской семье народов, что это является лишь внешним выражением той немеркнущей, от сердца идущей глубокой благодарности поколений своему гениальному предтече за его пророческий подвиг и пророческую жизнь». [5, 147]

Еще один момент в эссе Евнея Арстановича привлекло наше внимание — это строки из воспоминаний Г. Н. Потанина: «Задачей своей жизни Валиханов считал служение кирзизскому народу, защиту его интересов перед русской властью и содействие его умственному возрождению. Последнее для него возможно было только косвенным образом; он мог изучать свой народ и печатать свои труды на русском языке... Прямое же воздействие посредством писания и печатания на киргизском языке было бы праздным делом, потому что киргизский народ безграмотен. Но если у Чокана Валиханова была киргизская читающая публика, может быть, в лице его киргизский народ имел бы писателя на родном языке в духе Лермонтова и Гейне». Букетов считал, что в этих словах Потанина заключена тяжелая, трагическая суть. [5, 6]

Евней Арстанович пишет об отрицательном отношении Валиханова к религиозной политике царской России: Чокан «страстно боролся против влияния мусульманского фанатизма, поддерживаемого царским правительством в степях, считая его первым врагом приобщения народа к истинным знаниям». [5. 136] Как эта мысль казахского просветителя звучит актуально и в наши дни! Истинная вера не может быть фанатична в силу своей осознанности. В эссе Букетова красной нитью высказывается мнение о том, что Чокан искренне хотел помочь своему народу обрести счастье и покой в составе Российской империи. Главным условием на этом пути считал просвещение народа, приобщение его к цивилизационным ценностям и улучшение административного управления Степью. Букетов считал, что Чокан, несмотря на некоторое разочарование и крушение его убеждений, все-таки был глубоко убежден «в необратимости процесса сближения и дальнейшего укрепления единства своего народа русским народом, как исторической необходимости». [5, 136] В русле методологических

установок советской исторической науки, Букетов считал наивными политические убеждения Чокана относительно царского режима: «Он слишком уповал на улучшение, гуманизацию царской администрации через разумно подобранных, образованных и добрых чиновников». [5, 135]

Актуальным для нашего времени звучит позиция Валиханова в отношении коррупции во власти. От природы честный и порядочный Чокан не мог не осуждать такого рода преступление. И Евней Арстанович, сделанный «из такого же теста» что и Чокан, напишет в своем очерке случай из жизни Валиханова, который как раз характеризует Чокана как борца за честные ряды в коридорах власти. Речь идет о том, что Валиханов решил участвовать в выборах на должность старшего султана. Букетов приводит строки из письма Валиханова Достоевскому: «Я думал как-то сделаться султаном, чтобы посвятить себя на пользу соотечественникам, защищать от чиновников и деспотизма богатых киргизов. При этом я думал более всего о том, чтобы примером своим показать землякам, как может быть для них полезен образованный султан-правитель. Они увидели бы, что человек истиннообразованный — не то, что русский чиновник, по действиям которого они составили свое мнение о русском воспитании. С этой целью я согласился быть выбранным в старшие султаны Атбасарского округа, но выбор не обошелся без разных чиновничьих штук. Господа эти, как областные, так и приказные, поголовно восстали против этого. Ты понимаешь почему. Областные лишились бы нескольких тысяч, которые они стягивали со старшего султана, а приказным, действительно, если бы я был султаном, пришлось бы идти по миру». [5, 130] Читая строки из письма Чокана, все-таки понимаешь, как был наивен ученый, так как в одиночку хотел изменить систему, которая строилась десятилетиями и которую не дали бы изменить ни при каких обстоятельствах.

Евней Арстанович восхищался юмористическими и саркастическими способностями Чокана и поэтому в своем очерке часто приводил примеры, доказывающие эти способности. Например, он привел следующий сюжет: «Из уст в уста передавали, как преследовал он известного в Омске генерала, чересчур гордившегося орденами и регалиями, анекдотом, ходившим в разных вариантах, что будто генерал тот ходит в самые лютые морозы с распахнутой шубой, чтобы были видны ордена, что будто прикреплял он орденские ленты к галошам, чтобы приходящие видели, что здесь находится его превосходительство». [5, 85] Приводя данный сюжет из жизни Чокана, на наш взгляд, Е. А. Букетов хотел показать негативное отношение Чокана к тщеславию и чинопочитанию некоторых его современников и коллег. К сожалению, таких людей предостаточно и в нашей современной жизни.

Любовь Чокана к книгам отмечали многие его современники. Букетов приводит свидетельства Г. Н. Потанина, П. П. Семенова-Тян-Шанского. [5, 63] На наш взгляд, снижение в последние годы интереса к чтению среди современных людей можно назвать печальным фактом, который ничего хорошего не сулит и даже угрожает будущему человечества.

Е. А. Букетов в своем эссе с болью пишет о последних месяцах Чокана. В первую очередь, пишет о том, что источники свидетельствуют о его духовном одиночестве и приводит в пример отрывок из письма Валиханова к поэту Майкову. В письме Чокан пишет о том, что он скучает по своим петербугским друзьям, по той интеллектуальной среде, которая сопровождала его в столице. Валиханов пишет о том, что он благодарен своим родным и землякам за заботу о себе, но он чувствует какую-то пропасть между собой и ими. Общение взаимно приятное до тех пор, пока не доходит до убеждений и серьезных разговоров. Чокан считает, что причина кроется в том, что тщеславие, как национальная черта казахов, не дает им спорить в цивилизованных рамках и заставляет их проявлять упорство в дискуссиях. [5, 124] На наш взгляд, мы не можем осуждать Валиханова за его такие характеристики своих земляков. Просто ему по воле судьбы пришлось оказаться не в своей среде. Его становление как личности происходило в городской среде, среди научной, военной и общественно-политической элиты Российской империи. Во время болезни ему не хватало той атмосферы, к которой он привык. Можно ли его за это обвинять? Думаем, что нет. Можно ли к ситуации Чокана применить высказывание «свой среди чужих, чужой среди своих»? Ведь такая ситуация актуальна, на наш взгляд, и сегодня, так как характеризует духовное одиночество и трагедию таких «промелькнувшихся метеоров» как Чокан Валиханов, не понятых, отчаянно стремившихся к свету и справедливости. Букетов такую ситуацию назвал «страшной жизненной трагедией Чокана». Даже сравнил мучения Чокана, связанные с недопониманием между ним и его любимым народом, с мучениями Прометея: «Коршун сомнений, бессилия и торжествующего зла безнаказанно клевал истекавшее кровью сердце страдальца за народное счастье». [5, 135]

Е. А. Букетов с нежностью и состраданием написал о женитьбе Чокана на девушке Айсаре. Он считал, что больной Чокан, вдали от своих близких родственников и друзей очень был одинок и нуждался в ласке и заботе. «Может быть, нежные ласки, жертвенно безрасчетная преданность, заботливый уход молодой женщины, этого наивного дитя природы, были последней наградой за физические и духовные страдания, которые перенес этот гениальный сын народа», — написал Евней Арстанович. [5, 140] Сколько в этих словах сотрадания и сожаления о судьбе Чокана!

Е. А. Букетов верил в то, что наследие великого просветителя казахского народа ждет другая судьба, более удачная и справедливая. И очерк о жизни и научных достижениях Ч. Валиханова, написанный Евнеем Арстановичем Букетовым, тому подтверждение.

Чокан Чингисович Валиханов и Евней Арстанович Букетов — это герои своего времени, которые оказались талантливыми не только в своей профессиональной деятельности, но и талантливы во многих областях науки и культуры. Ч. Ч. Валихано в — ученый, историк, этнограф и фольклорист, путешественник и просветитель. Е. А. Букетов — ученый, писатель, общественный и государственный деятель. Их объединяет жажда знаний, преданность своему делу и любовь к своему народу.

Список литературы и источников:

1. Данияpова А. Е., Н. А. Данияpов Значение литературы в творчестве академика Е. А. Букетова. //Известия Томского политехническогоуниверситета. – 2013. — Т. 322. — № 6. — С.155–159.

2. Букетов Е. Святое дело Чокана // Пути в незнаемое: Писатели рассказывают о науке. — М.: Советский писатель, 1985. — Сб. 18. — С. 319–360; Букетов Е. Святое дело Чокана. Об академике Сатпаеве. — Караганда: Полиграфия, 1994. — 144 с.

3. Букетов Е. А. Собрание сочинений [Электронный ресурс]: в 6 т. / Е. А. Букетов; ред. Е. К. Кубеев . — Электрон. текстовые дан. (25,3Мб). — Караганда: Изд-во КарГУ, 2006. — Т. 6, Кн. 2. — 2006. — 383 с.

4. Никитин С. Сары-Арка – Золотая планета. — Алма-Ата: Жазушы, 1976. — 130 с.

5. Букетов Е. А. Святое дело Чокана. /Букетов Евней Арстанович «Святое дело Чокана». Государственный архив Карагандинской области. (ГАКО) Ф.1484. Оп. 1. Д. 68.

© Сыздыкова Ж. С., Досова Б. А., 2021

С. А. Тулеубаева,
д. филолог. н., проф.
ЕНУ имени Л. Н. Гумилева
(г. Нур-Султан, Кзахстан)

МЕСТО Ч. ВАЛИХАНОВА В МИРОВОЙ ИСТОРИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Востоковедческая деятельность Ч. Ч. Валиханова неоднократно освещалась различными исследователями и получила высокую оценку. Он, по праву, считается одним из основоположников востоковедения в Казахстане. [5, 141] Что касается его вклада в развитие российского востоковедения, то, ученый, будучи представителем Востока, смог значительно обогатить его центрально-азиатский вектор и наполнить новым содержанием и глубиной изыскания по Средней и Центральной Азии. Как известно, Россия, где научное востоковедение возникло значительно позже, чем в Европе, вскоре догнала и перегнала последнюю по некоторым направлениям, что было связано с ее географическим положением и историческими связями. Среди таких значимых достижений следует отметить открытие первой в мире кафедры монгольского языка, которую возглавил О. М. Ковалевский, в Казанском университете в 1833 г., основание маньчжуроведения, кавказоведения, преподавание калмыцкого языка, более глубокое и детальное изучение Китая, Средней и Центральной Азии, создание первой в мире кафедры истории стран Востока под руководством В. В. Григорьева в 1863 г. в Санкт-Петербургском университете и др. Свидетельством признания заслуг российской школы востоковедения стало проведение III Международного конгресса ориенталистов в Санкт-Петербурге в 1876 г.

Если в XIX в. в России сложились три основные центра востоковедения (Казань, Санкт-Петербург, Москва), то Ч. Валиханов, который не получил специального востоковедческого образования, но при этом располагал фундаментальными знаниями в области изучения ряда регионов Востока и знал несколько восточных языков, имел тесные контакты с представителями Казанской и Санкт-Петербургской школ — М. Казембеком, В. В. Григорьевым, Г. Гомбоевым, В. В. Вельяминовым-Зерновым, И. Н. Березиным, и др. Полагаем, что после труда М. Кашгари «Диван лугат ат-турк» (XI в.), первый полный перевод которого с оригинала на русский язык был выполнен казахстанским востоковедом-арабистом З.-А.М. Ауэзовой (индексы составлены Р. Эрмесом) и опубликован в 2005 г. [1], спустя 8 веков Ч. Валиханов с новой силой заявил о тюркоязычных народах (казахах, киргизах, уйгурах и др.), а его произведения стали ценным источником по истории и культуре населения Средней и Центральной Азии. Поэтому он заслуженно получает высокую оценку специалистов: «Его труды по исследованию Центральной Азии имеют непреходящее значение». [3, 38] Ученый заложил основу для последующего развития данного направления российского востоковедения в трудах П. И. Лерха, И. Н. Березина, В. А. Жуковского, Н. И. Веселовского, В. В. Радлова, Л. З. Будагова, В. В. Вельяминова-Зернова, Н. И. Ильминского, И. М. Мелиоранского и др. Считается, что Ч. Валиханов первым среди российских востоковедов познакомился с языком уйгуров и дал новый толчок развитию уйгуроведения после Ю. Клапрота и М. Казембека. [2, 308] Н. М. Ядринцев после смерти Ч. Валиханова в своей статье в газете «Сибирский Вестник» так обозначил роль ученого: «Наука обязана ему единственными географическими сведениями об этой части Средней Азии (Кашгаре — С. Т.)». [4, 295]

Более того, считаем, что Ч. Валиханов стал предвестником появления «новой школы востоковедения» в России в 1890-х гг., основателем которой считается профессор-арабист факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, барон В. Р. Розен (1849–1908). Ее представители (В. В. Бартольд, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской) в изучении Средней Азии, Кавказа и «устной живой традиции буддизма» «стали…, говоря словами Эдварда Саида, «героями-основателями, создавшими … целые новые области исследований и научные школы». [6, 7–8] Главным постулатом их движения была необходимость изучения Россией, прежде всего, «собственного Востока». Особое внимание они уделяли исследованию Средней Азии, которую академик В. В. Бартольд воспринимал «как перекресток «на пути экспансии различных цивилизаций: кочевой тюрко-монгольской, древней иранской и цивилизации ислама…». [6, 26] Чокан Валиханов, опережая их идеи на несколько десятков лет, выступал против европоцентризма в мировом востоковедении, критиковал пренебрежительное отношение к народам Востока: «В Европе до сих пор господствует ложное понятие, представляющее кочевые племена в виде свирепых орд и беспорядочных дикарей. Понятие о кочевом монголе или киргизе тесно связано с идеей

грубого и скотообразного варвара. Между тем, …, кочевые народы имеют высокую культуру, имеют свою литературу — письменную или устную». [3, 44] В том, что Россия в той или иной мере смогла преодолеть подобные настроения в истории своего востоковедения, проявить большую объективность в изучении Востока, испокон веков являющегося неотъемлемой частью ее истории и культуры, и добиться значимых результатов на этом пути, немалая заслуга принадлежит и Ч. Валиханову, который лично своим примером и незаурядными способностями рушил все существующие стереотипы в восприятии восточных народов.

В рамках празднования 185-летия со дня рождения Ч. Валиханова 15 декабря 2020 г. состоялась презентация первого в истории англоязычного сборника избранных трудов ученого, который вышел в издательстве Кембриджского университета в партнерстве с Посольством Казахстана в Великобритании и при поддержке Акимата Костанайской области и Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (перевод осуществил Арч Тейт). Как известно, еще в 1865 г. на английском языке было опубликовано лишь четыре его сочинения. Новый перевод призван стать важным источником по изучению Центральной Азии, к которой сегодня проявляется большой интерес во всем мире. [7]

Долгое время Центральная Азия в силу идеологических причин оставалась на Западе в тени. После распада СССР данный регион стал предметом его пристального внимания и исследования. При этом в процессе его изучения не обойтись без фундаментальных трудов, заложенных в рамках российского и советского востоковедения, среди которых особая роль принадлежит наследию Ч. Валиханова. Радует то обстоятельство, что сегодня произведения ученого, написанные на русском языке, доступны и англоязычной аудитории.

Список литературы и источников:

1. Ал-Кашгари Махмуд. Диван лугат ат-Турк. Перевод, предисловие и комментарии З.-А. М. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмесом. — Алматы, 2005. — 1292 с.

2. Кулиев В. М. Чокан Валиханов и Мирза Казем-Бек // Чокан и современность. Сборник материалов Всесоюзной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ч. Ч. Валиханова. — Алма-Ата: издательство «Наука» Казахской ССР, 1988. — С. 302–313.

3. Литвинский Б. А. Чокан Валиханов — исследователь Центральной Азии // Чокан и современность. Сборник материалов Всесоюзной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ч. Ч. Валиханова. — Алма-Ата: издательство «Наука» Казахской ССР, 1988. — С. 38–45.

4. Познанский В. С. О чем сообщают заметки и статьи библиофилов // Чокан и современность. Сборник материалов Всесоюзной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ч. Ч. Валиханова. — Алма-Ата: издательство «Наука» Казахской ССР, 1988. — С. 295–297.

5. Сулейменов Р. Б. Основоположник востоковедения в Казахстане // Чокан и современность. Сборник материалов Всесоюзной научной конференции,

посвященной 150-летию со дня рождения Ч. Ч. Валиханова. — Алма-Ата: издательство «Наука» Казахской ССР, 1988. — С. 141–146.

6. Тольц В. «Собственный Восток России». Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. — 336 с.

7. 15 декабря — онлайн-презентация книги избранных произведений Чокана Валиханова, выдающегося этнографа и историка Великой Степи https://www.enu.kz/ru/info/obyavleniya/61635/ (дата обращения: 21.12.2020 г.).

© Тулеубаева С. А., 2021

Б. Т. Тулеуова,
к. ист. н., доц.
Карагандинского университета
имени Е. А. Букетова
(г. Караганда, Казахстан)

УЧАСТИЕ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА И Ш. М. ИБРАГИМОВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЗИАТСКОГО ДЕПАРТАМЕНТА МИД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Одной из важных вех в судьбе двух известных выходцев их Казахской Степи — Ч. Ч. Валиханова и Ш. М. Ибрагимова — является их служба в рядах сотрудников Азиатского департамента Министерства иностранных дел Российской империи. Незаурядные способности, склонности к языкам и большое стремление к самосовершенствованию были свойственны многим молодым казахам, которым представилась возможность получить светское образование в российских учебных заведениях. Большую роль в этом сыграла политика самого Российского государства, заинтересованного в подготовке специалистов из числа местного населения в качестве чиновников, переводчиков, помощников, хорошо знающих восточные языки, традиции и обычаи азиатских народов, специфику их экономического уклада и национального менталитета, хорошо разбирающихся в исламе. Одними из таких молодых энергичных представителей казахской Степи стали Ч. Ч. Валиханов и Ш. М. Ибрагимов.

В связи с активизацией восточного вектора внешней политики России и возросшим геополитическим значением центрально-азиатского региона в структуре МИД Российской империи произошли важные изменения. В 1819 году по указу Александра I был создан Азиатский департамент Министерства иностранных дел Российской империи. В течении длительного времени Азиатский департамент оставался единственным страноведческим подразделением Министерства. Его целью было более тщательное и детальное исследование еще малоизвестных азиатских народов, «…России подвластных, а равно и тех, с коими сие государство находится в торговых или других сношениях». [3, 35] В частности,

в ведении первого отделения Азиатского департамента относились «дела турецкие, персидские, грузинские и разных кавказских горных народов». Второе отделение ведало «делами кочевых народов, обитающих в губерниях Кавказской, Астраханской и частью Саратовской, а также делами Киргиз-кайсаков всех орд; помимо этого, делами всех прочих азиатских народов…». [7] Как пишет историк В. Г. Бурков, «Здесь была сконцентрирована основная работа по подготовке материалов и выработке внешнеполитического курса России на Востоке». [1, 38]

Вместе с тем, важной заслугой Азиатского департамента МИД были успехи в развитии практического востоковедения, основанного на результатах различных научно-дипломатических миссий по изучению еще неизвестных или малоизвестных для европейской науки народов Центральной Азии. Самими известными экспедициями подобного рода были экспедиции Н. Н Муравьева в 1819–1820 гг. Туркмению и Хиву и на восточное побережье Каспия в 1821 г., А. Ф. Негри в Бухару в 1820 г., Г. С. Карелина в Закаспий в 1832 г., Н. В.Ханыкова в Иран и Афганистан в 1858–1859 гг., Н. П.Игнатьева в Хиву и Бухару в 1858 г., Н. Г.Столетова в Афганистан 1878 г.

Вместе с тем, важной заслугой Азиатского департамента МИД были успехи в развитии практического востоковедения, основанного на результатах различных научно-дипломатических миссий по изучению еще неизвестных или малоизвестных для европейской науки народов Центральной Азии. Самими известными экспедициями подобного рода были экспедиции Н. Н Муравьева Туркмению и Хиву и на восточное побережье Каспия, А. Ф. Негри, Г. С. Карелина в Закаспий, Н. В.Ханыкова в Иран и Афганистан, Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару, Н. Г. Столетова в Бухару и Афганистан, Ч. Ч. Валиханова в Восточный Туркестан.

История политического и дипломатического освоения Востока во второй половине XIX в. оставила глубокий след и в судьбе представителей казахского общества. Так, весной 1856 года в состав экспедиции под руководством полковника М. М. Хоментовского в северные районы современной Киргизии для приведения к присяге принявшего российское подданство рода Бугу и улаживания внутренних распрей в качестве переводчика, вошел Чокан Чингизович Валиханов. В ходе экспедиции молодой ученый вел дневники, зарисовки, собирал коллекции, которые легли в основу ряда его статей по истории и этнографии. Он впервые записывает отрывки из киргизской поэмы «Манас», переводит их на русский язык и проводит глубокий историко-литературный анализ, позволяющий представить глубину народной мудрости, богатство устного народного творчества киргизского народа.

Летом этого же года он в составе Российской дипломатической миссии был направлен в Кульджу для переговоров о возобновлении русско-китайской торговли. Главная цель научно-дипломатической экспедиции была отражена в инструкции Министерства иностранных дел, которой был снабжён Чокан Валиханов: «…Действовать, во всем совещаясь с консулом в Кульдже…». «Главная цель наша добиться решения дела с Китаем дружелюбным путём и скорее восстановить прерванные торговые отношения … В случае требования китайцев —

войти в переговоры и насчёт наших с Китаем границ». [4, 13] Это важное поручение было им выполнено превосходно. По свидетельству А. К. Гейнса, поездка Валиханова в Кульджу позволила не только наладить и восстановить торговые отношения и, но и заложила основу Тарбагатайского договора и открытия консульства в Кульдже и Чугучаке.

Научные результаты экспедиций 1856 года нашли свое отражение в статьях Ч. Ч. Валиханова «Дневник поездки на Иссык-Куль», «Очерки Заилийского края», «Западная провинция Китайской империи и г. Кульджа», «Записки о кыргызах», впоследствии ставших основанием для включения в 1857 году Ч. Ч. Валиханова в число действительных членов Русского географического общества по рекомендации Пётра Петровича Семёнова-Тян-Шанского.

И, наконец, самым знаковым событием в государственной и научной карьере Ч. Валиханова стала его секретная миссия в Кашгар в 1858–1859 годах. Миссия Валиханова заключалась в том, чтобы подробно собрать сведения о Восточном Туркестане, о чем его инструктировали перед поездкой. Правительственное задание, порученное офицеру Российской армии Чокану Валиханову, несмотря на риск и опасность, было успешно выполнено, и имя исследователя Кашгарии навсегда останется среди имен выдающихся путешественников и ученых. По итогам секретной поездки были собраны разнообразные материалы о политической, экономической, торговой, культурной жизни Кашгарии. [4, 14–15]

Результаты экспедиции нашли свое отражение в капитальном труде Ч. Ч. Валиханова «О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии)». Это был первый научный труд, посвященный истории, географии и социальному строю неизведанного Восточного Туркестана. Специалисты высоко оценили исследования Валиханова, считая его важным вкладом в науку. Заслуги Чокана были отмечены 7 апреля 1860 г. награждением его орденом Святого Владимира. В том же году Валиханов был представлен императору Александру II.

Данный факт стал одним из оснований для назначения Ч. Ч. Валиханова 15 июня 1860 года в Азиатский департамент МИД, как «человека, изучавшего на месте Восточную часть Средней Азии и знающего совершенно несколько наречий тюркского языка и могущего быть полезным Азиатскому департаменту своими специальными сведениями». [5, 61] Здесь он был зачислен в Военно-ученый комитет, где осуществлял руководство подготовкой карт Средней Азии и Туркестана. При его участии были выполнены «Карта пространства между озером Балхашом и хребтом Алатау», «Рекогносцировка западной части Заилийского края», «План города Кульджи», «Карта к отчету о результатах экспедиции на Иссык-Куль», «Карта Западного края Китайской империи». Большие способности представителя казахской степи были также отмечены русскими учеными. Так, П. П. Семенов-Тян-Шанский писал: «Обладая выдающимися способностями, Валиханов окончил с большим успехом курс в Омском кадетском корпусе, а впоследствии, в Петербурге, под моим влиянием слушал лекции в университете и

так хорошо освоился с французским и немецким языками, что сделался замечательным эрудитом по истории Востока и в особенности народов, соплеменных киргизам». [5, 60]

После назначения в Азиатский департамент, помимо государственной службы, Ч. Ч. Валиханов занимается преподаванием тюркских языков в Высшей школе при Азиатском департаменте МИД империи. [4, 61] Все эти факты говорят о больших возможностях талантливого казахского ученого, который оставил свой след на дипломатическом поприще.

Тем более, в начале 1862 года, Ч. Ч. Валиханов в своем письме написал Ф. М. Достоевскому о своем желании стать консулом, которое могло бы быть положительно воспринято со стороны Н. П. Игнатьева, директора Азиатского департамента в 1861–1864 годах. [8, 121] Как следует из документов, Н. П. Игнатьев проявлял симпатии к своему коллеге, с которым его сближали преданность своему делу, уверенность в своих действиях, склонность к авантюризму и продуманному риску. Кроме этого, он проявлял к Ч. Ч. Валиханову большой интерес как к специалисту по восточным странам. В своем письме генерал-губернатору Западной Сибири А. О. Дюгамелю, Игнатьев отмечает, «я принимаю живое участие по его способностям и пользе, какую от его сведений можно ожидать для службы,… убедительно прошу вас, в личное мое одолжение, оказать ему ваше благосклонное внимание и в случае надобности покровительство ваше». [8, 121] Поэтому, с большой степенью вероятности, можно предположить о больших перспективах Ч. Ч. Валиханова проявить себя на дипломатической службе.

Однако пошатнувшееся здоровье и участие в выборах на должность старшего султана Атбасарского округа не позволили до конца раскрыться дипломатическому таланту Ч. Ч. Валиханова.

Во второй половине XIX века одним из важных стратегических направлений внешней политики России стал регион Аравийского полуострова и Персидский залив. Включение в состав государства областей, населенных мусульманами, привело к увеличению числа мусульман — подданных Российской империи и соответственно к росту внимания к региону, где расположены святые места ислама. Кроме этого, растущий интерес России к региону Аравийского полуострова и Арабского залива был обусловлен и ее торгово-экономическими интересами.

В конце XIX в. — начале XX в. на Аравийском полуострове и в Персидском заливе одно за другим стали открываться российские консульства, сначала в городах Басра и Джидда, а затем в Бушире. В немалой степени подобная активная внешнеполитическая деятельность объяснялось стремлением России сдерживать своих давних соперников в регионе и, прежде всего, Турцию и Англию. Кроме этого, отправление российскими мусульманами хаджа — одной из главных религиозных обязанностей, была связано с их выездом за пределы Российского государства, что, несомненно, касалось вопросов обеспечения интересов национальной безопасности.

Шахмардан Мирасович Ибрагимов стал одним из первых представителей казахской Степи, сыгравшего важную роль в деятельности российского консульства, открытого в г. Джидда для защиты интересов российских паломников.

Ш. М. Ибрагимов, по национальности башкир, родился он в 1840 году в Оренбургской губернии, в семье военных. Его судьба тесным образом связана с Ч. Ч. Валихановым и даже отчасти повторяет его трагическую судьбу. Как и Ч. Валиханов, он окончил Сибирский кадетский корпус. Начал свою службу в 1856 г. в должности султанского письмоводителя и переводчика был назначен в Кокчетавский окружной приказ Области сибирских киргизов (казахов) в ставку султана Чингиза Валиханова. В знаменитый труд «Сочинения Ч. Ч. Валиханова», вышедшего в 1904 году под редакцией Н. И. Веселовского, вошли теплые воспоминания Ш. М. Ибрагимова о своем земляке.

30 ноября 1867 г. Ш. М. Ибрагимов был переведен на должность переводчика персидского и татарского языков в канцелярию туркестанского генерал-губернатора, генерал-адъютанта К. П. Кауфмана. А в 1878 году он был назначен исполняющим должность старшего чиновника по дипломатической части данной канцелярии. Сам К. П.Кауфман указывал, что в ведении Ш. М. Ибрагимова находится заведывание дипломатическими делами. [6, 131]

Во второй половине XIX века одним из важных стратегических направлений внешней политики России стал регион Аравийского полуострова и Персидский залив. Включение в состав государства областей, населенных мусульманами, привело к увеличению числа мусульман — подданных Российской империи и соответственно к росту внимания к региону, где расположены святые места ислама. Кроме этого, растущий интерес России к региону Аравийского полуострова и Арабского залива был обусловлен и ее торгово-экономическими интересами.

В конце XIX в. — начале XX в. на Аравийском полуострове и в Персидском заливе одно за другим стали открываться российские консульства, сначала в городах Басра и Джидда, а затем в Бушире. В немалой степени подобная активная внешнеполитическая деятельность объяснялось стремлением России сдерживать своих давних соперников в регионе и, прежде всего, Турцию и Англию. Кроме этого, отправление российскими мусульманами хаджа - одной из главных религиозных обязанностей, была связано с их выездом за пределы Российского государства, что, несомненно, касалось вопросов обеспечения интересов национальной безопасности.

Ш. М. Ибрагимов стали одним из первых представителей Казахской Степи, сыгравшего важную роль в деятельности российского консульства, открытого в г. Джидда для защиты интересов российских паломников.

В 1870–1880-х гг. в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий МВД, МИД и генеральном консульстве в Константинополе развернулась активная дискуссия вокруг вопросов, связанных с хаджем российских мусульман. [8] Она выявила общие недостатки в организации этой деятельности, главным из которых было признано отсутствие последовательной государственной поддержки паломников. Не все паломники путешествовали с паспортами. Это было

связано как со сложностями получения заграничных паспортов, так и с периодическими запретами выдачи паспортов в связи с эпидемиями. Однако отсутствие официальных документов не уменьшало числа российских паломников в Мекку. И тут возникала проблема, когда мусульманские подданные империи, уезжая на поклонение к святым местам, попадали в руки к далилям и мутеваифам (руководителям хаджа), представителям местного населения, обирающих паломников до нитки, подвергались нападениям грабителей. Нередко турецкие власти при прохождении через их территории паломников демонстративно проявляли заботу о них, оказывая материальную и моральную поддержку, что соответственно при отсутствии российского консульства было не на пользу Российскому государству. Другим немаловажным недостатком в глазах администрации являлся слабый государственный контроль паломнического движения, вызывавший опасения, что во время хаджа паломники могут подвергаться вредному воздействию местных эмиссаров.

В конце XIX — начале XX веков, когда число мусульманских подданных Российской империи достигло 16 млн. человек, проблема хаджа приобрела для России серьезное значение, так как этот вопрос был связан с распространением пантюрских и панисламистских идей.

Российское консульство в г. Джидда было учреждено в начале 1891 года и открыто 3 марта 1891 г. В ходе разработки проекта консульства в г. Джидда, особое внимание было уделено личности его главы. Выбор кандидата на должность из числа представителей христианского вероучения было бы препятствием к посещению им мечетей и медресе, потому было признано важным назначение на эту должность последователя исламской веры. Кроме этого, это должно было показать мусульманам особое отношение к ним российского императора и повысить значение России в мусульманском мире.

Этим и объясняется выбор МИД Российской империи в пользу Ш. М. Ибрагимова, много сделавшего для продвижения внешнеполитических интересов России в Казахской степи, Средней Азии и на мусульманском Востоке. Прекрасное знание тюркских и восточных языков (татарского, казахского, башкирского, персидского, маньчжурского, арабского), военная доблесть и служение государства в период работы в канцелярии Туркестанского генерал-губернатора были отмечены различными званиями и наградами Российской империи, а также орденом Льва и Солнца 3 степени, пожалованного персидским шахом.

Поэтому назначение на должность консула в Саудовской Аравии представителя мусульманского вероисповедания, выходца из восточных народов должно было способствовать решению проблем российских мусульман, а также налаживанию доверительных отношений как представителя властей Саудовской Аравии, так и со своими соотечественниками.

Этот факт подтверждается мнением другого российского дипломата — Ш. Ишаева, драгомана консульства в Джидде. в 1896 году он писал: «Ибрагимов, будучи консулом, как рассказывают, относился к своим обязанностям ревностно и вел дело энергично, а потому его до сих пор со злобою вспоминают разные да-

лили, вакили, те наши туркестанцы, которые в Джидде берут от легковерных паломников деньги на сохранение на время поездки в Мекку, и вообще все проходимцы, живущие исключительно обиранием паломников, всячески их (паломников) эксплуатируют. Он, как русский консул, старался защищать своих соотечественников от этой саранчи, которая нападает на них в Хиджазе, и вообще помогал им по мере возможностей». [2] Данная оценка еще раз доказывает высокую степень ответственности Ш. М. Ибрагимова на посту представителя Российской империи.

Оценка генеральным консулом России в Константинополе, действительным статским советником Александром Ивановичем Нелидовым в мае 1891 года, также демонстрирует высокую степень ответственности Ш. М. Ибрагимова на посту представителя Российской империи. В инструкции своему коллеге, помимо описания целей и задач консульства в Саудовской Аравии, он отмечал: «Заметим, поручая Вам стремиться особенно к усилению и поддержанию наилучших сношений с местными властями, при содействии коих Вы вернее всего в состоянии будете исполнять Ваши обязанности и защищать порученные Вам интересы, я не сомневаюсь, что при глубокой и многосторонней Вашей опытности и преданности долгу, Вы вполне успеете в исполнении возложенных на вас обязанностей и тем оправдаете доверие Государя Императора». [9, 204] Эти слова еще раз подтверждают высокий уровень компетентности и ответственности Ш. М. Ибрагимова, которые позволили руководству МИД России назначить его руководить одним из сложных направлений консульской службы.

Однако Ибрагимову не удалось развернуть работу в Хиджазе. Он скончался во время совершения хаджа 10 июля 1891 г. Есть предположение, что он был ранен во время нападения на него, либо отравлен со стороны недовольных исламских фанатиков, которые заподозрили его в неверности. Чтобы не обострять взаимоотношения между странами, официально было объявлено, что он умер от холеры, свирепствовавшей в тот год. [2]

Как заметил Ш. Ишаев, «мусульманская политика в Хиджазе и кажется с вида очень простой и невинной, но на самом деле она весьма мудреная и лукавая. Наше же консульство в Джидде — учреждение еще очень молодое и очень слабо гарантированное… Европейскому консулу здесь нужно быть чрезвычайно осторожным». [2] Как видим, вопрос безопасности дипломатов и консулов на Ближнем Востоке, всегда был и остается актуальным.

Таким образом, представители Казахской Степи, несмотря на отсутствие опыта внешнеполитической и дипломатической работы, благодаря высокому уровню образованности, стремлению активно участвовать в жизни общества, сумели достойно реализовать свой научный и административный потенциал, выполнить поставленные перед ними цели и задачи, оставить свой след в памяти потомков.

Список литературы и источников

1. Бурков В. Г. Азиатский департамент. К истории Министерства иностранных дел России // Клио. — 2012. — №8. — С. 36–38.

2. Ишаев Ш. Мекка — священный город мусульман (Рассказ паломника) // Электронный ресурс - URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/hadjj/1/ishaev.htm.

3. Козыбаев И. Дипломатия Казахстана: страницы истории. — Алматы: Өркениет, 2004. — 208 с.

4. Маргулан А. Х. Основные этапы жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова // Чокан Валиханов. Избранные труды. — Алматы: изд-во «Арыс», 2009. — 584 с.

5. Масанов Э.А. Выдающийся ученый казахского народа Ч. Ч. Валиханов // Советская этнография, 1965. — № 5. — С. 57–73.

6. Масанов Э. А. Ш. М. Ибрагимов — друг Ч. Ч. Валиханова // Ибрагимов Ш. М. Очерки быта казахов. — Павлодар: Тип. «ЭКО», 2006. — 148 с.

7. Министерство иностранных дел в 1802–1856 гг. // Сайт Историко-документального департамента МИД РФ. — Электронный ресурс — URL: https://idd.mid.ru/ru_RU/.

8. Селиверстов С. В. Ч. Валиханов и Азиатский департамент МИД. Взаимоотношения с Игнатьевым Н. П. Почему Ч. Ч. Валиханов не вернулся в Петербург в 1862-1864 гг.? // Вестник Карагандинского университета. Серия «История, философия». — 2010. — № 4 (60). — С.120–123.

9 Тулеуова Б. Т. Участие представителей Казахской степи в деятельности Азиатского департамента МИД Российской империи (вторая половина XIX века) // Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право. — 2016. — № 2 (74). — С. 198–205.

© Тулеуова Б. Т., 2021

Ж. К. Урманбетова,
д. философ. н., проф.
Кыргызско-Турецкого университета «Манас».
(г. Бишкек, Кыргызстан)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИИ

Введение

Философский анализ имеющихся тенденций развития мира позволяет нащупать те или иные концепты, которые не просто актуальны, а определяют основной контекст происходящих процессов. Так, в настоящем усиливается роль регионов как некоего буфера между глобальным миром и национальным государством как отдельной геополитической единицей. В связи с этим имеет смысл обозначить роль самого значительного региона Евразии, и на этом фоне определить роль и значение Центральной Азии. Сегодня мир изменился, соответственно вопрос о существовании в изменившемся мире обрастает особой значимостью.

Глобальный аспект

Развитие человечества в современном мире рассматривается через призму глобализации, в последнем десятилетии XX века провозглашенной новой фазой исторического бытия. Вместе с тем имеет смысл выделить две смысловых интерпретации, которые существенным образом влияют на восприятие и понимание направлений исторического развития. Первая как раз и подразумевает глобализацию объективной тенденцией развития бытия. Действительно, с вхождением в информационную эру понятие глобального мира уже не просто концепт, а реальность, которая объединяет человечества. При этом категория пространства интерпретируется несколько иначе, учитывая, что границы его более размыты. В этой связи вспоминается К.Ясперс, провозгласивший мысль о том, что «Мир замкнулся. Земной шар стал единым. Обнаруживаются новые опасности и возможности. Все существующие проблемы стали мировыми проблемами, ситуация – ситуацией всего человечества». [1, 141] Мир, как никогда, стал един в смысле приближенности к понятию «общечеловеческая цивилизация»: единое пространство и единое время наполнились особым символическим смыслом, отсутствие границ виртуального пространства и высочайшие темпы времени сделали мир более хрупким, и оттого уязвимым. Сформировалось единое мнемоническое, культурное пространство.

Кроме того, пандемия показала, что мир хрупок и сложен одновременно, поскольку не может противостоять новым вызовам как в виде болезней и вирусов, так и в виде новых последствий глобальных проблем энергетического, экологического, политического бытия.

Второй смысловой наполненностью выступает тот факт, что глобализация изначально детище западного мира, поэтому муссирование универсальных ценностей — это сколок философии космополитизма и прагматизма, основанных на западном образе мышления. Муссируемый в эпоху глобализации космополитизм (Ф. Фукуяма) привел к обезличиванию безусловных ценностей. С одной стороны, единство мира и человека вообще мыслится высокой ступенью развития и определенной гармонии. С другой стороны, эта гармония иллюзорна, поскольку происходит обезличивание самого человека, который превращается в функцию: соблюдается некий набор стандартов, стереотипов и норм существования в едином мире, но при этом исчезает вдохновляющая на созидание и победы индивидуальность. Глобализация, пропагандирующая философию космополитизма, общечеловеческие (универсальные) ценности и утилитарный взгляд на жизнь — это, несомненно, идеологическая концепция, явившаяся следствием западного рационализма.

Объединив две эти интерпретации, можно утверждать, что глобализация — это вызов современного мира, на который человечеству необходимо дать ответ. Именно ответы и порождают специфику развития культурных миров. Так рождается своеобразие развития различных государств.

Еще одним моментом, характеризующим специфику современного глобального мира, является изменение философских интерпретаций обосновании мира и самого человека. С переходом к постмодернизму прежде устойчивые философские понятия, которые определяли бытие и человека как субъекта этого

бытия, претерпели существенные изменения. К примеру, вместо разума как такового в обозначении человеческой сущности пришел разум политический как необходимость некоего консенсуса с кем-то еще. Единство бытия стало скорее символическим единством, в реальности же мир стал более дискретен. В особенной степени существенные трансформации претерпел мир в разрезе политического бытия. Если раньше была определенная стабильность, несмотря на противоречие сосуществования двух империй, в настоящем одна империя уже разрушена, вторая находится в состоянии глубочайшего кризиса, который неизвестно чем закончится, поскольку утеряна роль доминанты в определении тенденций развития бытия. Тем самым биполярность сменилась на полицентризм. Это можно резюмировать в тезисе «был век идеологий, стал век культур».

Картина глобального мира будет неполной, если не акцентировать внимание на то, что экологические проблемы, являющиеся обратной стороной технологического прогресса, достигли той черты, игнорирование которой невозможно в принципе. Все это есть следствие кризиса рациональности как способа мышления и существования.

Национальный аспект

Несмотря на муссирование универсального аспекта как свойства современной глобализации феномен национального государства актуализируется. Это свидетельствует о демонстрации реакции на философию глобализма. Ответы на вызовы истории провоцируют обновленное рассмотрение сущности национального государства. В этой связи говорить о переходе на другой уровень существования, когда феномен национального государства затушевывается, еще рано. Напротив, можно констатировать усиление процессов углубленной идентификации как отражение дискретности общества, культуры, государств, народов. Тем самым глобализации как тенденции развития бытия противостоят процессы идентификации. Ответы государств на вызовы исторического времени не всегда удаются. Одним из наиболее ярких процессов современного мира стал кризис идентичности, находящий свое проявление практически во всех формах, в особенности: гражданской, этнической, культурной, религиозной, политической, духовной. Глобализация как провозглашенная современная тенденция развития мира, ставящая целью достижение единства мира, привела к актуализации, в определенной степени взрыву процессов идентификации. Мир в настоящем представляет собой множество разрозненных процессов самоопределения и саморазвития, т.е. мы имеем «точечное» развитие мира.

В ситуации противоречивости глобализации и национально-культурных идентификационных процессов мостом для сглаживания острых углов глобализации в преломлении к национальному государству служит регион.

Региональный аспект

В истории человечества регион изначально играл существенную роль. Причем так было всегда, поскольку то или иное региональное объединение, с одной стороны, включалось в общемировой процесс развития, а с другой — обозначало определенную специфику конкретного геополитического пространства. В этом отношении регионы играли своего рода роль триггеров, которые могли

застолбить существенные и долженствующие быть сохраненными интересы конкретного сообщества. И в этом их значительная роль.

Если обратиться к истории существования человечества, то еще исстари такие объединения имели место быть, и особую роль играла Европа как старый свет, обусловивший начало западного образа жизни и ценностей. Именно поэтому философы уделяли значительное внимание обоснованию особенной целостности Европы в духовном смысле. К примеру, если обратиться к Э. Гуссерлю, то он утверждал, что старому свету присуще особое родство духа, когда под духовным обликом Европы понимается «явленность философской идеи, которая имманентна истории духовной Европы». [2, 300]. Многие значительные философские умы Европы, так или иначе, формировали ценностную значимость этого региона, обосновывая прямую зависимость развития мира от развития Европы. И если взглянуть на политическую историю человечества, то Европа всегда играла ключевую роль в определении тенденций развития мира. При этом надо отметить, что и в новейшей истории именно Европа первой сформировала свое обновленное объединение — Евросоюз. Вместе с этим необходимо признать, что в настоящем Евросоюз переживает глубокий кризис и тому есть причины, но данная статья не об этом регионе конкретно.

Помимо Европы в мире раскрывают свое существо и другие региональные объединения, стремящиеся обозначить свое единство и выказывающие экономические и политические интересы. В некоторых случаях такие претензии бывают успешными, в других — не совсем. Однако сам принцип обозначения такого существования и в определенной степени борьбы на мировой арене позволяет говорить о важности и значимости самого понятия «регион» в диалектике мира и государства.

Сейчас, когда империи претерпели кардинальные изменения, когда развитие глобального мира сопровождается экономическими кризисами, пандемией, усилением экологических проблем, актуализация феномена региона логична и объективна. Регион — это не просто буфер между глобальным миром и отдельным национальным государством. Ответы отдельных национальных государств отражают уровень дискретных элементов, которые ищут свою нишу в мире единого человеческого развития. В этом случае регион — спасительная лодка для многих отдельных государств. Имеет смысл особо выделить три аспекта, подчеркивающих востребованность и значимость региона.

Во-первых, регион позволит не очень сильным государствам не потеряться в шторме истории, быть услышанным, а главное представленным в контексте более крупного объединения.

Во-вторых, регион позволит застолбить свои национальные интересы через формулирование общих целей и задач как наиболее приоритетных для развития региона в целом, при этом выработка целей как раз основывается на приоритетности интересов тех государств, которые входят в региональное объединение.

В-третьих, регион сглаживает вызовы истории, риски развития; нейтрализует углы глобализации в желании нивелировать особенности отдельных культур.

Евразия представляет собой наиболее крупное региональное объединение, материк, который вызывал и продолжает вызывать интерес всего мира. Неслучайно, Маккиндер провозгласил Евразию сердцем мира, борьба за который формирует контекст экономической, политической, идеологической борьбы в мире. Евразия — мощный регион, территориально огромный, что обусловливает его противоречивость, в связи с этим возрастает значение субрегионов. Вместе с тем необходимо отметить, что в настоящем необходим новый подход к обозначению самой Евразии.

Регион Центральной Азии

Центральная Азия, некогда Средняя Азия и Казахстан, являет собой определенную целостность территориального, исторического, культурного, ментального характера. В новейший период развития региона, обусловленного формированием суверенитетов, региональная идентичность определялась внешними игроками, исходивших из своих национальных интересов. Возможно именно поэтому региональная идентичность не была сформулирована четко и ясно. Достаточно вспомнить проекты Соединенных Штатов Америки «Большая Центральная Азия», включивших в региональное объединение и Афганистан; «Великий шелковый путь» или «Один пояс, один путь» Китая. С другой стороны, сами участники Центральной Азии испытывали временную неспособность реального объединения и тем самым невозможность обозначения в качестве субрегиона в контексте мировой политики.

Однако региональная идентичность Центральной Азии должна быть обозначена изнутри, поскольку внешнее определение не может быть устойчивым. Регион только тогда сумеет застолбить свое место, когда он будет обозначен изнутри. Сейчас муссируется идея о евразийской идентичности, в связи с чем появляется новый шанс для определения стратегии и тактики обновленного формата Центральной Азии в контексте Евразии. Тем самым актуализируется роль России как третьего внешнего игрока, заинтересованного в обозначении евразийской идентичности и самого региона. Будучи в составе советского государства, государства Центральной Азии и Россия были едины, в особенности в идеологическом разрезе. С обретением суверенитетов потеря контроля со стороны России была объективна, учитывая фактор ее собственного становления как демократического государства. Однако впоследствии наблюдается возврат России в это региональное пространство. Хотелось бы сделать акцент на феномене и участии России как форматирующего евразийскую идентичность элемента, наиболее заинтересованного и долженствующего выступить центробежной силой. И здесь необходимо понять и заострить внимание на том факте, что позиция России должна быть позицией не внешнего игрока, а силы, заинтересованной в форматировании нового подхода к феномену Евразии. Тем самым она должна стать заинтересованным участником регионального объединения. При этом необходимо сделать акцент на невозможности позиции старшего брата по отношению к государствам Центральной Азии, диктующего свою волю и лоббирующего исключительно свои национальные интересы. Скорее это роль новой центробежной силы, выстраивающей позиции сотрудничества с остальными

членами — субрегионами евразийского пространства. В этом случае актуализируется концепт евразийского сотрудничества.

Почему это не просто важно, а необходимо для государств Центральной Азии?

Во-первых, за тридцать лет суверенной истории Центральная Азия так и не обозначила внятно региональную идентичность, не до конца поняла, что настаивание на региональной идентичности – это выход из сложной ситуации.

Во-вторых, процессы глобализма вынуждают регион определять свои позиции с центрированием общих целей, интересов и задач. Так легче выжить.

В-третьих, в самом регионе Центральной Азии нет единства с точки зрения политического самоопределения, однако в каждом из государств есть свои плюсы и минусы. Но формирование позиции региональной идентичности позволит корректировать поведение каждого государства с точки зрения акцента на целостность региона, когда каждое государство будет вынуждено ограничивать себя в каких-то вещах с пользой для общего дела.

Евразийский выбор — это ориентир не просто в целях выживания, а усиления своих позиций в контексте глобального мира. Необходимо нахождение нового формата отношений, который бы устраивал все стороны и провоцировал обновленный интерес к региональной идентичности.

Философско-исторический аспект региона Центральной Азии

Обозначая важность региональной идентичности Центральной Азии в разрезе политического бытия, особый акцент хотелось бы сделать на философско-исторической подоплеке региона Центральной Азии. При этом имеет смысл заострить внимание на двух вещах.

Первый момент: Центр Азии в свое время явился родиной кочевой цивилизации, которая впервые обусловив диалог Востока и Запада, тем самым отдав силу своего влияния этим феноменам, сама ушла в тень истории. Мировая история, возникшая в эпоху осевого времени, испытала на себе влияние кочевников в качестве первотолчка для понимания и познания друг друга. Этим самым кочевники внесли судьбоносный вклад в развитие человеческой цивилизации. Второй раз всплеск кочевого архетипа произошел вследствие разрушения одной из мировых империй — Советского Союза. Этот всплеск с течением времени дополнился феноменом цифрового кочевья как порождения глобальных тенденций развития, т.е. модернизированной формы кочевья на основе технологического прогресса. Тем самым, когда возник глубочайший кризис западного рационализма, кочевье выступило тем ответом на вызов исторического времени, который проецирует один из путей, чтобы выжить и не потерять гармонию с этим миром. Цифровое кочевье — детище Запада, но исконно исторически, ментально кочевье раскрыло себя в лоне Центральной Азии. Это означает, что в этом регионе заложены ментальные ключи иного взгляда на мир, все более актуализирующегося в катаклизмах техногенной цивилизации. Существующая возможность обозначения центральноазиатского региона в современном мире при удачном стечении обстоятельств может стать основой экстраполяции этого иного взгляда на мир. В этом заключается особенность интуитивного восприятия реальности,

способного актуализировать столь востребованные в современности принципы существования.

При этом надо заметить, что могут возникнуть упреки о том, что не все государства Центральной Азии ментально проецируют кочевой тип мышления. И это плюс. Это означает, что в пределах этого региона одинаково развивались как кочевье, так и земледельчески-оседлый тип цивилизации. Одновременно это дает знать о том, что консенсус двух инвариантных моделей существования и выступает некой базой для со-развития противоположных взглядов на мир — рационализма и чувствования. Если это со-единство обогатить современными технологиями, то можно осуществить некий выброс энергии на основе синтеза материального и духовного.

Это теоретическая подоплека, которая может показаться абстрактным ноуменом, но на ее основе с помощью разработанных механизмов и при грамотном регулировании можно совершить немыслимый скачок. Нужны умы, политическая воля и целеполагание. Это необыкновенно творческая гремучая смесь способна породить поистине удивительную стратегию развития. В истории человеческой цивилизации неоднократно были продемонстрированы скачки различных государств и регионов в, казалось бы, несовершенных условиях. Это говорит о том, что в человеческом мире возможно все, несмотря на сложные, противоречивые и порою апокалиптические предрекания.

Второй момент: Как бы ни говорили противники обозначения центральноазиатского региона о том, что назвать регионом это геополитическое пространство нельзя, у государств Центральной Азии есть культурно-историческое наследие, которое ментально перекликается друг с другом. По этим основным точкам соприкосновения можно составить так называемую связность жизни. Неслучайно В.Дильтей утверждал, что связность жизни свою первую интерпретацию получает как переживание времени. [3, 135–140] Это означает, что определенные триггеры регионального развития Центральной Азии должны будут выражаться в целой системе взаимодействия региона, начиная с экономического и заканчивая духовным развитием. Конструктивное переживание нынешней ситуации, отягощенной самыми отрицательными прогнозами, напротив может породить что-то востребованное и достойное.

Все это говорит о том, что подоплека единства региона в философско-теоретическом, культурно-цивилизационном смыслах есть, необходимо только ее развить. Ну и самое главное — это понимание этого мощного наследия со стороны руководства республик; осознание необходимости регионального объединения в существующей политической и в целом исторической ситуации; обоснование значимости такого шага и определение основных стратегических направлений.

В настоящем видится тенденция выработки идеологии каждого из государств региона, базирующейся на историческом наследии. В определении стратегии развития региона имеет смысл соотнести основные точки соприкосновения, основополагающие ценностные триггеры, которые и станут базой для координированной работы региональных структур.

Заключение

Вопрос центральноазиатского региона по большей части демонстрирует некоторую проблемность и в своем обозначении, и в своей сущностной наполненности, и в своих практических действиях. Несмотря на то, что это объединение вызывает столь противоречивую реакцию, как у остальных геополитических единиц мирового сообщества, так и у самих членов данного объединения; как у экспертного сообщества внутри стран региона, так и за его пределами, следует утвердительно зафиксировать одну мысль — значение «региона вообще» в настоящем, и региона Центральной Азии в частности только усиливается.

В случае с государствами Центральной Азии налицо явные вызовы, угрозы и риски. Думается, только слепой не сможет заметить новые начинания со стороны внешних игроков, каждый из которых стремится, в первую очередь, упрочить позиции через призму своих национальных интересов. Но вызовы исторического времени вынуждают их работать еще более стратегически, с прицелом на формирование обновленных супер-игроков мирового сообщества. Это означает, что способность государств Центральной Азии застолбить в новом формате региональное объединение пойдет на пользу каждому отдельному государству региона. И несмотря на различия в образах государственности, а также экономического, политического, социального и культурного пространства, неспособность воспользоваться предоставленной временем возможностью нанесет урон каждому из членов региона. Именно в контексте региона будет более плодотворным определять приоритет внешнеполитических кластеров.

Список литературы и источников:

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат, 1991.

2. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия //Культурология. XX век: Антология. — М., 1995.

3. Дильтей В. Наброски к критике исторического разума //Вопросы философии. — 1988. — № 4.

©Урманбетова Ж. К., 2021

Ж. А. Шаукенов,
к. ист. н., доцент
КРУ имени А. Байтурсыноыва
(г. Костанай, Кзахстан)

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ О ЧОКАНЕ ВАЛИХАНОВЕ

Чокан Чингисович Валиханов (1835–1865) — выдающийся казахский ученый-просветитель, знаменитый путешественник, географ, этнограф, историк. Чингизид, потомок прославленного хана Абылая, Чокан (настоящее имя Мухаммед Канафия) был рожден для великих свершений и исполнил эту высокую миссию блистательно. Это был замечательный патриот, беззаветно преданный делу изучения своей родины, и в то же время один из даровитых людей прошлого. Его

имя неразрывно связано с изучением истории и географии Средней Азии и Казахстана и русским востоковедением. Валиханов жил недолго, но его яркая и многогранная жизнь была лучшим примером служения народу. Своей общественно-политической и литературной деятельностью он сыграл поистине выдающуюся роль в духовном сближении казахского и русского народов и был горячим поборником идеи укрепления дружбы между всеми народами.

Природа наделила его феноменальными способностями, однако судьба к нему не была милостива, отпустив всего лишь неполных 30 лет жизни. «Как блестящий метеор, промелькнул над нивой востоковедения потомок киргизских ханов и в то же время офицер русской армии Чокан Чингисович Валиханов. Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальные явления и ожидали от него великих и важных откровении о судьбе тюркских народов...», [1, 1] — писал о нем Н. И. Веселовский.

Широк и разнообразен был круг научных интересов у Чокана Валиханова. Великий ученый, просветитель-демократ, историк-востоковед, отважный путешественник, фольклорист, этнограф, художник, публицист, человек «феноменальной эрудиции и взглядов истинно гуманных» - таким сохранился Чокан Валиханов в памяти современников, таким он вошел в историю Казахстана и России.

Среди тех, кто духовно обогатил Ч. Ч. Валиханова, кого частицей своей души обогатил, и он сам были представители русской демократической интеллигенции — Ф. М. Достоевский, Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, Д. Ф. Менделеев, С. Г. Аксаков, П. П. Семенов-Тян-Шанский, Е. П. Михаэльс. Именно они и положили начало изучению биографии и творческого наследия Чокана Валиханова. Некролог о его смерти был написан известным ученым и общественным деятелем П. П. Семёновым-Тян-Шанским. В нем содержались краткие биографические сведения о Чокане Валиханове, в частности о его службе в Омске, о путешествиях в Кашгар и научном значении собранных в ходе этого, полного риска предприятия важных материалов о неизведанном для Европы крае. Также был освещен петербургский период жизни Чокана, его научная деятельность по сбору восточных рукописей и этнографических материалов казахского и других народов Центральной Азии. В некрологе сделан краткий анализ его печатных трудов и дана характеристика Ч. Валиханова, как личности. В частности, автор писал: «Обладая совершенно выдающимися способностями, Валиханов окончил с большим успехом курс в Омском кадетском корпусе, а впоследствии уже в Петербурге под моим влиянием слушал лекции в университете и так хорошо освоился французским и немецкими языками, что сделался замечательным эрудитом по истории Востока, и в особенности народов, соплеменных киргизам». [2, 48–49]

Один из близких друзей Чокана, видный исследователь Сибири, Н. М. Ядринцев, находясь в тюремных застенках, нашел способ выразить горечь утраты в некрологе «Чокан Чингисович Валиханов», опубликованном в газете «Сибирский вестник» 17 февраля 1866 г. Некролог содержит, по словам известного уче-

ного С. Венгрова, «впервые и наиболее интересные сведения» о Ч. Валиханове. [3] В некрологе содержались сведения о его учебе в кадетском корпусе и службе в Омске, путешествии в Кашгар, о пребывании в Петербурге, о планах научной и просветительской деятельности. Дана характеристика Ч. Валиханова как ученого и человека. Николаем Михайловичем был опубликован еще ряд статей, посвященных Ч. Валиханову.

Особенно остро переживал смерть Чокана Валиханова его самый близкий друг и соратник, выдающийся ученый, этнограф, путешественник и общественный деятель Г. Н. Потанин. На протяжении всей своей долгой жизни Григорий Николаевич много раз обращался к биографии рано ушедшего из жизни друга. Им в разное время о Чокане написаны 12 очерков, статей и воспоминаний, наиболее значительным из них является очерк «Биографические сведения о Чокане Валиханове». Это был самый крупный труд, посвященный Ч. Валиханову в дореволюционный период. В нем описываются все этапы его жизни, особенно полно освещается его учеба в Сибирском кадетском корпусе. Автор с благодарностью вспоминает, какое благотворное влияние оказывал Чокан в становлении у него самого демократических взглядов, в пробуждении в нем научных пристрастий. Г. Потанин отмечает, что «развивался Чокан быстро, опережая своих русских товарищей», что он «много читал» и «чтение развило в нем критические способности, приложением которых он удивлял нас как в области нравственных вопросов, так и в области филологии, которая становилась уже его специальностью». [4, 4–34]

В очерке получила отражение и служба Ч. Валиханова в Омске после окончания кадетского корпуса, и петербургский период его жизни после успешного завершения путешествия в Кашгарию. В нем дана характеристика Чокана как человека и как выдающегося ученого-исследователя истории и этнографии родного края. Данный очерк был написан Г. Потаниным к изданию «Сочинений Ч. Ч. Валиханова» в 1904 г.

Сравнение жизни и деятельности Ч. Валиханова с метеором, осветившим научный небосклон российского востоковедения, также принадлежало Г. Н. Потанину. Он писал в одной из статей: «Чокан Валиханов принадлежал к числу тех исключительных натур, которые, как метеор, являются в наш мир только на короткий срок». В 1980 г. С. Муканов, опубликовал книгу «Промелькнувший метеор». Именно по инициативе и стараниям Г. Н. Потанина начались поиски, сбор и издание трудов Чокана Валиханова.

Разные стороны жизни, научной и общественно-политической деятельности Чокана Валиханова нашли свое отражение в трудах и других известных русских писателей и ученых-востоковедов: Ф. М. Достоевского, А. Н. Майкова, В. В. Григорьева, В. В. Вельяминова-Зернова, П. М. Мелиоранского, М. И. Венюкова, Н. И. Веселовского, И. В. Мушкетова, С. Я. Капустина, Г. Грума-Гржимайло, Н. Н. Пантусова, И. Н. Березина, Н. А. Аристова, Л. С. Берга, А. Н. Пыпина, В. В. Бартольда, В. А. Обручева.

Также свои воспоминания о Чокане Валиханове опубликовали в разных изданиях такие видные государственные чиновники и общественные деятели,

как Е. П. Ковалевский, А. К. Гейнс, Ф. Р. Остен-Сакен, А. Е. Врангель, Л. Н. Плотников, Н. И. Наумов, И. Ибрагимов, К. Губарев, М. С. Знаменский, С. Венгров, И. Ф. Бабков, М. Х. Свентицкая и другие. Их труды также являются важным источником в жизнеописании Ч. Валиханова.

Жизнь и деятельность Чокана Валиханова не прошла не замеченной и в дореволюционном казахском обществе. Казахи гордились тем, что из их среды вышел такой выдающийся ученый, как Чокан, а известие о его преждевременной смерти острой болью отозвалось в сердцах у всех его соотечественников. Как отмечал один из близких его друзей Н. М. Ядринцев, «Чокан Валиханов, будучи замечательно талантливым и образованным человеком, был любимцем своего народа». [5, 39]

Достоевский советовал заниматься наукой. Он писал своему молодому другу: «Не велика ли цель, не святое ли дело, быть чуть ли не первым из своих, который растолковал бы в России, что такое степь, ее значение и ваш народ относительно России, и в то же время служить своей Родине просвещенным ходатаем за нее у русских. Вспомните, что вы первый киргиз-казах, образованный поевропейски вполне. Судьба же вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав вам и душу, и сердце». [6, 90] Большую роль в формировании общественно-политических взглядов Ч. Валиханова сыграла его дружба с великим писателем Ф. М. Достоевским. Сохранившаяся переписка отражает их духовную близость и очень теплые, искренние отношения между двумя выдающимися личностями.

Список литературы и источники:

1.Веселовский Н. И. Метеор //Соч. Ч. Валиханова. — СПб.,1904.

2.Семенов-Тян-Шанский. Путешествие в Тянь-Шань 1856–1857 гг. //Мемуары. Т.2. — М., 1946.

3.Венгров С. Ч. Ч. Валиханов //Слов. уч. и писателей. — СПб.,1905.

4.Потанин Г. Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове //Соч. Ч. Ч. Валиханова. — СПб.,1904.

5.Ядринцев Н. М. Воспоминания о Чокане Валиханове //Соч. Ч. Ч. Валиханова. — СПб., 1904.

6.Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. — Алма-Ата,1961–1972. Т. 4.

© Шаукенов Ж. А., 2021

М. З. Шахиди,
д. ист. н., проф. ТНУ,
рук. нац. Гр. проекта CGRF COMPASS
(г. Душанбе, Таджикистан)
Н. Т. Нурулла-Ходжаева,
д. философ. н. ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова,
с. н. с. Института Востоковедения РАН
(г. Москва, Россия)

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ И КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ЕВРАЗИИ

Общеизвестно, что история Центральной Азии XIX в., время жизни и деятельности выдающейся личности в истории Казахстана и Евразии, Чокана Валиханова (1835–1865), достаточно хорошо изучена с точки зрения геополитики. Однако, как феномен гео-культуры, как человек, заложивший принципиально новые основы перехода от военно-силового давления на ЦА к изучению и признанию человеческих, меж цивилизационных отношений зарождавшейся культурной дипломатии в Евразии, творчество и деятельность Чокана Валиханова пока только начинает осваиваться. И хотя многовековые традиции, философия и местный опыт выживания народов Центральной Евразии, простирающаяся от Казахстана и России на севере, Беларуси и Украины на западе, Азербайджана, Узбекистана и Таджикистана на юго-востоке, предоставляет благодатную почву для изучения устойчивости Центральной Азии, как 'центра' взаимодействия Азии и Европы, культурная дипломатия как теория новых отношений изнутри региона и внедрения региона в глобальный мир, только начинает формироваться. Как и в какой степени удалось Чокану Валиханову, оставшемуся вечно молодым офицеру, учёному и борцу на новое видение мира, дать толчок развитию нового видения Евразии накануне захвата ЦА Российской Империей и находясь на службе этой Империи, смягчать и оттягивать силовые удары, представляя интересы своей, казахской культуры в её глубинной взаимосвязи с другими культурами региона? Как в дальнейшем формировались культурные межрегиональные взаимодействия и взаимовлияния ЦА и России, как сегодня интегрирует Евразия изнутри и извне, отвечая вызовам глобального мира?

Меня, как исследователя в области сравнительного литературоведения/культурологии Востока и Запада с многолетним стажем, привлекли несколько решающих деталей из яркой, богатой, хотя и недолгой жизни Чокана Валиханова. Это его базисное образование и его имя, Чокан, с явными корнями таджикско-персидской культуры.

Обладавший знанием нескольких основных языков Евразии, это, наравне с его родным, казахским и русскими языками, знание узбекско-чагатайского языка Алишера Наваи, арабско-фарси-таджикского языка, научного языка Ибн Сины и Ибн Халдуна и языка Рудаки, Низами и Омара Хайама, если назвать лишь немногих, слушая симфонию поэтики «Манаса», Чокан Валиханов умел видеть будущее, создавая введение в культурную дипломатию Евразии, чтобы

сделать этот супер-континент «глобальным» в современном понимании, более выносливым и устойчивым в сложно-адаптируемом мире.

Будучи сыном старшего султана, Валиханов с детства общался с известными поэтами и музыкантами, знакомясь с их творчеством как учёный. Это развивало у Чокана любознательность к художественному народному творчеству казахов, и не только казахов. Чокан Валиханов создал школу «Фаррух», что свидетельствует о его знании основной парадигмы таджикско-персидской культуры. Фаррух — это носитель доброй вести, благополучия, ожидания лучшего, а главное способность увидеть новое во всех источниках классической культуры. А ведь это и есть смысл его имени Чокан — Чокафкан — воспетый Хусравом Дехлави — «наку» — добро, «тобнок» — искрящийся —, саодатбахш — дарящий счастье. В этом суть творческой деятельности Чокана. Можно предположить, что учёный, востоковед и дипломат знал «Хамса» Низами, ведь именно Низами говорит о том, что счастье, это находить новое в уже давно сказанном слове:

Нагуфтам, хар чӣ доно гуфт з-оғоз,
Ки фаррух нест гуфтан боз.
Низами

Современные исследователи Казахстана и других стран Евразии сегодня изучают синтез традиций оседлых и кочевых цивилизационных типов. Например, этим благородным делом занимается Елизавета Малиновская, директор художественной галереи «Арк»[1]. Подчёркивая значение «би-лингвизма» в процессе взаимоадаптации указанных культур, она выявляет сам процесс нового искусства, отличного от исходных образцов. Не об этом ли мечтал Чокан Валиханов, будучи поли лингвистом и блестящим знатоком своей национально-региональной культуры, синтезируя её с русско-европейской? Однако, когда мы говорим о динамике той или иной культуры нового типа уже в XX в., оказавшейся в решительно изменившихся условиях советской идеологии или сегодняшнего, XXI в. в независимых странах пост-советского пространства, мы иногда упускаем из вида то, что они формировались в русле взаимообогащения культур, уходящих своими корнями в творческую деятельность таких выдающихся личностей, как Чокан Валиханов. А ведь они вращались в кругу своих современников в то время многоязычного, многокультурного Мавераннахра, известного сегодня как Центральная Азия.

Одним из современников Чокана Валиханова был таджикский учёный, просветитель и дипломат Ахмади Дониш (1827–1897). Общим источников вдохновения для обоих выдающихся учёных, просветителей и дипломатов, был Санкт-Петербург. Не исключено, что они могли встречаться в этом городе мировой культуры XIX в., в Мариинском театре или гуляя на набережной Невы. Чокан Валиханов мог рассказывать своему старшему коллеге, что совсем недавно,

[1] Е. Малиновская. Динамика евразийского культурного синтеза как фактор становления национальных школ:исторический и современный аспект. Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/ Culture and Civilization. 2016, Vol. 6, Is. 5A.

после возвращения из Кашкара написал отчет «О состоянии Алтышара», (1858–1859), «Малой Бухарии», этой цитадели Уйгурского государства, ставшей «яблоком раздора» между Китаем, Великобританией и Россией. Труд был высоко оценен востоковедами России и вскоре переиздан на английском языке. Приблизительно в это время в Европе был издана, на французском языке французским востоковедом Витторием де Сасси, книга Ибн Халдуна «Мукаддама» выполненная по заказу Тимура правителя Маверранахра ещё в XV в. и заложившая истоки новой науки социологии в современном мире. Эти беседы могли вдохновить Ахмада Дониша, когда, вернувшись в 1874 г. из третьей поездки в Санкт-Петербург, Дониш написал трактат, в котором изложил программу реформы государственного устройства, и преподнёс своё сочинение эмиру Музаффару. О глубинных реформах в системе государственного управления мечтал и Чокан Валиханов.

Такая близость во взглядах на развитие региона, как общего дома, дает основание к аргументации культуро-формирующей миссии государственных деятелей, бывших, в то же время и исследователями разнообразия культур, заложивших сегодняшнее видение Евразии. Однако творческая деятельность первых дипломатов стран Центральной Азии в России времён Российской Империи ещё только начинает изучаться, благодаря новому этапу интереса к региону со стороны формирующегося на новом этапе развития Евразии.

Интерес к человеческому фактору в решении проблем, выдвигаемых эпохой реформаторских идей в ЦА XIX в., носит не сословный характер, а направлен на взаимодействие трёх ветвей власти в обществе: политической, научной и производственной.

Спустя 185 лет со дня рождения Чокана Велиханова, когда регион прошёл этап общения реформаторов и просветителей ЦА XIX в., заложивший общение и развитие учёных и деятелей культур в XX в. и развивается теперь, в XXI в. через призму эстетического опыта, предоставляя возможность инвестировать в новые коммуникативные территории с точки зрения как поэтической изучения условий создания произведения искусства, так и отношений, которые складываются между творческими людьми и исследователями, сосредотачивая внимание не только на анализ и теоретизации культурного и художественного производства, но и, в первую очередь, на человеческое общение. Да и само развитие политики. Здесь мы имеем в виду как культурную политику, которая представляет собой социальную деятельность, в которой члены общества устанавливают, изменяют нормы своей коллективности и вместе решают свое будущее, так и экономическую политику, которая почему-то вдруг стала приоритетом государственной власти, которые забывают иногда о том, что она должна быть подотчётна обществу, так как по природе своей она есть часть сообщества.

Страны ЦА приближаются к 30-летию празднования Независимости. За это время многое изменилось не только в регионе, но и в глобальном мире. Сейчас почти повсеместно признано, что главной причиной психической неполноценности человека является страх, невежество и национальная изоляция. Однако, как сделать так, чтобы геополитика не доминировала над культурной дипломатией, и чтобы новый этап культурного баланса материального и морального, как два взаимозависящих начала развивающейся в новую эпоху ИТ

и колоссальной по своему об'ёму социальных сетей, должна объединять усилия разных по форме, но единых по духу стран Евразии для создания новой теории культурной дипломатии.

Особая ответственность в этом созидательном процессе лежит на новом поколении молодых учёных стран Евразии.

В мае следующего 2021 г. в Душанбе состоится трейнинг для молодых учёных Евразии. Она уже начала свою организацию в Таджикском Государственном Университете в сотрудничестве с 6 университетами мира: Кент и Кембридж (Великобритания), Минский Государственный Университет (Белоруссия), Академия Дипломатии Азербайджана и Университетом Мировой Экономики и Дипломатии (Узбекистан).

Мы надеемся, что, отражаясь в романах, музыке, танцах, операх и современном балете, ощущении целостности мира, она даст новое дыхание процессу обсуждения искусства на поведенческий характер людей, независимо от их национальной, религиозной и региональной принадлежности. Таким образом открывая новый этап становления новой Евразии.

© Шахиди М. З., Нурулла-Ходжаева Н. Т., 2021

Л. К. Шотбакова,
к. и. н., доц., с. н. с,
НИЦ «Тұлғатану»,
Карагандинского университета имени Е. А.Букетова
(г. Караганда, Казахстан)

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПЕРИОД В ЖИЗНИ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА: КРУГ ОБЩЕНИЯ, СТРАНИЦЫ СЛУЖЕБНОЙ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В ряде публикаций последних лет встречается указание на то, что одним из самых загадочных и неисследованных периодов в жизни Ч. Валиханова является петербургский период. Одним из таких авторов является А. Михайлов, который охарактеризовал время нахождения Ч. Валиханова в Санкт-Петербурге «темным периодом» его жизни: ««Петербургский период», несмотря на кажущуюся прозрачность, — один из самых тёмных периодов жизни Валиханова. В столицу империи он попал по завершении своего дерзкого Кашгарского предприятия — в начале 1860 года. Был внимательно выслушан здесь, в Географическом обществе (и не только), высочайше обласкан, награждён. И… исчез из поля зрения бедных биографов более чем на год.

То есть номинально он был где-то в столице, вёл «рассеянный» образ жизни, дважды (за год!) написал родителям, познакомился (чем угодил советским авторам) с «демократически настроенной интеллигенцией», немного поболел, чуть похандрил…Но, несмотря на все старания, восстановить петербургские события и петербургские адреса Валиханова (кроме официальных) исследователи до сих пор толком не смогли». [5]

О том, что не все факты биографии Ч. Валиханова петербургского периода досконально изучены есть отдельные упоминания и в небольшой по объему, но насыщенной информативно книге-брошюре авторов из Санкт-Петербурга М. Ш. Мусиной и Б. Н. Тихомирова «Чокан Валиханов в Санкт-Петербурге», вышедшей в 2009 году: «К сожалению, мы не знаем петербургского адреса П. П. Семенова 1860 года (речь идет Семенове-Тян-Шанском, о котором остались свидетельства, что никто в Петербурге не расспрашивал Чокана о Кашгаре так заинтересованно и одновременно с таким пониманием дела как Семенов). А веди Валиханов, несомненно, неоднократно бывал в гостях у своего старшего друга…известно, что Чокан часто бывал на собраниях петербургского сибирского землячества, объединявшегося вокруг фигур Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева. Это важная страница петербургского периода биографии Ч. Валиханова. Однако где жили Потанин и Ядринцев, где проходили встречи сибиряков, мы не знаем. Есть и еще ряд имен, ряд фактов, которые требуют дополнительных изысканий поиска новых документов, неизвестных мемуарных свидетельств и т.п…». [6, 60–62]

Все это не могло не вызвать интереса к петербургскому периоду в биографии Ч. Валиханова. Именно этим объясняется выбор темы статьи и попытка восстановить отдельные страницы жизни Ч. Валиханова в Санкт-Петербурге на основе эпистолярных источников, свидетельств его современников и на фактах, которые можно найти в ряде публикаций различного характера.

В 1860 г. по вызову Военного министра Ч. Валиханов приехал в Санкт-Петербург, где его встретили как отважного путешественника и знатока жизни народов Средней Азии и Казахстана. За свои несомненные заслуги он был награжден орденом Святого Владимира и повышен в чине до штабс-ротмистра. Служил в Азиатском департаменте МВД и Военно-учетном комитете Военного министерства. Это одна сторона его пребывания в Петербурге, где он пробыл всего год.

С другой стороны, это время было насыщено самой разнообразной работой, встречами, общениями, которые, несомненно, обогатили его духовно. Он много работал — в Военно-учетном комитете Генерального штаба, Азиатском департаменте и Русском географическом обществе.

Наряду с выполнением различных видов работ, Ч. Валиханова много учился, слушал лекции в Санкт-Петербургском университете, часами просиживал в библиотеке Петербургской Академии наук, был постоянным посетителем Кунсткамеры. Любимым местом Ч. Валиханова был Азиатский музей Императорской Академии наук, где его интересовали собрания восточных рукописей.

В середине XIX века Азиатский музей был крупнейшим государственным центром хранения и изучения восточных рукописей. У Ч. Валиханова сложились хорошие отношения с директором музея Б. А. Дорном и сотрудником этого музея П. И. Лерхом. Оба были блестящими знатоками истории Востока. Известно, что П. И. Лерх в 1858 г. сопровождал в Хиву и Бухару посольство полковника Н. П. Игнатьева и вывез из этого путешествия несколько интересных восточных рукописей и монет, поступивших частью в Академию Наук, частью в Эрмитаж и

Археологическое Общество. В 1859 г. он добился разрешения на поездку в Оренбургский край с целью изучения киргизского и башкирского наречий. Это вполне объясняет тот интерес друг к другу и последовавшие за этим доверительные дружеские и профессиональные отношения, которые установились у Ч. Валиханова с П. И. Лерхом. Основанием для этих добрых отношений послужил общий интерес к истории Средней Азии и Казахстана. Интересна оценка личности П. И. Лерха, которая была дана ему известным востоковедом В. В. Григорьевым: «Лерх был одним из лучших у нас востоковедов и, по отзыву специалистов, мог с честью занимать кафедру, но он «никак не мог собраться с досугом написать диссертацию на степень магистра, которая бы устроила его собственные дела — все чужими занимался». [1]

Упоминание о П. И. Лерхе встречается в одном из писем Ч. Валиханова, отправленном им А. Н. Бекетову 2 января 1862 г.: «…хочу просить Вас еще кое о чем. Во-первых, нельзя ли будет узнать, где живет г-н Потанин, а у него — где г-н Усов, казачий офицер, и г-н Ядринцев, купец из Тюмени. Тому и другому я остаюсь должным. Если заметки мои будут Вами куплены, то нельзя ли будет Вам удовлетворить того и другого. Ядринцеву я должен 300 рублей серебром, а Усову — 50 руб., следовательно, 350 руб., а заметки, я думаю, будут по числу листов превосходить эту сумму, а в противном случае скажите г-ну Потанину, чтобы он отослал этих господ к Петру Ивановичу Лерху (спросить в Академии наук), которому я поручил их удовлетворить. Дмитрию Ивановичу (речь идет о Д. И. Менделееве) передайте мой поклон, когда увидите. Достоевскому тоже…». [4, 46–147]

Здесь появляется еще одна фамилия — блестящего ученого, востоковеда, некоторое время бывшего управляющим областью Оренбургских киргизов В. В. Григорьева. Упоминание о дружеских отношениях Ч. Валиханова с В. В. Григорьевым встречается в одном из его писем к родителям: «Завел тесную дружбу с губернатором Области оренбургских казахов Григорьевым, когда он был зимой в Петербурге. Он часто бывал у меня». [4, 139]

В этом же письме встречаем еще ряд фамилий людей, с которыми Ч. Валиханов общался: «За время пребывания в Петербурге я стал чувствовать себя лучше прежнего. Видимо, его климат мне не так уж вреден. Об этом знают хорошо все мои приятели, знакомые и большие начальники, с коими я познакомился здесь, в частности военный министр Милютин, барон Ливен, граф Толстой, сенатор Любимов и многие другие. Бываю я у них в гостях. Однако до сих пор еще не был у Буткова и Гулькевича. Со всеми этими людьми я близко знаком, с некоторыми завел даже тесную дружбу». [4, 138]

Отдельная страница петербургской жизни Ч. Ч. Валиханова — его общение с Ф. М. Достоевским. Познакомились они в Омске в январе — феврале 1854 года. Их знакомство произошло в доме поручика Константина Иванова, служившего адъютантом начальника инженеров Отдельного сибирского корпуса. Затем они несколько раз встречались в Семипалатинске.

Между ссыльным писателем и молодым офицером-казахом с первой же встречи возникла взаимная симпатия: «Вы пишете мне, что меня любите. А я Вам объявляю без церемонии, что я в Вас влюбился. Я никогда ни к кому, даже

не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения, как к Вам…», — писал Достоевский Чокану в декабре 1856 г. Из этого же письма: «…не великая ли цель, не святое ли дело быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине просвещенным ходатайством за нее у русских. Вспомните, что Вы первый киргиз — образованный по-европейски вполне…». [6, 26–27]

Эти мысли Ф. Достоевского перекликаются с мнением А. А. Майкова, о чем будет сказано ниже.

Ч. Валиханов, будучи в Санкт-Петербурге, был постоянным посетителем дома Ф. Достоевского, познакомился с его старшим братом Михаилом. Ф. М. Достоевский ввел его в круг петербургских литераторов. Благодаря Ф. М. Достоевскому и этнографу, своему близкому другу Г. Н. Потанину, с которым Ч. Валиханов сдружился еще в годы обучения в Сибирском кадетском корпусе, Ч. Валиханов неоднократно посещал собрания литературных кружков и был знаком со многими литераторами. Среди них были А. Н. Майков, В. В. Крестовский, братья В. С. и Н. С. Курочкины, А. Ф. Писемский и др. [6, 28–29]

Подтверждением этого может служить записка поэта Всеволода Крестовского Ч. Валиханову, которая заканчивается такими словами: «Будь завтра у Ф. М. Достоевского, наши будут». [6, 30]

В круг общения Ч. Валиханова входили профессор А. Н. Бекетов, редактор «Записок Русского географического общества» востоковед, дипломат и публицист Е. П. Ковалевский, известные ученые-ориенталисты В. В. Григорьев, В. П. Васильев и В. В. Вельяминов-Зернов. Постоянную поддержку и дружеское расположение оказывал Валиханову вице-президент Русского географического общества П. П. Семёнов-Тян-Шанский. [2]

Так, в письме А. Н. Майкову (письмо датировано 6 декабря 1862 года) уже после возвращения домой Ч. Валиханов писал: «Давно собираюсь писать Вам, многоуважаемый Аполлон Николаевич, чтобы поблагодарить Вас и все Ваше семейство за то участие и благорасположение, которое Вы оказали мне во время нашего знакомства. Особенно дороги стали мне мои петербургские друзья теперь, когда я живу в степи…» и далее «Я бы хотел быть корреспондентом «Санкт-Петербургских ведомостей о делах среднеазиатских и киргизских степей. Нельзя ли поговорить с редактором?... Нельзя ли также узнать у «Отечественных записок», можно ли у них будет напечатать киргизские сказки, сходные с русскими, и мои исследования о шаманстве у киргизов и киргизские песни (в средневековом смысле) о золотоордынских героях, бросающие новый взгляд на историю этой Орды и объясняющие причины падения Орды». [4, 152]

В ответном письме А. Н. Майков писал: «Мы немного времени провели вместе, но я так полюбил Вас, как будто всего насквозь знаю, и нахожу только один недостаток у Вас, которым и сам страдаю — это лень писать…не знаю, что Вы можете сделать у себя, но для себя и для Европы и несказанно много! А уж об России и говорить нечего! …Вы слишком образованы и учены для своей среды, а кроме того, совсем непрактичны…Совмещая в себе цвет европейской образованности и науки с ученостью Востока, Вы должны Европу знакомить с Азией…». [4; 204, 206]

О том, как Ч. Валиханова воспринимали в петербургских обществах можно судить и по характеристике, которая встречается в статье Л. Н. Плотникова «По поводу статьи «Путешествующие киргизы», отрывок из которой приведен в 5-м томе сочинений Ч. Валиханова: «…с штабс-капитаном султаном Валихановым …я лично познакомился в Петербурге и провел несколько самых приятных вечеров…Чокан Чингисович — покуда единственный феномен между киргизами, и в наших оренбургских степях, может быть, долго еще ждать такого явления». [4, 245]

Такая характеристика встречается у многих современников Ч. Валиханова, что свидетельствует о его несомненном выдающемся таланте.

Научное общение Ч. Валиханова в Санкт-Петербурге было насыщено событиями, встречами, изысканиями, которые нашли выражение в составлении карт Средней Азии и Восточного Туркестана, в подготовке к изданию трудов Риттера, в изучении восточных рукописей, в чтении лекций о Восточном Туркестане, Тянь-Шане и Киргизии в Русском географическом обществе, членом которого он был избран в 1860 году. Здесь Ч. Валиханов публиковал работы, посвященные истории и культуре Средней Азии и зарубежного Востока. Среди них такие исследования как «Киргизы», «Киргизское родословие», «О кочевках киргиз» и другие, в которых был собран и обобщен огромный материал об истории, этнографии казахов, их быту, обычаям и культуре. [8]

Ч. Валиханов участвовал в издании энциклопедии, где, была впервые опубликована его статья «Аблай»…». [3, 111–117] Некоторые из лекций Ч. Валиханова публиковались в газетах в кратком изложении [8] и вызывали неподдельный интерес у читающей аудитории.

Русский публицист, писатель и общественный деятель, исследователь Сибири и Центральной Азии, первооткрыватель древнетюркских памятников на реке Орхон Н. Ядринцев так вспоминал о научной деятельности Ч. Валиханова в петербургский период его жизни: «В 60-х годах Валиханов следил за движением русской жизни, за обновлением ее, он читал лучшие журналы, Костомаров был тогда любимым профессором и Валиханов заходил в университет слушать его, точно также с интересом Валиханов следил за тем, что делается в Императорском Географическом Обществе и помогал своими сведениями по географии, киргизской степи, приготовлял этнографический материал о киргизах и т. д.». [9]

«В особенности он много обещал сделать по истории своего народа, который он любил. …в Петербурге он был с большим любопытством принят в ученых обществах, как оригинальное явление, но сам остался очень недоволен сухим, казенным отношением к науке петербургских ориенталистов…». [4, 277]

Одним из близких людей для Ч. Валиханова в научных кругах был татарский ученый и просветитель, преподаватель татарского и турецкого языков в университете Х. Фаизханов. Познакомились они в Санкт-Петербурге, знакомство переросло в дружеские отношения, которые продолжились в последующие годы. Их связывали и общие научные интересы. Так, Х. Фаизханов, узнав об интересе, который Ч. Валиханов проявлял к истории взаимоотношений России с Китаем, предоставил ему возможность поработать с документами, свидетельствовавшими о первых контактах этих государств в начале XVII века. Доказательством этому служат записи Ч. Валиханова на полях черновика одной из его

работ: «Ученый мулла Хусаин Фаизханов сообщил мне рукопись на татарском языке, найденную им в архиве Министерства иностранных дел в Москве». [6, 52]

В свою очередь Ч. Валиханов, уезжая из Петербурга, оставил Х.Фаизханову свои «Восточные тетради», в которых были собраны казахские и киргизские сказания и песни. Упоминание об этом есть в одном из писем Х. Фаизханова: «Глубоко благодарен за то, что Вы предоставили мне возможность снять копии Ваших (восточных) тетрадей, находящихся у меня…». [4, 211]

После отъезда Ч. Валиханова в Степь, они продолжали общаться, о чем свидетельствует их переписка. Так, Х. Фаизханов в письме от 7 апреля 1863 года обращается к Ч. Валиханову с просьбой: «Было бы чудесно, если бы Вы написали красивым казахским языком о древнем судопроизводстве казахов, судебных решениях казахских ханов и биев, имущественном и семейном праве казахов, а также о народных обычаях, связанных с общенародным синклитом и разными торжествами. Я бы их включил в (мою) хрестоматию. Из этого была бы двойная польза: и для лингвистики, и для этнографии. Я бы их опубликовал, конечно, от Вашего имени». [4, 211] Как видим, круг научных интересов и тем, которые волновали обоих ученых, был достаточно обширен и разнообразен.

Ч. Валиханов после возвращения в Степь скучал по Санкт-Петербургу и просил обычно своих петербургских друзей писать ему обо всех событиях, происходящих в северной столице, поэтому Х. Фаизханов одну из своих обязанностей видел в том, чтобы рассказывать другу об интересных фактах из жизни петербургского общества: «Дорогой мой султан, в одном своем письме Вы просили меня подробно писать о жизни Петербурга, а потому так длинно и докучливо я пишу Вам (это письмо), утомляя Вашу голову». [4, 214]

Ч. Валиханов не мыслил своей жизни без Петербурга, строил планы на будущее и в одном из писем Ф.Достоевскому делился мечтами: «Через год или два мы станем ездить в Петербург, проведем с добрыми друзьями несколько приятных месяцев, запасемся новыми книгами, новыми идеями и опять в Орду, к киргизам». [6, 62]

Все это дает основание говорить, что в его биографии петербургский период был одним из важнейших этапов жизни, оказавшим влияние на его рост как ученого, общественного деятеля, государственного служащего. Петербургский круг общения Ч. Валиханова был широк, в него входили представители научной и творческой интеллигенции, чиновники, государственные деятели. Все, кому доводилось общаться с ним, отмечали несомненный талант, выдающиеся способности к наукам и языкам, любовь к своему народу. Навряд ли будет справедливо называть петербургский период биографии Ч. Валиханова «темным периодом» его жизни. С другой стороны, несомненно, петербургская страница биографии Ч. Валиханова еще хранит в себе тайны, которые ждут своего раскрытия.

Список литературы и источников:

1.Большая биографическая энциклопедия, Лерх Петр Иванович//https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/71251/Лерх.

2. Джумагазиев М. Путешественник и ученый Чокан Валиханов //Электронный ресурс – URL:https://proza.ru/2008/09/07/90.

3. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 4. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985 — 461 с.

4. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. — Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии: Том 5. 1985 — 528 с.

5. Михайлов А. Путешественник и ученый Чокан Валиханов: загадки биографии. 11 ноября 2017, 08:50 // Электронный ресурс – URL https://informburo.kz/stati/chokan-valihanov-zagadki-biografii.html.

6. Мусина М. Ш., Тихомиров Б. Н. Чокан Валиханов в Санкт-Петербурге. СПб: Серебряный век, 2009. — 67 с.

7.Ч. Ч. Валиханов, о нем // Электронный ресурс – URL https://iie.kz/?page_id=422.

8.Чокан Валиханов // Электронный ресурс – URL https://e-history.kz/ru/prominent-figures/show/12607/.

9. Чокан Валиханов в истории Казахстана // Электронный ресурс – URL https://studbooks.net/523096/istoriya/biograficheskie_svedeniya_chokane_valihanove

© Шотбакова Л. К., 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Р. Ж. Абдильдина
Ч. ВАЛИХАНОВ О РОЛИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ИСТОРИИ НАРОДА 3

К. К. Абдрахманова
ПАМЯТЬ О ЧОКАНЕ ВАЛИХАНОВЕ 12

Е. А. Абиль
Ч. ВАЛИХАНОВ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАЗАХОВ 17

К. К. Абуев
ЧОКАН ВАЛИХАНОВ: СЛУЖЕБНАЯ И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ 22

К. К. Абуев, Ж. Б. Нуркина
ЧОКАН ВАЛИХАНОВ И ГАЗИ ВАЛИХАНОВ 33

К. К. Абуев, Ж. К. Осипова
ОБЩНОСТЬ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ СУЛТАН-ГАЗЫ ВАЛИХАНОВА И МАМБЕТ-АЛИ СЕРДАЛИНА (конец XI — начало XX вв.) 42

О. Г. Акинина
СПЕЦИФИКА ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В XIX ВЕКЕ 47

А. М. Ауанасова, А. М. Бадиев
ЧОКАН ЧИНГИСОВИЧ ВАЛИХАНОВ И ЕВРАЗИЙСТВО (в контексте синтеза евразийских культур) 49

Б. Г. Аяган
СЮЖЕТЫ ПО ИСТОРИИ УЛУГ УЛУСА-ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА: УНИКАЛЬНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ И ИСПОЛЬЗУЕМАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ 57

Л. Б. Байболат
ШОҚАН ШЫҢҒЫСҰЛЫНЫҢ ҚОҒАМДЫҚ, ӘДЕБИ ҚЫЗМЕТІ 66

Н. А. Бейсенбекова, С. У. Жауымбаев
ШОҚАН УАЛИХАНОВТЫҢ РУХАНИ МҰРАСЫ АКАДЕМИК ӘЛКЕЙ МАРҒҰЛАН ЕҢБЕКТЕРІНДЕ 74

С. С. Вдовин
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ХОРЕЗМЕ В ТРУДАХ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА 82

М. В. Головизнин
ЧОКАН ВАЛИХАНОВ О ШАМАНЕ-ЦЕЛИТЕЛЕ И ВРАЧЕ-ПРОПОВЕДНИКЕ У ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ 83

Г. К. Ерменбаева, Л. К. Ерменбаева
СОВРЕМЕННИКИ О НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСТВА 91

Ж. С. Жубанова
ЧОКАН ВАЛИХАНОВ И ЕГО ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ КОЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ 95
Л. Г. Исмайлова
ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЕГО СУДЬБЫ И ХАРАКТЕРА 102
А. Ш. Кадырбаев
ЧОКАН ВАЛИХАНОВ КАК СИМВОЛ СИНТЕЗА РУССКОЙ И КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУР 104
М. Ш. Калиева
ЧОКАН ВАЛИХАНОВ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕСТВА 107
Г. М. Карасаев
РУССКИЕ УЧЕНЫЕ-СОВРЕМЕННИКИ О ТВОРЧЕСТВЕ И НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА 110
(из воспоминаний Н. И. Веселовского, Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева)
О. П. Кобзева, Н. С. Турсунова
ВКЛАД ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА В ИЗУЧЕНИЕ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ 115
К. И. Кобландин, А. Н. Оспанова
ВКЛАД ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА В ДУХОВНУЮ КУЛЬТУРУ КАЗАХСТАНА 121
С. А. Колдыбаев
СТРАТЕГИЯ СОВРЕМЕННОГО ЗАПАДА К ИСЛАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ 126
С. Т. Кусаинов, Б. С. Сыздыкова
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ИДЕИ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА 128
А. С. Мамбеталина
НАСЛЕДИЕ АБАЯ КУНАНБАЕВА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ 133
С. В. Назарова, Л. Я. Шевченко
РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В КАЗАХСКОМ ОБЩЕСТВЕ КАК НЕЗЫБЛЕМЫЙ ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ 143
А. И. Оразбаева
«ЧОКАН — ЛЮБИМОЕ ДИТЯ СВОЕГО ПЛЕМЕНИ…» 149
О. А. Машкина, Юй Цзэ
ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ СТРАНЫ-ПАРТНЕРА КАК ИНСТРУМЕНТА МЯГКОЙ СИЛЫ 152
(на примере культурно-языковой политики современного Китая)
Р. И. Раимов
РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ Ч. ВАЛИХАНОВА КАК ОСНОВА ЕГО ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА В СТЕПИ 157

З. Г. Сактаганова
ЧИНГИС И ЧОКАН ВАЛИХАНОВЫ: СЛУЖЕНИЕ НАРОДУ, ОБЩЕСТВУ, ГОСУДАРСТВУ… 160
Д. В. Сапрынская
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МУСУЛЬМАНСКИХ НАРОДОВ В ЗАМЕТКАХ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА 163
С. А. Семедов
ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА 165
Г. Ю. Ситнянский
ЧОКАН ВАЛИХАНОВ КАК СТИХИЙНЫЙ «ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ЕВРАЗИЕЦ» (на примере анализа им казахской судебной системы) 173
Г. М. Смагулова
Ш. УӘЛИХАНОВ ЭКСПЕДИЦИЯСЫ ІЗІМЕН: «ҮЛКЕН ОЙЫННАН» «БІР БЕЛДЕУ — БІР ЖОЛ» БАСТАМАСЫНА ДЕЙІН 181
Ш. С. Сулейманова
МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА В ПРОЦЕССЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ 187
Ж. С. Сыздыкова, Б. А. Досова
Е. А. БУКЕТОВ О ЧОКАНЕ И ЕГО ВРЕМЕНИ 192
С. А. Тулеубаева
МЕСТО Ч. ВАЛИХАНОВА В МИРОВОЙ ИСТОРИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ 199
Б. Т. Тулеуова
УЧАСТИЕ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА И Ш. М. ИБРАГИМОВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЗИАТСКОГО ДЕПАРТАМЕНТА МИД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 202
Ж. К. Урманбетова
РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИИ 209
Ж. А. Шаукенов
РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ О ЧОКАНЕ ВАЛИХАНОВЕ 216
М. З. Шахиди, Н. Т. Нурулла-Ходжаева
ЧОКАН ВАЛИХАНОВ И КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ЕВРАЗИИ 220
Л. К. Шотбакова
ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПЕРИОД В ЖИЗНИ Ч. Ч.ВАЛИХАНОВА: КРУГ ОБЩЕНИЯ, СТРАНИЦЫ СЛУЖЕБНОЙ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 223

Научное издание

Наследие Чокана Валиханова: синтез евразийских культур

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции, посвященной
185-летию со дня рождения Чокана Валиханова

В редакции авторов

Подписано в печать 10.02.2021. Формат 60*84 1/16.
Печ.л. 14,75. Тираж 150 экз. Заказ № 19.

Издательство Московского гуманитарного университета
111395, Москва, ул. Юности, 5